

Министерство культуры Свердловской области
Свердловский областной краеведческий музей имени О.Е. Клера
Институт истории и археологии УрО РАН
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Уральский государственный
архитектурно-художественный университет
Уральский государственный педагогический университет
Общество уральских краеведов
Центр сохранения и популяризации наследия В.Н. Татищева

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЕ ТАТИЩЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Всероссийская научно-практическая конференция
(Екатеринбург, 16–18 ноября 2023 года)*

Материалы

Часть 2

Екатеринбург • Издательство КВАДРАТ • 2024

ББК 28.89(235.55)
УДК 908(470.5)(063)
Т 67

Редакционная коллегия:

И.В. Побережников, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук (ответственный редактор)
В.Г. Железкин, канд. ист. наук
Л.И. Зорина, канд. ист. наук
С.А. Корепанова, канд. ист. наук
Г.Е. Корнилов, д-р ист. наук
Г.А. Кругликова, канд. ист. наук
Е.В. Максимовских, секретарь оргкомитета чтений
С.В. Соколов, канд. ист. наук

Т 67 Четырнадцатые Татищевские чтения: всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 16–18 ноября 2023 г.): материалы: в 2 ч.: Ч.2 / отв. ред. И.В. Побережников; М-во культуры Свердловской области; СОКМ им. О.Е. Клера; Ин-т истории и археологии УрО РАН; Урал. фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Урал. гос. архитектурно-художественный ун-т; Урал. гос. пед. ун-т.; О-во уральских краеведов; Центр сохранения и попул. наследия В.Н. Татищева. — Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2024. — 272 с.

ISBN 978-5-91357-103-8.

В материалах Чтений нашли отражение вопросы деятельности В.Н. Татищева, проблемы сохранения и актуализации культурного наследия, истории уральской промышленности, общественной жизни и духовной культуры Урала в широкой исторической ретроспективе. Сборник рассчитан на историков, краеведов, всех, кто интересуется историей Урала.

ББК 28.89(235.55)
УДК 908(470.5)(063)
Т 67

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Центра сохранения и популяризации наследия В.Н. Татищева*

© Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера, 2024

© Текст: авторы, 2024

ISBN 978-5-91357-103-8

© Оригинал-макет: ООО «Издательство КВАДРАТ», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ III. СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Е.В. Борц

Гравюры французских книг XVIII века
из Екатеринбургской казенной библиотеки
(по материалам Свердловского областного краеведческого музея) 6

Л.А. Будрина

Атрибуция интерьера на акварели Э. Штеклера 13

О. А. Бухаркина

Коллекция документов Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011),
кинорежиссера Свердловской киностудии,
в собрании Свердловского областного краеведческого музея 18

Д.А. Васьков

Железнодорожные реликвии Екатеринбурга:
проблемы сохранения и презентации 23

В.И. Давыдова

Свадебные русские народные песни, бытовавшие в Красноуфимском
районе в конце XIX – начале XX века 35

Л.А. Двинских, О.Н. Потемкина

«Антониновский клад»: известное и неизвестное. 48

И.В. Зыкин

Индустриальное наследие
в целлюлозно-бумажной промышленности 59

Э.А. Коваленко

Анализ архитектурных элементов фасадов зданий XX века
в Шадринске 65

А.Г. Крицкая, С.Е. Винокуров

Ассортиментные каталоги зарубежных производств как инструмент
атрибуции произведений художественного стекла 74

Г.А. Кругликова

Культурное наследие Среднего Урала как объект
региональных программ и проектов. 84

Л.Ю. Лесникова, К.А. Мальцев

Практика изучения и сохранения объектов культурного наследия
на примере памятника архитектуры регионального значения:
«Дача на набережной» (Пермь, конец XIX – начало XX века) 96

У.Е. Пецевич

Индустриальное наследие Свердловской области: положение в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ. 104

И.Н. Писцова

Художественные особенности малотиражных серий для Свердловского завода керамических изделий на примере собрания Свердловского областного краеведческого музея имени О.Е. Клера 114

А.Л. Титов

М.П. Малахов — выдающийся зодчий Урала и наставник молодых. 121

А.Д. Фроленко

Формирование образа Урала на базе мифологического наследия. Из опыта работы выставки «Потаенный мир народов Урала» 129

А.Л. Шабашова, К.А. Мальцев

Формирование коллекции живописи Пермского научно-промышленного музея в 1890–1920 годах. 137

О.А. Шипицына

Территория Гороблагодатского горного округа как горнозаводской культурный ландшафт 144

**СЕКЦИЯ IV. ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ****Д.А. Васьков**

Сибирский царевич Ишим: спорные вопросы биографии. 154

Ю.В. Гунгер

Федор Иванович Дуз-Хотимирский: роль в истории екатеринбургских шахмат 164

М.Ю. Данков, Д.А. Проц

Иван Федорович Блюэр, знатный пробирных дел мастер на Олонце . . 175

Л.Ю. Елтышева

Е.Н. Косвинцев, журналист, карикатурист, поэт, краевед 185

А.П. Карпеева

Илья Петрович Чайковский и представители дома Романовых на Воткинском казенном заводе. 191

Н.Б. Кончаковская

Один день из жизни Александры Владимировны Батмановой 201

Т.В. Мельникова

«Соисполнитель фирмы Фаберже»: Екатеринбургский камнерез Александр Николаевич Трапезников 208

В.П. Микитюк

Предприниматель Эрнест Робертович Сан-Галли 218

О.В. Морева

Читательские практики семьи Батмановых (по дневникам, воспоминаниям, книгам) 227

М.Б. Огнетова

В.С. Виргинский — исследователь жизнедеятельности тагильских механиков-изобретателей Е.А. и М.Е. Черепановых 238

М.А. Рыбников

Жизнь и деятельность ветеринарного врача Б.И. Минеева по документам ЦДООСО 248

О.И. Сони́на

История службы и кончины горного инженера А.И. Онуфровича . . . 254

В.М. Хорькова

Антропоморфное описание города при изучении региональной идентичности студенчества 264

А.В. Шабатовская

Чуткий и внимательный слушатель П.П. Бажов и его музыкальная шкатулка. Часть 1 270

КРУГЛЫЙ СТОЛ ОБЩЕСТВА УРАЛЬСКИХ КРАЕВЕДОВ**М.В. Бекленищева**

Иностранные гости Свердловска в 1955–1991 годы 277

В.А. Бойко

Академия Генштаба русской армии в Екатеринбурге в 1918 г. История одного артефакта 285

Л.И. Зорина

Оценка деятельности Екатеринбургского завода в контексте мирового научно-технического прогресса в исследованиях Б.Г. Рябова. 290

В.Г. Карелин, Б.А. Гижевский

Публикации «Абрисов ...» Г.В. де Геннина 297

В.В. Литовский

О необходимости увековечивания памяти и установления памятников выдающимся ученым в Екатеринбурге . . 305

О.А. Титова

Архивный фонд Екатеринбургской городской управы как источник по истории жилой застройки Екатеринбурга 314

Список сокращений 318

СЕКЦИЯ III СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 769.2(09)+75.056:7.035(44)

Е.В. БОРЩ¹

ГРАВЮРЫ ФРАНЦУЗСКИХ КНИГ XVIII ВЕКА ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ КАЗЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ (по материалам Свердловского областного краеведческого музея)

Аннотация. В статье публикуются результаты поиска и определения гравюр французских книг XVIII в. из фондов Свердловского областного краеведческого музея (Екатеринбург). Установлен круг французских изданий, происходящих из Екатеринбургской казенной библиотеки. Приведены описания в составе книг. Определены имена рисовальщиков и гравюров, установлены виды и техники исполнения гравюр.

Ключевые слова: французская книжная гравюра; XVIII в., Екатеринбургская казенная библиотека, Свердловский областной краеведческий музей.

В фондах Свердловского областного краеведческого музея им. О.Е. Клера (далее — СОКМ) хранится значительное число французских изданий XVIII в., представляющих художественный интерес. В ходе поиска книг с гравюрами были замечены экземпляры из Екатеринбургской казенной библиотеки, впоследствии известной также как Горная екатеринбургская библиотека. Созданная по инициативе В.Н. Татищева в 1734–1739 гг. библиотека принадлежала горному ведомству. В собрание Уральского общества любителей естествознания, предшественника СОКМ, она поступила в составе Центральной библиотеки горного правления в 1900 г. [1, с. 147].

¹ Борщ Елена Викторовна, кандидат искусствоведения, ФГБОУ ВО Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н.С. Алфеева (Екатеринбург, Россия), доцент кафедры декоративно-прикладного искусства; e-mail: ev_borshch@lenta.ru.

Основанием для определения принадлежности выявленных изданий XVIII в. к данной коллекции оказались следующие книжные знаки. Во-первых, бумажный ярлык типографской печати с указанием инициалов «Е.К.Б.» и порядкового номера, наклеенный в нижней части книжных корешков (обнаружен в 11 изданиях). Во-вторых, бумажный эклибрис типографской печати «Екатеринбургской казенной библиотеки», наклеенный на форзаце (обнаружен в одном издании). В-третьих, бумажный ярлык типографской печати «Горная екатеринбургская библиотека», точнее, бланк размером со страницу, имеющий графы для заполнения сведений о номере и составе книги, наклеенный на форзацах или обложках (обнаружен в 7 изданиях). Отметим, что упоминания о данных книжных знаках встречаются в «Сводном каталоге книг гражданской печати XVIII – 1-й четверти XIX в. в собраниях Урала» [2] и в «Каталоге книг В.Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбургa в фондах Свердловского областного краеведческого музея» [3].

Проведем обзор гравюр, согласно тематике и хронологии выпуска книг. Приведем описание, типологическую и стилевую характеристику гравюр, представим результаты их атрибуции.

Гравюры изданий по гуманитарным наукам

Труд по философии «Размышления о причинах величия и падения римлян» Монтескье, изданный без указания автора в 1750 г., включает две гравюры на меди: анонимный фронтиспис и заставку, гравированную Жубером (Joubert) по рисунку П.-Ф. Деламонса (Delamonce). Книгу украшает ксилографический декор: титульная виньетка по рисунку Ж.-Б.-М. Папийона (Papillon), орнаментальные заставки и инициалы [4].

Два издания по истории, сохранившиеся фрагментарно, украшены гравированными виньетками. Третий том из четырехтомного «Историко-критического словаря» Боннегарда 1773 г. дополняют гравированная на меди аллегорическая титульная виньетка и орнаментальный ксилографический декор — заставка, инициал и концовка [5]. Сохранившийся первый том издания «Основания всеобщей истории» аббата Милло 1773 г. украшает орнаментальный ксилографический декор с мотивами цветов, корзины, вазона, листьев: титульная виньетка, заставки и концовки, одна из которых имеет инициалы “N.C.” [6].

Четыре издания на тему политики и путешествий, которые входят в состав одного тома (конволюта), украшены ксилографическим декором. Первое, «Современная политическая ситуация в Европе» 1781 г.,

имеет виньетки в стиле рококо с изображением путто в образе Аполлона; одна из них имеет инициалы «J.M.» [7]. Второе — «Полезный путешественник, или Анекдоты о путешествии Иосифа II по Нидерландам и Голландии» 1781 г. — дополнено пейзажной виньеткой в стиле рококо, отвечающей тексту [8]. Третье, «Путешествие Пап» 1782 г., украшено титульной виньеткой и заставками в стиле рококо [9]. Четвертое, «Политический гороскоп Польши, Пруссии, Англии» 1779 г., имеет орнаментальный бордюр и виньетку на титульном листе [10].

Двухтомное издание «Путешествия в Англию, Шотландию и на Гебридские острова» Бартеlemi Фожа де Сен-Фона 1797 г. содержит неполный комплект из пяти гравюр на меди. Это иллюстрации жанрового, документального и пейзажного характера, исполненные по рисункам автора книги, Дюрана (Durand), Лебрена (Le Brun) граверами Менде (Glairon de Mendet), Селье (Sellier) и Де Сэвом (J. De Seve) [11].

Два тома энциклопедического издания «Словаря французской академии» 1789 г. с экслибрисом «Екатеринбургской казенной библиотеки» украшает ксилографический декор в стиле рококо. Титульные виньетки включают изображение путто с атрибутами Аполлона — венком и лирой, заставки — геральдические элементы, аллегорические фигуры, атрибуты наук и искусств, отвечающие содержанию текста [12].

Гравюры изданий по естественным наукам

Пять изданий по минералогии чаще всего дополнены ксилографическим декором.

Двухтомная «Минералогия» Вальмона де Бомара 1774 г. украшена заставками с мотивами цветов, растений и раковины [13].

Издание «Минералогии Сицилии» М.-Ж. Борха 1780 г. открывает гравированный на меди портрет-медальон автора, расположенный на титульном листе. Он гравирован К. дель Акуа (Chry. dell'Aqua) по рисунку Нистри (Nistri) [14].

Четырехтомная «Кристаллография» Роме де Лиля 1783 г. оформлена орнаментальными ксилографическими виньетками и концовками с мотивами цветов, раковины и вазона. Заставки в той же технике представляют собой жанрово-аллегорические сцены и натюрморты с предметами науки, ремесла и искусства, гравированные Бегне (Begnet). Издание включает 12 иллюстраций документального характера, гравированных на меди по рисункам Дефонтена (Desfontaine) [15].

Издание «Руководства минералога» Т. Бергмана 1784 г. украшают ксилографические заставки и концовки по мотивам цветов и вазонов. Одна из заставок изображает пару голубей в лучах солнца. Книгу дополняет одна иллюстрация с изображением инструментов для проведения научных опытов, гравированная по меди Селье (Sellie) [18].

Книга «Элементы минералогии» Ж. Гибелена 1785 г. скромно, но изящно украшена аллегорической титульной виньеткой с атрибутами науки и искусства и заставкой с цветочными мотивами [17].

Семь изданий по химии оформлены ксилографическим декором, реже — дополнены вкладными гравюрами на меди пояснительного содержания.

Книгу «Анализ железа» Т. Бергмана 1783 г. украшают титульная и виньетка и концовки по мотивам цветочной корзины, вазы с фруктами и цветов. Жанрово-аллегорическая заставка Бегне (Begnet), изображающая путти в роли кузнецов, отвечает тематике книги [16].

Три тома издания «Элементы естественной истории и химии» А.-Ф. Фуркруа 1786 г. оформляют заставки пейзажного и аллегорического содержания работы Ж.-Б.-М. Папийона (Papillon), а также — орнаментальные концовки с цветочными мотивами [19].

Трехтомное издание «Химического анализа» Б.-Ж. Сажа 1786 г. дополняют геральдическая титульная виньетка, орнаментальные концовки с мотивами цветов, листьев и фестонов. Анонимная заставка, которая переходит из одного тома в другой, составлена из атрибутов металлургии [20].

Книга «Метод химической номенклатуры» 1787 г., дополненная схематической таблицей, украшена аллегорической титульной виньеткой с атрибутами науки и искусства, принадлежащей Ж.-Б.-М. Папийону (Papillon) и заставкой того же автора, продолжающей тему виньетки (Papillon, 1764). Похожая виньетка уже встречалась в книге «Элементы минералогии» Ж. Гибелена (1785). Это неудивительно: обе книги вышли в одном издании. Виньетки, однако, зеркальные по отношению друг к другу и отличаются в деталях, что свидетельствует о творческом характере ксилографического оформления. Книгу также украшают цветочные концовки [21].

Двухтомные «Краткие публичные уроки химии» П.-Ф. Николя 1787 г. оформлены декором в стиле неоклассицизма. В том и другом томе повторяются титульная виньетка и заставки, включающие мотивы лиры, ветвей, фестона, гирлянды и военных трофеев [22].

Издание «Трактата о химических свойствах» Т. Бергмана 1788 г., украшенное титульной виньеткой с мотивами вазона с фруктами и пейзажной заставкой, изначально было дополнено гравированными иллюстрациями схематического содержания, которые не сохранились [23].

Итак, в фондах редкой книги СОКМ на основании изучения книжных знаков был установлен круг французских изданий с гравюрами XVIII в. из Екатеринбургской казенной библиотеки (Горной екатеринбургской библиотеки). В общей сложности было выявлено 28 книг из 20 изданий второй половины XVIII в., в том числе четыре издания в составе одного конволюта. Содержание более половины изданий относится к естественным наукам. Книги по гуманитарным наукам — в меньшинстве.

Единичные издания включают жанровые иллюстрации в технике гравюры на меди, некоторые — документальные иллюстрации пояснительного характера в той же технике. Все книги украшены элементами оформления в технике ксилографии, реже — гравюры на меди. Лучшие с художественной точки зрения гравюры относятся к категории книжного декора. Их изучение позволяет отметить особенности оформления научных изданий второй половины XVIII в. Орнаменты стиля рококо продолжали использовать наряду с элементами неоклассицизма. В оформлении преобладали растительные, цветочные мотивы, не связанные с тематикой изданий. Декор наиболее удачных изданий представляет собой аллегорические композиции, составленные из атрибутов наук и ремесел, отражающих специфику текстов.

В результате изучения книжных гравюр были установлены имена семи рисовальщиков и пяти граверов. К сожалению, не удалось обнаружить шедевры французской иллюстрации XVIII в. Очевидно, это связано с тем, что данное книжное собрание, принадлежащее горному ведомству, имело практический, а не библиофильский характер.

Библиографический список

1. Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания, 1870–1929: из истории науки и культуры Урала / Л.И. Зорина. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. — 207 с.
2. Пирогова Е.П., Белобородов С.А. Сводный каталог гражданской печати XVIII – первой четверти XIX в. в собраниях Урала: в 2 т. / [Е.П. Пирогова, С.А. Белобородов]. — Екатеринбург, 2005–2007.

3. Каталог книг В.Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбург в фондах Свердловского областного краеведческого музея / сост. А.М. Сафронова, В.Н. Оносова; общ. ред. и вступ. ст. А.М. Сафроновой. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — 358 с.
4. Montesquieu, Ch.-L. de Secondat, Baron de. *Considerations sur les causes de la grandeur des romains et de leur decadence* / [Montesquieu, Ch.-L. de Secondat, Baron de]. — Lausanne : M.-M. Bousquet, 1750. — [366] p.
5. Bonnegarde, M. de. *Dictionnaire historique et critique : recherches sur la vie, le caractere, les moeurs et les opinions de plusieurs hommes celebres : en 4 v. V. 3* / Bonnegarde, M. de. — La Haye : J. van Duren; Francfort sur le Mayn: freres Van Duren, 1773. — [628] p.
6. Millot, C.-F.-X. *Eléments d'histoire générale : en 5 v. V. 1* / Millot, C.-F.-X. — Paris: Prault, 1773. — 400 p.
7. Accarias de Sérionne, J. *Situation Politique Actuelle De L'Europe : Considérée Relativement à L'Ordre Moral, Pour Servir de Supplément à L'Ordre Moral* / [Accarias de Sérionne, J.]. — Augsbourg: Stage, 1781. — 159 p.
8. *Le voyageur bienfaisant, ou Anecdotes du voyage de Joseph II dans les Pays Pas et la Hollande.* — Liège: Lemarié, 1781. — 143 p.
9. Müller, Johannes von. *Les Voyages des Papes* / [Müller, Johannes von]. — [S. l.], 1782. — 54 p.
10. Zanović, S. *L'Horoscope Politique De La Pologne, De La Prusse, De L'Angleterre &c.* / [Zanović, S.]. — Pastor-Vecchio: aux pieds des Alpes de Montenegro, 1779. — 76 p.
11. Faujas de Saint-Fond, B. *Voyage en Angleterre, en Ecosse et aux îles Hébrides : en 2 v.* / Faujas de Saint-Fond, B. — Paris : H.-J. Jansen, 1797.
12. *Dictionnaire de l'Académie Française : en 2 v.* — Lausanne: J.P. Heubach; Hignou, 1789.
13. Valmont de Bomare, J.-Ch. *Minéralogie, ou Nouvelle exposition du règne minéral : en 2 v.* / Valmont de Bomare, J.-Ch. — Paris: Vincent, 1774.
14. Borch, M.-J. *Minéralogie sicilienne docimastique et métallurgique, ou Connaissance de tous les minéraux que produit l'île de Sicile* / Borch, M.-J. — Turin: frères Reycends, 1780. — [344] p.
15. Romé de L'Isle, J.-B. Louis de. *Cristallographie, ou Description des formes propres à tous les corps du règne minéral dans l'état de combinaison saline, pierreuse ou métallique : en 4 v.* / Romé de L'Isle, J.-B. Louis de. — Paris: Impr. de Monsieur, 1783.
16. Bergman, T. *Analyse du fer* / Bergman, T. — Paris: Méquignon, 1783. — 302 p.

17. **Gibelin, J.** *Éléments de minéralogie / Gibelin, J.* — Paris: Cuchet, 1785. — 430 p.
18. **Bergman, T.** *Manuel du minéralogiste, ou Sciagraphie du règne minéral distribué d'après l'analyse chimique / Bergman, T.* — Paris: Cuchet, 1784. — [431] p.
19. **Fourcroy, A.-F.** *Éléments d'histoire naturelle et de chimie : en 5 v. / Fourcroy, A.-F.* — Paris: Cuchet, 1786.
V. 2. — [540] p.
V. 3. — [554] p.
V. 4. — [542] p.
20. **Sage, B.-G.** *Analyse chimique et concordance des trois règnes : en 3 v. / Sage, B.-G.* — Paris: Impr. royale, 1786.
21. *Méthode de nomenclature chimique, proposée par MM. de Morveau, Lavoisier, Berthollet & de Fourcroy. On y a joint un nouveau système de caractères chimiques, adaptés à cette nomenclature, par MM. Hassenfratz et Adet. / Lavoisier, A.-L. de; Fourcroy, A.-F.; Berthollet, C.-L.; Guyton de Morveau, L.-B.; Adet, P.-A.* — Paris: Cuchet, 1787. — 314 p., 6 tabl.
22. **Nicolas, P.-F.** *Précis des leçons publiques de chimie et d'histoire naturelle : en 2 v. / Nicolas, P.-F.* — Nancy: H. Haener, 1787.
23. **Bergman, T.** *Traité des affinités chimiques ou attractions électives / Bergman, T.* — Paris: Buisson, 1788. — 434 p.

E.V. Borshch

Engravings of the 18th Century French Books from the Ekaterinburg State Library (Based on the Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore Materials)

Abstract. Results of searching and identifying engravings of French books of the 18th century from the Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore (Ekaterinburg) are published in the article. French books with engravings were found in the collection of the Ekaterinburg State Library. There are descriptions of engravings from books, identifications of the names of draftsmen and engravers, determinations of the types and techniques of engravings in this article.

Keywords: french book engraving, 18th century, Ekaterinburg State Librar, Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore.

Borshch Elena Victorovna, Candidate of Art History, Associate Professor, Ural State University of Architecture and Art named after N.S. Alferov (Ekaterinburg, Russia); e-mail: ev_borshch@lenta.ru.

УДК 7.072.5:[736:75.023.22]

Л.А. БУДРИНА¹

АТРИБУЦИЯ ИНТЕРЬЕРА НА АКВАРЕЛИ Э. ШТЕКЛЕРА

Аннотация. В статье приводятся аргументы, позволившие установить ранее неизвестный интерьер, изображенный на акварели Э. Штеклера. Данные о творческом пути мастера, сравнение с другими известными работами художника 1860-х годов, а также сопоставление предметов искусства на графическом листе с известными описаниями залов и каталогов распродаж коллекции виллы Сан-Дonato позволили идентифицировать интерьер как Зал серебра флорентийской виллы Демидовых.

Ключевые слова: камнерезное искусство, акварель, интерьер, Сан-Дonato, Демидовы, Э. Штеклер.

Популярные в XIX веке изображения интерьеров являются ценным источником для широкого спектра исследований по истории искусства. Изучая такие произведения, можно, помимо получения общих сведений о стилистических решениях внутреннего убранства, также уточнить атрибуцию произведений [1], их принадлежность к той или иной коллекции [2]. В рамках Татищевских чтений к потенциалу интерьерных акварелей для изучения истории отечественного камнерезного искусства автор уже обращался [3], однако настоящая публикация посвящена одному примеру того, как поиски в узкой области позволяют уточнить данные предмета из совсем другой сферы истории искусства.

В конце 2010-х годов на сайте московской антикварной галереи «Три века» появился хедер — картинка в шапке страницы — с изображением фрагмента акварели с видом интерьера, в котором привлекли внимание чашечка и шкатулка из малахита. На отправленный запрос сотрудники любезно поделились его каталожными данными (Э. Штеклер, «Интерьер»), прислали изображение произведения целиком, и сообщили, что предмет уже продан.

¹ Будрина Людмила Алексеевна, кандидат искусствоведения, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), доцент кафедры истории искусств и музееведения; e-mail: ludmila.budrina@gmail.com.

Сочетание фамилии мастера и малахитовых предметов на акварели не могло не привлечь внимание: в собрании Государственного Эрмитажа хранится вид «Зала шпалер» виллы Сан-Донато, выполненный Эммануэлем Штеклером в начале 1860-х годов. Эта работа позволила уточнить облик целого ряда произведений из коллекции виллы, а также атрибутировать предметы, представленные на антикварном рынке, как происходящие из коллекции Демидовых.

Ключом, подтвердившим правильность интуитивного интереса, стало изображение женского портрета, представленного стоящим на выдвинутом стуле в центре помещения. Характерный ракурс, поза, читающиеся даже на акварели украшения не оставили сомнений: это часть одной из известнейших портретных пар северного возрождения — портрет Марии Портинари работы Ханса Мемлинга. Находящаяся сегодня в нью-йоркском музее Метрополитен [4] картина в 1870 году была продана из коллекции Сан-Донато на аукционе в Париже как «Женский портрет» кисти Дирка Боутса [5, с. 145, лот 213]. Подтвердившая связь с демидовской виллой, эта информация, однако, не давала привязки к конкретному интерьеру — картину явно переместили в центр зала специально.

Более продуктивным стало обращение к полотнам, развешанным по стенам зала. В поле зрения акварелиста попали три: неустановленный мужской портрет среднего размера, большой портрет мужчины с седой бородой в черном (обращение к иллюстрированному каталогу продажи 1870 года позволило соотнести эту картину с Портретом Франческо дельи Альбицци кисти Себастьяно Пьомбино [5, с. 123, лот 484]) и изображенное в ракурсе, но тем не менее легко узнаваемое полотно Карло Дольче «Давид с головой Голиафа». Хранящаяся сегодня в бостонском Музее изящных искусств картина воспроизведена в каталоге продаж Сан-Донато 1880 года [7, с. 314, лот 1354].

Дальнейшие сопоставления предметов на акварели с каталогами продаж позволили идентифицировать еще ряд предметов. Так, в центре композиции из разнообразных предметов в средней части акварели возвышается также без труда узнаваемая скульптура, воспроизводящая «Персея с головой Медузы» Бенвенутто Челлини, уменьшенная копия которой работы скульптора Папи на резном пьедестале из ореха и основании из мрамора (общей высотой около 2,7 м) также находилась в коллекции Демидовых до 1870 года [6, с. 63, лот 338].

Справа из-за распахнутой двери выглядывает голова и поднятая нога лошади от небольшой конной статуи из светлого металла на высоком черном пьедестале со светлым декором. Из каталога аукциона 1870 года мы узнаем, что в коллекции виллы находились две серебряных конных скульптуры на пьедесталах черного мрамора с гербами из серебра, одинакового размера — высота скульптуры 41 см, высота пьедестала — 32 см. Одна из конных композиций являлась изображением Карла V, другая — Франциска I [6, с. 219, лот 1206–1207]. Детали какой именно из композиций видны на акварели, установить невозможно, но симметрия интерьера относительно этой двери позволяет предположить, что и вторая конная скульптура находилась здесь же.

Наконец, остекление двух оконных проемов в стене слева обращает на себя внимание комбинацией из 20 витражных полотен. Каждый из витражей был предложен на аукционе 1880 года в качестве отдельного лота с подробным описанием [7, с. 102–105, лот 439–548].

Сопоставляя планировку помещения — включенность в анфиладу, две видимые и одна предполагаемая дверь в другие помещения, двойной оконный проем (закрытый витражными фонарями) позволили предположить, что речь идет о Зале серебра виллы Сан-Донато. Убедиться в этом позволило знакомство с двумя изданиями. Первое из них в силу крайне ограниченного тиража представляет собой большую библиографическую редкость. Составленный для лондонского Королевского общества поощрения искусств и промышленности отчет графа Бартолоцци де Вандони был опубликован в 1858 году флорентийским издательским домом «Ле Моньер» под названием «Чудеса Сан-Донато» [8]. Не меньший интерес представляет собой глава «Вилла Демидовых в Сан-Донато», вошедшая в изданную в 1863 году книгу графа Туллио Дандоло [9].

В первой из них описание интерьера лаконично: «стены обиты кожей с тиснением, <...> великолепный деревянный потолок, вырезанный в венецианском стиле, <...> три прекрасных двери в том же стиле» [8, с. 16]. Среди находящихся в зале предметов Вандони упоминает «бронзовую копию «Персея» Челлини, работы Клементе Паппи», и четыре полотна большой ценности: «Белла Нанни» Паоло Вернонезе, «Портрет Франческо дельи Альбицци» Себастьяно Пьомбино, «Давид с головой Голиафа» и «Дочь Иродиады с головой Иоанна Крестителя», обе Карло Дольче [8, с. 16]. Он также описывает четыре «огромных

застекленных шкафа, на которых высятся японские вазы» и «два больших окна с витражными дверями» [8, с. 17].

Второе описание содержит больше деталей. Так, Дандоло отмечает, что стены в зале обиты «золоченой кожей с тиснением, кессонированный полоток частично вызолочен», в здесь находятся четыре больших застекленных шкафа <...> из черного дерева» [9, с. 194]. Он описывает, что в зале «на основаниях из черного мрамора находятся две конных статуи из серебра — Франциска I и Карла V» [9, с. 195]. Среди картин этот автор отмечает «два шедевра Дольче <...> : Иродиада <...> и Давид, схвативший за волосы отрубленную голову фелистимлянина...» и портрет Франческо дельи Альбиццы» кисти Себастьяно Пьомбино [9, с. 196]. Также его внимание в зале привлекли 26 японских ваз на больших шкафах и остекление балкона с двадцатью «чудесными витражами из Цюриха» [9, с. 198].

Помимо выявленных произведений, входивших в собрание флорентийской виллы Демидовых до аукционов 1870–1880-х годов, оба автора отмечают и другие элементы интерьера, совпадающие с изображением на акварели. Это и тисненная золоченая кожа на стенах, и богатый резной кессонированный потолок, и балконные двери с витражами.

Таким образом, проведенные сопоставления с отдельными предметами из коллекции Сан-Донато, а также сравнение с развернутыми описаниями из публикаций рубежа 50–60-х годов XIX века позволяют атрибутировать акварель Эммануэля Штеклера как «Вид Зала серебра виллы Сан-Донато» и датировать ее 1860-ми годами.

Библиографический список

1. Будрина Л.А. Атрибуция произведений русских камнерезных фабрик: предмет, эскиз и проблема авторства в контексте кросс-культурного обмена / Л.А. Будрина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. — 2017. — Т. 19. — № 4 (169). — С. 231–240.
2. Будрина Л.А. «Малахитовые залы» виллы Сан-Донато: реконструкция ансамблей и атрибуция их составляющих / Л.А. Будрина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. — 2022. — Т. 12. — № 3. — С. 525–537.
3. Будрина Л.А. Произведения русских камнерезов в акварелях в жанре интерьер: вкус, политика, атрибуция / Л.А. Будрина // Тринад-

цатые Татищевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 24–25 ноября 2022 г.): / отв. ред. И.В. Побережников. — Екатеринбург : Квадрат, 2023. — С. 333–340.

4. Hans Memling. Tommaso di Folco Portinari (1428–1501); Maria Portinari (Maria Maddalena Baroncelli, born 1456) : электрон. репрод. // The Met [The Metropolitan Museum of Art] : офиц. сайт. — URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/437056> (дата обращения: 11.10.2023).

5. Collections de San Donato : Tableaux, marbres, dessins, aquarelles et miniatures : Catalogue illustrée. — Paris: s. n., 1870.

6. Collections de San Donato : Objets d'art : Ordre des ventes. — Paris: s. n., 1870.

7. Palais de San Donato : Catalogue des Objets d'art et d'ameublement, Tableaux dont la vente aux encheres publique aura lieu a Florence, au Palais de San Donato le 15 mars 1880 et les jours suivants. Illustré. — Paris: imp. de Pillet et Dumoulin, 1880.

8. Vandoni, de' B., conte. Le maraviglie di S. Donato / [Vandoni, de' B., conte]. — Firenze: Le Monnier, 1858.

9. Dandolo, Tullio. Panorama di Firenze : La Esposizione Nazionale del 1861 e la Villa Demidoff a San Donato : Mosaico storico ed artistico / Dandolo, Tullio. — Milano: Libr. G. Schiepatti, 1863

L.A. Budrina

Attribution of the Interior in E. Stöckler Watercolor

Abstract. Article shows the arguments, permeated to identified previously unknown interior on the E. Stöckler' watercolor. The analyze of the details of the artistic life of a painter, the comparison with the others works of master of the 1860s, and the comparative studies of the represented works of art with the description of the rooms and catalogues of the sales of the collection of villa San Donato permeated to identify the interior as a representation of the Sala degli artgenti of the Florentine villa of Demidovs.

Keywords: pietra dura, stonecutting art, watercolor, interior, San-Donato, Demidov, E. Stöckler.

Budrina Ludmila Alekseevna, Candidate of Art History, Associate Professor of the Department of History of Art and Museology, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: ludmila.budrina@gmail.com.

УДК 351.852.14

О.А. БУХАРКИНА¹

КОЛЛЕКЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ЛАПШИНА ЯРОПОЛКА ЛЕОНИДОВИЧА (1920–2011), КИНОРЕЖИССЕРА СВЕРДЛОВСКОЙ КИНОСТУДИИ, в собрании Свердловского областного краеведческого музея

Аннотация. Автор показывает, как сохраняется в музее наследие выдающегося деятеля культуры Екатеринбурга и Урала. Представлено культурное наследие кинорежиссера Я. Лапшина, среди которых материалы творческой деятельности Ярополка Леонидовича, например, режиссерские киносценарии, афиши.

Ключевые слова: документы, биография, творчество, кинофильмы, Свердловский областной краеведческий музей.

В год 300-летия Екатеринбурга обратимся к имеющемуся в музее наследию его выдающихся граждан, к которым, безусловно, относится кинорежиссер Ярополк Леонидович Лапшин, народный артист РСФСР.

Ярополк Лапшин родился 28 сентября 1920 г. в Новомосковске (Днепропетровская область, Украина) [1] в семье партийного работника и школьной учительницы. В 1930-е гг. Лапшины переехали во Владивосток. Здесь Ярополк учился в школе и с восьмого класса играл во Владивостокском театре юного зрителя [2].

В 1938 г. Ярополк Лапшин окончил школу [3]. В этом же году его отец был репрессирован (умер в 1939 г., реабилитирован посмертно в 1956 г.) [4]. С 1938 по 1944 г. Я. Лапшин получал образование во Всесоюзном государственном институте кинематографии (ВГИК) [5], после окончания которого был направлен на Свердловскую киностудию, где начал работать ассистентом режиссера. До 1948 г. он также преподавал в Свердловской школе киноактера и Свердловской школе эстрадного искусства [6].

С 1948 по 1956 г., когда на Урале не производились игровые картины, Лапшин создал ряд документальных, научно-популярных и учебных фильмов: «Баку — город нефти» (1950), «Верный друг» (1951),

¹ Бухаркина Ольга Алексеевна, ГАУК СО Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера (Екатеринбург, Россия), заведующая документальным отделом фондов; e-mail buharkina1723@yandex.ru.

«Поточный метод ремонта вагонов» (1953), «Магнитогорские металлурги» (1953), «Будь честен» (1954), «Совхоз на целине» (1955), «Березники — город химиков» (1956) и другие.

После возобновления производства художественных фильмов на Свердловской киностудии в 1956 г. он получил право на режиссерский дебют в игровом кино. Первой крупной работой Ярополка Лапшина как режиссера-постановщика стал фильм «Пора таежного подснежника» (1959) [8].

Более 50 лет Ярополк Лапшин проработал на Свердловской киностудии в качестве кинорежиссера-постановщика художественных фильмов. За это время он снял свыше 20 картин: «Шестнадцатая весна» (1962); «Любовь по заказу» (1965), «Игра без правил» (1965), экранизировал для телевидения роман В. Шишкова «Угрюм-река» (4 серии, 1968); снял фильм «Приваловские миллионы» по роману Д.Н. Мамина-Сибиряка (1973), «Дым Отечества» (1980), «Демидовы» (1983), мелодраму «Продлись, продлись, очарованье» (1984), триллер «Железное поле» (1986); психологическую драму «Перед рассветом» (1989), приключенческий фильм «Я объявляю вам войну» (1990), драму «Любовь по заказу» (1993), детектив «Уснувший пассажир» (1994), фильм «На полпути в Париж» (2001) и др.

Последней лентой режиссера стала «Сель», снятая в 2003 г. в Северной Осетии.

Многие работы режиссера отмечены наградами: «Пора таежного подснежника» — премией Первого Всесоюзного кинофестиваля в Минске, шестью почетными дипломами; «Угрюм-река» — дипломом «За лучшую экранизацию» Всесоюзного кинофестиваля в г. Ленинграде, 1969 г.; «Приваловские миллионы» — Государственной премией РСФСР им. братьев Васильевых, 1975 г. [9]; «Продлись, продлись, очарованье...» — дипломом VIII Всесоюзного кинофестиваля в г. Минске, 1988 г.; «Демидовы» были выдвинуты на соискание Ленинской премии; фильм «Я объявляю вам войну» занял первое место по зрительскому опросу журнала «Советский экран».

Ярополк Леонидович Лапшин удостоен многих почетных званий: заслуженный деятель искусств РСФСР (1970) [10], народный артист РСФСР (1980) [11]. В 1986 году он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1995 году — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в 2000 году — орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени [12].

Ярополк Лапшин — лауреат премии губернатора Свердловской области «За выдающиеся достижения в области литературы и искусства» 2000 г. К 80-летию юбилею режиссера в Доме кино была открыта «звезда» Ярополка Лапшина как знак признания его творческой и общественной деятельности. В этом же году ему было присвоено звание «Почетный гражданин Свердловской области» [13].

Ярополк Лапшин — академик Академии киноискусств «Ника» и «Золотой орел». С 1957 г. он являлся членом Союза кинематографистов Российской Федерации; в 1967–1994 гг. он был первым секретарем Уральского отделения Союза кинематографистов. С 1981 г. был секретарем правления Союза кинематографистов РСФСР [14]. Много лет являлся членом комиссии по Государственным премиям Российской Федерации.

Ярополк Леонидович Лапшин стоял у истоков создания Екатеринбургского государственного театрального института. В 1985 г., когда открылся вуз, Лапшин был одним из первых мастеров, набравших курс студентов по специальности «Актер драматического театра и кино» [15].

В марте 2006 г. Ярополк Лапшин с супругой переехал из Екатеринбурга в подмосковный Дом ветеранов кино «Матвеевское».

Ярополк Леонидович Лапшин скончался в 2011 г. в Москве. Прах творческого деятеля захоронен в г. Екатеринбурге, на Широкореченском кладбище.

Документы Я.Л. Лапшина поступали в музей в 1987 и 2006 годах. Из них были сформированы коллекция в составе описи № 2 фонда № 15 по истории культуры Урала и отдельный архивный фонд № 77 «Коллекция документов Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердловской киностудии» — всего 211 архивных дел.

В настоящее время в собрании музея имеются аттестат об окончании будущим режиссером средней школы; зачетная книжка студента режиссерского факультета Всесоюзного государственного института кинематографии за 1939 г., диплом об окончании вуза за 1944 г. Есть документы, свидетельствующие о преподавательской деятельности Я. Лапшина в Свердловской школе киноактера, в студии эстрадного искусства при свердловской филармонии в 1946–1948 гг., в частности программа контрольного урока по мастерству актера в классе педагога Я. Лапшина. В нее включены этюды, которые должны разыграть студенты: «Встреча», «Свадьба», «Развод», «1 апреля», «Часы» [16].

Большой интерес представляют материалы творческой деятельности Ярополка Леонидовича, например, режиссерские киносценарии с многочисленными пометками. Так, листовая экземпляр сценария фильма «Уснувший пассажир», мы видим обведенные кружками номера кадров, перечеркнутые крест-накрест отрывки диалогов, вписанные от руки слова и фразы [17]. Подобные материалы дают возможность проникнуть в творческую лабораторию мастера.

В фонде имеются афиши кинофильмов, приглашения на творческие вечера и кинофестивали. В значительном количестве отложились почетные грамоты, телеграммы и поздравительные письма с юбилеями, с Днем Победы; удостоверения к орденам и медалям, полученным Я. Лапшиным, удостоверение к Почетному знаку «50 лет в искусстве» (1999 г.) [18], «За заслуги перед г. Екатеринбургом» (2000 г.) [19] и др. Нашла отражение в музейном фонде и бытовая сторона жизни Я.Л. Лапшина: документы об обмене квартиры, сертификаты инвестиционных фондов, заграничные паспорта. В опись включены также документы о реабилитации репрессированного отца Я.Л. Лапшина.

Документы Я.Л. Лапшина дополняются и предметами из других музейных коллекций: фотографиями со съемочной площадки, личными вещами мастера.

Все это позволяет сохранить и воссоздать не только биографию, но и моменты творчества Ярополка Лапшина.

Библиографический список

1. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердл. киностудии. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
2. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердл. киностудии. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
3. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердл. киностудии. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
4. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердл. киностудии. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
5. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердл. киностудии. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
6. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердл. киностудии. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2.
7. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердл. киностудии. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

8. ГАУК СО СОКМ. Ф. 15. Коллекция док. по истории культуры. Оп. 2. Д. 10. Л. 1–2.
9. ГАУК СО СОКМ. Ф. 15. Коллекция док. по истории культуры. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.
10. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердлов. киностудии. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–2.
11. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердлов. киностудии. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–2.
12. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердлов. киностудии. Оп. 1. Д. 135. Л. 1–2.
13. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердлов. киностудии. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–2.
14. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердлов. киностудии. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–2.
15. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердлов. киностудии. Оп. 1. Д. 82. Л. 1–3.
16. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердлов. киностудии. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
17. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердлов. киностудии. Оп. 1. Д. 107. С. 11, 47, 57, 63.
18. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердлов. киностудии. Оп. 1. Д. 128. Л. 1.
19. ГАУК СО СОКМ. Ф. 77. Коллекция док. Лапшина Ярополка Леонидовича (1920–2011), кинорежиссера Свердлов. киностудии. Оп. 1. Д. 133. Л. 1.

О. А. Bukharkina

The Collection Lapshin Yaropolk Leonidovich (1920–2011) documents, the Sverdlovsk Film Studio film director, in the Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore collection

Abstract. *The author shows how the heritage of an outstanding cultural figure of Ekaterinburg and the Urals is preserved in the museum. The cultural heritage of film director Ya. Lapshin is presented, among which are the materials of creative activity of Yaropolk Leonidovich, for example, director's screenplays, posters.*

Keywords: *documents, biography, creativity, movies, Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore.*

Bukharkina Olga Alekseevna, *Head of the Documentary Department of the funds, Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore named after O.E. Kler (Ekaterinburg, Russia); e-mail: buharkina1723@yandex.ru.*

УДК 069+625.1+629.4

Д.А. ВАСЬКОВ¹

**ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ РЕЛИКВИИ
ЕКАТЕРИНБУРГА:
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ**

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы, связанные с сохранением и презентацией находящихся в Екатеринбурге локомотивов-памятников и экспонатов железнодорожного музея. Отмечается, что в экспозиции Екатеринбургского музея железнодорожной техники есть совершенно уникальные экспонаты. Обосновывается необходимость создания полноценного железнодорожного музея.*

Ключевые слова: *железнодорожный музей, железнодорожные реликвии, локомотивы-памятники, паровоз, тепловоз, электровоз.*

В отличие от других российских городов-миллионников Екатеринбург пока не может похвастаться наличием полноценного железнодорожного музея. Такой музей мирового уровня с конца 2017 г. действует в Санкт-Петербурге («Музей железных дорог России»), созданный на базе бывшего «Музея Октябрьской железной дороги»). Интересный музей «Паровозы России» есть в Нижнем Новгороде. Профильные музеи имеются в Москве, Ростове-на-Дону, Самаре, Новосибирске, Челябинске и ряде других городов. Парадокс в том, что в Екатеринбурге есть целых три железнодорожных музея. В 2003 г. в историческом здании старого вокзала открылся «Музей истории, науки и техники Свердловской железной дороги». В сентябре 2016 г. для посетителей открылся «Музей узкоколейных желез-

¹ Васьков Дмитрий Александрович, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), старший преподаватель кафедры истории России; e-mail: dvaskov@mail.ru.

ных дорог». В 2003 г. на станции Екатеринбург-Сортировочный была открыта площадка «Екатеринбургского музея железнодорожного транспорта» (далее — ЕМЖТ). На наш взгляд, «классический» музей железных дорог должен быть представлен натурными образцами локомотивов, вагонов и другой железнодорожной техники. ЕМЖТ является как раз таким музеем, но его экспозиция пока довольно небольшая — менее десяти исторических локомотивов, несколько вагонов и других единиц техники. На фоне других музеев страны ЕМЖТ выглядит очень скромно. Тем не менее свои железнодорожные реликвии, среди которых есть совершенно уникальные экспонаты, находятся и в столице Среднего Урала. (В статье не идет речь о железнодорожной экспозиции Музейного комплекса УГМК в Верхней Пышме, а также об узкоколейном паровозе Кч4-328, установленном в Екатеринбурге у ДК Железнодорожников).

Свой паровоз-памятник Свердловск обрел в 1981 г. На постамент около здания локомотивного депо Свердловск-Пассажирский, совсем рядом с железнодорожным вокзалом, был установлен паровоз Э^у701-40. Грузовой паровоз серии Э^у (т.е. «Э усиленный») представлял собой первую осуществленную советскими инженерами модификацию разработанного еще накануне Первой Мировой войны знаменитого паровоза серии Э [1, с. 258–260; 2, с. 48; 3, т. 1, с. 147–193]. Локомотивы серии Э^у строились на Коломенском, Сормовском, Ворошиловградском (Луганском), Харьковском и Брянском заводах в 1926–1931 гг. В дальнейшем вместо них стали производить паровозы серии Э^м (Э модернизированный). Всего было выпущено 2250 машин серии Э^у. При этом паровозы Э всех модификаций являются самой многочисленной в мире серией локомотивов за всю историю железных дорог. По данным Л.Л. Макарова, за 46 лет производства их было выпущено свыше 11 тыс. единиц. К 2018 г. паровозов-памятников и музейных экспонатов на пространстве бывшего СССР, относящихся к этой знаменитой серии локомотивов, насчитывалось около 265 [3, т. 1, с. 12, 15, 407, 421].

Паровоз Э^у701-40 был построен в 1930 г. на Брянском паровозостроительном заводе «Красный Профинтерн». С 1933 г. и до списания в мае 1981 г. паровоз трудился на Свердловской железной дороге [3, т. 2, с. 125]. Заслуженный локомотив был поставлен на постамент 18 апреля 1981 г. Установленная на нем памятная табличка гласила: «Паровозом Э^у701-40 бригады депо Свердловск-Пассажирский в 1942 году водили

поезда с подарками трудящихся области воинам Северо-Западного и Ленинградского фронтов». Расположение паровоза-памятника следует признать удачным и неудачным одновременно. С одной стороны, благодаря нахождению рядом с депо паровоз всегда был в хорошем состоянии. Дело в том, что многие локомотивы-памятники в нашей стране после установки не в самых людных местах, где-нибудь «на отшибе», часто оказываются забытыми и со временем приобретают весьма плачевный вид. (Тем более что никакой локомотив сам по себе не предназначен для многолетнего стояния под открытым небом). К счастью, свердловский памятник с проблемой отсутствия должного ухода никогда не сталкивался. В то же время памятник Э^у701-40, оказавшийся фактически среди путей станции Свердловск-Пассажирский, был почти никому не известен, что вообще противоречит смыслу существования любого памятника. Видеть его могли только редкие прохожие, оказавшиеся на стоящем рядом пешеходном мосту и пассажиры поездов, прибывающих с западного направления или отправляющихся в западном направлении. Надо полагать, что даже не все жители столицы Среднего Урала были в курсе, что в их городе был такой памятник.

В течение двух дней 22 и 23 июля 2022 г. памятник вообще был демонтирован. К счастью, паровоз сняли с постамента не для того, чтобы пустить «на иголки», а для реставрации с целью последующего размещения в экспозиции нового железнодорожного музея. Сам процесс снятия прошел не без трудностей. К постаменту подошел железнодорожный кран, от паровоза отцепили тендер, и кран сначала снял тендер, но вот поднять сам паровоз не смог — кран оказался слабым и едва не завалился на бок. На следующий день подогнали более мощный кран, и паровоз таки был снят с постамента, на котором простоял 41 год. Решение о ликвидации локомотива-памятника с его последующим размещением в экспозиции музея следует признать как минимум спорным. Все-таки паровоз простоял на постаменте более 40 лет, стал объектом историко-культурного наследия. Получается, что Екатеринбург лишился своего локомотива-памятника. А для музейной экспозиции можно было бы подыскать другой паровоз серии Э^у, тем более что найти аналогичную машину на одной из баз запаса вполне реально.

Еще два локомотива-памятника — паровоз ФД21-2970 и электровоз ВЛ22^м-171 — установлены на станции Екатеринбург-Сортировочный. Грузовой паровоз серии ФД («Феликс Дзержинский») был спроекти-

рован и построен за рекордные 170 дней в 1931 г. Паровозы этой серии обладали беспрецедентной по тем временам мощностью (2000 л.с.) и были предназначены для вождения тяжелых грузовых составов, что было необходимо в условиях начавшейся индустриализации. Всего за 1931–1941 гг. было построено 3211 единиц [1, с. 272–276; 4, с. 48]. С началом войны их выпуск был прекращен и с ее окончанием не возобновился, т.к. паровозы ФД были слишком тяжелыми для слабых железнодорожных путей разоренной страны. Было достаточно имевшихся машин, которые могли использоваться в ограниченном объеме. Тем не менее эти мощные паровозы стали одним из символов первых пятилеток. В первой половине 1960-х они постепенно выводились из эксплуатации. В 1958–1960 гг. 1047 паровозов ФД были переданы Китаю, где после переоборудования на колею 1435 мм обрели новую жизнь. Некоторые паровозы этой знаменитой серии установлены как памятники либо являются экспонатами в музеях. Паровоз ФД21-2970 был построен на Ворошиловградском заводе имени Октябрьской Революции в 1940 г. Установлен на постамент на станции Свердловск-Сортировочный, по всей видимости, в самом начале 1980-х гг. (Выяснить точную дату установки пока не удалось).

Совсем рядом, слева от паровоза ФД, на своем постаменте расположен электровоз ВЛ22^м-171. Грузовой электровоз серии ВЛ22 («Владимир Ленин») был разработан в 1938 г. на московском заводе «Динамо» им. С.М. Кирова при участии Коломенского завода как дальнейшее развитие электровоза серии Сс. Всего было выпущено 37 таких машин. В 1946 г. ВЛ22 модернизировали путем установки новых более мощных тяговых электродвигателей. У усовершенствованной модели в названии добавили литеру «М». С 1947 г. производство новых локомотивов было освоено на Новочеркасском электровозостроительном заводе [5, с. 29; 1, с. 414–420; 6, с. 16–20]. ВЛ22^м стал первым крупносерийным советским грузовым электровозом постоянного тока. До окончания производства в 1958 г. была выпущена 1541 машина этой серии. Также до ВЛ22^м были доведены и ранее выпущенные ВЛ22 путем замены тяговых электродвигателей. В связи с выработкой ресурса ВЛ22^м стали исключать из парка и утилизировать с середины 1980-х гг. ВЛ22^м-171 был поставлен как памятник на станции Свердловск-Сортировочный, по всей видимости, одновременно с ФД21-2970. Электровоз был построен в 1941 г. на заводе «Динамо» изначально как ВЛ22-171, а впоследствии модернизирован по проекту ВЛ22^м. Стоя-

щая здесь машина является раритетом, относящимся к ранним выпускам. По данным сайта «RailGallery», таких электровозов сохранилось только два [7]. В целом электровозы ВЛ22^м по причине многочисленности серии не являются редкостью. Даже к началу 2020-х гг. около десятка таких локомотивов эксплуатировались на промышленных предприятиях Челябинской области. На данный момент 11 электровозов стоят в музеях, а еще 9 установлены в качестве памятников.

Оба локомотива-памятника пережили известные трагические события 4 октября 1988 г., когда на станции Свердловск-Сортировочный произошел сильнейший взрыв в результате детонации вагонов с взрывчаткой. Причем место взрыва было сравнительно недалеко от расположения памятников. В радиусе 500 м от эпицентра были снесены все станционные сооружения, в том числе здание депо, возле которого стоят оба локомотива. На сделанных вскоре после событий фотографиях видно, что в отличие от находящихся рядом зданий паровоз и электровоз особо не пострадали. У обоих локомотивов только выбиты стекла в кабинах, разбиты фонари и прожекторы. На паровозе даже не пострадал установленный в передней части портрет Ф.Э. Дзержинского! (К сожалению, портрет не сохранился до наших дней, с ним вид у локомотива был бы аутентичным). Главная проблема обоих памятников, как и в случае с паровозом ЭУ701-40, в том, что они поставлены фактически в промзоне. С 2003 г. в связи с созданием ЕМЖТ оба памятника стали числиться как экспонаты нового музея. Еще одной проблемой является то, что в ходе реконструкции находящегося рядом длинного пешеходного моста, идущего от остановки Ватутина до о.п. Электродепо, оба памятника/экспоната оказались прямо под этим мостом. Это решение нельзя признать удачным. Наверное, ФД21-2970 и ВЛ22^м-171 — единственные в России музейные экспонаты, стоящие под мостом.

Совсем рядом с этими памятниками в конце 2003 г. открылся небольшой «Екатеринбургский музей железнодорожного транспорта», представляющий собой огороженный «загончик», в котором под открытым небом установлены шесть экспонатов: четыре электровоза ранних серий, паровоз серии Л и тепловоз серии ТЭЗ.

Паровоз серии Л начал разрабатываться с 1944 г. на Коломенском заводе при участии ВНИИЖТ под руководством выдающегося конструктора Л.С. Лебедевского. Первоначально локомотиву был присвоен индекс «П32» («Победа», паровоз 32-го типа), но в честь заслуг

главного конструктора в 1947 г. название машины сменили на «Л». Железнодорожники прозвали этот удачный локомотив «Лебедянка» или «Лебедь». С января 1947 г. началось его серийное производство. До окончания паровозостроения в СССР в 1956 г. на трех заводах (Коломенском, Брянском и Луганском) было изготовлено 4199 единиц. Этот локомотив считается одним из лучших и массовых советских паровозов, который мог использоваться на всей сети железных дорог СССР [1, с. 305–309; 8, с. 49]. Несмотря на изначальное предназначение как грузового он мог водить и пассажирские поезда. Машины этой серии продолжали эксплуатироваться на железных дорогах страны вплоть до середины 1980-х гг. Достаточно большое количество этих паровозов сохранилось до наших дней. Нет ни одного железнодорожного музея в России, в котором бы не было этой легендарной машины. Также в силу многочисленности серии Л значительная часть всех паровозов-памятников на территории бывшего СССР представлена именно этими локомотивами. Согласно данным сайта «RailGallery», только на территории РФ установлено в качестве памятников 140 паровозов серии Л [7]. Установленный в ЕМЖТ Л-3262, был построен в 1953 г. на Луганском паровозостроительном заводе, формально списан в марте 2016 г., поступил в музей из депо Серов-Сортировочный.

Грузовой магистральный двухсекционный тепловоз серии ТЭЗ был спроектирован в 1950–1953 гг. на Харьковском заводе транспортного машиностроения. В 1953–1955 гг. локомотив прошел всесторонние испытания и с 1956 г. стал выпускаться серийно сразу на Харьковском, Коломенском и Луганском заводах [1, с. 382–384; 6, с. 136–143; 9; 10]. С 1963 г. первые два завода прекратили выпуск этих машин, а в Луганске они строились до 1973 г. В общей сложности за 17 лет крупносерийного производства было выпущено, по разным данным, от 6798,5 до 6900 тепловозов этой серии [9, с. 8–10]. В 1960-х гг. ТЭЗ стали основным типом грузового тепловоза на неэлектрифицированных участках железных дорог СССР, позволив заменить паровозы более прогрессивным видом тяги. Со второй половины 1970-х гг. они стали постепенно вытесняться более совершенными тепловозами серий 2ТЭ10 и 2ТЭ116. Однако и в 1980-х гг. ТЭЗ можно было встретить на железных дорогах в любом уголке Советского Союза. Даже в 1988 г. на эти локомотивы приходилось 30 % тепловозного грузооборота [10, с. 19]. На протяжении 1990-х гг. технически и морально устаревшие

Тепловоз ТЭЗ-4820 в экспозиции Екатеринбургского музея железнодорожной техники (сентябрь 2005 г.)

тепловозы ТЭЗ массово выводились из эксплуатации и списывались. Их еще можно было изредка встретить на стальных магистралях в начале 2000-х, но к настоящему времени на сети РЖД ни один локомотив этой серии не используется. Лишь несколько таких тепловозов бережно сохраняются и работают на участке Коротчаево – Надым в ЯНАО (АО «Ямальская железнодорожная компания»). Подавляющая часть некогда огромного парка ТЭЗ давно утилизирована. К счастью, некоторые машины удалось сохранить для потомков. По данным на 2009 г., на территории России в качестве локомотивов-памятников и экспонатов в железнодорожных музеях установлено 14 тепловозов серии ТЭЗ (6 памятников и 8 экспонатов) [9, с. 64]. Еще два тепловоза используются как тренажеры в учебных центрах РЖД и несколько десятков числятся на базах запаса подвижного состава. Что касается установленного в ЕМЖТ тепловоза ТЭЗ-4820, то он был построен в 1964 г. в Луганске, последним местом приписки перед поступлением в музей было депо Серов-Сортировочный.

Если паровоз серии Л и тепловоз ТЭЗ не являются редкими локомотивами, то все четыре электровоза — особо ценные экспонаты

на площадке ЕМЖТ. Здесь стоят электровозы Ссм-05, ВЛ19-35, СКм-04 и ПБ21-01, которые относятся к довоенным разработкам в сфере электровозостроения. До этого все четыре локомотива числились в депо Пермь-II как памятники, где они стояли с 1970-х гг. За три десятилетия нахождения в Перми электровозы пришли в довольно плачевное состояние. Есть фотографии от июня 1998 г., на которых локомотивы запечатлены стоящими на дальних запасных путях, при этом вид у них весьма обшарпанный и жалкий. К счастью, уникальные машины удалось отстоять от отправки в разделку. В екатеринбургском музее, можно сказать, они обрели новую жизнь.

Электровозы серии Сс («Сурамский советский» означает, что они были специально спроектированы советскими инженерами для вождения наливных поездов на Сурамском перевале Закавказской ж/д) являются первыми советскими электровозами постоянного тока. Строились в 1932–1934 гг. на московском заводе «Динамо» и Коломенском машиностроительном заводе. Всего построили 21 машину этой серии [1, с. 394–402; 11, с. 29]. В 1952 г. все локомотивы этого типа прошли модернизацию — так в название электровоза добавилась литера «М», число же означало порядковый номер в серии. В дальнейшем почти все машины поступили в депо Чусовская для вождения поездов по путям сложного горного профиля. В связи с износом эти локомотивы были исключены из парка в 1968–1974 гг. До наших дней сохранились только два электровоза этой серии. (Это если не считать жуткий обрубок от Ссм-04, стоящий в виде «памятника» в депо Серов-Сортировочный). Машины Ссм-14 и Ссм-05 во второй половине 1970-х гг. были установлены на вечную стоянку у электровозного депо Пермь-II [11, с. 29]. В настоящее время восстановленный почти до идеального состояния Ссм-14 красуется в экспозиции «Музея железных дорог России» в Санкт-Петербурге, а Ссм-05 обрел пристанище в профильном музее Екатеринбурга.

Локомотивы серии ВЛ19 считаются первыми отечественными серийными грузопассажирскими электровозами постоянного тока, которые были полностью сконструированы в СССР [1, с. 402–412; 12; 13]. Производились в 1932–1938 гг. Всего было построено 145 единиц. До наших дней сохранились только 4 экземпляра, из которых три установлены в качестве памятников, а один является музейным экспонатом. ВЛ19-01 (самая первая машина серии) установлен на постамент в г. Хашури (Грузия). ВЛ19-40 установлен в депо Кандалакша (Мурман-

Электровозы ВЛ19-35 и ПБ21-01 в экспозиции Екатеринбургского музея железнодорожной техники (сентябрь 2005 г.)

ская обл.), а ВЛ19-61 — в г. Златоусте. ВЛ19-35 был построен в Москве на заводе «Динамо» в 1935 г. С 2003 г. является экспонатом в ЕМЖТ.

Электровозы серии СК («Сергей Киров», заводское обозначение — ВЛ20) являются переходным вариантом между электровозами серий Сс и ВЛ19. В 1936–1938 гг. было построено всего 5 единиц. После модернизации в 1940-х гг. электровозам была присвоена серия СКм [1, с. 412–414]. Локомотивы были приписаны к Пермской железной дороге (с 1953 г. стала относиться к Свердловской ж/д), на которой они работали до 1972–1978 гг. До наших дней сохранился только один СКм-04. Таким образом, ЕМЖТ является единственным обладателем локомотива столь редкой серии.

Наконец, пассажирский электровоз постоянного тока ПБ21-01 — самый уникальный экспонат музея. Локомотив был спроектирован в 1933 г. и построен в апреле 1934 г. на Коломенском заводе. ПБ21-01 означает: имени Политбюро ЦК ВКП(б), 21 — нагрузка в тоннах движущих колесных пар на рельсы, номер 01 [1, с. 423–425; 14, с. 27]. В 1934–1940 гг. электровоз водил пассажирские поезда на Закавказ-

ской железной дороге. В 1940–1942 гг. был переведен в депо Москва-III. Опыт эксплуатации локомотива оказался удачным, и железнодорожники заказали еще два электровоза. Однако их постройке помешала война. В результате опытный ПБ21-01 так и остался в единственном экземпляре. В 1942 г. электровоз был эвакуирован на Урал, где до 1954 г. был приписан к депо Чусовская Пермской ж/д для вождения пассажирских поездов. С апреля 1954 по февраль 1956 г. снова трудился на Закавказской ж/д. После этого потребовался плановый ремонт, который сделали только в 1961 г. В 1961–2003 гг. был приписан к депо Пермь-II Свердловской ж/д в качестве памятника. В 2003 г. переведен в депо Свердловск-Сортировочный как музейный экспонат на площадке ЕМЖТ. Такого локомотива нет больше нигде.

Главная проблема ЕМЖТ в том, что он крайне неудачно расположен — фактически на отдаленной окраине города в промзоне. К тому же среди екатеринбуржцев район Сортировка всегда пользовался сомнительной репутацией (что, по мнению автора, совершенно несправедливо!). Тем не менее о существовании железнодорожного музея многие горожане даже и не подозревают. И в этом заключается серьезная проблема. На уникальные экспонаты практически никто не приходит посмотреть, хотя музей открыт фактически круглые сутки и является бесплатным. Из-за отсутствия посетителей в зимний период на площадке обычно высокие сугробы, а экспонаты утопают в снегу. Летом же можно видеть, как через уложенную 20 лет назад плитку пробивается высокая трава, а в некоторых местах даже прорастают молодые деревья. Сами локомотивы из-за того, что стоят под открытым небом (это, кстати, проблема не только ЕМЖТ), часто имеют весьма неухоженный вид. Окна давно не имеют стекол и заделаны железными листами, фонари и прожекторы разбиты, борта часто обшарпаны. За все эти годы покраску обычно производили раз в несколько лет. При этом в ходе покраски редко когда пытались воссоздать реальный исторический облик машин.

«Екатеринбургский музей железнодорожного транспорта», пожалуй, является на данный момент самым небольшим профильным музеем в России. Пока в нем числятся в качестве экспонатов только 8 локомотивов. Для сравнения: в других музеях количество экспонатов исчисляется десятками. Однако у ЕМЖТ есть своя «изюминка» — это единственный музей страны, в котором наиболее полно представлен первый этап истории отечественного электровозостроения. Здесь

есть линейка всех основных моделей электровозов, спроектированных и построенных в довоенный период, включая экспериментальные и опытные машины. Напомним, что электровозы СКМ-04 и ПБ21-01 вообще есть только в единственном экземпляре, а ВЛ22^м-171 относится к редким ранним выпускам.

Тем не менее можно сказать, что «есть свет в конце тоннеля». Еще в 2012 г. было принято решение о расширении экспозиции и превращения ее в полноценный музей на уровне лучших мировых образцов. Причем исторические локомотивы должны будут экспонироваться как на открытом воздухе, так и в закрытых помещениях. Для этого были выделены бывшие ремонтные цеха локомотивного депо Свердловск-Пассажирский (совсем рядом с железнодорожным вокзалом). Сюда же предполагается перевести и экспозицию с площадки на Сортировке. Перед этим уникальные локомотивы должны будут пройти серьезную реставрацию. Открытие первой очереди обновленного музея предполагалось еще в 2013 г. Однако дело идет очень медленно. Тем не менее, несмотря на крайне скудную информацию о новом музее, можно сказать, что все развивается в нужном направлении. В октябре 2023 г. на тематических сайтах появилось фото электровоза ВЛ8-1642, который прибыл с полигона ВНИИЖТ в подмосковной Щербинке в готовящийся новый корпус ЕМЖТ. Электровоз был качественно отреставрирован и занял место в здании бывшего депо. В декабре 2023 г. в Екатеринбург из депо Барабинск (Новосибирская обл.) привезли электровоз ЧС2к-917, который также планируется отреставрировать для расширяющейся экспозиции. Таким образом, работа по новому железнодорожному музею хоть и очень неспешна, но идет. В Екатеринбурге как крупном экономическом, административном, культурном и научно-образовательном центре России должен и может быть полноценный железнодорожный музей.

Библиографический список

1. **Раков В.А.** *Локомотивы отечественных железных дорог (1845–1955)* / В.А. Раков. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Транспорт, 1995. — 564 с.
2. **Макаров Л.** *Усиленные, модернизированные, реконструированные* / Л. Макаров // *Техника — молодежи*. — 2006. — № 4. — С. 48–49.
3. **Макаров Л.Л.** *Серия Э. Паровоз и эпоха : в 2 т.* / Л.Л. Макаров. — Тула : ООО «Салон оперативной полиграфии», 2019.

4. Макаров Л.Л. «Феликс Дзержинский» / Л. Макаров // Техника — молодежи. — 2006. — № 1. — С. 48–49.
5. Курихин О. Имени Владимира Ленина / О. Курихин // Техника — молодежи. — 1980. — № 10. — С. 28–29.
6. Раков В.А. Локомотивы отечественных железных дорог (1956–1975) / В.А. Раков. — Москва : Транспорт, 1999. — 443 с.
7. Ivan-Porov. [А чего спрашивать — ВЛ22-171...]: комментарий к публикации «ВЛ22-171» / [Машинист пивного крана] // RailGallery : сайт. — 13.08.2016. — URL: <https://railgallery.ru/photo/18985/> (дата обращения: 30.01.2024).
8. Макаров Л.Л. «Лебедянка» / Л. Макаров // Техника — молодежи. — 2006. — № 8. — С. 48–49.
9. Ильин Ю.Л. История железнодорожной техники. Тепловозы серий ТЭ3 и ТЭ7 / Ю.Л. Ильин. — Санкт-Петербург : ИД «Ноосфера СПб», 2009. — 68 с.
10. Курихин О. Основной серийный / О. Курихин // Техника — молодежи. — 1994. — № 3. — С. 18–19.
11. Курихин О. Сурамский электровоз / О. Курихин // Техника — молодежи. — 1980. — № 5. — С. 28–29.
12. Жевак С. Локомотивы без пара и дыма. Первый отечественный электровоз ВЛ19 / С. Жевак // Моделист-конструктор. — 2010. — № 6. — С. 34–40.
13. Курихин О. Первый магистральный / О. Курихин // Техника — молодежи. — 1980. — № 4. — С. 14–15.
14. Курихин О. С маркой ПБ / О. Курихин // Техника — молодежи. — 1980. — № 7. — С. 26–27.

D.A. Vaskov

Railway Relics of Ekaterinburg: Problems of Preservation And Presentation

Abstract. The article examines the problems associated with the preservation and presentation of locomotive monuments and exhibits of the railway museum located in Ekaterinburg. It is noted that the exposition of the Ekaterinburg Museum of Railway Equipment has absolutely unique exhibits. The necessity of creating a full-fledged railway museum is justified.

Keywords: railway museum, railway relics, locomotive monuments, steam locomotive, diesel locomotive, electric locomotive.

Vaskov Dmitry Aleksandrovich, senior teacher, Department of Russian History, Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: dvaskov@mail.ru.

УДК 908

В.И. ДАВЫДОВА¹

СВАДЕБНЫЕ РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ, БЫТОВАВШИЕ В КРАСНОУФИМСКОМ РАЙОНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье публикуются обрядовые песни русской свадьбы, записанные во время этнографической экспедиции. Автор записала песни, которые напела А.В. Цепилова, уроженка с. Криулино Красноуфимского района. Русская свадебная церемония длилась довольно долго и состояла из нескольких этапов. Анна Васильевна, несмотря на свой преклонный возраст, очень хорошо помнила обрядовые песни русских свадеб, рассказала об этапах русской свадьбы и напела сопровождающие их песни.

Ключевые слова: свадебные обрядовые песни, русские свадебные песни, свадебные песни, обрядовые песни, русские свадебные традиции.

Свадьба издавна считалась самым главным событием в жизни. Она является одним из самых красивых, торжественных и незабываемых событий в жизни человека, с которым связано рождение семьи.

В связи с тем, что православие не предусматривает возможности развода, люди женились лишь один раз. Чаще всего свадьбы играли осенью, между бабьим летом и постом, или зимой — между Крещением и Масленицей.

До начала XX века в русском свадебном обряде прослеживались две резко различавшиеся части: церковный обряд — венчание, и свадьба — веселый семейный обряд.

Обычаи русской свадьбы корнями уходят глубоко в славянские традиции и обряды, в которых невесте отводилась ключевая роль.

¹ Давыдова Вера Ивановна, МБУ «Красноуфимский краеведческий музей» (Красноуфимск, Россия); e-mail: prirodoved1957@mail.ru.

Вся церемония длилась достаточно долго и полностью, от начала и до конца, сопровождалась песнями, отражающими образ жизни, традиции и чувства народа.

В величальных свадебных песнях внешность жениха и невесты идеализируется. Как отмечают исследователи, основной чертой, общей для величальных свадебных песен, является необычайная яркость изображаемых картин, красота рисуемых портретов, богатство и пышность всей обстановки действия, это достигается прежде всего путем отбора из народных песен поэтических средств тех образов, которые искони связываются с понятиями богатства, благополучия и счастья [1].

В 1983 г. Красноуфимский краеведческий музей совместно со Свердловским краеведческим музеем проводил этнографическую экспедицию в Красноуфимском районе.

Во время этой экспедиции мы посетили несколько сел и деревень района. В с. Криулино мне посчастливилось записать обрядовые песни русской свадьбы, которые напела уроженка этого села А.В. Цепилова. Анна Васильевна, несмотря на свой преклонный возраст (родилась 22 декабря 1910 г.), очень хорошо помнила обрядовые песни русских свадеб, в которых в молодости сама неоднократно принимала участие.

Анна Васильевна рассказала, что русские свадьбы проходили в несколько этапов, в каждом из которых пелись обрядовые песни, и перечислила их:

1. Сватовство.
2. Сговор.
3. Девичник.
4. День свадьбы.
5. Свадебный пир.

В русской традиции свадьба начинается намного раньше того, как жених с невестой вступают под церковный венец. Принято было молодых считать парой со сватовства — при котором родственники невесты давали свое согласие на свадьбу. После этого ни одна сторона не могла без уважительной причины разорвать соглашение и отказать от брака.

Анна Васильевна сватовство называла просватаньем. Жених с родными приезжает к родителям невесты. За столом, помимо разговоров, поются песни невесте:

На море орлицы
Купались да купались,
На синём, черном
Умывались.
В тереме девица
Слезно плачет.
Ой, как жалобно
Жалобу несет
Все на тятеньку,
На родимого.
Тятенька пей,
Да меня не пропей.
Не меня пропьешь,
Свой высок терем.
Мне его не жаль
И не жаль будет.
Только мне жаль
Трубчатой косы,
Алых ленточек.

Анна Васильевна отмечала, что, выходя замуж, девушка уезжала жить к суженому и часто ей очень долго не удавалось встретиться с родными. Поэтому песенное сопровождение во время сватовства отражало его суть — разрыв с прежней жизнью, уход из родного дома, вступление в новую жизнь.

После того, как сватовство состоялось и предложение родственников жениха породниться с родственниками невесты принято, начинается новый предсвадебный этап — сговор. На нем родственники жениха и невесты обсуждали, решали организационные и хозяйственные вопросы о том, какое за невесту дают приданное, о затратах и финансовых вложениях в проведение свадебной церемонии, где жить молодым после свадьбы и другие важные для обеих сторон вопросы. Каждая сторона старалась не прогадать.

После просватанья до свадьбы идет период плаканья. В это время у невесты собираются подруги и помогают готовить приданое и свадебный наряд. Поются все свадебные песни, однако веселые были под запретом. На эти посиделки приходили еще и матери и бабушки молодых парней присматривать своему сыну или внуку невесту. Смотрели насколько быстро, ловко и качественно девушки выполняют работу.

Очень памятным для невесты, по словам Анны Васильевны, был последний вечер перед свадьбой. В этот вечер проводился обряд очищения в бане и девичник — памятный день, который невеста проводила со своими подругами, сестрами, матерью и тетками. Угощением на девичнике обычно были сладкие пирожки.

На девичнике подруги пели грустные песни, а невеста плакала и причитала. Если девушку выдавали по расчету за нелюбимого, старого, а еще и незнакомого из дальнего села, невеста от души навзрыд ревела и причитала. Если по согласию — причитания и плач были наигранными, для соблюдения обычая.

В вечер перед свадьбой невесте в последний раз заплетали одну косу. Косу плела мать, а подруги сопровождали это действие песней:

Ой, ты гора ли моя высокая,
Ой, ты стена моя белокаменна.
Ой, приступись-ка, родимая мамонька,
Ой, что ко мне же да молодешеньке,
Ой, ко кручинной да красной девице.
Ой, заплети-ка, родимая мамонька,
Ой, что мою да трубчату косу,
Ой, на роду-то хотя не впервые,
Ой, девьей красоте вопоследние.

На следующее утро, в день свадьбы, мать косу расплетала, а подруги пели эту же песню, только вместо слова заплети, пели — расплети и добавляли куплеты. Затем невеста раздает ленточки подругам и поет-причитает:

Ой, вот пошла же моя краса девичья
Ой, по кумушкам, по подруженькам.
Ой, по душам, да по красным девицам,
Ой, вы кумушки, мои подруженьки
Ой, берите вы мою красу девичью.

После этого подруги ехали кататься. Вернувшись обратно, одевали невесту в свадебный наряд.

В день свадьбы в доме невесты готовят стол, ждут приезда жениха. Когда приезжает жених со свадебным поездом, его ставят на коврик, который стелют на улице у ворот дома, и поют ему песню:

Под городом
Да как под Астраханью
Стояла сила

Не малая, да не малая.
Кто во этой силе
Воеводой, да воеводою.
Да разудалый молодец
Свет же Иван-от
Васильевич, да Васильевич.
Хвалится он
Да похваляется:
Я эти ворота
Каблуком расшибу,
Я этот народ
Весь конем растопчу.
Я красных девиц
Да за бояр поберу.
Я одну девицу
За себя замуж возьму.
Свет же Марию
Ивановну, да Ивановну.

Дружки «бьются» за невесту, выкупают. В это время и до застолья подруги поют невестину песню:

Не слышала молодешенька
Как бояре на двор въехали
Услыхала, испугалася.
Она кидалась, бросалася
Да из горницы в горницу,
Да за кумушек-подруженек.
Ой, вы кумушки-подруженьки
Да прикройте мне головушку,
Да слезоньки полотёнышком.
Вон приехал погубитель мой,
Вон приехал сокрушитель мой.
На то молодец ответ держал:
Да, что не я погубитель твой,
Да, что не я сокрушитель твой
Да погубитель твой тятенька,
Сокрушительница маменька.
Да расплети косы крестноньки,
Да потеряй красу девица.

Анна Васильевна рассказывала о том, что выкуп проходил очень весело и интересно с переодеванием и подменой невесты, различными розыгрышами.

Во время свадебного застолья поют песни свадебжанам по отдельным группам: для всех гостей, невесте с женихом, крестному жениху (тысячному), свахам, большому боярину (родственник, он в церковь везет икону, за столом сидит рядом с крестным), холостякам (друзжкам), вдове, семейной паре.

а) песня для невесты с женихом:

Во саду было, во садичке,
 Во саду было, во зеленом.
 Тута ходила, гуляла
 Душа красна девица.
 Он ходила, заблудилася,
 Да, заблудившись, слезно плакала.
 Ей на встречу идет тятенька,
 Ты о чем плачешь, милая дочь?
 Ой, ты тятенька, тятенька,
 Еще как мне не плакати.
 Ты на что рано пиво варишь?
 Ты на что гостей чествуешь?
 Али сына женить хочешь?
 Да, али дочерь отдать хочешь?
 Да, не меня ли молодёшеньку,
 Душу красную девицу?
 Ты не плачь моя мила дочь,
 Я те дам провожатого.
 Да провожата брата милого.
 Ой, ты тятенька, тятенька,
 Провожатый брат воротится,
 Отойдет, низко поклонится:
 Ты живи, сестра милая,
 Ты живи, платьё не снашивай,
 Ты живи, горе не сказывай.
 Понося, платьё сносится,
 Потерпя, горе скажется
 Что чужому-чуженину
 Да свет Ивану Васильевичу.

б) для всех гостей:

Не было ветру, — 2 раза
 Вдруг навинуло. — 2 раза
 Не было гостей, — 2 раза
 Вдруг наехали. — 2 раза
 Полна ограда — 2 раза.
 Золотых карет. — 2 раза
 Полна конюшня — 2 раза
 Да вороных коней. — 2 раза
 Полно застолье — 2 раза
 Дорогих гостей. — 2 раза

в) крестному жениху (тысячному):

Ой, ты тысячной воевода, воевода,
 Свет Владимир воевода, воевода,
 Свет Иванович воевода, воевода.
 Ты горазден был воевати, воевати.
 Твоя милая жена снаряжати, снаряжати.
 Ты Арина-та снаряжати, снаряжати,
 Свет Ивановна снаряжати, снаряжати.
 Твои дети провожати, провожати,
 Светы Игорь провожати, провожати,
 Свет Владимирович провожати, провожати.
 Завоевывал губерниями, губерниями.
 В губерниях-то брал городами, городпми.
 В городах-то брал теремами, теремами,
 В теремах-то брал головами, головами.
 Свет и Анну-то со косою, со косою,
 Свет Владимировну со русою, со русою.

г) свахам:

за столами дубовыми, — 2 раза
 За скатертями бранными, — 2 раза
 За яствами сахарными, — 2 раза
 За питьями медовыми — 2 раза
 Тут сидят княжи-свашеньки, — 2 раза
 Дороги-любы гостьюшки. — 2 раза
 Вы откуда наехали, — 2 раза
 По которой сторонушке, — 2 раза
 По которой дороженьке. — 2 раза

На вас шубочки в сто рублей, — 2 раза

А косыночки в тысячу. — 2 раза

Вам самим-то сметы¹ нету, — 2 раза

Еще та тебе сметушка — 2 раза

Ваша милая ладушка — 2 раза

Свет Мария Ивановна. — 2 раза

д) большому боярину (родственник, он в церковь везет икону, за столом сидит рядом с крестным):

Как на горке, на гороньке,

На высоком на пригорышке.

Тут стояли три зеленые дуба.

На тех дубочках голубчики сидят,

Добра молодца выхваляют.

Ты богатый — богатыня,

Ты купчина несметная,

Ты по сторонам пяточки бросал,

Ты десятой ворота открывал.

Из победы сирот выкупал.

Вы сироты, сироты мои,

Вы молитесь Богу за меня,

За мою жену боярыню,

Да за моих малых деточек.

е) холостякам (друзжкам):

У сахарного древышка² — 2 раза

Золота была веточка. — 2 раза

У родимого тятеньки, — 2 раза

Что один был милый сын — 2 раза

Свет Александро ты Игоревич. — 2 раза

Его тешили, нежили, — 2 раза

По головушке гладили, — 2 раза

Во солдатушки ладили. — 2 раза

Ты расти-расти, милый сын, — 2 раза

Ты повырасти выше всех. — 2 раза

Снарядим тебя лучше всех. — 2 раза

Мы поедем по сужену, — 2 раза

Мы поедем по ряжену. — 2 раза

¹ цены. — В.Д.

² дерево. — В.Д.

Не слезай ворота отворять, — 2 раза

Ты слезай только затворять. — 2 раза

Ты войдешь на высоко крыльцо, — 2 раза

Ты снимай шляпу черную, — 2 раза

Бери в левую рученьку. — 2 раза

Ты взойдешь во высок терем, — 2 раза

Ты не низко тестю кланяйся, — 2 раза

Теще-матушке ниже всех. — 2 раза

Добирайся до суженой, — 2 раза

Добирайся до ряженой, — 2 раза

До души, до красной девицы. — 2 раза

Или:

Как у броду было, бродичку,

Ой калина, ой малина,

У калинова мосту.

Ой калина, ой малина,

Тут бежали же кони,

Ой калина, ой малина,

Все кованы подковами,

Ой калина, ой малина,

Один конь не подкован.

Ой калина, ой малина,

Вкруг коня ходил молодец,

Ой калина, ой малина,

Свет Евгений Васильевич,

Ой калина, ой малина,

Со конем речь говорил.

Ой калина, ой малина,

Ты конь мой вороной, сослужи мне службу.

Ой калина, ой малина,

Сбегай в Москву по невету.

Ой калина, ой малина,

Московская невеста,

Ой калина, ой малина,

Молода и красива,

Ой калина, ой малина,

Она горда и спесива,

Ой калина, ой малина,

Сидит в горнице на стуле,
 Ой калина, ой малина,
 Чешет волосы русы,
 Ой калина, ой малина,
 С волосами речь говорит:
 Ой вы волосы русы,
 Ой калина, ой малина,
 Кому же достанетесь.
 Ой калина, ой малина,
 Доставалися волосы,
 Свет Евгению Васильевичу.
 Ой калина, ой малина.

Или:

Розан, мой розан,
 Виноград зеленый.
 Кто у нас хороший,
 Кто у нас пригожий.
 Ванюшка хороший,
 Иванович пригожий.
 Розан, мой розан,
 Виноград зеленый.
 По лужочкам едет,
 Лужки сколохнулись.
 Розан мой, розан,
 Виноград зеленый¹.

ж) вдове:

Что же ты, лебедушка, — 2 раза
 На воде одна,
 Да, на воде одна.
 Я не одна, — 2 раза
 Да видит Бог, не одна. — 2 раза
 Много со мной — 2 раза
 И гусей, и лебедей. — 2 раза
 Что же ты, вдова, — 2 раза
 Да на пиру одна. — 2 раза
 Я не одна, — 2 раза
 Да видит Бог, не одна.

¹ Далее не помнит. — В.Д.

Много со мной — 2 раза
 И князей, и бояр. — 2 раза
 Только нет со мной — 2 раза
 Да мила ладушки. — 2 раза
 Заняла его — 2 раза
 Да грусть-неволюшка,
 Грусть неволюшка,
 Да сыра земля,
 Мать сыра земля,
 Да гробова доска. — 2 раза

з) семейной паре:

Голю-голю голубок, — 2 раза
 Голю-голю сизенький. — 2 раза
 На терем взлетел, взворковал. — 2 раза
 К терему припал, послушал — 2 раза
 Кто в тереме говорит. — 2 раза
 Говорит во тереме муж с женой — 2 раза
 Свет Андрей Александрович. — 2 раза
 Жена моя боярыня — 2 раза
 Свет Галига Ивановна, — 2 раза
 Родил сына сокола — 2 раза
 Александра Андреевича — 2 раза
 Я за то тебе понакуплю — 2 раза
 Да куплю перстень золотой — 2 раза
 С наставочкой с насыпной — 2 раза

Или:

Как у чарочки, у серебряной — 2 раза
 Золотой-от был веночек. — 2 раза
 У Ивана-то у Петровича — 2 раза
 Да дорогой его ум-разум. — 2 раза
 Где он ходит, где гуляет — 2 раза
 Домой едет ночевати,
 Домой едет ночевать.
 Да, он велит жене встречать — 2 раза
 Уж ты, Любушка, встречай, — 2 раза
 Некогда тебя встречать,
 Недосуг тебя встречать.
 Да надо сына-то качать — 2 раза

Сына милого качаю — 2 раза
 Себе сношеньку рачаю¹, — 2 раза
 Сноху, сноху молодую, — 2 раза
 Заменушку вековую. — 2 раза

Или:

По столу, столичку явственному, — 2 раза
 По блюду, блюдечку серебряному — 2 раза
 Плавала чарочка в сладком меду, — 2 раза
 В сладком меду с сладкой патокою. — 2 раза
 Никто за чару не примется. — 2 раза
 Взялся, принялся один господин — 2 раза
 Свет же Иван-от Петрович. — 2 раза
 Сам изопьет, он жене подаст — 2 раза
 Свет же Любви Ивановне — 2 раза
 Пей-ка, искушай, боярыня моя. — 2 раза
 Право же друг, мне не хочется, — 2 раза
 Видит же Бог, худо можется. — 2 раза
 Ночесь младенькой маленько спалось, — 2 раза
 Мало спалось, много виделось. — 2 раза
 Виделось, киревосилося² — 2 раза
 Будто у нас на широком дворе — 2 раза
 Выросла травонька шелковая, — 2 раза
 Расцвели цветики аленькие, — 2 раза
 Аленькие, все лазоревые. — 2 раза
 По этой травоньке ходил павин³, — 2 раза
 Ходил павин с сизой павушею. — 2 раза
 Сизая павуша — ты у меня. — 2 раза
 Сиза павушка — я у тебя. — 2 раза
 Шелкова травонька — гости у нас. — 2 раза
 Алые цветики — дети при нас. — 2 раза

Кому девушки пели песни, к тем подходили и собирали деньги, при этом напевали:

Серебро на ребро становися, становися,
 К нам ко девушкам прикатися, прикатися.
 Мы девушки сладкоежки, сладкоежки,

¹ от «рачительный». — В.Д.

² крять = дремать, местный диалект. — В.Д.

³ павлин. — В.Д.

Нам на пряники, на орешки, на орешки.

Таким образом, свадебный обряд, бытовавший в нашем крае до начала XX века, является комплексом обрядовых действий, элементов устной поэзии, народного фольклора и красноречия, ключевую роль в которых играет песня.

Библиографический список

1. Свадебные обрядовые песни. — Текст : электронный // Учат в школе : [сайт]. — URL: <https://uchat-v-skole.ru/biblioteka/obryadovye-pesni/372-svadba> (дата обращения: 06.04.2022).

V.I. Davydova

The Krasnoufimsky District in the Late XIX – Early XX Century Wedding Russian Folk Songs

Abstract. The article publishes the ritual songs of the Russian wedding, recorded during the ethnographic expedition. The author recorded songs sung by A.V. Tsepilova, a native of the village of Kriulino, Krasnoufimsky district. The Russian wedding ceremony lasted quite a long time and consisted of several stages. Anna Vasilyevna, despite her advanced age, remembered the ritual songs of Russian weddings very well, told about the stages of the Russian wedding and sang the accompanying songs.

Keywords: russian ritual songs, russian wedding songs, wedding songs, ritual songs, russian wedding traditions.

Davydova Vera Ivanovna, senior researcher, Krasnoufimsk Museum of Local Lore, Krasnoufimsk, Russia; e-mail: prirodoved1957@mail.ru.

«АНТОНИНОВСКИЙ КЛАД»: ИЗВЕСТНОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ

Аннотация. История поступления и общее описание документально-вещевогоклада, обнаруженного в 1975 г. в доме «под снос» в Свердловске. Это были личные вещи, документы и разная утварь, всего около 400 предметов почти 80 наименований, спрятанные семьей протоиерея А.П. Антонинова в 1919 г. перед эвакуацией из города с армией Колчака. После приема в музей комплекс никогда не экспонировался целиком как «клад», лишь отдельными предметами в разных выставках. В ходе исследования установлен состав семьи и некоторые подробности из жизни ее членов, в том числе благодаря переписке с потомками А.П. Антонинова.

Ключевые слова: клад, Гражданская война, дом, снос, музей, коллекция.

Почти полвека назад, в 1975 г., в фонды областного музея из Ленинского ОВД города Свердловска был передан уникальный комплекс из нескольких сотен предметов, документов и даже продуктов с места сноса здания на улице 8 Марта, 58 (бывш. ул. Уктусская). Обстоятельства находки и имена тех, кто ее обнаружил, документально не были зафиксированы. Изустно до нас дошла версия, что в предназначенных к разрушению домах играли вездесущие мальчишки, один из них шутиливо оттолкнул товарища к ветхой стенке, она внезапно обвалилась, и взору открылись составленные и уложенные явно несовременные вещи, включая оружие. Вот тогда делом занялась милиция, а потом и музейщики.

Обнаруженные в тайнике документы помогли установить, что его владельцем была семья протоиерея А.П. Антонинова (1860–1920), видимо, имевшая отношение к этой квартире. Летом 1919 г., в разгар Гражданской войны Александр Петрович Антонинов, будучи ректо-

¹ Двинских Любовь Аркадьевна, ГАУК СО Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера (Екатеринбург, Россия), главный научный сотрудник отдела истории; e-mail: uole.museum@mail.ru.

² Потемкина Ольга Николаевна, ГАУК СО Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера (Екатеринбург, Россия), старший научный сотрудник; e-mail: uole.museum@mail.ru.

ром Екатеринбургской духовной семинарии, эвакуировался вместе с ней и своим семейством при приближении Красной армии к городу. Руководимое им учебное духовное учреждение располагалось в здании, где сейчас находится УрГЭУ (СИНХ), именно для строительства его нового корпуса в 1975 г. сносили по соседству старые одно-двухэтажные дома дореволюционной постройки. Никто из Антониновых в Екатеринбург не вернулся, и десятки лет в отличной сохранности пролежали за глухой стеной их личные вещи, документы, а также разная житейская и церковная утварь.

Поступление в фонды антониновских вещей — редчайшее событие в полуторавековой истории комплектования СОКМ. Чаще всего в музейные коллекции если и поступают предметы давних эпох, то почти всегда это единичные памятники, фрагментарные свидетельства прошлого, как бы вынутые из присущей им, давно утраченной среды обитания. В случае с антониновским схроном в музей попал именно комплекс взаимосвязанных предметов и документов из жизни большой екатеринбургской семьи в 1919 г., всего около 400 предметов примерно 80 наименований! Настоящий клад для музейщиков, дающий возможность представить ушедшую эпоху в деталях и даже охарактеризовать отдельных членов семьи. На протяжении нескольких десятилетий антониновские вещи отбирают для самых разных выставок и экспозиций об эпохе конца XIX – начала XX вв. Почти всегда эти экспонаты привносят особую атмосферу, удивляют, когда необычностью, когда современностью, а подчас просто тем, что сохранились.

После приема и постановки на учет предметы комплекса оказались во всех вещественных, документальных, нумизматических, изобразительных и даже, пусть и в небольшом числе, в естественнонаучных коллекциях СОКМ.

В хранении «Дерево»: столовые стакан, чашка, тарелка, походные ложка с вилкой, пепельница с орнаментом из листьев, невысокая вазочка под цветы, пять больших и малых шкатулок карельской березы, причем одна — в форме пня, другая — в виде гири. Был оставлен в схроне даже священнический сборный жезл в футляре с бархатной подложкой, украшенный резьбой и росписью, а также несколько пасхальных яиц, из которых два именные: «Коля» и «Котя».

В коллекции «Камень, кость, рог, гипс» хранятся теперь: письменный прибор с двумя чернильницами, два костяных ножа, яйцо пасхальное. Печати из горного хрусталя, вазочки, пепельница, кабинет-

ные письменные принадлежности из камня и гипса в настоящее время находятся в Музее истории камнерезного и ювелирного искусства, который первоначально создавали как филиал краеведческого музея и на основе его фондов.

В «Керамику» из схрона поступило много фарфоровых и стеклянных вещей: около двадцати тарелок из разных столовых сервизов, блюда, сахарница, сливочник, соусник, настенный барельеф, статуэтка слона с двумя корзинами, ваза, перочистка в фарфоровом футляре, совершенно удивительный письменный прибор на створке перламутровой раковины, а еще — две чернильницы, две медицинские банки, стаканчик, мензурка, капельница, вазочка, зеркало, шкатулки в виде сердечка и пасхального яйца, абажур керосиновой лампы и два пасхальных яйца.

В коллекции «Ткани» антониновскими значатся несколько мужских рубах, пара матросских роб, мужские же подворотнички, нижнее белье, пояс с кистями, шапка и пара галстуков, белье разного назначения — наволочки, простыни, полотенца, в том числе с монограммами «Н.А.» (видимо, Николая Антонинова), вязанные и тканые салфетки, скатерти, покрывальца, а также изящные женские и мужские перчатки, вышитая позолоченным бисером сумочка в форме сердца, настенный бархатный карман с вышивкой, атласная лента. Среди этих бытовых житейских вещей выделяются армейского образца холщовая защитного цвета сумка для оружейной амуниции, патронташ и поясная сумка с чернильным обозначением «К.А.» (Константина Антонинова?)

Собственно амуниция — семь различных креплений и ремней для кортика, штык-ножа и др., — хранится отдельно от сумки в коллекции «Кожа, мех». Там же из клада мужские и женские «под каблук» калоши в отличном состоянии, а еще высокие кожаные сапоги на шнуровке, которые были бы практичны и уместны по дизайну даже в современном мужском гардеробе.

Отметим, что предметы из антониновского комплекса, пусть и поношенные. и заштопанные, почти всегда в хорошем экспозиционном состоянии. Их опрятность, отсутствие застарелой желтизны, относительная свежесть цвета тканей и бумаги объясняется не только аккуратностью хозяев, но и тем, что долгие десятилетия вещи оставались нетронутыми в сухом и темном помещении.

Около 90 предметов передано в коллекцию «Металл»: настенные английские часы с ключом, микроскоп в рабочем состоянии в деревян-

ном футляре, термометр, модель паровой машины, керогаз, чайник, консервный нож с рукояткой в форме рыбы, орехоколки, латунное пасхальное яйцо, машинка для стрижки волос, лампы накаливания, один подвесной и два настольных электросветильника, электровыключатель, несколько кабинетных вещей художественного чугунного литья, в их числе каслинская статуэтка Наполеона, готовальня, дырокол, карандашница, подставка под чернильницы, подсвечники настольные и подвесной с абажуром, две печати, одна из них настоятеля Успенского Далматовского монастыря, одежная щетка, аптекарские весы с комплектом золотников, а еще несколько сервизов столовых приборов — златоустовский, торгового дома «М.И. Теребина сыновья» из Павлово и легендарной компании Hackman из русской Финляндии.

В коллекцию приборов «от Антониновых» поступил прекрасный комплекс предметов для фотографирования и просмотра слайдов: фотоаппарат «Трильби» с этикеткой магазина В. Метенкова в Екатеринбурге, бак «Кодак» для проявления пленки в футляре, фотофонарь, стереоскоп с диапозитивами и увеличительный аппарат. Помимо приспособлений для фотодела (сколь популярного, столь и малодоступного в 1910-е гг.), имелся и гальваноскоп, видимо, из числа учебных пособий, как упомянутые выше микроскоп с моделью паровой машины. Совсем неудивительно для многодетного дома, где глава семьи — педагог и руководитель учебного заведения.

Итак, в тайнике Антониновы спрятали обычные в житейском обиходе, возможно, ценные в условиях гражданского конфликта или дорогие душе предметы и документы. Увезти все в эвакуацию не получилось, а оставлять в лихое время без присмотра в опустевшем жилье не хотелось, да и надежда была, что покидают дом ненадолго, скоро вернуться, а припрятанное позволит быстрее восстановить нарушенную войной жизнь. Тем удивительнее было обнаружить в мирном скарбе семьи протоиерея огнестрельное и холодное оружие с упомянутой уже амуницией к ним в полотняных сумках.

Благодаря антониновскому схрону музейная коллекция «Оружие» пополнилась японской винтовкой системы Арисака образца 1905 г., американской винтовкой Винчестера образца 1895 г., из тех, что в огромном количестве производили в США по заказу русской армии в годы Первой мировой войны; винтовкой и карабином системы Бердана 2 образца 1870 г., бельгийским пистолетом системы Браунинг образца 1900 г., полицейским револьвером западноевропейского про-

изводства и револьвером системы Наган образца 1895 г. Вместе с ними лежали и несколько единиц холодного оружия: златоустовская драгунская солдатская шашка образца 1881 г., два штыка в ножнах для винтовок Винчестера образца 1895 г., штык к винтовке Арисака с ножнами и кинжал кавказского типа. Кто из членов семьи, с какой целью собрал и спрятал с опасностью для жизни этот арсенал в убежище своего дома в условиях бушевавшей в стране и на Урале Гражданской войны — тайна.

Мы не ставили задачи перечислить в этой публикации все антониновские предметы, назовем еще те несколько, которые за почти пятьдесят лет хранения в музее стали настоящими хитами многих выставок и экспозиций. Это головка сахара, мыло 1896 г., спички екатеринбургской фабрики Логиновых, банка сапожной мази, флакончики от духов, использование которых в людском обиходе так скоро течно, так привычно-незаметно. Вряд ли кого в обычной жизни посетит мысль, что они имеют музейное значение. Тем удивительнее вдруг увидеть подобные вещи не на полке современного магазина, а в музее, пришедшими к нам из столетней давности.

В документальные коллекции и архив также был передан большой массив из десятков единиц письменных, печатных и фотографических документов семейства Антониновых, охарактеризуем их чуть позже.

Большим подспорьем при изучении антониновскогоклада стала переписка с Е.А. Караман, живущей на Дальнем Востоке. Составляя свою родословную, она обратилась в наш музей с запросом, и вот тут-то выяснилось, что Екатерина Александровна — праправнучка протоиерея А.П. Антонинова. С ее участием открылось много интересного о людях, трагически покинувших наш город и забытых здесь.

Протоиерей Антонинов Александр Петрович происходил из духовного сословия, его отец и дед были сельскими дьяконами, а из четырех братьев Александра трое также служили Церкви. В Екатеринбурге в духовное училище он, как выпускник Казанской духовной семинарии и кандидат богословия, был определен 27 сентября 1887 г. после недолгой службы учителем географии и арифметики в Далматовском духовном училище.

Также после окончания четырех курсов Казанской духовной академии во вновь образованную Екатеринбургскую епархию был отправлен и его брат Василий Петрович Антонинов. Здесь в духовном

училище он исполнял обязанности инспектора-надзирателя за учениками, заведовал библиотекой, преподавал, в том числе и в женском епархиальном училище, был делопроизводителем миссионерского общества, а после недолгой отлучки для получения степени кандидата богословия в Казанской духовной академии, вернулся в Екатеринбург уже на должность помощника смотрителя духовного училища. Затем местом его службы стал Дальний Восток — недавно созданные Благовещенская и Владивостокская епархии, где он много времени отдал церковно-приходским школам в крае. Составленный им «Отчет о состоянии церковных школ во Владивостокской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1914–1915 гг.» [1] до сих пор является ценным источником по истории начального образования в Приморском крае. К 1917 г. Василий Антонинов дослужился до действительного статского советника, имел несколько орденов и медалей, стал участником Поместного собора 1917–1918 гг.

А вот для Александра Петровича Антонинова вся карьера и жизнь оказались связаны с недавно образованной Екатеринбургской епархией. Как сказано выше, служить он начал в сентябре 1887 г. [2] помощником смотрителя в Екатеринбургском духовном училище, а затем в разные годы заведовал училищной библиотекой, преподавал арифметику, катехизис и изъяснения церковных служб, был церковным старостой при училищной церкви. В 1896 г. назначен инспектором классов, а затем и законоучителем Екатеринбургского женского епархиального училища, впоследствии был утвержден председателем училищного совета.

Натура была деятельная, и в разные годы А.П. Антонинов исполнял обязанности редактора «Екатеринбургских епархиальных ведомостей», короткое время был цензором публикаций в этом журнале, а также проповедей, произносимых священнослужителями Екатеринбурга, служил делопроизводителем в Екатеринбургском комитете православного Общества, состоял штатным членом в Екатеринбургской духовной консистории, членом епархиального Комитета православного миссионерского Общества и в Наблюдательном комитете при свечном заводе. А еще он исполнял должность председателя Совета братства святого праведного чудотворца Симеона Верхотурского, был избран в Комиссию по постройке нового здания духовного училища и в строительный Комитет по постройке церковной школы в Екатеринбурге, его назначали председателем Комиссии для проверки капи-

тала на устройство семинарии и фондового капитала епархиального женского училища в Екатеринбурге и т.д.

В 1894 г. в жизни Александра Петровича произошли важные события: 29 августа он был рукоположен в диаконы, а 30 августа — в священники. 6 мая 1905 г. А.П. Антонинова наградили саном протоиерея. В 1907–1909 гг. он — настоятель Екатеринбургского Богоявленского кафедрального собора, где одновременно заведовал Богоявленской школой грамоты. С увольнением от должности настоятеля назначен смотрителем Екатеринбургского духовного училища. В 1911 г. А.П. Антонинова утвердили председателем Комиссии для решения вопросов открытия духовной семинарии в Екатеринбурге, и когда в августе 1912 г. организовали 1-й семинарский класс при Екатеринбургском духовном училище, он преподавал семинаристам Священное Писание. 24 июня 1916 г. указом Святейшего Синода протоиерея Антонинова назначили ректором Екатеринбургской духовной семинарии [2].

Екатеринбург стал родным домом для семьи Александра Петровича, здесь у них с женой Павлой Николаевной родились: Вера в 1888 г., Александр в 1890 г., Николай в 1892 г., Константин в 1894 г., Ольга в 1896 г. и Сергей в 1900 г. [3, л. 25].

Некоторое представление об этих людях дает документальная часть тайника. При постановке на музейный учет ее разделили: около 70 наиболее информативных, редких и исторически ценных документов передали в коллекцию «Письменные источники», а чуть более 100 антониновских документов и фотографий оставили на хранении в архиве музея. Вот так у нас в фондах оказались билеты благотворительной лотереи 1914 г., слегка пожелтевшие неиспользованные карточки на мануфактуру и продовольствие 1916–1918 гг., бланки с оттисками печатей различных учреждений времени Гражданской войны, несколько удостоверений, например, о надобности в подошвенной коже на 4 карточки от 19 июля 1918 г. или члену военной дружины с разрешением носить огнестрельное оружие от комиссариата по военным делам Екатеринбургского уездного Совета. Имеется несколько пропусков на проезд по железной дороге, на беспрепятственное передвижение по городу днем и ночью, в штаб Сибирской армии и т.д., большей частью выписанных на имя Сергея Антонинова.

Члены семьи, судя по печатным материалам, активно интересовались и даже были вовлечены в происходившие события, о чем свидетельствуют агитационные и пропагандистские материалы избира-

тельной кампании 1917 г., резолюции новых революционных органов власти, изданные в типографии для распространения в массах, билет участника окружного съезда Советов с совещательным голосом, различные объявления и листовки, номера газет — екатеринбургской «Зауральский край», акмолинской «Дело Сибири», западносибирских «Омская земля и воля» и «Русская армия», московской «Земля и воля», а также общероссийских «Известия», «Новая жизнь» и «Знамя труда». Судя по всему, симпатии кого-то из семейства принадлежали эсерам и защите прав крестьян. Кстати, газеты и часть документов, судя по их состоянию, скорей всего использовали для обертки и упаковывания вещей в тайник.

Непонятно, как в числе бумаг Антониновых оказались служебные письма о Сергинско-Уфалейских заводах от 25 октября 1917 г. и пара писем Пермского поземельного банка от ноября-декабря 1917 г. Дом вели бережливо: в тайнике сохранились, например, визитные карточки матери семейства Павлы Николаевны, открытки, конверты, бланки заказов, квитанции, счета, рекламные проспекты, ученические записи, альбомы с марками, открытками и для рисунков, чистый журнал для записей, пара бесплатных приложений к детским журналам «Жаворонок» и «Задушевное слово», указатель цен на русские монеты и письмо членов УОЛЕ от 3 марта 1897 г.

Судя по документальным материалам, Сергей, самый младший из детей протоиерея, был воспитанником Екатеринбургской духовной семинарии, имел слабое здоровье, но деятельную натуру и разносторонние интересы. Он вел переписку с торговцем марок из Петрограда, а также с питомниками, садовыми и семеноводческими заведениями Москвы, Риги, Одессы, Шацка, Саратова, Ростова-на-Дону. Возможно, его интерес к садовому делу был сформирован под влиянием старших брата Александра и сестры Ольги, которая в 1914 г. стала слушательницей Высших женских естественно-научных курсов М.А. Лохвицкой-Скалон в Санкт-Петербурге [4]. Что касается Александра, то по сведениям его правнучки Екатерины Караман, он уже вполне зрелым человеком заочно окончил сельскохозяйственный институт, занимался селекцией на придомовом участке и даже переписывался с Мичуриным. Кроме того, Александр Александрович имел склонность и к точным наукам. Так, после окончания мужской гимназии в Екатеринбурге он проучился четыре курса на математическом отделении физико-математического факультета Санкт-Петербургского

университета [5], затем в Педагогическом институте имени П. Г. Шеллапутина в Москве, успел поработать преподавателем математики реального училища в г. Никольске на Вологодчине, а с лета 1917 г. значился преподавателем в мужской гимназии в Екатеринбурге. Интересно, что весной того же 1917 г. он подавал прошение о зачислении в юнкера на курсы подготовки мичманов и механиков флота [6]. Был он принят или нет, неизвестно, но, возможно, упомянутая выше матросская роба принадлежала гардемарину Антонинову. На Дальний Восток, по семейному преданию, старший сын протоиерея перебрался из Центральной России благодаря совету Я.М. Свердлова и им же подписанному пропуску, который потом долго хранили в семье. Вся последующая жизнь А.А. Антонинова пройдет на Дальнем Востоке, где он станет школьным учителем, женится на Марии Николаевне Карповой и у них родятся трое детей. Александра репрессируют и, видимо, неоднократно, в 1952 г. как контрреволюционному элементу, потомственному почетному гражданину и сыну протоиерея, ему запретят проживать во Владивостоке. Он сумеет претерпеть эти испытания и тихо скончается в 1961 г. в кругу своей семьи.

Довольно много в схроне документов и вещей Николая Антонинова, второго по старшинству сына протоиерея: личные вещи с инициалами «Н.А.», альбом с карандашными и акварельными рисунками, и, возможно, автопортретом. На форзаце этого альбомчика наклеена визитная карточка «Николай Александрович Антонинов. С.-Петербургская гимназия императора Александра I-го», что свидетельствует о месте его учебы. В архивной описи названы его фотографии, связанные с поездкой в Англию, да и, наверняка, все предметы английского происхождения в тайнике принадлежали именно Николаю Александровичу. Сотрудник музея О.Н. Потемкина в совместном исследовании с любителем военной российской истории из Великобритании Романом Фирсовым выявили интересные подробности о пребывании курсанта Русского авиационного корпуса Николая Антонинова на учебе в Англии в 1917 г. Пилотом он не стал, предположительно, из-за травмы во время аварийного учебного полета, но освоил профессию авиационного механика. Уезжали будущие авиаторы в феврале 1917 г. из Российской империи с целью вернуться и победить Германию с союзниками на фронтах Первой мировой, а вернулись уже в сентябре в республиканскую Россию, неприкаянные и никому особо не нужные [7, с. 51–62; 8, с. 26–31]. Некоторое время Николай жил

в отчете дома в Екатеринбурге, вел переписку с управлением воздушного флота о выплате задержанного жалования и своей дальнейшей службе [9, л. 377]. Как сложилась его судьба в дальнейшем, неизвестно. В семье Екатерины Караман о двоюродном прадедушке сохранилась легенда, что он эмигрировал в Канаду.

Также о Константине Александровиче помнят, как о погибшем в ходе Гражданской войны. Это его инициалы сохранились на поясной военной образца сумке, а также в надписи на праздничном пасхальном яйце «Кот[я]». Скорей всего, именно о нем в своей анкете от 1931 г. младший брат Сергей сообщил, что «брат погиб у Колчака» [10, л. 6].

Глава семьи, протоиерей Александр Петрович Антонинов, согласно семейным преданиям, умер совсем еще не старым человеком от тифа в 1920 г. в обозе отступающей Сибирской армии.

Также со слов Екатерины Караман известно, что остальных детей Александра Петровича — Веру, Ольгу и Сергея разметало по стране, со временем у всех сложились свои семьи, и они спокойно прожили свой век среди родных людей вдали от Екатеринбурга–Свердловска. Сергей обосновался в Кунгуре, где до сих пор проживают его потомки. Интересный факт: в городском архиве сохранились документы подтверждающие, что Антонинов Сергей Александрович являлся «проверенным красногвардейцем» в 1918 г., партизаном Сучанского военного отряда в 1922 г., 3-ю группу инвалидности получил «в борьбе с контрреволюцией». Имел ранение и «право на льготы от правительства и местных Советов» [10, л. 1–2, 4].

Вот такие судьбы екатеринбургцев приоткрылись для нас благодаря чудом сохранившимся вещам и документам из снесенного дома на бывшей Уктусской улице. Сначала они были частью биографии этих людей, затем 56 лет пролежали в полном забвении и вот уже почти полвека хранятся в музее в разных коллекциях и под разрозненными номерами, некоторые из них время от времени экспонируются, но еще ни разу не представляли они единым комплексом как свидетельство жизни и трагедии екатеринбургской семьи Антониновых.

Библиографический список

1. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 508.
2. РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 236.
3. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 119.

4. ЦГИА СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 205.

5. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 54203.

6. РГАВМФ. Ф. 436. Оп. 2. Д. 20.

7. **Фирсов Р., Потёмкина О.** Тайны Антониновского клада : История одной несбывшейся мечты... / Р. Фирсов, О. Потёмкина // Веси. — 2020. — № 10.

8. **Фирсов Р., Потёмкина О.** Первые уральские «люди-птицы» : Из истории Русского авиационного корпуса : Тайна клада Антониновых / Р. Фирсов, О. Потёмкина // Уральский следопыт. — 2020. — № 7.

9. РГВИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 63.

10. Архив КМО. Ф. 497. Оп. 1. Д. 5.

L.A. Dvinskikh, O.N. Potemkina

«Antoninov's Treasure»: Known and Unknown

Abstract. The history of receipt and general description of the documentary treasure trove discovered in 1975 in a house «under demolition» in Sverdlovsk. These were personal belongings, documents and various utensils, in total about 400 items of almost 80 names, hidden by the family of Archpriest A.P. Antoninov in 1919 before evacuation from the city with Kolchak's army. After admission to the museum, the complex was never exhibited in its entirety as a «treasure», only as separate items in various exhibitions. The research established the composition of the family and some details of their life, including through correspondence with the descendants of A.P. Antoninov.

Keywords: treasure, Civil War, house, demolition, museum, collection.

Dvinskikh Lyubov Arkadyevna, Chief Researcher, History Department, Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore named after O.E. Kler (Ekaterinburg, Russia); e-mail: uole.museum@mail.ru..

Potemkina Olga Nikolaevna, Senior Researcher, Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore named after O.E. Kler (Ekaterinburg, Russia);

e-mail: uole.museum@mail.ru.

УДК 676:908

И.В. ЗЫКИН¹

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. Рассмотрены тенденции использования производственной инфраструктуры целлюлозно-бумажных предприятий Европейского Севера и Урала, возведенных в годы первых советских пятилеток. Выявлено, что разрушение инфраструктуры происходит вследствие закрытия предприятий или ее ветхого состояния. В некоторых случаях производственные корпуса реконструируются.

Ключевые слова: первые пятилетки, целлюлозно-бумажная промышленность, производственные корпуса, индустриальное наследие.

На современном этапе возрос интерес ученых, государственных и общественных деятелей, бизнесменов и жителей России, и в частности Урала, к проблемам сохранения и использования индустриального наследия. Сформулированы теоретическая база этой исследовательской области [1; 2; 6] и практические рекомендации [4; 5; 10; 13]. Однако анализу подвергнута только малая часть индустриального наследия, еще меньше объектов каким-либо образом было адаптировано под музейные, туристско-рекреационные цели (яркие примеры имеются на Урале: в Нижнем Тагиле, Сысерти, Полевском).

В годы первых пятилеток на Европейском Севере, Урале, в Поволжье были возведены крупные целлюлозно-бумажные комбинаты. Строительство осуществлялось на основе новых подходов к размещению, планировке и архитектурному облику предприятий. Эти вопросы изучены слабо, тогда как производственные корпуса и инфраструктура отражают опыт развития целлюлозно-бумажной промышленности и являются частью индустриального наследия (некоторые здания признаны объектами культурного наследия). Так, многолетняя история борьбы жителей Санкт-Петербурга за сохранение здания Всесоюзного научно-исследовательского института целлюлозно-бумажной

¹ Зыкин Иван Валерьевич, кандидат исторических наук, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), старший научный сотрудник лаборатории цифровых технологий в историко-культурных исследованиях; e-mail: zivverh@mail.ru.

промышленности, построенного в 1955–1957 гг. в стиле сталинского неоклассицизма (ввиду предполагавшегося сноса для последующей жилой застройки), и наделения его статусом объекта культурного наследия [9] свидетельствует о необходимости активного лоббирования для принятия необходимого решения. Это требует знаний законодательства о градостроительстве и историко-культурном наследии, большой активности в отстаивании своей позиции в инстанциях разного уровня.

Последние десятилетия отмечены двумя тенденциями: закрытием некоторых предприятий и разрушением их инфраструктуры; модернизацией производств, в результате чего здания периода первых пятилеток либо сносятся, либо реконструируются. Вследствие этого сведения об архитектурном облике предприятий сохранены в планах и фотографиях (в последние годы опубликовано несколько фотоальбомов и книг [3; 7; 11; 12]). Важны и полевые исследования [8]. На примерах целлюлозно-бумажных комбинатов Европейского Севера и Урала рассмотрены особенности архитектуры, выявлена степень сохранности зданий, построенных в конце 1920-х – начале 1940-х гг., и их использования на современном этапе.

В 1920–1930-х гг. архитекторы и проектировщики разрабатывали новые типы промышленных предприятий. В проектах стало больше внимания уделяться рационализации производственных процессов, движения работников, улучшению условий труда, созданию зеленых насаждений, площадей для проведения митингов и собраний. Эти тенденции реализовывались при строительстве лесопромышленных предприятий. На проектирование целлюлозно-бумажных производств влияли также направления движения сырья, необходимость его хранения, наличие специального оборудования (варочных котлов, бумагоделательных машин). Важную роль играли водные объекты (реки, затоны, рукава, озера), по которым осуществлялся сплав древесины.

Крупные предприятия представляли собой комбинаты, инфраструктура которых соответствовала индустриальному характеру экономики. Заводские корпуса целлюлозно-бумажных производств: как однопролетные (к примеру, варочные цеха), так и многопролетные (например, сушильно-оберточные, очистные цеха) — возводились в каменном исполнении. Наиболее сильно специфику архитектуры производств выражают здания варочных цехов и залов бумажных машин. Обязательными атрибутами предприятий были подсобные

строения, выполнявшиеся из дерева или кирпича, пожарная часть, заводоуправление с проходной.

Так, на Архангельском целлюлозно-бумажном комбинате, вошедшем в строй в 1940 г., внушительным по размерам (из-за больших варочных агрегатов) был корпус варочного цеха. Он состоял из двухэтажной и высотной секций (ее отличали высокие оконные проемы), куда по эстакаде подавалась щепа для варки. Еще одним крупным сооружением была теплоэлектроцентраль. Большие размеры основного оборудования (бумагоделательные машины, пресспаты) обуславливали строительство длинных зданий с большими оконными проемами и световыми галереями.

Теплоэлектроцентраль Соликамского комбината являлась крупным сооружением с высокими оконными проемами. Варочно-кислотный цех, еще одно внушительное строение (позднее подверглось перестройке), включал помещения для котлов и кислотное оборудование. Фасад основного производства (варочно-кислотный, отбельный, сушильный, отжимной и бумажный цеха) выполнен в единой манере. Цоколь оформлен в камне, верхние этажи побелены. Окна имеют разную высоту: наиболее высокие — в зале бумагоделательных машин. Кисотно-варочный цех, имеющий в северной части закругленный объем, соединен с отбельным, сушильным, отжимным и бумажным цехами массивным двухэтажным переходом, в основании которого — арка. Отбельный цех — четырехэтажное многопролетное здание с естественным верхним освещением. Крупным сооружением, завершившим основное производство, являлось здание, где размещались отбельный, сушильный, отжимной и бумажный цеха.

Наиболее негативным сценарием следует считать ликвидацию предприятий и постепенное разрушение их инфраструктуры. За этим следует утилизация оборудования, транспорта и металлических изделий, конструкций. Остаются только остовы корпусов. Расположение предприятия на периферии (показательный пример — Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат в г. Красновишерске Пермского края, который так и не был связан железнодорожным сообщением с основными магистралями) обуславливает минимальный интерес бизнесменов к производственной площадке. Если же комбинаты находятся в городской черте (Соломбальский целлюлозный завод в г. Архангельске; Красноярский целлюлозно-бумажный комбинат в г. Красноярске, строительство которого велось до Великой Отечест-

венной войны, но было приостановлено и возобновилось в 1950-х гг.), то на их площадках — благодаря сохранности транспортных путей — могут возникнуть новые производства.

Еще одна отрицательная тенденция в плане сохранения индустриального наследия — реновация инфраструктуры предприятий посредством реализации инвестиционного проекта. Точнее, происходит разрушение старых заводских корпусов (особенно если они до этого простаивали) с целью нового строительства. При этом менеджеры компании указывают на преемственность истории советского предприятия и современности. Так произошло с Камским целлюлозно-бумажным комбинатом, наиболее крупным проектом первых советских пятилеток, где основные корпуса были разобраны, за исключением нескольких подсобных строений. Сохранилось заводоуправление — объект культурного наследия регионального значения. При строительстве Камского комбината в первой половине 1930-х гг. были реализованы новые способы перекрытия корпусов (например, своды Кольба — тонкие сводчатые плиты, зажатые между арками, расставленными на расстоянии 4–7 м, при пролете свода и арок до 25 м — на цехах котельных работ и склада моделей, очистном отделе). Теперь этот опыт можно изучать только по строительным журналам периода первых пятилеток и фотографиям.

На Соликамском целлюлозно-бумажном комбинате часть зданий (теплоэлектроцентраль, кислотно-варочный цех, ремонтно-механические мастерские) эксплуатируется, но корпус, где раньше располагались отбельный, бумажный, отжимной и сушильный цеха, был законсервирован. В конце 2021 г. здание разобрали. Его демонтаж затягивался сложным архитектурным решением основного производства (четырёхэтажная секция отбельного цеха была соединена внушительной аркой, над которой находится двухуровневый переход, с варочно-кислотным корпусом). В итоге арка была сохранена.

В качестве положительного примера можно привести Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат — одну из крупнейших российских целлюлозно-бумажных корпораций. Его строительство велось во второй половине 1930-х гг., часть объектов сохранилась (выпарная башня), в том числе используется до сих пор (теплоэлектроцентраль).

Итак, в конце 1920-х – начале 1940-х гг. в Советском Союзе возводились крупные комбинаты, в состав которых входили типовые и оригинальные производственные здания, отражавшие изменения

в технологиях целлюлозно-бумажного производства. Как правило, предприятия, которым удалось сохранить или модернизировать цеха периода первых пятилеток, являются одними из лидеров целлюлозно-бумажной промышленности России. Производственные корпуса, инфраструктура играют значимую роль в функционировании, определяют планировку и архитектурный облик предприятий. Обветшание, разрушение части построек, хотя в некоторых случаях и связанное с актуальными задачами модернизации, деформируют восприятие индустриальных ансамблей периода строительства и пуска предприятий, затрудняют их изучение. Опыт строительства и эксплуатации этих промышленных зданий, их архитектурные, эстетические качества должны учитываться при разработке проектов модернизации комбинатов.

Библиографический список

1. **Алексеева Е.В., Быстрова Т.Ю.** *Индустриальное наследие: понятия, ценностный потенциал, организационные и правовые основы* / Елена Алексеева, Татьяна Быстрова. — Екатеринбург : TATLIN, 2021. — 164 с.
2. **Алексеева Е.В.** *Мировое индустриальное наследие: к вопросу о терминологии изучения и сохранения* / Е.В. Алексеева // *Индустриальное наследие России: междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации* : сб. тезисов Всерос. науч. конф., посвящ. 175-летию РГО и 90-летию Ханты-Мансийского авт. округа — Югры. — Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2020. — С. 48–54.
3. *Балахнинскому бумкомбинату — 90 лет! История в фотографиях* / авт.-сост. В. Казаков, А. Моисеев. — Балахна : Акционерное общество «Волга», 2018. — 91 с.
4. **Быстрова Т.Ю.** *Диверсификация проектных решений в работе с индустриальным наследием в 2020-х гг.* / Т. Ю. Быстрова // *Индустриальное наследие как ресурс для развития. Варианты стратегий. 300+ : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Нижний Тагил, 03-04 декабря 2020 г.* — Нижний Тагил : Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», 2020. — С. 26–32.
5. **Зайцева Е.В., Запарий В.В.** *Индустриальное наследие как важнейшая составляющая имиджа промышленного региона (социологический анализ)* / Е.В. Зайцева, В.В. Запарий // *Экономическая история*. — 2017. — № 1. — С. 31–35.

6. **Запарий В.В.** *Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и за рубежом) / В.В. Запарий // Экономическая история. Обзорения. Вып. 13. — М. : МГУ, 2007. — С. 211–217.*

7. **Захарова Е., Фасонов П.** *Рождение гиганта : 1934–1940 / Е. Захарова, П. Фасонов. — Новодвинск ; Архангельск : Карандаш, 2019. — 208 с.*

8. **Зыкин И.В.** *Размещение, планировка и архитектурный облик целлюлозно-бумажных предприятий СССР во второй половине 1930-х гг. (на примерах Архангельского и Соликамского комбинатов) / И.В. Зыкин // Архитектон: известия вузов : электрон, журн. — 2022. — № 1 (77). — URL: <https://archviz.ru/authors/280/>. Дата публикации: март 2022.*

9. **Владислав Краев.** *Как в Петербурге борются за сохранение здания НИИ бумаги / В. Краев. — Российская газета — Экономика Северо-Запада. — 2023. — 12 декабря. — № 281(9226).*

10. **Солонина Н.С., Шипицына О.А.** *Индустриальное наследие Урала: архитектурно-презентационная актуализация : учебное пособие / Н.С. Солонина, О.А. Шипицына. — Екатеринбург : УрГАХУ, 2020. — 380 с.*

11. *Так начиналась легенда.... — Краснокамск : Кама, 2021. — 80 с.*

12. *Хрупкая летопись : фотоальбом : из фондов Архивного отдела администрации Красновишерского муниципального района. — Пермь : Литер-А, 2012. — 192 с.*

13. **Kochetkova E., Petrova A.** *Abandoned, But Not Forgotten Heritage: Former Industrial Enterprises in Cultural and Urban Russian Landscapes / Elena Kochetkova, Anna Petrova // Heritage & Society : electronic magazine. — 2022. — V. 15. — № 3. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/2159032X.2022.2126224>. Publication date: 27.10.2022.*

I.V. Zykin

The Pulp and Paper Industry Industrial Heritage

Abstract. *The trends in the use of the production infrastructure of pulp and paper enterprises of the European North and the Urals, built during the first Soviet five-year plans, are considered. It has been revealed that the destruction of infrastructure occurs due to the closure of enterprises or its dilapidated condition. In some cases, production buildings are being reconstructed.*

Keywords: *the first five-year plans, pulp and paper industry, production buildings, industrial heritage.*

Zykin Ivan Valerievich, *Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Digital Technologies in Historical and Cultural Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: zivverh@mail.ru.*

УДК 72

Э.А. КОВАЛЕНКО¹

АНАЛИЗ АРХИТЕКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ФАСАДОВ ЗДАНИЙ XX ВЕКА В ШАДРИНСКЕ

Аннотация. *Автор поднимает проблему изучения фасадов объектов культурного наследия города Шадринска, построенных в XX веке. Определяется внешнее описание построек, история их создания, а также значение в общественной жизни города. Большое внимание уделяется элементам архитектуры и стилям построек. В исследовании участвовали: здание Реального училища по улице Карла Либкнехта, 3, больница для хронических и неизлечимых больных им. А.П. Ночвина по улице Свердлова, 41, здание Клуба общества взаимопомощи приказчиков по улице Ленина, 136.*

Ключевые слова: *постройка, здание, фасад, Шадринск, архитектура, архитектурный элемент.*

В данной статье рассматриваются особенности архитектурного облика объектов культурного наследия в городе Шадринске, построенных в XX веке. В краеведческих работах по архитектуре города большое внимание уделяется назначению зданий, организациям, размещенным в них. Не изученным остается внешний вид построек, его сопоставление с архитектурными элементами и стилями архитектуры, преобладавшими в городе в то время.

Практически все памятники архитектуры, сохранившиеся до наших дней, относятся к последней четверти XIX – началу XX века. В это время окончательно был сформирован облик города, где небольшие деревянные здания чередовались с законченными ансамблями купеческих усадеб, а также довольно крупными общественными

¹ Коваленко Элеонора Александровна, ФГБОУ ВО Шадринский государственный педагогический университет (Шадринск, Россия), студентка 3 курса; e-mail: eleonora.g.2016@gmail.com.

и торгово-промышленными сооружениями, в большинстве своем из красного кирпича [1, с. 8]. За время советской власти здания XIX–XX веков перестраивались, меняли свой внешний облик, а некоторые были снесены. Но в большинстве своем здания сохранились и эксплуатируются по сей день [1, с. 8].

Для исследования были взяты во внимание три общественных здания города, построенных в начале XX века, где на данный момент находятся: главный корпус ФГБОУ ВО «Шадринского государственного педагогического университета», Шадринский краеведческий музей им. В.П. Бирюкова, Шадринский драматический театр.

Эти объекты построены в различных стилях: кирпичный стиль, модерн, неоклассицизм. Происхождение термина «кирпичный стиль» связывают, в первую очередь, с таким направлением в архитектуре, как рационализм, который появился в России в середине XIX в. Середина XIX в. — время, когда впервые стали задумываться об упрощении архитектурных форм, их удешевлении и экономии материала, что привело к появлению и распространению кирпичного стиля. Так, именно в это время произошел отказ от штукатурки и покраски зданий. Нештукатуренные фасады стали играть основную роль в художественно-эстетическом решении проекта. Всевозможные решения углов здания, карнизов и наличников, сочетавшиеся с различными способами обработки поверхности стены, делали кирпичную кладку красивой, интересной и необычной. Грамотно выполненная кирпичная кладка гарантировала глубину горельефного декора в целый кирпич. Одновременно на индивидуальность и неповторимость здания, на формирование его архитектурного облика оказывали влияние художественный вкус и персональные пожелания заказчиков [2, с. 2]. Термином «модерн» определяют архитектуру, сознательно и резко восставшую против подражательности, каноничности, выступившую с программой обновления зодчества, «современности», выражения особенностей времени с помощью приемов и средств, его характеризующих [3, с. 180]. А вот в неоклассицизме к «внешним», существовавшим в восприятии признакам стиля можно отнести такие качества, как иерархичность, монументальность, парадность (представительность), ансамблевость, театральность, декоративность. При разработке форм профессионалами широко используются такие композиционные приемы и средства, как крупномасштабность, классицистическая тектоничность,

декоративная детализировка и символика, ярусная обработка поверхности фасадов, силуэт, статика, симметрия, декоративные рельефы, фактура, теплые цвета [4, с. 11].

Самым крупным общественным зданием XX века было реальное училище, которое находится по ул. Карла Либкнехта, 3. Здание было спроектировано окружным архитектором В.Н. Чаплицем из Оренбурга, а строительством занимались гражданский инженер И.К. Янковский и городской техник М.П. Гофман. Работа над зданием имела ориентацию на губернские образцы подобных сооружений, более значительных, чем могла предложить шадринская архитектурная традиция [1, с. 23]. Продолжительность строительства — с 1910 по 1914 г.

С началом Первой мировой войны учебные помещения были отданы запасному 139-му стрелковому полку. Впоследствии в марте 1917 г. здесь была создана первая в Шадринске большевистская организация — группа РСДРП. А в Новый год (с 1919 на 1920 г.) в этом здании случился пожар, который длился 3 дня.

Далее в начале 1930-х гг. здесь была фабрично-заводская десятилетка (сначала семилетка). Потом, перед Второй мировой войной — средняя школа № 9. А во время войны тут был госпиталь № 1726 (перед главным входом об этом свидетельствует памятная доска). Также там находилась воинская часть (авиашкола).

Уже с 1954 г. в этом здании располагался Шадринский государственный педагогический институт — одно из старейших высших учебных заведений Зауралья. В наше время в этом здании находится ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет».

Интересно, что в 1960 г. в актовом зале ШГПИ проходила сельскохозяйственная конференция, на которой присутствовал Н.С. Хрущев [5, с. 196].

В начале здание имело Т-образную форму в плане, однако позже с восточной и северной сторон здание было дополнено пристроями, вследствие чего фасады изменились и основной вход был организован с ул. Карла Либкнехта.

Двухэтажный корпус окружен деревьями и обнесен оградой с чугунной решеткой. Здание занимает весь квартал, поэтому южный, северный и восточный фасады равнозначны по степени архитектурной проработки. Первоначально композиция фасадов имела характерную для модерна асимметричную структуру, позднее достройка с пра-

вой стороны уравновесила восточный фасад. Высокий цокольный этаж, большие окна и двери, повышенная высота этажей сообщают комплексу масштаб общественного здания. Вся отделка здания преимущественно прямолинейного рельефа. Его выступающая часть — ризалиты — венчаются фронтоном с парапетными столбиками. Оконные проемы имеют удлиненную форму. Уровень первого этажа, отделанный рустовкой, а также стилизованный замковый камень над дугообразным завершением окон и рельефные лопатки, акцентирующие углы — все это признаки неоклассицизма [5, с. 191]. Кроме того, во внешнем облике здания присутствуют такие элементы, как карниз, филенка, рустик, навершие, цоколь.

Здание имеет два входа, которые располагались в выступах ризалитов. Южный вход акцентирован колоннами дорического ордера с арочным входом и венчается треугольным фронтоном, а восточный оформлен выступающим порталом в виде парадного подъезда [5, с. 191].

Объемно-планировочная композиция и архитектурная пластика фасадов придают зданию строгость и торжественность. В его обработке смешаны декоративные элементы разных стилей (эkleктика). Заслуживает внимания интерьер здания. Наиболее пышно оформлен актовый зал, стены которого украшают пилястры ионического ордера [5, с. 191].

Наиболее массовыми постройками города являются здания, исполненные в кирпичном стиле [6, с. 351]. В таком стиле в Шадринске более 110 лет назад была построена и 29 декабря 1913 года открыта больница для хронических и неизлечимых больных им. А.П. Ночвина. Появилась она по завещанию самарского купца второй гильдии, родившегося и выросшего в Шадринске, Александра Петровича Ночвина. Все свое движимое и недвижимое имущество он завещал городу Шадринску на устройство больницы его имени для неизлечимых и хронических больных, всех без различия сословий городского и уездного населения. Всего на строительство больницы было завещано 100 тысяч рублей.

К выбору места строительства были привлечены врачи, поэтому здание решено было строить на окраине города, близ соснового бора [7, с. 156].

В 1901 году под строительство больницы было отведено место на окраине города на углу улиц Екатеринбургской (Свердлова) и Короткой (Гагарина). При содействии городского головы были выпи-

саны чертежи примерных построек больничных зданий. Городской техник А.Е. Промышленников адаптировал проекты под потребности города. Из предложенных трех вариантов проекта остановились на самом дорогом и современном на тот момент — проекте Иркутской больницы для хронических больных им. коммерции советника и почетного гражданина города Иркутска Иоанна Логиновича Медведникова и жены его Александры Ксенофоновны [7, с. 157]. В 1902 г. пришло одобрение из строительного отдела Пермского губернского правления, и в этом же году начали строительство.

12 августа 1902 г. состоялись торги по отдаче каменных работ при постройке здания. В торгах участвовало 5 человек, где были выставлены условия:

- работы начать в текущем периоде, употребив при этом кирпич, изготовленный Городской управой (171 тыс. шт.) и сложенный на назначенном под больницу месте;
- кирпичные работы закончить в 1903–1904 гг., для успешной работы необходимо поставить вполне достаточное количество рабочих;
- мастера и рабочие должны быть опытные;
- снабжение работ материалами и инструментами в достаточном количестве;
- непременно должен быть мастер-десятник, который получает указания от техника Городской управы. Если между рабочими замечены будут люди нетрезвые, мало знающие свое дело, не исполняющие приказаний по первому требованию управы, их немедленно удалить и заменить более благонадежными людьми [5, с. 184].

Составил смету и начал строительство городской техник Промышленников Александр Емельянович. Но ему помешала тяжелая болезнь, и дело завершил сменивший его на посту городского техника Михаил Петрович Гофман. Строительство продолжалось 11 лет, так как ежегодно город располагал только суммой в 2800 рублей, получаемой в виде процентов с завещанного капитала [7, с. 159].

К моменту открытия больницы был определен перечень призываемых, страдающих тем или иным неизлечимым недугом: нефритики, туберкулезные, хронические гастритики, печеночные, ревматика, больные с распадающимися неоперабельными образованиями [7, с. 159].

Больница была построена в духе лучших архитектурных традиций и по последнему слову техники. Так, например, все подоконники и лестничные марши (парадного и служебного входов) были выпол-

нены из серого мрамора и заказывались на Мраморном заводе Екатеринбургского уезда [7, с.158].

В больнице были устроены палаты, ваннные комнаты, ватер-клозеты, кухня, квартира служителя, караульное помещение, катаверна (анатомический покой), ледник (для хранения трупов) и усыпальная комната, дровяной сарай на каменных столбах, крытых железом. Обособленное здание — баня. Было оборудовано печное отопление и проведен водопровод.

По воспоминания жителей города, в ансамбль входила и довольно высокая краснокирпичная ограда, небольшая беседка-ротонда, перекрытая куполом. Окончание строительства было ознаменовано закладкой сада. Посадка деревьев производилась воспитанниками Талицкой лесной школы [7, с.158].

За всю вековую историю в нем располагалось немало медицинских учреждений: с 1914 г. в здании размещалась больница для неизлечимых и хронических больных, в 1920–1926 гг. — детская заразная больница, в годы войны — 2 отделения Советской больницы: терапия и хирургия. Это единственное в городе на тот момент гражданское лечебное учреждение (так как в Советской больнице располагался военный госпиталь). В 1947 г. — родильный дом, в 1948 г. — одновременно с роддомом располагалась женская консультация, но вскоре выехала. Роддом в этом здании просуществовал 59 лет, до 2006 г. А с мая 2008 г. здание меняет свой профиль: в нем разместился Шадринский краеведческий музей им. В.П. Бирюкова. Сегодня оно признано памятником архитектуры.

В завершенном виде здание имело Ш-образный план. Вход в одноэтажный главный корпус больницы был предусмотрен с торцевой стены, выходящей на линию ул. Короткой (ныне ул. Гагарина). Краснокирпичный центральный фасад был расчленен на три части двумя парами пилястр, подчеркнутых небольшими аттиками с круглыми слуховыми окнами. Центральная часть зрительно выделена более широкими оконными проемами и аттиком характерной центрической формы, увенчанным вазоном. Наличники окон состоят из линейного рельефа, подоконных филенок и геометрического орнамента в верхней части. По всей длине установлены парапетные столбики. Все части фасада зрительно объединялись ковеной парапетной решеткой, которая была утрачена [1, с 25]. Также в фасаде здания присутствуют такие элементы, как кордон и цоколь.

Еще одним зданием в кирпичном стиле является клуб Общества взаимопомощи приказчиков.

В 1905 г. заложили фундамент, но строительство прекратилось из-за Русско-Японской войны (все банковские счета были заблокированы). Внутри здания предполагались 2 буфета (мужской и женский), ресторан, большая зрительная зала (сцена, будка для кинематографа). А для того, чтобы получить оборудование, было написано письмо императору, который в ответном письме одобрил просьбу, и приказчики получили беспроцентный кредит (в то время это было практически невозможно), но они его не выплатили. Поэтому «Клуб приказчиков» открылся только в 1910 г., при нем работал кинематограф, проводились молодежные карнавалы, танцы, ставились театральные постановки.

После установления Советской власти в 1918 г. клуб приказчиков был муниципализирован. 1919 г. стал переломным в судьбе театра — с этого времени он стал советским. Старый состав театральных трупп пополнился новыми актерами, а репертуар — новыми постановками. Со сцены театра в 1918 г. шадринский скульптор Иван Дмитриевич Иванов (Шадр) читал лекцию о «Памятнике мировому страданию», который он хотел создать, но по некоторым причинам не смог. В это же время в здании проводились городские и районные съезды Советов, об одном из них говорит расположенная на фасаде театра мемориальная доска: «В этом здании 25–29 января 1918 года состоялся уездный Съезд Советов, объявивший об установлении Советской власти в Шадринском уезде» [5, с. 133].

В 1928–1930 гг. к зданию с восточной стороны было пристроено одноэтажное помещение кинотеатра «Совкино», переименованное в 1932 г. в кинотеатр «Октябрь».

В 1959–1961 гг. главный фасад здания театра со стороны ул. Ленина был изменен. Реконструкцией руководил директор театра Н.К. Долгих [5, с. 133].

Как уже говорилось, первоначально фасады представляли собой открытую кирпичную кладку, что было дешевле в строительстве, чем кирпич с последующей штукатуркой [8, с. 8]. У монументальных роскошных фасадов был геометризирован декор кладки, боковые части лицевого фасада имели повышенный объем [8, с. 8]. После всех пристроек и реконструкций фасад здания сильно изменился и был оштукатурен. Сегодня фрагмент стены здания в первоначальном виде можно увидеть лишь со двора театра.

Кроме внешней отделки, изменились и геометрические размеры здания. В начале XX века это было двухэтажное здание культурно-зрелищного назначения в стиле модерн. После перестроек фасад здания оказался решен в традициях советского неоклассицизма. Композиция, убранство и стилистика фасадов характерны для сложившихся в советском зодчестве 1930–1950 гг. типологических образцов театральных сооружений. По традиционной схеме центральная часть фасада решена в форме четырехколонного портика. Фасад венчается крупным треугольным фронтоном. Декор дополнен полоской лепного фриза и изображением лиры с гирляндами в тимпане фронтона [5, с. 132]. Окна и двери удлинённой формы. В интерьере — оригинальные лепные украшения в виде масок древнегреческого театра. Также во внешнем облике присутствуют такой архитектурный элемент, как фриз.

К концу XIX века сложилась местная разновидность кирпичного стиля, отличавшаяся нарастающим декоративизмом, в частности элементы фасадов подвергались декорированию [6, с. 351]. Стиль модерн, пришедший на Урал в середине второго десятилетия XX века, также повлиял на характер общественного строительства в Шадринске. В 1911–1915 гг. в городе было построено несколько общественных зданий в этом стиле, среди которых уже описывавшееся Реальное училище и Клуб общества взаимопомощи приказчиков, который в современном состоянии не сохранил черты стиля [1, с. 25].

Преобладание данных стилей в общественных постройках города обогатили архитектурный облик Шадринска. А сохранившиеся до наших дней в неизменном виде постройки стали наиболее ценным архитектурным наследием города, делая его интереснейшим объектом изучения для архитекторов и краеведов.

Библиографический список

1. **Калистратова А.В.** Архитектура Шадринска / А. В. Калистратова. — Шадринск : Изд-во Шадр. педин-та, 2003. — 39 с.
2. **Герасимов А.П., Алексеев А.С.** «Кирпичный стиль» в зодчестве города Томска / Герасимов А.П., Алексеев А.С. // Вестник Томского гос. арх.-строит. ун-та. — 2016. — № 6 (59).
3. **Кириченко Е.И.** Русская архитектура 1830–1910-х годов / Е.И. Кириченко. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Искусство, 1982. — 399 с.

4. **Иовлева Е.В.** Неоклассицизм в архитектуре Свердловска (1930–1950 гг.) : специальность 18.00.01 «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия»: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. арх. / Иовлева Елена Валентиновна; Уральская государственная архитектурно-художественная академия. — Екатеринбург, 2004. — 22 с.

5. Культурное наследие (памятники истории и культуры) города Шадринска / Авт.- сост.: Е.С. Колчина, Л.В. Калашиникова; фот. Е.С. Колчина. — Шадринск : [Б. и.], 2012. — 320 стр.

6. **Пашков А.А.** Зауральское Приисетье — земля Шадринская (до февраля 1917 года) / Анатолий Пашков. — Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2011. — 524 с.

7. **Беспокойная Е.В.** Наследие Ночвина / Е.В. Беспокойная // Шадринская старина: краевед. альм. — 2014. — Вып. 22.

8. **Зуева М.И.** Архитектура Шадринска / М.И. Зуева. — Шадринск : Исеть, 1994. — 64 с.

Е.А. Kovalenko

The Architectural Elements of Shadrinsk Buildings of the XX Century Facades Analysis

Abstract. The author raises the problem of studying the facades of the cultural heritage sites of the city of Shadrinsk, built in the twentieth century. The external description of the buildings, their history of creation, as well as their significance in the public life of the city are determined. Much attention is paid to the elements of architecture and styles of buildings. The study involved: the building of the Real School on Karl Liebknecht Street, 3, the hospital for chronic and incurable patients named after A.P. Nozhvin on Sverdlov Street, 41, the building of the Club of the Mutual assistance Society of clerks on Lenin Street, 136.

Keywords: building, facade, Shadrinsk, architecture, architectural element.

Kovalenko Eleonora Alexandrovna, 3rd year student, Shadrinsk State Pedagogic University (Shadrinsk, Russia); e-mail: eleonora.g.2016@gmail.com.

АССОРТИМЕНТНЫЕ КАТАЛОГИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРОИЗВОДСТВ КАК ИНСТРУМЕНТ АТРИБУЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТЕКЛА

Аннотация. В статье приводится информация об атрибуции нескольких произведений зарубежного художественного стекла из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств, проведенной на основе обращения к ассортиментным каталогам европейских и американских производств. Авторы приводят информацию об основных этапах атрибуции на основе подобных изданий, а также дают характеристику возможностей, которые дает обращение к этому недооцененному материалу.

Ключевые слова: атрибуция, художественное стекло, стекольная компания Dugan, фирма Baccarat, стекольная фабрика Johann Lötz Wittwe, Екатеринбургский музей изобразительных искусств.

Одной из актуальных проблем музейного дела является атрибуция предметов, поступавших в коллекции в разное время и с разной степенью подробности сведений. Эта проблема стала еще более очевидной с необходимостью подготовки сведений о предметах для публикации в системе Государственного каталога Российской Федерации. Эта срочная «инвентаризация» ярко продемонстрировала степень изученности предметов, хранящихся в музейных коллекциях, внимание к которым многие десятилетия определялось наличием или отсутствием в штате профильных научных сотрудников. Относительно Екатеринбургского музея изобразительных искусств (далее — ЕМИИ) в предыдущей публикации авторами уже говорилось о позднем научном обращении к собранию художественного стекла, начавшемся лишь в середине 2010-х годов [1]. По мере завершения обработки

¹ Крицкая Анастасия Геннадьевна, МАУК Екатеринбургский музей изобразительных искусств (Екатеринбург, Россия), научный сотрудник отдела декоративно-прикладного искусства; e-mail: a.krickaya@gmail.com.

² Винокуров Сергей Евгеньевич, кандидат искусствоведения, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), старший преподаватель кафедры истории искусств и музееведения; МАУК Екатеринбургский музей изобразительных искусств (Екатеринбург, Россия), старший научный сотрудник отдела декоративно-прикладного искусства; e-mail: serg.vinokuroff@gmail.com.

коллекции были выявлены основные проблемы и, что более важно, основные возможности при изучении предметов. В статье на примере нескольких кейсов будут представлены особенности атрибуции произведений зарубежных стекольных фабрик с использованием как современных времени создания предметов ассортиментных и торговых каталогов, так и изданных научных альбомов, при тщательном изучении подобных изданий.

Изготовление уникальных предметов художественного стекла получило свое широкое развитие в Европе с XV века. Достижения венецианских мастеров запустили этот процесс и долгое время стекло с острова Мурано лидировало на рынке. В XVIII веке главным центром по производству художественного стекла становится Богемия. Но уже в последней четверти XVIII – начале XIX века в большинстве стран мира успешно развиваются собственные крупные центры стекольного дела. С процессом расширения спектра производств связана и активизация процесса подготовки и издания ассортиментных каталогов. В XVIII веке эти издания включали в себя печатные или рукописные списки, часто иллюстрированные, предметов, выставленных на продажу или предлагаемых к заказу, размером от небольших брошюр до огромных фолиантов в несколько сотен страниц. Со временем издание подобных каталогов для продвижения и продажи собственной продукции стало нормой для любого крупного предприятия.

Стоит отметить, что на протяжении всей истории стекольного дела редкие производители ставили клеймо или иные отличительные знаки на свои изделия. Этот фактор значительно затрудняет в настоящее время атрибуцию изделий художественного стекла. На данный момент одним из основных источников идентификации подобных предметов являются сохранившиеся ассортиментные каталоги. Они представляют собой ресурс для определения производителя, модели, даты производства и первоначальных цен, а также опосредованно дают информацию о коммерческих вкусах потребителей и стилевых тенденциях того времени, когда были опубликованы.

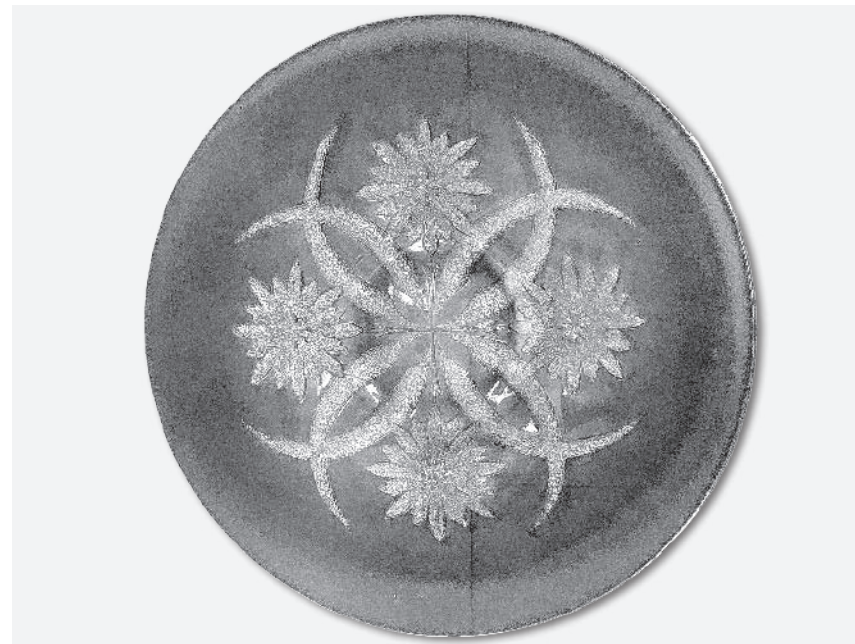
Анализируемые ниже предметы поступили в музейную коллекцию разными путями и в разное время. Для них характерно отсутствие подробных записей в инвентарных книгах: при поступлении они не сопровождались никакими документами, кроме актов, в которых были указаны только физические характеристики (форма, материал, цвет), без указания завода и места изготовления, а также без легенды.

Так, стеклянная декоративная тарелка (Инв. № Ф-263) была передана в собрание музея в 1960 году в составе завещанной коллекции архитектора Константина Тимофеевича Бабыкина (1880–1960) [2]. Тарелка выполнена методом прессования из опалового стекла персикового цвета с иризированной поверхностью. Данные параметры указывают на вид стекольной продукции, называемой «карнавальное стекло». Это прессованное стекло с оксидно-металлическим покрытием, которое радужно окрашивает поверхность стекла и напоминает бензиновую пленку на поверхности воды или перламутр [3, с. 64].

Термину «карнавальное стекло», общепринятому сегодня, предшествовали «иридилл», «радужное стекло», а иногда «Тиффани для бедняков». Последнее небрежное наименование было связано с именем разработчика технологии стекла с радужным эффектом. Именно под руководством Луиса Комфорта Тиффани (Louis Comfort Tiffany, 1848–1933), сына Чарльза Льюиса Тиффани (Charles Lewis Tiffany, 1812–1902), ювелира и основателя компании Tiffany & Co, была разработана данная технология и представлена на Парижской выставке 1900 года. Стекло, запатентованное в 1894 году под названием Фаврил (Favrile), получило на выставке главный приз и произвело впечатление на посетителей [4, с. 35–36].

Дороговизна производства изделий фирмы Тиффани и, соответственно, их высокая цена, недоступная массовому покупателю, спровоцировала интерес других производителей стекла США. В итоге на рубеже веков так называемая «Большая пятерка» стекольных заводов (Fenton, Northwood, Dugan/Diamond, Millrsburg, Imperial) наладила выпуск по более простой технологии предметов из радужно переливающегося стекла. В результате конкуренции за несколько десятилетий эти компании разработали около двух тысяч моделей из «карнавального стекла» с разными узорами и оттенками. В связи с такой популярностью подобных предметов атрибуция предмета представлялась крайне затруднительной.

В США с 1870-х годов становится нормой торговля широким ассортиментом потребительских товаров по каталогам. Эти каталоги представляли собой объемное черно-белое издание, делившееся на тематические разделы. Производители различных товаров арендовали страницу или больше и размещали на ней информацию о новинках и популярных товарах с преискурантом. В одном из таких изданий в результате кропотливых поисков в одном из торговых каталогов уда-

Тарелка с узором «четыре цветка». Стекольная компания Дуган (Dugan Glass Company). США, Индиана. 1911–1913. Стекло опаловое, прессование, иризация. 2,8×27,0×27,0 см. Инв. № Ф-263. ЕМИИ (публикуется впервые)

лось обнаружить тарелку с аналогичным декоративным узором. В торговом каталоге Братьев Батлер (Butler Brothers) от 1911 года к покупке предлагался «сет из радужных и богато украшенных» тарелок фирмы Dugan Glass Company [5].

Dugan Glass Company – это стекольная фабрика в Индиане, получившая свое название в 1904 году, когда во главе управления встал Томас Дуган (Tomash Ernest Albert Dugan, 1865–1944). Проработав до 1913 года, Т. Дуган покинул компанию, а предприятие было переименовано в Diamond Glass Company (позднее – Diamond Glassware Company). Выпуск стекольной продукции продолжался до пожара в 1931 году, после производства не восстановили [6, с. 1].

Автор и стеклодел Марион Т. Хартинг (Marion T. Hartung) в нескольких томах под названием «Сто узоров карнавального сте-

кла» («Carnival Glass One Hundred Patterns», 1960–1966) описала все узоры, использовавшиеся в американском производстве карнавального стекла. Предложенная классификация сегодня используется всеми собирателями карнавального стекла. Согласно публикации Хартинг, узор тарелки из собрания ЕМИИ имеет название «Четыре цветка» [7, с. 60–61].

Известно, что спустя десятилетие (ок. 1918 года) спрос американцев на «карнавальное стекло» упал, но оно распространилось и вызвало интерес за пределами США, и в 1920-е годы его активно экспортировали в Европу, Канаду и другие страны. Там местные фабрики пытались наладить собственное производство радужного стекла, покупая формы или используя американские образцы. С 1931 по 1950-е годы в США иризированное стекло не производили, но в этот период его выпускали в странах Европы, в Австралии, Аргентине и др. Это факт вынуждал продолжить поиски информации, исключающей возможность атрибуции предмета другому предприятию, повторяющему модели компании Dugan.

Дополнительные сведения нашлись в переизданном и расширенном с 1988 года справочнике автора Мэрион Квентин-Баксендейл, исследователя и коллекционера карнавального стекла. В нем она подробно описала все возможные варианты цвета карнавального стекла, разделив их на группы. В третьей группе «опаловый край» (group three-opalescent edge) описаны варианты цветов стекла, выполненных с опаловым краем, и приведено важное замечание, что известные примеры такой посуды относятся именно к фабрике Dugan. В пятой главе, посвященной неамериканским производителям, в примерах скандинавского карнавального стекла фигурирует идентичная тарелка. Однако из описания понятно, что на фабрике предпочитали иные цветовые решения и не применяли опал [8, с. 24–39]. В связи с тем что тарелка из собрания ЕМИИ имеет опаловый край, можно заключить, что она была изготовлена в США на фабрике Dugan в период с 1911 по 1913 годы.

Еще одним примером атрибуции с использованием информации из ассортиментных и производственных каталогов выступает зеленая ваза, приобретенная музеем в конце 2021 года с условной атрибуцией «Ваза в стиле модерн. Начало XX в. Германия (?)». Миниатюрная вазочка (12,5 сантиметра в высоту) выполнена из зеленого матового стекла и вмонтирована в металлическую оправу.

Атрибутировать вазочку удалось благодаря двум трудам современных авторов. Во-первых, это работа исследователя европейского стеклоделия Итки Лненичковой. В объемной монографии она опубликовала более десяти тысяч черно-белых иллюстраций сохранившихся бумажных выкроек произведений фабрики «Вдова Иоганна Лётца» (Johann Loetz Witwe), созданных с 1900 по 1914 год. Выкройка под номером II-595 (II-595-aA; II-595-bB) полностью соответствует по форме вазочке из ЕМИИ [9, с. 60]. В еще одном ассортиментном каталоге, подготовленном в конце 1980-х годов коллективом авторов на основе ассортиментных каталогов и архивных данных, также содержится большое количество иллюстраций, среди которых и выкройка вазы под номером 595 [10].

Стекольная фабрика в городе Клостермюле в Нижней Саксонии была основана в 1836 году Иоганном Баптистом Эйсером фон Эйзенштейном (Johann Baptist Eisner von Eisenstein). В 1850 году фабрику приобрела Сюзанна Лётц — вдова Иоганна Лётца (1778–1844), владельца стекольных заводов в Деффернике, Хуркентале, Аннатале и Фогельзанге [2]. В 1863 году фабрика была внесена в коммерческий реестр под названием «Вдова Иоханна Лётца» (Johann Lötz Wittwe). В 1890-х годах предприятие получило несколько патентов на производство «радужного» стекла. В разные периоды существования фабрики с компанией сотрудничали такие известные художники, как Адольф Бекерт, Р. Бакалович, Леопольд Бауэр, Йозеф Хоффман и многие другие.

Ваза в стиле модерн. Фабрика «Вдова Иоханна Лётца» (Johann Lötz Wittwe). Конец XIX – первая треть XX века. Бесцветное стекло, зеленое стекло, металл; травление, гальванопластика. 12,5×6,5×6,5 см. Инв. № Ф-1169. ЕМИИ (публикуется впервые)

Дополнительным аргументом в пользу атрибуции вазочки фабрике «Вдова Иоганна Лётца» служат и выявленные в частных собраниях предметы из стекла фирмы с металлическими элементами, стилистически близкими монтировке вазы из собрания ЕМИИ. На некоторых из них сохранилась бумажная этикетка, указывающая, что автором монтировки является Юджин Маркус (Eugen Marcus ?), придворный ювелир, работавший в Берлине в конце XIX – начале XX века. На данный момент не удалось найти полной информации о Юджине Маркусе и его мастерской, датировка атрибуции основана на публикациях в немецких каталогах и газетах рекламы его мастерской и атрибуциях аналогичных произведений.

Подробная информация о последнем примере атрибуции на основе данных из ассортиментных каталогов ранее уже была опубликована, здесь лишь обозначим основные моменты [11]. В 1988 году у частного лица музеем был приобретен хрустальный парфюмерный набор. Он включает в себя один большой флакон, два флакона меньшего размера и две шкатулки (Инв. №№ Ф-572, Ф-573, Ф-574, Ф-575, Ф-576). Все предметы выполнены из двухслойного хрусталя (бесцветный и зеленый) высокого качества: чистота, прозрачность и блеск хрусталя, четкость огранки, яркий и ровный цветной верхний слой. Продукцию лишь нескольких производителей в Европе XIX–XX веков отличает хрусталь такого класса и соответствующего дизайна, а именно Баккара, Мозер и Сэн-Луи.

Принятая на сегодняшний день атрибуция основана на изучении истории деятельности фирмы Баккара — открыт ряд источников, содержащих ценные сведения. Так, в монографии «Баккара» Жана-Луи Кюртиса («Vaccarat», Jean-Louis Curtis, 1917–1995) представлены флаконы, датированные 1885 годом из туалетного набора аналогичного дизайна из двухслойного хрусталя (бесцветный и цвет мха) [12, с. 157]. Эти сведения подтверждаются и ассортиментным каталогом туалетных принадлежностей, изданном фирмой Баккара в 1916 году. В этом выпуске были представлены модели флаконов и коробочек с вариантами красного и синего цвета хрусталя [13]. Подобные каталоги фирма Баккара выпускала в коммерческих целях. Богато иллюстрированные издания предлагали широкое разнообразие форм и цветов хрустальных изделий. Покупатели и торговцы магазинов могли посмотреть, выбрать и заказать напрямую в большом парижском бутике Баккара (30, Ru de Paradis, Paris) или по почте, хрустальные предметы, наборы в цвете на выбор.

Как было указано выше, парфюмерный набор на сегодняшний день атрибутирован фирме Баккара. Осторожность определения обусловлена тем, что поиск аналогичных произведений позволил выявить еще одного возможного его производителя. Так, на обложке альбома «Гид по стеклу Сэндвича. Вазы, флаконы и пробки» изображены флакон, аналогичный предмету из рассматриваемого парфюмерного набора. Авторы издания подробно изучали историю, документы и осколки, обнаруженные на месте фабрики «Бостон и Сэндвич», результатом чего стало издание пяти томов о продукции компании.

Стекольная компания «Бостон и Сэндвич» (Boston & Sandwich Glass Company) была основана предпринимателем Демингом Джарвесом (Deming Jarves, 1790–1869) в 1825 году в США, штат Массачусетс. Около 1878 года стекольная компания «Бостон и Сэндвич» опубликовала торговый каталог, представляющий почти 2000 предметов, доступных для покупки. Описание в прайс-листе предполагало два варианта изготовления: некоторые предметы могли быть либо импортированы из Франции и перепродавались компанией (нередкая практика этого предприятия), либо копировались мастерами фабрики с французских моделей.

Появившаяся версия о возможном создании парфюмерного набора американской компанией была отвергнута в результате консультации с сотрудниками Музея стекла в Сэндвиче (Sandwich Glass Museum). Специалистами было подтверждено, что в производстве стекольной компании «Бостон и Сэндвич» флаконы были представлены отдельными моделями (без коробочек); полный комплект, подобный представленному в собрании ЕМИИ, не выпускался этим производством.

Таким образом, говоря о роли ассортиментных каталогов в атрибуции произведений из стекла, важно отметить их большую ценность в качестве ресурса визуальной и документальной информации. Издания, бывшие в свое время важным инструментом продвижения продукции художественно-промышленных предприятий, сегодня могут быть использованы исследователями и коллекционерами в целях идентификации производителя, моделей, дат производства. Процесс цифровизации архивов и собраний библиотек ежегодно расширяет возможности доступа к уникальным и не всегда очевидным источникам информации о деятельности предприятий. Обращение к ним открывает большие возможности для исследования предметов как отечественных, так и зарубежных производств.

Библиографический список

1. **Крицкая А.Г., Винокуров С.Е.** Коллекция художественного стекла в Екатеринбургском музее изобразительных искусств: формирование, состав, проблемы изучения / А.Г. Крицкая, С.Е. Винокуров // Тринадцатые Татищевские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 25 ноября 2022 г.). — Екатеринбург : Квадрат, 2023. — С. 425–432.

2. **Афанасьева, А.Н., Будрина Л.А.** Коллекция фарфора и стекла архитектора К.Т. Бабыкина и ее место в собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств / А.Н. Афанасьева, Л.А. Будрина // Музей на карте региона: исследование, сохранение, перспективы развития : сб. науч. мат.-лов Всерос. науч.-практ. конф., [декабрь 2020 года]. — С. 107–117.

3. **Сергеев Ю.П.** Выполнение художественных изделий из стекла : [Учеб. для худож.-пром. вузов и уч-щ] / Ю.П. Сергеев. — М.: Высш. шк., 1984. — 240 с.

4. *Tiffany Glass*. — London: Grange, 1998. — 64 p.

5. *Butler Brothers Catalog* : электрон. репрод. рекламы *Carnival Glass designs (1905–1932)* // [hookedoncarnival.com](https://www.hookedoncarnival.com) : [Carnival Glass Collectors Club website]. — 1994. — URL: [https://www.hookedoncarnival.com/wp-content/uploads/library/Butler Brothers Catalog.pdf](https://www.hookedoncarnival.com/wp-content/uploads/library/Butler_Brothers_Catalog.pdf) (дата обращения: 13.11.2023).

6. **Heacock W, Measell J, Wiggins B.** *Dugan / Diamond: the story of Indiana, Pennsylvania glass* / William Heacock, James Measell, Berry Wiggins. — Ohio: Antique Publications, 1993. — 212 p.

7. **Hartung M.T.** *Carnival Glass: One Hundred Patterns* : Paperback / Marion T. Hartung. — Kansas: Emporia, 1960. — 128 p.

8. **Quentin-Baxendale M.** *Collecting Carnival Glass : 2014 Price and Identification Guide* / Marion Quintin-Baxendale. — London: Francis Joseph, 2014. — 160 p.

9. **Lněničková J.** *Loetz : Series II : Paper Patterns for Glass from 1900 to 1914* / Lněničková J. — Sušice: Museum Sumavy, 2011. — 903 p.

10. *Lötz Böhmisches Glas 1880–1940 : in 2 Bd. Band 2: Katalog der Musterschnitte* / Ed. by H. Ricke, T. Vlček, A. Adlerová, E. Ploil. — London: Prestel-Verlag, 1989. — 395 p.

11. **Крицкая А.Г., Винокуров С.Е.** Парфюмерный набор из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств: к проблеме атрибуции художественного стекла / А.Г. Крицкая, С.Е. Винокуров // Всерос. с международ. участием науч.-практ. конф. «Весенние искус-

ствоведческие чтения — 2023». — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. — С. 143–153.

12. **Curtis J.-L. Baccarat** / Curtis, Jean-Louis. — London: Thames and Hudson, 1992. — 252 p.

13. *Catalogue de la cristallerie Baccarat : Edition 1916, spécial Articles de Toilette*. — Paris, 1916. — 50 p.

14. **Barlow R.E.** *Guide to Sandwich Glass: Vases, Cologne and Scent Stoppers* / Raymond E. Barlow. — Pennsylvania: Schiffer, 1995. — 108 p.

A.G. Krickaya, S.Ye. Vinokurov

Assortment Catalogs of Foreign Productions as a Tool for Works of Art Glass Attribution

Abstract. The article provides information on the attribution of several works of foreign art glass from the collection of the Ekaterinburg Museum of Fine Arts, carried out on the basis of access to assortment catalogs of European and American production. The authors provide information about the main stages of attribution based on such publications and characterize the opportunities that access to this undervalued material provides.

Keywords: attribution, art glass, Dugan Glass Company, Baccarat, company «Johann Loetz Witwe», Ekaterinburg Museum of Fine Arts.

Krickaya Anastasiya Gennadievna, Senior Researcher, Decorative Arts Department, Ekaterinburg Museum of Fine Arts (Ekaterinburg, Russia); e-mail: a.krickaya@gmail.com.

Vinokurov Sergey Yevgenyevich, Candidate of Art Science, Senior Lecturer, Chair of Art History and Museum Studies, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia); Senior Researcher, Decorative Arts Department, Ekaterinburg Museum of Fine Arts (Ekaterinburg, Russia); e-mail: serg.vinokuroff@gmail.com.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СРЕДНЕГО УРАЛА КАК ОБЪЕКТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ И ПРОЕКТОВ

Аннотация. Автор рассматривает актуальность изучения и сохранения культурного наследия на современном этапе развития общества. Исследованы векторы государственной культурной политики. На материалах Среднего Урала показаны примеры эффективного взаимодействия органов власти и общественности при формировании региональных программ и проектов. Акцентировано внимание на формировании ценностного отношения к памятникам истории и культуры у молодежи.

Ключевые слова: культурное наследие, сохранение памятников, памятники истории, памятники культуры, государственная культурная политика, историко-культурное наследие.

Одной из важных особенностей современного этапа развития России является возрождение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, возрастание их роли в жизни общества и личности. Как отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, «с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются: укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» [9]. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти осуществляется в целях укрепления единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития.

Действительно, вопросы изучения и сохранения культурного наследия являются одними из центральных вопросов культурной

¹ Кругликова Галина Александровна, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия), доцент, заведующий кафедрой истории России, директор Научно-методического центра сопровождения педагогических работников; e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru.

политики России последних десятилетий. С одной стороны, начиная с 1990-х гг. были приняты законодательные документы, разработаны программы выявления и музеефикации культурных объектов. С другой стороны, мы ежегодно слышали о количестве потерянных памятников в результате хозяйственной и строительной деятельности человека, халатного отношения, нарушения законодательства об охране. Привлечение к процессу охраны памятников широкой общественности, казалось, должно было исправить ситуацию. Деятельность Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) де-юре привлекла к этой деятельности десятки тысяч граждан по всей стране. Де-факто ВООПИК не располагало реальными полномочиями перед хозяйственниками и градостроителями. Таким образом, декларативная риторика о важности сохранения культурного наследия сочеталась зачастую с остаточным принципом финансирования работ по охране и восстановлению памятников и невниманием к этому вопросу со стороны органов государственной власти.

Начало 2000-х годов ознаменовалось формированием новой нормативно-правовой основы процесса охраны памятников. Федеральным законом от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» было установлено, что объекты культурного наследия независимо от категории их историко-культурного значения могут находиться в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной собственности, частной собственности, а также в иных формах собственности, если иной порядок не установлен федеральным законом. Этим же Федеральным законом приостановлена приватизация объектов культурного наследия федерального значения и регистрация права федеральной собственности и права собственности субъектов Российской Федерации на объекты культурного наследия, находящиеся в государственной собственности, впрямь до принятия федерального закона, разграничивающего объекты культурного наследия, находящиеся в государственной собственности, на федеральную собственность, собственность субъектов Российской Федерации и муниципальную собственность [1]. Разработка федеральных и региональных целевых программ обладала общественность в решении этих вопросов. Однако на практике вопрос работы по выявлению новых объектов историко-культурного

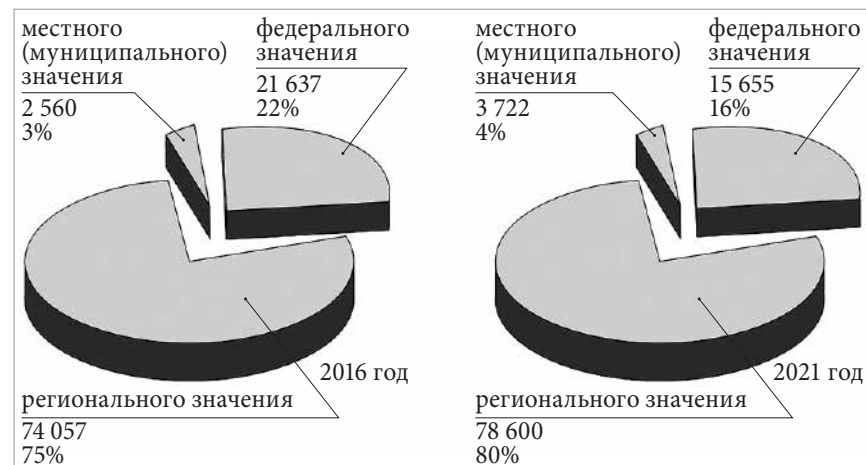
наследия, постановке на государственный учет, современного использования решался не столь быстро и эффективно.

На современном этапе проблемы сохранения объектов культуры связаны с особенностями институциональной среды в части управления объектами культурного наследия, а также с вопросами финансирования проектных и ремонтно-реставрационных работ для приспособления к современному использованию. Статистика, которую публикуют официальные структуры, неутешительна. Несмотря на очевидную высокую общественную значимость сохранения культурного наследия, по данным ВООПИиК, за последние годы в Российской Федерации погибло более 2,5 тыс. памятников, а ежегодные утраты составляют порядка 150–200 памятников [3].

В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. (утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р) отмечается, что «доля объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности, состояние которых является удовлетворительным, в общем количестве объектов культурного наследия составляет 39 процентов. Поскольку состояние объектов культурного наследия регионального значения значительно хуже, то ежегодно увеличивается число региональных памятников в руинированном или неудовлетворительном состоянии». По данным ВООПИиК, состояние от 50 до 70% находящихся на государственной охране памятников истории и культуры (федерального, регионального и местного значения) характеризуется как неудовлетворительное [3]. Актуальной задачей региональных и местных органов власти является изучение и решение данного вопроса.

По данным Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры Российской Федерации (ГИВЦ) по состоянию на 2021 г., на государственной охране находились 98,0 тыс. объектов культурного наследия и 55,5 тыс. объектов археологического наследия (всего — 153,5 тыс. ед.).

Главный научный сотрудник Государственного института искусствознания В.Ю. Музычук в своем исследовании приводит ряд показателей. В 2021 г. из всех объектов культурного и археологического наследия Российской Федерации, находящихся на государственной охране, ремонтно-реставрационные работы осуществлялись на 8665 объектах, что составило 8,8% от их общего количества. Причем показатели 2021 г. выше уровня 2016 г. (4506 объектов, или 4,6% от общего числа).

Распределение памятников по уровням ведения, 2016, 2021 годы (единицы, %)

Еще одним важным в статистике культурного наследия показателем является количество выявленных, но не поставленных на государственную охрану объектов культурного наследия. В 2021 г. таковых было зафиксировано 125 560 ед., что соответствует уровню, равному 82% от совокупного количества памятников, находящихся на государственной охране. За рассматриваемый 5-летний период количество выявленных объектов увеличилось на 4% [5, с. 13].

По значимости объекты культурного наследия были распределены в 2021 г. следующим образом: 16% объектов относились к памятникам федерального значения, 80% — регионального значения и 4% — местного значения.

Как показывают данные на графике, наблюдается процесс увеличения объектов культурного наследия, переданных региональным бюджетам. И это несколько осложняет ситуацию в памятникоохранительной деятельности. С одной стороны, отсутствие единой системы управления культурно-исторической недвижимостью в стране, передача полномочий по сохранению объектов культурного наследия на региональный уровень, ограниченные возможности профильного департамента Министерства культуры РФ приводят к фрагментарности и сиюминутности управленческих решений в этой области. С другой стороны, хроническая нехватка бюджетных средств в отсутствие действенных механизмов привлечения частных вложений не способ-

ствуует созданию эффективной системы финансового обеспечения работ по сохранению культурного наследия.

Однако ситуация со статистикой культурного наследия меняется. На сайте российского информационного агентства «Победа. РФ» в 2023 г. в Международный день защиты памятников и исторических мест была опубликована статистика: в Российской Федерации насчитывается около 200 тысяч объектов культурного наследия федерального и регионального значения. Из почти 200 тысяч объектов культурного наследия в список Всемирного наследия ЮНЕСКО входит 31, рассказали в пресс-службе Министерства культуры Российской Федерации.

Общественность продолжает принимать участие в работе по изучению и охране памятников. По сообщению ТАСС, в 2023 г. благодаря программе «Волонтеры культуры» на 11 тысячах объектов культурного наследия прошли работы по их сохранению (заметим, это 5% от общего количества объектов). С одной стороны, цифра впечатляет, с другой стороны, учитывая вышеизложенные показатели неудовлетворительного состояния памятников, не позволяет считать проблему решаемой.

На территории Свердловской области (согласно Государственной программе «Государственная охрана объектов культурного наследия, расположенных на территории Свердловской области» до 2027 г., утвержденной Правительством Свердловской области¹) был поставлен на государственную охрану 1591 памятник архитектуры, истории и культуры в составе 1233 объектов культурного наследия: 355 (29 %) — это объекты федерального значения, 865 (70 %) — объекты культурного наследия регионального значения, 13 объектов (1 %) — местного (муниципального) значения. Таким образом, две трети культурного наследия в регионе являются предметом заботы региональной власти [7]. Печальная статистика: 26 процентов (329 объектов), как указано в Постановлении, находится в неудовлетворительном состоянии.

Ситуация требует активного участия всех заинтересованных сторон. Осознание необходимости переосмысления отношения к культурному наследию в рамках концепции «устойчивого развития территории», где наследие рассматривается как «ресурсный

¹ Утратило силу на основании постановления Правительства Свердловской области от 17 августа 2023 года N 602-ПП.

источник», предполагает становление новой парадигмы «интеграции культурного наследия в современный социальный контекст».

Подтверждением обозначенного тезиса является и то, что Урал, как особый промышленный регион, имеет на своей территории большое количество объектов индустриального наследия, практика сохранения которого в советский период вообще не рассматривалась. А эти объекты сегодня обладают историко-архитектурным, историко-культурным, природно-экологическим потенциалом. Объединение усилий власти, бизнеса и общества может способствовать развитию культурного, промышленного, экологического видов туризма, а также эффективному решению большого количества проблем малых городов. В сложившихся условиях памятники индустриального наследия Урала, находясь в центральных частях старых промышленных городов, могут стать теми объектами, вокруг которых будет сформирована более эффективная инфраструктура, позволяющая таким городам жить и развиваться, сохраняя свое наследие и местную идентичность.

Активизировался этот процесс в 2022 году, который был объявлен в России Годом культурного наследия народов России. По инициативе Общественной палаты Свердловской области был инициирован проект-конкурс «Достояние Среднего Урала». Указ об учреждении общественного статуса «Достояние Среднего Урала» губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев подписал 30 сентября 2021 года. Такой статус может быть присвоен географическим объектам, историческим событиям, достижениям науки, художественной культуры, спорта, традиционным мероприятиям, коллективам и организациям, которые занимаются популяризацией достижений науки и техники, литературы, культуры, музыки и спорта. В 2022 году на рассмотрение поступило 104 заявки. После экспертной оценки был определен список из 15 объектов, выставленных на открытое голосование.

Как было отмечено на портале правительства Свердловской области, всего проголосовали более 50 тысяч человек. Наибольшее количество — 11 506 голосов — набрал Нижнесинячихинский музей-заповедник деревянного зодчества и народного искусства им. И.Д. Самойлова. В сокровищнице музея собрано 16 объектов культурного наследия и музейные предметы, привезенные из 71 населенного пункта восьми районов Свердловской области. Визитной карточкой музея является самая большая и уникальная коллекция уральской народной росписи.

Знаменитая Ирбитская ярмарка набрала 10692 голоса. Напомним, ярмарка возникла на месте древнего мансийского торгового пункта, вскоре после основания в 1631 году Ирбитской слободы. Сегодня Ирбитская ярмарка — не только главное туристическое событие Среднего Урала за пределами Екатеринбурга. В 2022 году Минпромторг РФ назвал Ирбитскую ярмарку «Лучшей ярмаркой России».

Третье место — у трамвая города Волчанска. За присвоение номинации почетного статуса проголосовали 9134 жителя Свердловской области. Волчанск занесен в книгу рекордов России как самый маленький город, где сохранилось трамвайное движение. Уникальность волчанского трамвая еще и в том, что большая часть его маршрута проходит через лес.

Колокольный завод «Пятков и К» набрал 3043 голоса. Самобытное колоколотейное ремесло зародилось здесь в XVIII–XIX столетиях. Под эгидой колокольного завода и администрации города с 2005 года в Каменске-Уральском ежегодно проходит колокольный фестиваль, собирающий участников со всей России и ближнего зарубежья.

Пятое место занял легендарный Уралвагонзавод, получивший 2886 голосов. 11 октября 1936 года с конвейера предприятия сошли первые грузовые полувагоны. Сегодня завод является лидером отечественного танкостроения и грузового железнодорожного машиностроения [6].

В 2023 году эта традиция была продолжена. Год 300-летия Екатеринбурга, 100-летия Уральской области, подготовка к 90-летию Свердловской области придали этому проекту особую торжественность. Из 109 предложенных заявок эксперты отобрали 15 объектов, которые также были предложены для открытого голосования. Интересен и разнообразен список этих объектов. Среди них Уральский государственный академический русский народный хор, Алапаевская узкоколейная железная дорога, Невьянская наклонная башня, Уральский добровольческий танковый корпус и др.

В декабре 2023 года были определены победители этого конкурса. Активность населения возросла, что явилось свидетельством не только интереса, но и желанием оказать посильную помощь в сохранении памятников истории и культуры. Лидером голосования стал Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал» — «Старый Демидовский завод». Эко-индустриальный технопарк «Старый Демидовский завод» — объект индустриального наследия XVIII–XXI веков — пред-

ставляет более чем трехвековую историю технической мысли в области металлургии и машиностроения. Завод строился как вододействующее предприятие, но за годы своего существования, начиная с 1725 года, использовал все доступные своему времени виды энергии — воду, пар и электричество. В 1989 году он стал музеем, представив на суд зрителя экспозиции «Доменного цеха», «Мартеновского производства», «Энергохозяйства», а также «Экспозиции подвижного состава» и другие. Сегодня «Старый Демидовский завод» входит в структуру Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» [2].

Маршрут прогулки по «Старому Демидовскому заводу» начинается вдоль рабочих водяных и отводных каналов, предполагает осмотр всех основных цехов: прокатного, доменного, механического, мартеновского, цеха шибберных затворов и прочих. Благодаря работе этого музея в России появился научно-методический центр по работе с индустриальными объектами, которые должны быть сохранены и максимально полно представлены обществу: решаются проблемы вторичных экологических загрязнений, экологической реабилитации, сохранности исторических индустриальных ландшафтов, сохранения и реконструкции сложных производственных зданий и сооружений.

Сегодня в состав эко-индустриального технопарка «Старый Демидовский завод» входит более 50 объектов и сооружений, признанных памятниками технической мысли и объектами культурного наследия России. Ежегодно более 5 тысяч человек посещают территорию завода с туристическими целями и около 1,5 тысячи человек — в силу профессионального интереса.

В пятерку лидеров вошли карьер хризотил-асбеста Уральского асбестового горно-обогатительного комбината, волейбольный клуб «Уралочка», Алапаевская узкоколейная железная дорога и Невьянская наклонная башня [4]. Причем, как справедливо отметил председатель Общественной палаты Александр Левин, в этом конкурсе нет победителей и проигравших. Все объекты, предложенные жителями Свердловской области, являются значимыми местами памяти. А этот факт актуализирует совместную работу по их изучению, сохранению и трансляции. Как можно заметить, объекты индустриального наследия в этих рейтингах занимают далеко не последнее место. Это подтверждает тезис о востребованности, интересе и озабоченности жителей Среднего Урала судьбой объектов промышленной архитектуры.

В последнее время проявился «ренессанс» интереса к прошлому: «наследие» и «традиции» рассматриваются как «инновации» и становятся теми концептами, вокруг которых начинают разворачиваться научные дискуссии. Это в полной мере относится к богатейшему историко-культурному наследию Среднего Урала. Разработка региональной модели интеграции культурного наследия, в основу которой заложен программно-проектный метод развития территории, сочетает как государственные программы, так и активную деятельность общественных организаций.

18 апреля 2022 г. было образовано Уральское общество охраны культурного наследия, миссия и цель которого состоит в содействии государственной охране, сохранении и использовании, популяризации культурного наследия (памятников истории и культуры) Свердловской области и других субъектов Уральского региона с учетом задач социально-экономического и культурного развития территорий, сбережения традиционных культурных ценностей страны [8].

В своей деятельности Общество стремится к выявлению и сохранению памятников истории и культуры на основе требований законодательства и баланса интересов гражданского общества, власти и бизнеса. Ценностной парадигмой является формирование у граждан, а особенно у молодого поколения, исторического и национального самосознания, патриотизма и ответственности за сбережение памятников истории и культуры.

Немаловажную роль в сохранении историко-культурного наследия играет и проведение культурно-массовых мероприятий. Ежегодно в Свердловской области проводятся культурные, спортивные и образовательные мероприятия, направленные на укрепление единства российской нации, поддержку, развитие и сохранение культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории Свердловской области, такие как: областной праздник «День народов Среднего Урала», «Спартакиада народов Урала», областной конкурс национальных культур «Мы живем на Урале», областной конкурс национальных культур «Венок дружбы», областной фестиваль народа мари «Ага-Пайрем», областной национальный культурно-спортивный праздник «Сабантуй», областной фестиваль культуры финно-угорских народов «Уральская финно-угория» и многие другие.

Возрождаются старинные ярмарочные традиции в тех территориях, где они проводились на протяжении XIX и начала XX веков.

Это четыре ярмарки в городском округе Верхотурский: Верхотурская Рождественская ярмарка, Верхотурские Троицкие гулянья, Симеоновская ярмарка и ярмарка «Красногорский торжок»; в муниципальном образовании город Ирбит — Ирбитская ярмарка; в городском округе Красноуфимск с 2013 года ежегодно в декабре проводятся «Новогодние Никольские ярмарки»; в городском округе Богданович — «Георгиевская ярмарка».

Таким образом, культурное наследие Среднего Урала нуждается в комплексном сохранении, реконструкции, рефункционализации, переосмыслении, адаптации и презентации. Мониторинг современного состояния объектов историко-культурного наследия позволит не только выявить проблемы, но и определить историко-архитектурный, культурный потенциал культурного наследия. Важно восстановить утраченные историко-культурные связи и традиции. Благодаря совместной деятельности всех заинтересованных сторон объекты культурного наследия смогут обрести «вторую жизнь» и станут центрами притяжения общественного интереса и материальных вложений, что будет способствовать реализации концепции устойчивого развития Уральского региона.

Важно, чтобы к этой деятельности широко привлекалось молодое поколение, для которого необходимость сохранения культурного наследия стала бы эмпирической основой. А для этого следует систематизировать знания о культурных объектах, ввести их в образовательный процесс, факультативные курсы, где объяснялась бы культурная ценность объектов наследия. Простого изучения происхождения памятника истории и культуры недостаточно, чтобы сформировать у подрастающего поколения ценностное отношение. Социально-значимая коллективная деятельность, которая может включать в себя подготовку к олимпиадам, участие в конкурсах, подготовка экскурсионных маршрутов, съемка образовательных роликов может активизировать интерес к объектам историко-культурного наследия. Новый взгляд на окружающую действительность, личное отношение к памятникам культуры, обсуждение новых фактов с друзьями позволит подросткам больше узнать о традициях, истории и культуре того места, где они живут и учатся. А конкурсные мероприятия — это дополнительный стимул сделать качественный проект, который внесет свой вклад в сохранение культурного наследия нашей Родины.

Совместными усилиями мы сможем не только сохранить богатейшее культурное наследие нашей страны, но и приумножить его, определить как интегративное личностное образование, включающее знание о ценности, о роли культурного наследия в обществе, осознание его как ценности личностной. Это позволит реализовать процесс консолидации «гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм» [9].

Библиографический список

1. **Воронин М.Ю.** Аналитический доклад по вопросам финансирования и использования средств федерального бюджета и внебюджетных источников, направляемых на содержание, восстановление и реставрацию памятников истории и культуры, в том числе особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации / М.Ю. Воронин // Счетная палата Российской Федерации : сайт. — 30.07.2003. — URL: <https://ach.gov.ru/checks/analiticheskiy-doklad-po-voprosam-finansirovaniya-i-ispolzovaniya-sredstv-federalnogo-byudzheta-i-vn> (дата обращения: 01.02.2024 г.)

2. **Батурич М.** Номинанты на «Достояние Среднего Урала»: музейные комплексы Свердловской области / М. Батурич // Областная газета. — 2023. — 10 октября.

3. Состояние историко-культурного наследия // ВООПИК : офиц. сайт. — URL: <https://voopik.ru/our-heritage/status-cultural-heritage/> (дата обращения: 01.12.2023).

4. «Достояние Среднего Урала» выбрали жители Свердловской области // Вести Урал : сайт. — 04.12.2023. — URL: <https://vesti-ural.ru/2023/12/04/212943/?ysclid=lt16njrdar994386474> (дата обращения: 24.02.2024).

5. **Музычук В.Ю.** Экономика культурного наследия в России: особенности и противоречия / В.Ю. Музычук // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2022. — №6. — С. 7–33.

6. Определены лидеры «Достояния Среднего Урала–2022» // Общественная палата Свердловской области : сайт. — 27.12.2022. — URL: <http://www.opso66.ru//dostoyanie-srednego-urala/2878-trojka-liderov-dostoyaniya-srednego-urala-2022-muzey-derevyannogo-zodchestva-yarmarka-i-tramvaj-2.html?ysclid=lnp10jkiwc697238554> (дата обращения: 24.02.2024).

7. Постановление Правительства Свердловской области от 29 декабря 2016 года N 994-ПП «Государственная программа Свердловской области «Государственная охрана объектов культурного наследия, расположенных на территории Свердловской области, до 2027 г.» (с изменениями на 2 марта 2023 года) // Консорциум Кодекс : сайт. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/429094034?ysclid=lt0jxwgm1u337410667> (дата обращения: 24.02.2024).

8. СРОО «Уральское общество охраны культурного наследия» : об организации // СРОО УООКН : сайт. — 2022. — URL: <https://uralheritage.ru> (дата обращения: 24.02.2024).

9. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России : сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения 18.02.2024).

G.A. Kruglikova

The Middle Urals Cultural Heritage as the Regional Programs and Projects Object

Abstract. The author considers the relevance of studying and preserving cultural heritage at the present stage of society's development. The vectors of the state cultural policy are defined. The materials of the Middle Urals show examples of effective interaction between authorities and the public in the formation of regional programs and projects. Attention is focused on the formation of a value attitude towards historical and cultural monuments among young people.

Keywords: cultural heritage, preservation of monuments, historical monuments, cultural monuments, state cultural policy, historical and cultural heritage.

Kruglikova Galina Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Russia, Director of the Scientific and Methodological Center for the Support of Teaching Staff, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia);
e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru.

**ПРАКТИКА ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ
ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКА АРХИТЕКТУРЫ
РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ:
«ДАЧА НА НАБЕРЕЖНОЙ»
(Пермь, конец XIX – начало XX века)**

Аннотация. Автором поднимается вопрос о проблеме сохранения памятников архитектуры регионального значения, в контексте современной практики. В качестве примера автор подробно рассматривает одно из трех сохранившихся деревянных строений элитного дачного поселка г. Перми, существовавшего на рубеже XIX–XX вв., расположенного вдоль реки Камы.

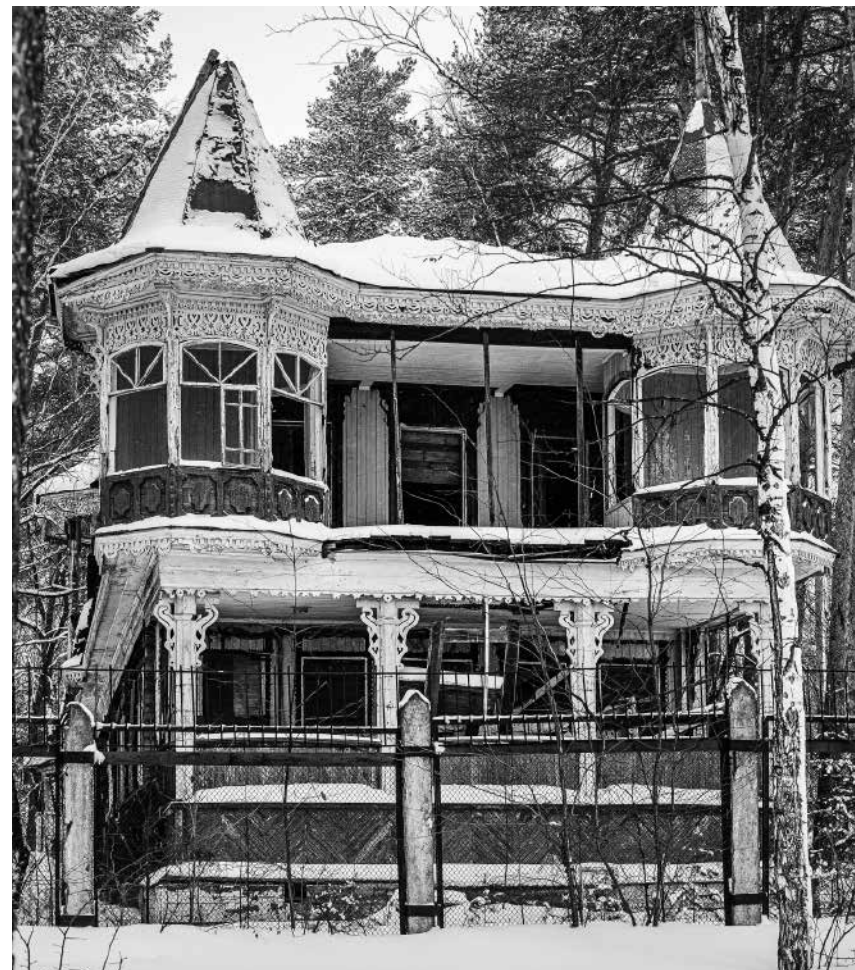
Ключевые слова: культурное наследие, дача, дачный поселок «Нижняя Курья», памятник архитектуры, деревянное зодчество, сохранение культурного наследия.

Объект культурного наследия «Дача на набережной», расположенный в Кировском районе г. Перми (ул. Кировоградская 178) является памятником градостроительства и архитектуры конца XIX – начала XX в. Строение представляет собой образец загородного дома, выполненного в псевдорусском стиле «ропетовской архитектуры»³, и является одной из трех сохранившихся дач, которые ранее располагались в элитном дачном поселке — Нижней Курье [1, 2]. Известно, что это был первый дачный поселок, организованный при губернском городе, способствующий его экономическому развитию. К 1914 г. число домов доходило почти до 150 [3].

¹ Лесникова Ливия Юрьевна, ФГБОУ ВО Пермский государственный институт культуры (Пермь, Россия), студентка 3 курса; e-mail: Lesnikovalivi@mail.ru.

² Мальцев Константин Альбертович, кандидат философских наук, ФГБОУ ВО Пермский государственный институт культуры (Пермь, Россия), доцент кафедры культурологии и философии, руководитель управления научно-исследовательской деятельности, руководитель Студенческого научного общества; e-mail: k.maltsev1971@mail.ru.

³ «Ропетовская архитектура» — стиль архитектуры, названный в честь его создателя И.П. Ропета (настоящие фамилия, имя и отчество — Иван Николаевич Петров (1845–1908)).

Объект культурного наследия «Дача на набережной», 2024 г.

Архитектурный объект представляет собой деревянное двухэтажное здание, обшитое доской, с 4 башенками по углам, главным фасадом (южным), выходящим на р. Кама. С южной стороны на первом этаже расположена веранда, на втором этаже — остекленные угловые эркеры под шатрами. Интересно декоративное решение оконных проемов, которые обрамлены деревянными наличниками

с геометрической резьбой. Аналогичная резьба применена в подзорах по всему периметру строения [4]. Здание расположено в прибрежной зоне на высоком правом берегу реки Камы, в квартале, ограниченном с юга береговой линией, с севера улицей Кировоградской. Окружающая территория представляет собой сосновый бор. Севернее улицы Кировоградской находится современная застройка микрорайона Водники.

Известно, что еще с 1969 г. данный объект находился под государственной охраной [5], а в 2000 г. распоряжением губернатора Пермской области памятник был включен в «Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области» регионального значения как памятник архитектуры [1].

Перечислим особенности объекта, которые послужили основаниями для включения его в реестр особо охраняемых объектов:

- 1) расположение (относительно улицы Кировоградской и реки Камы в сосновом бору);
- 2) объемно-пространственное решение (2-этажное деревянное здание с верандой на южном фасаде, четырьмя эркерами по углам, покрытым шатрами);
- 3) материал стен (дерево, бревенчатый сруб);
- 4) материал фасадной поверхности (обшивка профилированной доской);
- 5) резные наличники окон;
- 6) эркеры под шатровой кровлей;
- 7) эркеры-балконы под шатровой кровлей;
- 8) веранда на уровне двух этажей на южном фасаде с деревянными резными колоннами и подзором;
- 9) резной карниз с подзором;
- 10) резное ограждение веранды, балконов;
- 11) расположение, количество, габариты, расстекловка оконных проемов, материал заполнения (дерево);
- 12) количество, расположение дверных проемов;
- 13) планировочное решение (расположение капитальных стен, проемов, лестниц) [6].

Из истории известно, что расцвет дачного строительства в России пришелся на конец XIX века, когда прежде модные тенденции неоклассицизма и кирпича заменил псевдорусский деревянный стиль. Тогда и в дачной архитектуре обрели популярность причудливые формы,

знакомые мотивы, множество резных деталей, все это притягивало взгляды и способствовало популяризации отдыха за городом. В этот период и в Перми стали появляться первые дачные застройки, образовавшие собой элитный дачный поселок на правом берегу реки Камы — Нижнюю Курью. Несмотря на высокую аренду участков и некоторые особенности жизнеустройства на дачах, поселок был востребован среди привилегированного населения города. Связано это было с его особым расположением вдоль реки на высоком берегу в окружении соснового бора. При изучении архивных источников среди владельцев и арендаторов этих дачных построек были обнаружены такие известные пермские деятели, как: братья Ф.М. и В.М. Каменские, А.В. Синакевич, А.А. Якунин, А.С. Алин, С.М. Грибушин, И.И. Любимов, П.С. Ремянников и другие [7, с. 22].

Несмотря на общие тогда тенденции развития дачной жизни, образ жизни в «Нижней Курье» имел свои характерные черты. Интересно об этом пишут авторы фельетонов, например Little man (С. Ильин) 18 мая 1901 г. в своем шуточном стихотворении «В поисках за дачей» пишет:

«Опять то радуюсь, то плачу,
Опять везде ищущу я дачу.
Недавно посетил Курью
И там, за чаем с сухарями,
Имел большое интервью
С кухарками и кучерами.
Цена на дачи в сих местах
На робкого наводит страх;
Нарядны дачи — это верно,
Но только дороги чрезмерно...
Да и потом — на кой мне чёт
Отполированный курорт:
На даче для своей фигуры
Не признаю я политуры
Смотреть мне незачем в трюмо,
В порядке ль галстук новомодный...»

Дальше он пишет:

«Приятно в жаркие деньки
Сложить на берегу реки
Немудрые приметы платья
И Каме броситься в объятия!

В Курье же правила не те:
 Не только в полной наготе,
 Но даже в ситцевой рубахе
 Явиться — значит вызвать “ахи”...» [8, с. 126].

Высокая цена аренды влияла и на характеристику покупателей, и, следовательно, на самих жителей. Состоятельные хозяева и арендаторы Нижней Курьи задавали определенный тон, как мы видим, и в одежде. Даже в жаркое время одеваться следовало нарядно, и соблюдать этикет. Также между городом и дачным поселком было организовано пароходное сообщение.

Другой автор фельетонов — Гукс, 13 июня 1904 года в своем фельетоне «Пермские дачники», как бы сравнивая Нижнюю Курью и названную ей в противоположность Верхнюю Курью, пишет: «Должен признаться, и я нынче думал поселиться на даче и, уж конечно, в тех или иных Курьях. Оставалось только решить — в которых.

В наших Курьях, во-первых, дачи лучше, а в Верхних Курьях картонные домики какие-то, а не дачи. Потом у нас берег высокий, а там низко, сыро, вблизи болото. Затем, публика у нас все-таки интеллигентнее, а ведь там кто: мелкие чиновники. Кроме того, имейте в виду, что в Верхней Курье всегда дым из Мотовилихи, вечно пьяные рабочие, гуляющие за Камой. Да наконец, и сообщение-то будет ли еще? Так говорили мне нижекурьюнцы. Нет уж, если поедете на дачу, так поезжайте в Нижнюю Курью. Тут хоть на дачное место похоже, а там, помилуйте, разбросали в беспорядке хибарки на самом солнцепеке, да и думают, что дача!» [8, с. 124].

Несмотря на достаточное количество источников о Нижней Курье, в которых упоминается «Дача на набережной», до сих пор неизвестен точный год ее постройки, а также первые владельцы. Некоторые исследователи предполагают, что дача была построена для такого известного купца, как «меховой король» Александр Семенович Алин [4]. Другие утверждают, что данная дача принадлежала Николаю Васильевичу Мешкову — купцу, меценату, общественному деятелю, основоположнику высшего образования на Урале [9]. Интересно, что последняя версия активно поддерживается местными экскурсоводами, что вызывает небывалый ажиотаж среди посетителей экскурсий по Нижней Курье.

После октябрьской революции, в связи со сменой власти, дачи Нижней Курьи были национализированы [10]. В 1919 г. «Дача на Набереж-

ной» была отдана в пользование детского дома, который впоследствии был разделен на части и переведен в г. Пермь и г. Оханск. В 1921 г. некоторые здания бывших дач эксплуатировались городским домом отдыха, в т.ч. и объект нашего исследования. В 1931 г. в здании «Дачи на набережной» был открыт Закамский районный Совет депутатов и трудящихся [11]. В годы Великой Отечественной войны, Нижне-Курьинские дачи использовались под жилье для эвакуированных учеников Ленинградского хореографического училища [12]. А в послевоенный период в здании «Дачи на набережной» располагался пионерский лагерь «Теремок», о чем свидетельствуют архивные фотографии [13].

Известно, что в настоящее время данный объект находится на балансе города. Охрана, мониторинг, содержание и текущий ремонт объекта являются компетенциями Городского центра охраны памятников [14]. Несмотря на это, состояние бывшей дачи остается критическим, и имеется реальный риск ее потерять. Связано это, как мы считаем, с недостаточной разработкой методов охраны, а также мероприятий по использованию такого вида культурного наследия. Впрочем, эта касается не только нашего региона, но и всей страны в целом, так как проблемы сохранения объектов историко-культурного наследия, с момента создания соответствующих механизмов и по сей день, нисколько не потеряли своей актуальности. Особенно это касается построек деревянного зодчества, ввиду их крайней уязвимости к внешним факторам и, как следствие, ограниченным по срокам эксплуатации. Также мы считаем важным отметить, что сложившаяся практика охраны культурного наследия часто содержит существенные элементы коммерциализации, что является следствием подмены целей по сохранению национального достояния на получение прибыли.

При непосредственном обращении в Городской центр охраны памятников нами была получена информация о подготовке проектной документации для дальнейших ремонтных и реставрационных работ данного сооружения. По информации, полученной из Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края, в данный момент идет разработка научно-проектной документации по консервации памятника. По всей видимости, консервация и будет являться первой ступенью в сохранении объекта культурного наследия «Дачи на набережной».

Мы считаем, что при успешной реализации всех мероприятий по актуализации здания после завершения ремонта и реконструкции:

музеефикации и/или адаптации дачи под новые культурные практики, — у будущего поколения появится возможность непосредственно познакомиться с образцами архитектуры провинциального модерна, центрами загородной жизни г. Перми начала XX века.

Библиографический список

1. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Портал открытых данных м-ва культуры РФ : [сайт]. — URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn> (дата обращения: 22.09.2023).
2. Памятники истории и культуры Пермской области / [В.А. Оборин, А.Д. Вечтомов, Р.Д. Голдин и др.]; [Сост. Л. Шатров]. — Изд. 2-е доп., и переработан. — Пермь, 1976. — С. 51.
3. Щепеткова И.О. Пермские дачи: история и характерные особенности / И.О. Щепеткова // Географический вестник. — 2018. — № 2 (45). — С. 70–87.
4. Историко-архитектурное наследие Пермского края : Каталог-справочник / ред. А.Б. Киселев, В.А. Якина. — Пермь, 2011. — С. 398.
5. Исполком Пермского областного Совета депутатов трудящихся : О постановке на учет памятников истории и культуры : электрон. репрод. док. от 23.10.1969 // М-во культуры РФ : объекты культурного наследия : [сайт]. — URL: <https://okn-mk.mkrf.ru/maps/show/id/236482> (дата обращения: 10.02.2024).
6. Приказ СЭД-55-001-06-354 от 06.11.2019 г. «Об утверждении охранного обязательства собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия регионального значения «Дача на набережной» г. Пермь, ул. Кировоградская, д.178 // Каталог органов власти Пермского края : [сайт]. — 07.11.2019. — URL: <https://nasledie.permkrai.ru/dokumenty/216961/> (дата обращения: 25.12.2023).
7. Маркелов В.В. А сосны помнят вековые... : История создания и заселения дачного поселка Нижняя Курья / В.В. Маркелов. — Пермь, 2022. — 44 с.
8. Прогулки по старой Перми : Страницы гор. фельетона конца XIX–нач. XX в. : [Сб.] / [Сост. и коммент. Е. Власова]. — Пермь, 1998. — 296 с.
9. Хакимов С. Закамская Атлантида / С. Хакимов // Новый компаньон : электрон. период. изд. — 2018. — 17 января. — URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-4522777.html> (дата обращения: 15.01.2024).

10. Список муниципализированных дач Нижней Курьи. 1923 г. // ГАПК. Ф. р-8. Оп. 1. Д. 139. Л. 51–62.
11. Семянников В.В. Микрорайон Нижняя Курья. — Текст : электронный / В.В. Семянников // ГАПК : сайт. — 15.07.2016. — URL: <http://www.archive.perm.ru/projects/weeklyphoto/district-lower-kurya/> (дата обращения 12.01.2024).
12. Горошко Л.С. Балетное училище в эвакуации : Воспоминания воспитанницы / Л.С. Горошко. — Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. — 2006. — № 2 (16). — С. 278–282.
13. Гайсин О.Д. «Дача на набережной» (кон. XIX – нач. XX вв.) Пермский край, г. Пермь, ул. Кировоградская, 178 (162) : Исторический очерк / О.Д. Гайсин. — 19 с. — На правах рукописи.
14. Объекты культурного наследия // МАУК «ГЦОП» г. Перми : сайт. — URL: <http://www.perm-gcop.pf/okn> (дата обращения 12.02.2024).

L.Y. Lesnikova, K.A. Maltsev

The Studying and Preserving Cultural Heritage Sites Practice on the Example of the Regional Significance Architectural Monument: «Cottage on the Embankment» (Perm, Late XIX – Early XX Century)

Abstract. The author raises the issue of the problem of preservation of architectural monuments of regional importance in the context of modern practice. As an example, the author examines in detail one of the three preserved wooden buildings of the elite summer cottage village of Perm, which existed at the turn of the XIX – XX centuries, located along the Kama River.

Keywords: cultural heritage, cottage, holiday village “Nizhnyaya Kurya”, architectural monument, wooden architecture, preservation of cultural heritage.

Lesnikova Liviya Yurievna, 3rd year student, Perm State Institute of Culture (Perm, Russia); e-mail: Lesnikovalivi@mail.ru.

Maltsev Konstantin Albertovich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Head of the Department of Research Activities, Head of the Student Scientific Society, Perm State Institute of Culture (Perm, Russia); e-mail: k.maltsev1971@mail.ru.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОЛОЖЕНИЕ В ЕДИНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕЕСТРЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (памятников истории и культуры) НАРОДОВ РФ²

Аннотация. В статье проанализировано современное распределение памятников индустриального наследия по категориям историко-культурного значения, реконструирована динамика постановки на государственный учет и под охрану, выявлены закономерности изменения статуса объектов в реестре. На эмпирическом материале уточнено понятие индустриального наследия.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, индустриальное наследие, Свердловская область.

Для Урала понятие индустриального наследия является крайне важным: именно с развитием промышленности связана почти вся история региона в составе России. Основание большинства городов Урала в результате организации металлургических заводов с использованием энергии горных рек определяет пространственную организацию уральских городов. Развитие промышленных предприятий нашло отражение в топографии и топонимике Уральского региона. Наконец, индустриальное наследие, вокруг которого существуют современные города Урала, выполняет функции неких опорных точек маршрутов как для внутрорегионального туризма, так и для жителей других регионов РФ. Во многом именно индустриальное наследие Урала является одним из элементов бренда Свердловской области.

Однако понятие «индустриальное наследие» довольно размыто. Его разработка началась за рубежом в 1960-е гг. в результате деятельности Международного комитета по сохранению объектов культур-

¹ Пецевич Ульяна Евгеньевна, кандидат исторических наук, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), доцент кафедры истории России; e-mail: ulia-golovacheva@ua.ru.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-10119, <https://rscf.ru/project/21-78-10119/>

ного наследия [1, с. 211], объединившего жителей промышленных городов сначала Великобритании, а затем и Европы. Первый международный конгресс по сохранению промышленных памятников прошел в Айронбридже (Великобритания) в 1973 г. [2] Россия присоединилась к этой организации в начале 1990-х гг. [3, с. 277], XII конгресс комитета прошел в Москве в 2003 г. и был посвящен трансформации старых промышленных центров. По итогам работы конгресса была составлена Нижне-Тагильская хартия [4], которая определяла индустриальное наследие как остатки индустриальной культуры, имеющие историческое, технологическое, социальное, архитектурное или научное значение. Нижне-Тагильская хартия 2003 г. была положена в основу Дублинских принципов 2011 г. [5], принятых совместно Международным советом по сохранению памятников и достопримечательных мест и Международного комитета по сохранению объектов промышленного наследия. Дублинские принципы, в развитие Нижне-Тагильской хартии, обозначили круг объектов, которые следует относить к числу индустриального наследия: это все, что свидетельствует о промышленно-производственных процессах прошлого, добыче сырья, его превращения в продукцию и связанной с этим энергетической и транспортной инфраструктурой. Дублинские принципы основываются на том, что индустриальное наследие не ограничено только материальными активами (цехами, зданиями, оборудованием), но также включает в себя социальные процессы, связанные с организацией деятельности предприятий, труда и жизни рабочих.

В России понятие индустриального наследия стало предметом обсуждения как в среде историков и культурологов, так в обществе в целом. Может показаться, что началом рефлексии о том, что следует рассматривать в качестве объектов индустриального наследия, является знакомство с деятельностью Международного комитета по сохранению объектов промышленного наследия в первой половине 1990-х гг. В то же время в действующем федеральном законе об охране объектов культурного наследия в современной РФ понятие «объект индустриального наследия» отсутствует [6]. Нет его и в действующем региональном законодательстве Свердловской области. Однако представление о ценности памятников индустриальной эпохи можно проследить еще с начала 1960-х гг., когда в Советском Союзе постановлениями республиканских министерств культуры было начато формирование перечня памятников истории и культуры, подлежащих

государственной охране [7]. Эта работа продолжалась вплоть до 1991 г. и стала основой современного Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России (далее — ЕГРОКН).

Интересно отметить, что такая длительная работа Министерства культуры РСФСР по созданию списка памятников истории и культуры опиралась на подготовительную работу исполкомов облсоветов народных депутатов, которые также составляли списки памятников истории и культуры местного значения. Решения исполкомов облсоветов показывают появление новой терминологии, используемой для осмысления регионального наследия. Так, например, в 1971 г. было принято решение Исполкома Свердловского облсовета депутатов трудящихся № 636 «О состоянии и мерах улучшения охраны и пропаганды памятников истории и культуры в области», в приложении к которому был приведен список памятников промышленной архитектуры Свердловской области [8]. На основании употребления термина «промышленная архитектура» можно высказать осторожное предположение, что локальное осмысление понятия «индустриальное наследие» на Урале начинается фактически одновременно с общемировым. В законе СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры»¹ также были упомянуты памятники промышленной архитектуры в контексте уточнения расшифровки понятия «памятники градостроительства и архитектуры» [9].

Современный ЕГРОКН достаточно хорошо отражает развитие представлений об индустриальном наследии на его практическом уровне — в плане государственного учета и охраны объектов культурного наследия, связанного с историей промышленного развития. Одновременно с этим работа с реестром позволяет на эмпирическом материале, исходя из того, какие промышленные памятники оказываются под государственной охраной, проследить, что именно Министерством культуры РСФСР-РФ и региональными властями (исполкомом областного совета депутатов, областным правительством, областным управлением государственной охраны объектов культурного наследия) воспринималось как наследие промышленной истории Свердловской области, и таким образом через конкретные региональ-

¹ Не действует на территории Российской Федерации с 29 июня 2002 года на основании Федерального закона от 25 июня 2002 года N 73-ФЗ [6].

ные примеры конкретизировать представление об индустриальном наследии.

В настоящее время в ЕГРОКН насчитывается 1790 объектов культурного наследия, находящихся на территории Свердловской области. К объектам индустриального наследия в реестре может быть отнесено по меньшей мере 200 объектов. В основе проведенной нами выборки из реестра лежало определение индустриального наследия, сформулированное Нижне-Тагильской хартией 2003 г. и Дублинскими принципами 2011 г., в котором подчеркивается, что к индустриальному наследию могут быть отнесены не только памятники, связанные непосредственно с промышленным производством, но и появившиеся для обеспечения производственных процессов и обслуживания их участников.

Выборка объекта из ЕГРОКН в качестве индустриального наследия осуществлялась, если он обладает одним из следующих признаков:

- возник в результате промышленного производства как часть непосредственного производственного процесса либо для обеспечения его ресурсами, а также хранения и транспортировки готовой продукции;
- является объектом социально-бытового, медицинского или культурного обслуживания участников производственных процессов;
- использовался в качестве места размещения органов управления производством как в рамках отдельного предприятия, так и в рамках региона в целом.

При этом нередко в одном и том же объекте культурного наследия могли сочетаться несколько признаков: так, например, для периода XVIII – первой четверти XX вв. характерна многофункциональность зданий заводских контор и усадеб собственников и управляющих заводов. Примером подобного совмещения функций является дом Демидова в г. Нижний Тагил, который помимо жилых помещений также включает в себя заводскую лабораторию, управление завода и техническую библиотеку [10]. Напротив, начиная с конца XIX в. намечается монофункционализация зданий заводских контор и усадеб, что связано с усложнением производственных процессов. На пик монофункциональности заводских зданий вышла уже в период советской индустриализации 1930-х гг.

Сложным представляется вопрос о включении в выборку из реестра в качестве объектов индустриального наследия жилых домов,

построенных для рабочих промышленных предприятий в советский период. С точки зрения изучения истории промышленного развития, важен даже не сам факт строительства жилых домов для рабочих, а трассировка улиц при проектировании районов вокруг промышленных предприятий, когда уличная сеть ориентирована на максимально быстрое и удобное перемещение от места отдыха к месту работы. В этом случае в выборку из ЕГРОКН попадают только соцгорода и заводские районы, внесенные целым комплексом. Таких в реестре всего три — Красный Камень (г. Нижний Тагил), соцгород Трубного завода и Городок алюминщиков (г. Каменск-Уральский).

Еще одна сложность в выделении объектов индустриального наследия связана с их дроблением внутри современного реестра. Так, например, памятники промышленности XVIII – первой четверти XIX вв., находящиеся на территории Исторического сквера г. Екатеринбурга, в настоящее время в ЕГРОКН раздроблены на отдельные объекты (дом чертежников, остатки плотины, ворота — их 4, производственный корпус и пр.) с разными реестровыми номерами, в то время как на момент включения в список памятников истории и культуры республиканского значения в 1974 г. Екатеринбургский завод «Монетка» вошел как единый комплекс зданий с последующим уточнением в тексте сохранившихся и подпадающих под государственную охрану его элементов [11]. В ряде случаев в результате подобного дробления в качестве отдельного объекта культурного наследия в реестре фигурируют даже отдельные элементы производственного оборудования, как, например, на Старом Нейво-Алапаевском заводе, Сысертском заводе, Нижне-Сергинском металлургическом заводе, Невьянском механическом заводе. Вероятнее всего, подобная ситуация — результат интерпретации текста постановлений Совета Министров РСФСР и решений исполкома Свердловского облсовета составителями современной версии реестра.

Тенденция к дроблению объекта культурного наследия на отдельные элементы с последующим присвоением реестрового номера каждому из них усиливается после вступления в силу современного ФЗ № 73 «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ» в 2002 г. [6] и разработки областного закона об охране объектов культурного наследия в 2004 г. [12] По конкретным объектам культурного наследия эти решения оформлялись постановлениями Правительства Свердловской области. Так, например, зда-

ние электростанции «Луч», впервые включенное в список памятников истории и культуры Свердловской области в 1991 г. [13], в 2011 г. постановлением правительства Свердловской области было раздроблено на следующие элементы: собственно здание электростанции, дом служащих, труба дымовая восьмигранная, здание «Товарищества электрического освещения Андрей Елтышев и К^о» [14], — каждый из которых в настоящее время в реестре учитывается как отдельный объект со своим реестровым номером. Аналогичные изменения произошли с госпиталем Верх-Исетского завода, впервые внесенным в список памятников истории и культуры местного значения в 1986 г. [15]: его в 2007 г. постановлением областного правительства разделили в реестре на 2 павильона, флигель и главный корпус [16].

Все это усложняет выборку объектов индустриального наследия Свердловской области при работе с реестром. В ряде случаев приходится ориентироваться на адрес, однако уже упоминавшееся памятники промышленности XVIII – первой четверти XIX вв., находящиеся на территории Исторического сквера г. Екатеринбурга, в реестре имеют адреса по просп. Ленина, ул. Воеводина, Горького, Малышева, либо просто указание — центральная часть города. Аналогичная тенденция к дроблению на уровне реестра наблюдается и с объектами индустриального наследия, находящимися вне г. Екатеринбурга.

Проблемы возникают и с наименованием в реестре объектов индустриального наследия. Следуя выделенному признаку — использование в качестве места размещения органов управления промышленными предприятиями — в выборку должно было попасть здание, в котором в г. Екатеринбурге в 1918 г. размещался Уральский комиссариат труда, однако это же здание (просп. Ленина, д. 35) использовалось до революции как Окружной суд, а изначально принадлежало золотопромышленнику Н.И. Севастьянову. Аналогичные сомнения могут возникнуть и со зданием в г. Екатеринбурге на просп. Ленина, д. 51, которое изначально проектировалось для Уральского совнархоза, однако с момента сдачи в эксплуатацию в 1966 г. использовалось Уральским университетом. Именно такой их статус — как мест размещения промышленно-управленческих органов Урала — был зафиксирован при внесении их в список памятников истории и культуры в 1974 г. [11] и в 1991 г. [13] соответственно. В то же время уже упоминавшиеся постановления Правительства Свердловской области 2007 [16] и 2011 гг. [14], помимо дробления объектов культурного

наследия на отдельные элементы, также в ряде случаев корректировали названия: так, в частности в постановлении 2011 г. [14] складские помещения Каменского завода, внесенные в список памятников истории и культуры местного значения в 1986 г. [15], получили новое название — провиантского магазина XIX в. и дома культуры Каменского завода, который размещался здесь после реконструкции 1958 г. [17]. Однако с домом Севастьянова и зданием Уральского университета такой корректировки не произошло.

Таким образом, несмотря на все отмеченные сложности и исходя из предложенных признаков, сформулированных на основе Нижне-Тагильской хартии индустриального наследия 2003 г. и Дублинских принципов 2011 г., в выборку из ЕГРОКН в качестве объектов индустриального наследия Свердловской области вошли: заводские корпуса и здания цехов, отдельные производственные механизмы, источники энергии для производства (плотины, водонапорные башни, гидротехнические сооружения, электростанции), заводские лаборатории и технические библиотеки, объекты транспортного обеспечения производства (железнодорожные вокзалы и станции, транспортные конторы), складские помещения, узлы связи, конторские здания, выполняющие функции управления производством на отдельном предприятии, заводские госпитали, заводские ДК, кинотеатры и клубы, фабрики-кухни, садово-парковые зоны, стадионы, образовательные учреждения для подготовки кадров для производства, памятники и памятные знаки, связанные с историей производства, соцгорода и жилые дома сотрудников дореволюционного периода, конторские здания — места размещения органов управления промышленным производством региона.

Библиографический список

1. Запарий В.В. *Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и зарубежом)* / В.В. Запарий // *Экономическая история. Обзорение* : сб. ст. — 2007. — Вып. 13. — С. 211–217.
2. *Congress proceedings, transactions, and reports* // TICCIH : *The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage*: офиц. сайт. — URL: <https://ticcih.org/congress-proceedings-transactions-and-reports/> (дата обращения: 01.11.2023).
3. Запарий В.В. *Проблемы сохранения индустриального наследия в России и на Урале и государственные структуры* / В.В. Запарий // *Урал*

индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина : материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2-х т. Т. 1. — Екатеринбург, 2014. — С. 276–280.

4. Марискин О.И. *Нижне-Тагильская хартия индустриального наследия* / О.И. Марискин // *Экономическая история*. — 2007. — № 5. — С. 89–94.
5. *Dublin Principles* // TICCIH : *The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage*: офиц. сайт. — URL: <https://ticcih.org/about/about-ticcih/dublin-principles/> (дата обращения: 01.11.2023).
6. *Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ : Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ* (ред. от 19.10.2023) // *КонсультантПлюс* : сайт. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=387521-0&req=doc&rnd=O2cwgA&base=LAW&n=460012#JLuKhGUJgPPA1IF9> (дата обращения: 01.11.2023).
7. *Постановление Совета Министров РСФСР «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» от 30.08.1960 N 1327* // *КонсультантПлюс* : сайт. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=8WYnd5TApVVeQ0CI2&cacheid=51A449E4216AD405E7BD2F69DD7CC38C&mode=spluse&base=ESU&n=3268#LfZnd5TXH7WhwKRA> (дата обращения: 01.05.2022).
8. *О состоянии и мерах улучшения охраны и пропаганды памятников истории и культуры в области : Решение Исполнительного комитета Свердловского областного совета депутатов трудящихся от 5.08.1971 N 636* // *Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/801111239> (дата обращения: 01.05.2022).
9. *Об охране и использовании памятников истории и культуры : Закон СССР от 29.10.1976 N 4692-IX* // *Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/9011427> (дата обращения: 01.11.2023).
10. *Дом Демидова и здание музея : Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ* // *Портал открытых данных М-ва культуры РФ*. — URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkp/51/254079> (дата обращения 01.11.2023).

11. Перечень памятников культуры, включаемых в список памятников культуры, подлежащих охране как памятники государственного значения, утвержденный постановлением Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 года N 1327 (с изм. на 10.07.2001 года) : Приложение № 1 к Постановлению Совета Министров РСФСР от 04.12.1974 № 624 «О дополнении и частичном изменении постановления совета министров РСФСР от 30.08.1960 №1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901750455> (дата обращения 01.11.2023).

12. О государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в Свердловской области (с изм. на 10.07.2001) : Закон Свердловской области от 21.06.2004 № 12 // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/802011346> (дата обращения: 01.05.2022).

13. О взятии под государственную охрану памятников истории и культуры Свердловской области : решение Исполнительного комитета Свердловского областного Совета народных депутатов от 18.02.1991 № 75 // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/429087806> (дата обращения: 01.05.2022).

14. Об изменении сведений о наименовании, дате создания, местонахождении объектов культурного наследия областного значения, расположенных на территории Свердловской области : Постановление Правительства Свердловской области от 10.03.2011 № 207-ПП // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/895291303> (дата обращения: 01.05.2022).

15. О взятии под государственную охрану памятников истории и культуры Свердловской области : Решение Исполнительного комитета Свердловского областного Совета народных депутатов от 04.12.1986 № 454 // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/801111346> (дата обращения: 01.05.2022).

16. Постановление Правительства Свердловской области от 29.10.2007 № 1056-ПП «О внесении изменений в описание объектов культурного наследия регионального (областного) значения, расположенных в городе Екатеринбурге» // Консорциум Кодекс: электронный фонд право-

вых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/453130588> (дата обращения: 01.05.2022).

17. Магазин провиантский Каменского казенного чугунолитейного завода. Дом культуры : Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ // Портал открытых данных М-ва культуры РФ. — URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/51/273814> (дата обращения: 01.11.2023).

U.E. Petsevich

Industrial Heritage of the Sverdlovsk Region: Position in the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the RF

Abstract. The article researches the current distribution of industrial heritage by categories of historical and cultural significance, the dynamics of state registration and protection are reconstructed, and patterns of changes in the status of objects in the register are identified. The concept of industrial heritage is clarified using empirical material.

Keywords: objects of cultural heritage, Industrial heritage, Sverdlovsk region.

Petsevich Uliana Evgenevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: ulia-golovacheva@ya.ru.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАЛОТИРАЖНЫХ СЕРИЙ ДЛЯ СВЕРДЛОВСКОГО ЗАВОДА КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ НА ПРИМЕРЕ СОБРАНИЯ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ О.Е. КЛЕРА

Аннотация. Статья основана на изучении уральской авторской художественной керамики, являющейся составной частью отечественного декоративно-прикладного искусства. Цель статьи раскрыть деятельность профессиональных керамистов Л.В. Кочутина и И.С. Можейко, работавших в государственной системе Художественного фонда. Автор, анализируя керамические предметы, выполненные на заказ для Свердловского завода керамических изделий в 1970–1980-е годы, подчеркивает вклад керамистов, повлиявших на обновление формообразования уральской авторской художественной керамики.

Ключевые слова: авторская художественная керамика Урала, пластическая метафора, предметы для интерьера.

В 1960–1970-е годы мощное развитие легкой промышленности в целом в стране способствовало дифференциации типов производства, и в частности на керамических заводах внедряли малотиражные серии и эталонные образцы. Государственная политика, проводимая в легкой промышленности, основывалась на эффективности и повышении качества предметов потребления. Ведущее место в этом процессе отводилось художнику, работающему в системе Художественного фонда [1]. Формы организации работы основывались на планировании и учитывались нормативами: «...Задача этих художников — создание эталонов и моделей для тиражирования на предприятиях фонда и осуществление авторского надзора за художественным качеством изделий в тираже; создание уникальных произведений для общественного интерьера; выполнение на предприятии выставочных произведений; изготовление авторского тиража (до 10 экз.);

¹ Писцова Ирина Николаевна, ГАУК СО Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера (Екатеринбург, Россия), научный сотрудник службы главного хранителя; e-mail: avrora7000@yandex.ru.

участие в создании малых авторских серий (до 50 экз.); разработка эталонов для предприятий государственной и местной промышленности» [2, с. 98].

В 1970-е годы Свердловский завод керамических изделий, основанный в 1953 году [3], — одно из крупнейших предприятий по выпуску санитарно-строительного фаянса, прошел реконструкцию. «В 1972 году за счет сверхплановых накоплений и фонда развития производства в реконструируемом плиточном цехе создан новый административный корпус. Здесь размещены хорошо оснащенная лаборатория, комната мастеров, зал заседаний на 260 мест, механическая мастерская для группы слесарей, обслуживающих автоматизированные линии. В соответствии с планом реконструкции в цехе предусмотрено устройство современно оборудованных бытовок, мастерских КИП и автоматики и других подсобных помещений» [4, с. 102], — отмечал директор завода И.Д. Ковалев. Однако, согласно архивным документам, художественная лаборатория была создана в 1976 году при экспериментальном цехе и просуществовала до 1990 года, в связи со сменой подчинения и реструктуризацией завода в 1991 году. Большое значение в создании малотиражных серий на Свердловском заводе керамических изделий имела деятельность профессиональных керамистов, среди которых Л.В. Кочутин и И.С. Можейко. Они активизировали производство сувенирных изделий за счет выпуска майоликовых и полуфарфоровых изделий, в состав которых входило привозное сырье: дружковская глина, просяновский и глуховецкий каолины (Украина), вишневогорский пегматит из Челябинской области, ульяновский песок.

Леонид Васильевич Кочутин (1937 г.р.) — выпускник кафедры «Художественное стекло и керамика» Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В.И. Мухомовой, представитель ленинградской керамической школы. Его деятельность связана с развитием современной художественной керамики в Свердловске. Известный художник-керамист проявил глубокие знания в технологии и художественно-эстетических основах художественной керамики, сочетал в себе дар педагога в Свердловском архитектурном институте и наставника для окружавших его учеников. Работая в Художественном фонде, он являлся автором форм для керамических заводов и уникальных выставочных произведений. В 1972 году созданные темно-зеленые рельефы: «Золотой волос», «Серебряное копытце», «Данила-мастер», хранящиеся в фондах Свердловского

областного краеведческого музея имени О.Е. Клера, представляют собой предметы для интерьера. Автор в создании плакеток обратился к неисчерпаемой в уральском декоративно-прикладном искусстве теме художественного осмысления образа Урала, подпитываемой сказами П.П. Бажова. К примеру, сказ о дочери хозяина золота Кочутин раскрыл в виде известного в искусстве мотива похищения, изобразив юношу и девушку на коне в башкирских одеждах, подчинив изображение косы и земли орнаментальному ритму, передающему смысловое содержание. Облик сказочного козлика, выбивающего ножкой самоцветы, автор передал через образ полета перепрыгивающего через крышу избушки Серебряного копытца. В форму круглой плакетки «Данила-мастер» керамист заключил в круговой композиции изображение мастера с молотком и зубилом, ящерицу, крестовину окна, чашу, раскрывающие в метафорическом звучании бажовский сказ о «Каменном цветке». В небольших интерьерных рельефах лишь цвет майоликовой темно-зеленой глазури напоминает характер традиционной гончарной керамики Урала, однако образы ориентированы на авторский эксперимент.

Тема бажовских сказов была развита Леонидом Кочутиным в выставочных панно из шамота, таких как: «Серебряное копытце», «Золотой волос», «Огневушка-Поскакушка», «Ермаковы лебеди», экспонируемых на зональной выставке «Урал социалистический» в 1974 году и хранящихся в фондах СОКМ.

Удачно найденный авторский прием передачи бажовских сказов в лаконичных сюжетах с небольшими изменениями повторялся в изделиях мастеров Свердловского керамического завода: Людмилы Пономаревой и Юрия Соколова. В фондах Свердловского областного краеведческого музея хранятся плакетки: «Золотой Волос» (фаянс, глазури, 1979) Л. Пономаревой и «Огневушка-Поскакушка» (фаянс, глазури, 1979) Ю. Соколова. Сюжет плакетки «Огневушка-поскакушка» основан на круговой композиции в виде светло-коричневого кольца из языков пламени внутри, которого фигурка пляшущей девочки в платке, слева ближе к краю борта фигурка сидящего деда с трубкой, справа — фигурка мужчины. Цвет голубой глазури заполняющий фон плакетки, условно приподнимает над обыденностью сказочный сюжет. Орнамент по краю круглого борта из колокольчиков завершает изделие. В плакетке «Золотой Волос» автор Людмила Пономарева строит образное решение на круглящихся линиях, вторящих ее круглой

форме, изображая девушку с длинной косой, а справа от нее лисицу на фоне елей. Мастер также применяет двухцветную глазурь: коричневую для изображения и голубую — для фона, орнаментируя край борта рисунком «совы с распахнутыми крыльями».

Свердловский завод керамических изделий, уже выпускающий свыше двадцати наименований товаров народного потребления, в 1973 году освоил в тираж к 250-летию юбилею города Свердловска серию сувенирных изделий. Преимущество сувениров, изготовленных из майолики, базировалось на свойстве глазури, имеющих глубину и просвечивающих в рельефных линиях рисунка. Их формы, выполненные мастерами завода, объединил единый стиль цветовой гаммы природных оттенков: зеленого, охристого, коричневого, — и применение рельефного декора, сохранившего рукотворную выразительность. Это сувениры: «Башня», представляющая знакомую горожанам уменьшенную форму водонапорной башни на Плотнике с винтовой наружной лестницей, входным портиком с колоннами и деревцем, с рельефной надписью: «1723 / 1973 Свердловск»; плакетка юбилейная «250 лет Свердловск» из полированного дерева с рельефными, имитирующими рукотворный узор, накладками «250», «Свердловск», сверху и снизу обрамляющие исторический герб города Екатеринбурга; медаль «Екатеринбург–Свердловск — 250» с рельефной надписью по кругу: «1723 Екатеринбург 1973 Свердловск» и юбилейной датой в центре: «250». Следующие изделия: карандашница овальной формы с рельефно изображенными на тулове зданием Горсовета со шпилем и звездой, надписями вверху «1723–1973», в основании «Свердловск»; бокал, украшенный лаконичной орнаментированной печатной надписью красного цвета: «Екатеринбург / 1723 / 1973 / Свердловск»; бокал

Л.В. Кочутин. Золотой Волос. 1972.
Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера

«Юбилейный» цилиндрической формы темно-коричневого цвета, с гранями, обрамленными рельефным орнаментом и с красной лентой с надписью «1723–1973 Свердловск». На сторонах четыре печатных рисунка: здание Свердловского горсовета, памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса (1962), памятник Я.М. Свердлову (1927), монумент «Вечный огонь» — коммунарам, — демонстрировали новые технические возможности, такие как цветная печать. Их небольшие формы представляли собой поиски в области дизайна. Очевидно, разработчиками изделий был коллектив авторов, среди которых заводские художники Борис Иванович Улатов, Юрий Сергеевич Соколов, имена которых зафиксированы в учетной документации музея. Сюда же относится фаянсовая кружка «Юбилейная» выполненная Л. Кочутиным в 1972 году, темно-коричневого цвета с подсолнухом, внутри которого рельефная надпись: «250 лет Свердловску».

Среди образцов для малотиражных серий, на наш взгляд, следует рассматривать выполненные на заводе в конце 1970-х – начале 1980-х годов изделия И.С. Можейко, также хранящиеся в фондах СОКМ. Керамист Ида Станиславовна Можейко [5] (1932 г. р.), выпускница факультета «художественной керамики» знаменитого ЛВХПУ имени В.И. Мухиной, разрабатывала образцы рисунков для деколи и новые формы посуды на Киевском экспериментальном керамико-художественном заводе в начале 1960-х годов. В 1970-е годы на короткий период она возвращается в Свердловск, знакомый по учебе в Свердловском художественном училище. На Свердловском заводе керамических изделий Можейко создает предметы для интерьера и чайные наборы, например: ваза волнистой формы для цветов со вставкой для икебаны (полуфарфор, глазури, 1980), цветовой решение которой имитирует природную структуру мха под снегом; интерьерные тарелки: «Лимоны» (майолика, 1980) и «Груши» (майолика, 1976) с коричневатым оттенком блестящей глазури, метафорически передающей сочность изображенных фруктов; чайный набор из 4 предметов (полуфарфор, глазури, 1980), формы которого обработаны мелкими деталями, напоминающими природные ростки и лепестки, а их цветовая гамма построена на оттенках светло-желтого и серо-голубого; а также набор из двух чайников — заварочного и доливного (полуфарфор, глазури, 1980), объемы которых разработаны пластически — крупными выпуклыми формами, опоясывающими верх и низ сосуда, повторя-

ющимися в фестончатом крае венчика и донца, напоминая природную форму каштана. Колористическое решение образа — темно-коричневый цвет — дополняют стилизованные листья светло-коричневого оттенка, покрывающие условные плоды. Эти немногочисленные изделия несут отпечаток авторской манеры и совершенство исполнения, выражая принадлежность большой школе и культуру мастера.

И.С. Можейко. Ваза для икебаны. 1980. Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера

Итак, в 1970–1980-е годы уральская художественная керамика переживает период расцвета, связанный с деятельностью профессиональных керамистов. В историческом контексте малотиражные изделия, выпущенные на Свердловском заводе керамических изделий, способствовали появлению выразительных художественных предметов в пространстве жилых интерьеров.

Библиографический список

1. Толстой В. Советское декоративное искусство на современном этапе и проблемы формирования среды / В. Толстой // Человек, предмет, среда : Вopr. развития совет. декор. искусства 60–70-х гг. : сб. ст. / Общ. ред. В.Н. Толстой. — Москва: Изобразительное искусство, 1980. — С. 12–41.
2. Шеренговая З. О комбинатах декоративного искусства, их работе и задачах / З. Шеренговая // Советское декоративное искусство : сб. ст. — 1978. — [Вып. 3] : 76. — С. 98–106.
3. Свердловский завод керамических изделий Республиканского производственного объединения керамической промышленности (Росстройкерамика) // ГАСО. Ф. Р-2765.
4. Ковалев И.Д., Бубнов М.П. В короткие сроки, с минимальными затратами / И.Д. Ковалев, М.П. Бубнов // Реконструкция — опыт, про-

блемы, поиски [Текст] : [Сб. ст.] / [Редколлегия: Л.Н. Пономарев и др.]. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. — С. 95–103.

5. Личное дело Можейко И.С. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2082. Оп. 5. Ед. хр. 846.

N. Pistsova

The Small Circulation Series for the Sverdlovsk Ceramic Products Factory Artistic Features on the Example of the Sverdlovsk Regional Museum of the Local History named after O.E. Kler Funds

Abstract. *The article is based on the study of the Ural author's artistic ceramics, which is an integral part of the national decorative and applied art. The purpose of the article is to identify the activities of professional ceramists L.V. Kochutin and I.S. Mozheyko, who worked in the state system of the Art Fund. Analyzing ceramic objects made to order for the Sverdlovsk Ceramic Products Factory in the 1970s and 1980s, the author emphasizes the contribution of ceramists who influenced the renewal of the formation of the Ural author's artistic ceramics.*

Keywords: *author's artistic ceramics of the Urals, plastic metaphor, interior items.*

Pistsova Irina Nikolaevna, research assistant, Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore named after O.E. Kler (Ekaterinburg, Russia);
e-mail: avrora7000@yandex.ru.

УДК 72.03.01

А.Л. ТИТОВ¹

М.П. МАЛАХОВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ЗОДЧИЙ УРАЛА И НАСТАВНИК МОЛОДЫХ

Аннотация. *В статье рассмотрены этапы жизненного пути и грани архитектурного творчества М.П. Малахова, освещена тема его архитектурной мастерской, в которой существовала так называемая «школа зодчих»; дана общая оценка результатов его работы как на архитектурном поприще, так и в роли наставника молодых специалистов. Приведены примеры архитектурных проектов Малахова, которые характеризуют его основные подходы к проектированию.*

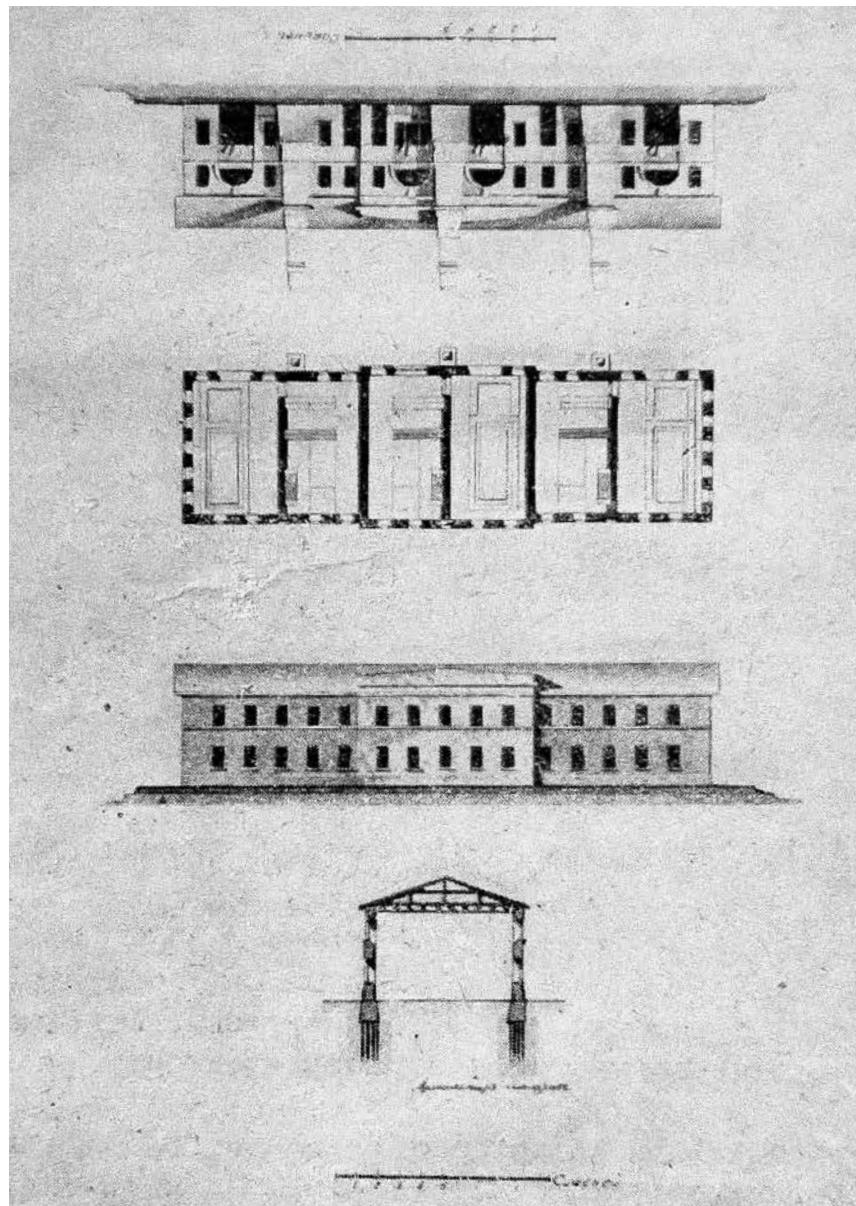
Ключевые слова: *М.П. Малахов, школа зодчих, архитектура заводского Урала, архитектура классицизма первой половины XIX века.*

В первой половине XIX в. на Среднем Урале существовал целый ряд ярких и плодотворных авторов, мастеров архитектуры, творчески и технически подготовленных специалистов, среди которых наиболее проявил себя архитектор Михаил Павлович Малахов. Его многолетним и самоотверженным трудом, а также творческой и технической мыслью были созданы многие известные нам архитектурные проекты того периода, с применением целого ряда инженерных решений, многие из которых были тогда новаторскими, индивидуально разработанными самим архитектором.

М.П. Малахов был не только талантливым и грамотным архитектором — он смог проявить педагогические способности, создав собственную школу зодчих. В ней он воспитывал профессионалов архитектурного дела, обучая поиску и разработке грамотных инженерных решений.

Сам Малахов новые инженерные решения разрабатывал постоянно, к проектированию подходил комплексно, решая не только архитектурные задачи, но и вникая в техническую составляющую проекта. Можно сказать, что выпускники его школы являлись продолжателями

¹ Титов Александр Леонидович, кандидат архитектуры, ФГБОУ ВО Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н.С. Алфёрова (Екатеринбург, Россия), доцент кафедры основ архитектурного проектирования; e-mail: fosberi@mail.ru.

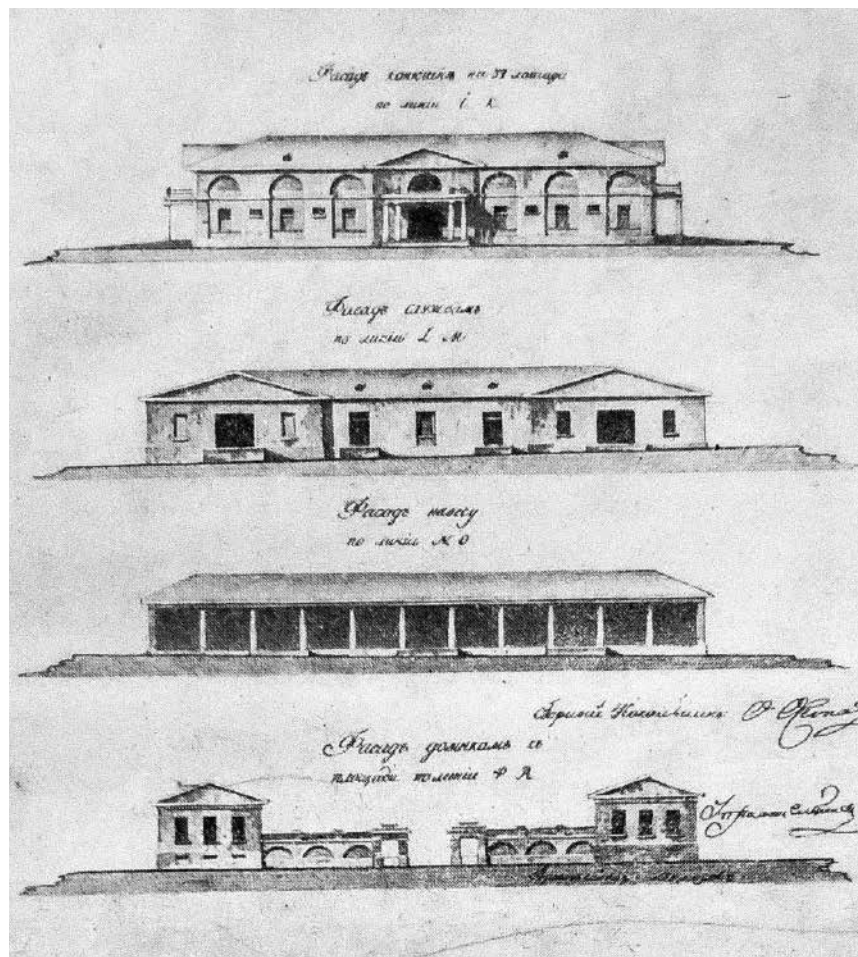
Проект цеха для трех паровых машин Березовского золотого прииска (1830 г.), архитектор М.П. Малахов [2]

его архитектурного метода, который в большой степени был основан на стиле уральского классицизма, являвшегося тогда основой архитектуры всего Уральского региона. Для более точной характеристики стиля работы М.П. Малахова в тот период необходимо вкратце рассказать о начале творческого пути архитектора, а также о его становлении как творческой профессиональной личности.

Малахов родился в 1781 г. в Малороссии, отец его был мелкопоместным дворянином [1]. В юности будущий архитектор работал канцеляристом в Черниговском местном суде, а также на местной почте. Когда Малахов работал в должности писца, он много времени уделял рисованию и «придумывал прожекты» для строительства несложных зданий. Выдающиеся способности помогли ему в начале 1800 г. с первого раза поступить в Академию художеств «для того, чтобы усовершенствовать себя в архитектурной науке» [2, с. 41]. В 1801 г. с аттестатом первой степени он успешно завершил обучение в этой академии, причем на обучение там у него ушло всего два года. В этом же году Малахов поступил на работу в медицинскую коллегию, а далее перешел в управление Министерства внутренних дел. Далее в течение пяти лет он успешно работал «архитекторским помощником» на ключевых постройках Казанского собора и здания Медико-хирургической академии, а также комплекса лекционных театров в Санкт-Петербурге. Ближе к концу 1805 г. Малахов поступает на работу в Оренбурге, а с 1 февраля 1815 г., «по объявленному желанию» начинает работать архитектором всех Екатеринбургских заводов. В 1832 г. Малахов занял высокую должность — он заменил И.И. Свизева и стал архитектором Уральского горного правления.

27 лет своей жизни Малахов отдал работе в Екатеринбурге, где он трудился вплоть до своей кончины. Большое количество промышленных и жилых зданий было спроектировано и построено при его участии в этот период в целом ряде городов Уральского региона. В Государственном архиве Свердловской области сегодня хранятся более тридцати проектов, автором которых является Малахов [3, с. 19]. Эти проекты — далеко не самая полная информация о его архитектурных работах, но надо отметить, что этого более чем достаточно для представления масштаба его творческой деятельности и объема реализованных им инженерных решений.

Несмотря на то что Малахов в большей степени известен архитектурой гражданских зданий, он запроектировал немало промыш-

Вспомогательные здания Каменского чугунолитейного завода (1825 г.), архитектор М.П. Малахов [2]

ленных объектов. Из множества построек, выполненных Малаховым в уральский период, особенности его творчества может охарактеризовать новаторский проект корпуса трех паровых машин, выполненный им для Березовского золотого прииска, запроектированный в начале

1830 года. Это здание в плане разделено пятью капитальными стенами на шесть практически равных отделений, соединенных попарно. Каждая из пар этих помещений рассчитана на постановку кирпичной печи с котлом в одном помещении и непосредственно паровой машины в другом. Такое расположение помещений создавало дополнительные удобства для работы всего цеха.

Общая структура фасада здания отражает внутреннюю планировку, архитектурное решение основано на ритмичном расположении больших арок с проемами и прямоугольных оконных и дверных проемов; для того чтобы подчеркнуть главную ось здания, пара центральных отделений выдвинута вперед из плоскости стены, а также значительно приподнята и завершена массивным архитектурным парапетом.

В соответствии с общей композицией здания и ритмичным расположением основных проемов расположены вытяжные трубы, которые убывают по высоте и своим членениям согласно высотной структуре здания и архитектурному профилю. Показательность этого проекта состоит в том, что паровые машины на Урале в то время были большой редкостью, но Малахов сумел самостоятельно разобраться в принципе их работы и спроектировал здание, в полной степени подходящее для новых производственных агрегатов.

Из многочисленных построек Малахова необходимо еще отметить комплекс промышленных зданий Каменского чугунолитейного завода. При его проектировании архитектор глубоко вник в суть производственных процессов, постройки отличаются пониманием структуры и основных нужд производства, при этом комплекс подчинен единому архитектурному замыслу. При реализации проекта комплекса был осуществлен не только передовой на тот период времени подход к сооружению объектов с использованием современной строительной техники, но и грамотный градостроительный подход к решению всего городского ансамбля завода. При решении архитектурного облика заводских зданий Малахов использует достаточно ограниченные архитектурные средства — выполняет расшивку стен классическими рустами, применяет несложные карнизы с архитектурными профилями и тяги, делает раскреповку центральных частей зданий.

В целом большинство объектов, запроектированных Малаховым, таких как жилые дома, конторы заводов, госпитали и другие постройки, имеют гармоничное архитектурное строение главных объ-

емов и удобное планировочное решение. В процессе проектирования гражданских зданий архитектор Малахов применял широкий спектр архитектурных средств, основанный в большей степени на классических архитектурных канонах. Нередко для перекрытия центральной части зданий Малахов использовал купол, что создавало при восприятии ощущение парадности и стати объекта. Несколько своих построек архитектор завершил ротондами с купольными элементами: к ним относится контора Каменского завода и собственный дом самого Малахова.

Градостроительный талант М.П. Малахова проявился не только при решении городского ансамбля Каменского чугунолитейного завода: он составил несколько планов заводских поселений и собственно сам генеральный план Екатеринбурга [4]. Его градостроительные решения характерны правильным использованием особенностей местности, их рельефа, выявлением главных и второстепенных элементов плана, созданием комплексной застройки при проектировании центра городской структуры.

В 1832 году, когда М.П. Малахов заместил И.И. Свизева на посту главного архитектора Уральского горного правления, он, так же как и его предшественник, проводил большую и сложную работу по экспертизе архитектурных проектов горнозаводского Урала, вел надзор за текущими стройками. Много труда Малахов вложил в непосредственное руководство проектированием комплексов зданий уральских заводов. Он постоянно выезжал на места строительства, внимательно проверял и нередко переделывал проекты и сметы. На местах он давал четкие указания об изменении конструктивного решения зданий. Такая его деятельность в значительной степени поспособствовала созданию необходимых тогда правил проектирования и строительства гражданских и заводских зданий на Урале, которые были основаны на четкой технологической схеме, передовых на тот период времени конструкциях, методах строительства и законах архитектурной классики.

В Екатеринбурге Малахов имел свою проектную мастерскую. Важнейшим слагаемым, а также результатом деятельности Малахова, является создание на базе его мастерской «школы зодчих» [2, с. 41], в которой постоянно работали его ученики З. Гуляев, Ф. Пролубников, И. Галкин и другие архитекторы, имена которых сегодня установить сложно. Многие проекты его учеников отличаются хорошим качест-

вом, имеют множественные общие черты с работами учителя, примененные технические решения разработаны с использованием опыта Малахова. Качество подготовки учеников основывалось прежде всего на внимательном и детальном изучении классических архитектурных канонов и более поздней архитектурной классики. При всех достоинствах и умениях Малахова нельзя сказать, что все проекты, выполненные им и его учениками, были совершенны, не всегда использование классических приемов было удачным, но это нисколько не умаляет значения творчества самого архитектора и его учеников, и в особенности его наставничества в обучении интерпретации классических канонов в уральской архитектуре [5]. Таким образом, Малахов в большой степени еще недооценен как наставник, воспитавший целый ряд грамотных специалистов, количество которых сложно определить, но точно известно, что его архитектурные идеи, принципы и инженерные решения продолжали использоваться в архитектуре нашего региона еще многие годы.

Если говорить в целом об архитектуре Уральского региона первой половины XIX века, нужно отметить, что в тот период местных архитекторов объединяла между собой общность взглядов на основные принципы разработки планировок заводских площадок, генеральных планов заводских поселков и небольших городов, проектирование сооружений и зданий. Можно сказать, что единые принципы творчества архитекторов того периода сложились вследствие использования ими единого для многих архитекторов источника исторических знаний. Творческое лицо этих архитекторов во многом определялось тем, что они прошли обучение в Академии художеств, имели большую практику проектирования, которой руководили тогда признанные всеми корифеи русского классицизма [6]. Далее эту общность взглядов поддержало единство задач, которые решали архитекторы Урала, и непосредственная творческая взаимосвязь между архитекторами всего региона.

Важность архитектурной деятельности Малахова становится еще более значимой, если учесть тот факт, что во второй половине XIX – начале XX века на строительстве уральских заводов работало небольшое количество архитекторов и в целом их творчество было в большой степени эклектичным. При этом о высоком качестве их работы красноречиво говорит тот факт, что многие здания и сооружения, построенные в городах и на заводах Урала, сохранились до нашего

времени. Сам М.П. Малахов оставил после себя целый ряд известных нам построек и новаторских инженерных решений, воплощенных в жизнь, а также еще и ряд учеников, продолживших его архитектурные традиции в Уральском регионе: в их работах можно найти большое количество достойных примеров архитектурной неоклассики. При этом нет достаточно полной информации о том количестве специалистов, которых выпустил Малахов, известно лишь несколько имен, тогда как в реальности их было больше.

Библиографический список

1. Пономаренко Е.В. Особенности культовой архитектуры Михаила Павловича Малахова на Урале / Е.В. Пономаренко // Приволжский научный вестник. — 2013. — № 7 (23). — С. 40–42.
2. Алферов Н.С. Зодчие старого Урала. Первая половина XIX в. / Н.С. Алферов. — Свердловск, 1960. — 216 с.
3. Букин В.П., Пискунов В.А. Свердловск = Sverdlovsk = Swerdlowsk : перспективы развития до 2000 года / В.П. Букин, В.А. Пискунов. — Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1982. — 308 с.
4. Козинец Л.А. Каменная летопись города : Архитектура Екатеринбурга–Свердловска XVIII – нач. XX в. / Л. Козинец. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. — 160 с.
5. Прибыльский С. Поэма в камне (творчество архитектора М.П. Малахова) / Сергей Прибыльский // Библиофонд : электрон. б-ка студента : [сайт]. — 01.12.2009. — URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=76586> (дата обращения: 04.03.2024).
6. Калабухова М. Русский классицизм в архитектуре / Марина Калабухова // ООО «Фасад Проект» : [сайт]. — 2005–2024. — URL: http://www.facade-project.ru/spravochniki/razdel_statej/fasadnyj_dekor_v_stilyah_arhitektury/klassicism_v_arhitekture_rossii/ (дата обращения: 04.03.2024).

Alexander L. Titov

M.P. Malakhov as an Outstanding Architect of the Urals and Mentor of the Young

Keywords: M. P. Malakhov, school of architects, architecture of the factory Urals, architecture of classicism of the first half of the XIX century.

Abstract. The article examines the stages of the life path and facets of M.P. Malakhov's architectural work, highlights the theme of his architectural

workshop, in which there was a so-called school of architects, as well as a general assessment of the results of its work both in the architectural field and as a mentor to young professionals. Two examples of Malakhov's architectural projects are given, which well characterize his main approaches to design.

Titov Alexander L., Candidate of Architecture, Associate Professor of the Department of Fundamentals of Architectural Design, Ural State University of Architecture and Art named after N.S. Alferov (Ekaterinburg, Russia); e-mail: fosberi@mail.ru.

УДК 908

А.Д. ФРОЛЕНКО¹

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА УРАЛА НА БАЗЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ. Из опыта работы выставки «Потаенный мир народов Урала»

Аннотация. Автор прослеживает трансформацию образа Урала на протяжении XX века — от акцента на индустриальные символы в 30-е до интереса к мифологическому наследию края в наши дни, а также делится своим опытом актуализации мифологического наследия для поиска образа Урала посредством создания выставочного проекта «Потаенный мир народов Урала».

Ключевые слова: региональная идентичность, брендинг территории, фольклорный брендинг, создание выставки, выставочный проект.

Типичный российский регион, как правило, эстетически «недоделан». Проезжая по огромной территории страны, по разным ее городам и весям, можно столкнуться с тем, что российские регионы, за исключением некоторых национальных республик, на удивление культурно однородны. Для человека, который смотрит на Россию со стороны, она представляется огромным белым пятном на карте мира. Он знает здесь два-три города и несколько проблемных точек, а все остальное пространство размером с континент предстает безликой массой. И что

¹ Фроленко Александр Дмитриевич, ГАУК СО Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера (Екатеринбург, Россия), заведующий отделом истории; e-mail: frolenco@gmail.com.

самое плохое — так же она выглядит для стороннего наблюдателя и изнутри. Регионы сливаются для человека в малоинтересную безликую массу. Как утверждает И.С. Важенина, большая часть российских регионов совершенно безлика, имеет крайне слабо выраженный имидж. Культурная самость региона, как правило, не выходит за пределы узкого круга лиц, занимающихся локальной историей и краеведением. Это находит свое выражение в том, что потенциальные потребители почти ничего не знают ни о самом регионе, ни о возможностях, предоставляемых для них этой территорией [1].

Причину этого можно найти в сверхцентрализации страны в советский период. Принципат Москвы, пожалуй, ярче всего доминировал именно в культурной жизни страны. Регионализм, а вместе с ним и региональная идентичность, противоречили общему тренду на централизацию, который возобладал в СССР, начиная с конца 20-х годов. Можно согласиться, что наряду с делегированием власти Москва занималась делегированием смыслов, символов и образов. А отказавшись в пользу Москвы от права на оформление самосознания и культуры страны, регионы заведомо обрекали себя на культурную ущербность [2].

Развал СССР вызвал в стране всплеск поиска региональных брендов и региональной идентичности. Это затронуло и Свердловскую область. Начиная с конца 90-х годов, по словам известного уральского антрополога А.В. Головнева, в регионе медленно, но планомерно действует достаточно серьезное брендинг-движение, причем автор отмечает, что в наше время оно спровоцировало поиск особой уральской идентичности, чего не было ни в период Уральской области (1923–1934 гг.), ни в период Уральской республики (июль – ноябрь 1993 г.) [3].

Это поставило перед региональной культурой задачу всесторонней «эльфизации» региона, превращение истории края в фантастический миф. Накладывая желаемый «фантазийный регион» на реальную карту, можно вызвать у людей живой интерес к осуществлению локальной утопии.

Региональная история и культура служат материалом для такой «эльфизации». В случае с Уралом революционные большевистские элиты использовали историческое наследие края для осуществления культурной политики, в основном чтобы подчеркнуть рабочую специфику региона, помещая его в мифологию революции и классовой борьбы [4]. Закреплялись индустриальные символы как базовый эле-

мент символической идентичности. После Великой Отечественной войны Урал стал ассоциироваться с «опорностью» по формулировке А. Твардовского — как основная кузница, где куется оружие победы, главным образом танки [5].

В постсоветское время на первый план выходит обращение к тому, что пермские историки П.С. Богословский [6] и Л.В. Баньковский [7] назовут горнозаводской цивилизацией. Упор делался на индустриальное наследие региона: сохранившийся почти до наших дней значительный объем старой промышленной архитектуры и некоторых раритетных технологий и объектов социально-бытового назначения, связанных с промышленным производством [8]; создавался образ Урала вообще как края заводов. Но по мере утраты своей изначальной заводской сути Урал стремится обрести новый смысл, став частью креативной экономики. Как писал историк В.В. Алексеев, «бывший Свердловск, когда-то колыбель советской модернизации, а ныне узловая станция сырьевой экономики новой России и место аккумуляции капитала, последовавшей за шоковой приватизацией, страстно жаждет забыть свое прошлое и изобрести новое будущее» [9].

Позднее происходит попытка переосмыслить образ региона уже исходя из социокультурного, а не индустриального аспекта горнозаводской цивилизации. Здесь можно отметить книгу Алексея Иванова «Горнозаводская цивилизация», написанную по заказу Министерства культуры Свердловской области [10]. Основными визуальными образами, которыми оперирует автор, является уникальный ландшафт горнозаводского поселения и культура его обитателей, прежде всего мастеровых и заводладельцев. Автор сознательно уподобляет горнозаводской Урал Атлантиде — исчезнувшей и забытой цивилизации, оставившей после себя лишь руины. Такое изображение региона не несет негативной коннотации, а наоборот, призвано заинтересовать читателя. Индустриальное наследие представляется в виде мифа, легенды, которое более интересно для людей, чем если бы оно было представлено исключительно в виде памятников заводской архитектуры. Сам автор утверждает, что Урал нужно прекратить понимать как промышленный край и начать понимать как край фантазийный, где с реальностью переплетаются мистика, тайны и загадки [11].

Здесь мы подходим к такому историко-культурному ресурсу как мифологическое наследие для формирования регионального бренда и региональной идентичности. Подобный фольклорный брендинг тер-

ритории идентифицирует место посредством использования легенд и преданий, местной религиозной и мистической традиции [12]. Основными чертами выстраивания нового образа региона и региональной идентичности на базе мифологического наследия является синтез локального патриотизма, локальной этнографии и археологии, неоязычества, эзотерики и экологизма [13].

Подобных проектов на территории России было реализовано немало. В качестве примера можно привести проект «Сказочная карта России», направленный на развитие и продвижение территорий через сказочных и мифологических персонажей с их привязкой к конкретной территории через место рождения или бытования данного персонажа, или крупный музейно-выставочный проект «Сны Сибири», рассказывающий о культуре Предуралья, Сибири и Дальнего Востока через сакральные символы.

На Урале фольклорный брендинг территории во многом происходит на базе уже упомянутой выше концепции «горнозаводской цивилизации», а также бажовского мифа, где главным остается мифотворчество, связанное с горнозаводским производством, локально закрепленное за несколькими культурно-географическими объектами: Невьянской башней, Нижнетагильским музеем-заповедником, рекой Чусовой, бажовскими местами в Сысерти и Полевском (гора Азов, Тальков Камень). Однако последнее время к ним добавляются попытки брендинга территории с привлечением и другого мифологического наследия региона, примером чему может служить использование для этих целей Большого Шигирского идола — уникального памятника эпохи мезолита из фондов Свердловского областного краеведческого музея.

В качестве примера работы с мифологическим наследием при создании образа региона мы рассмотрим наш опыт работы над выставкой «Потаённый мир народов Урала». Выставка была создана отделом истории и работала на выставочной площадке Музея истории и археологии Урала Свердловского областного краеведческого музея им. О.Е. Клера с 26 июля 2019 года по 1 марта 2020 года, а позднее, в период с 2021 по 2023 год, демонстрировалась в филиалах музея на территории области. За два года выставка успела побывать в Пышминском музее истории земледелия и крестьянского быта, Асбестовском историческом музее, Туринском доме-музее декабристов, Сысертском краеведческом музее, Артинском историческом музее.

В данной выставке мы стремились рассмотреть мифическое наследие Урала как средство осмысления окружающего пространства, поле для анализа и формирования региональной идентичности и регионального образа. Для этого нами были проработаны экспозиционные комплексы, которые на понятном и интересном для посетителя языке, на основе разноплановых вещественных памятников смогли бы представить разные аспекты уральской фольклорной устной, нематериальной традиции и духовного мира народов Урала и свести их в единое неразрывное смысловое пространство, показывающее уникальный образ региона.

В выставке нами было выделено четыре комплекса. Первый из них — это потаенный мир древнего Урала, который включал в себя апеллирующие к сакральному памятники уральской археологии, в первую очередь изделия иткульской металлоносной культуры, один из ранних очагов которой располагался в верховьях реки Исети, а расцвет которой связывают с памятниками в районе городов Полевской и Сысерть: птицевидные идолы, антропоморфное изображение, найденное близ скалы Адуйский Камень, материалы из раскопок с горы Думной. Для визуализации археологических образов при помощи языка современного искусства специально для выставки художник А.Н. Баженов нарисовал несколько картин, вдохновленных сакральными памятниками Урала — уральскими писаницами и рисунками из Игнатьевской и Каповой пещеры. Также использовались работы А.В. Баландина, который воплотил в картинах свое видение Шигирского идола.

Второй комплекс был посвящен мифологической традиции финно-угорских народов Урала: ханты и манси. Комплекс включал в себя, в основном, копии различных идолов данных народов и элементы сакрального в одежде и быте данных народов. Благодаря работам художника Г.С. Райшева, чье творчество выросло на так называемом «сибирском стиле», возникшем под влиянием археологических открытий великих древних культур этносов Сибири, мы смогли показать, как уходящая корнями в глубь веков мифическая традиция находит свое отражение в современном искусстве [14].

Третьим стал комплекс, посвященный русской мифологической традиции. В него вошли этнографические материалы, посвященные сакральному в одежде и быте, а также комплексы, рассказывающие о сказочной традиции русских жителей Урала. Основой для создания

последних послужила, главным образом, книга Д.К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии» — собрание сказок, которые петербургский этнограф записал в 1908–1914 гг. в Екатеринбургском уезде [15]. В данном комплексе мы сделали упор на демонстрацию личности сказителей и их социальный статус, в зависимости от которого и формировалась сказочная традиция, в русле которой они работали; на сказочных персонажей, героев, предметы, мифы о заселении Урала и его древних жителях, а также народных христианских апокрифов, так называемых сказках-легендах.

Наконец, четвертым стал комплекс, посвященный творчеству П.П. Бажова — основного в XX веке создателя уральского мифологического образа. В данном комплексе мы сосредоточились главным образом на следующем: демонстрации исторического контекста, в котором писатель создавал свой «фейкзор», художественных образах, в которых воплотились сказы писателя, и путях превращения сказов и образов из них в бренд советского и постсоветского Урала.

Все перечисленные выше комплексы связаны между собой единым пространством, как географическим, так и образно-смысловым. Географическое пространство уральской мифологии в рамках нашей выставки локализовано в нескольких точках Среднего Урала. Это верховья Исети, окрестности Сысерти и Полевского, территория Кыштыма — Каслинского округа и Багарякской волости Екатеринбургского уезда. Именно здесь пересекаются сакральные миры древности и бажовских сказок, фино-угорской мифологии и русской сказочной традиции.

При этом важную роль играет само природно-географическое пространство Урала. В нашей выставке мы стремились показать, что сама нетронутая, дикая природа края, противостоящая пространству человека, является важной частью мифологического пространства региона. Д.К. Зеленин писал, что притом что сельское население Пермской губернии не сохранило старинного уклада своей жизни, как на русском севере, а по степени образования и интеграции меняющийся жизненный уклад начала XX века не уступает великорусским губерниям центрального промышленного округа, где народные сказки почти не сохранились, — тем не менее «в Пермской губернии имеются какие-то особенные причины, которые способствовали лучшему бытованию здесь сказочной традиции. Такими причинами нужно признать характер местной природы. Дремучие, необозримые

леса часто еще и поднесь не тронутые топором дровосека, глубокие долины, каменные вершины и скалы, — все это не могло не производить на обитавшего тут человека впечатление чего-то таинственного, волшебного» [15].

Библиографический список

1. **Важенина И.С., Важенин С.Г.** *Имидж и репутация как стратегическая составляющая нематериальных активов территории / И.С. Важенина, С.Г. Важенин // Экономика региона. — 2010. — № 3. — С. 95–103.*
2. **Корнев С.** *Постмосковская цивилизация / С. Корнев // Region. Expert : сайт. — 2016. — Электрон. копия электрон. изд. — URL: <https://telegra.ph/POSTMOSKOVSKAYA-CIVILIZACIYA-07-08> (дата обращения: 30.03.2024). — Доступна на странице ОВОД «Свобода и Воля» в Телеграм.*
3. **Головнев А.В.** *Этничность и идентичность на Урале / А.В. Головнев // Уральский исторический вестник. — 2011. — № 2 (31). — С. 40–49.*
4. **Постников С.П., Фельдман М.А.** *Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.) / С.П. Постников, М.А. Фельдман. — Екатеринбург : УрО РАН, 2006. — 474 с.*
5. **Бугров К.Д.** *Индустриальная идентичность центров медной промышленности Урала: символика и геральдика / К.Д. Бугров // Социально-экономическая история Урала XVIII–XX вв.: проблемы и решения: сб. науч. ст. и мат-лов памяти Е.Ю. Рукосуева. — Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2021. — С. 92–105.*
6. **Бугров К.Д., Киселев М.А., Маштакова Л.В.** *Становление опорного края. Индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг. / К. Бугров, М. Киселев, Л. Маштакова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — С. 282.*
7. **Богословский П.С.** *О постановке культурно-исторических изучений Урала. / П.С. Богословский // Уральское краеведение. — 1927. — Вып. 1. — С. 86–96.*
8. **Баньковский Л.В.** *Уралистика: Сб. краеведческих мат-лов. / Л.В. Баньковский. — Екатеринбург, 1994; Березники, 2003. — 77 с.*
9. **Алексеев В.В.** *Проблемы изучения и сохранения индустриального наследия Урала / В.В. Алексеев // Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1994. — С. 47–56.*

10. 1-я Уральская индустриальная биеннале современного искусства. Ударники мобильных образов. Основной проект, Екатеринбург 2010 = 1st Ural industrial biennial of contemporary art. Shockworkers of the mobile image. Main project / кураторы-сост.: Екатерина Деголь, Космин Костиная, Давид Рифф. — Екатеринбург, 2010. — 303 с.

11. **Иванов А.В.** Горнозаводская цивилизация: [Металлурги. Демурги. Геофайлы. Самоцветы] / Алексей Иванов. — Москва: АСТ, 2014. — 283 с.

12. **Иванов А.В.** Урал — не опорный край державы, Урал — это Гэндалф : интервью // Алексей Иванов, Алиса Сторчак // Современный портал Екатеринбурга — «66.ru» : сетевое издание. — 03.04.2013. — URL: <https://66.ru/news/freetime/133338/> (дата обращения: 30.03.2024).

13. Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда / М.В. Ахметова, М.И. Байдуж, Е.Е. Вознюк и др. — М. : Неолит, 2018. — 224 с.

14. **Чирков В.** Геннадий Райшев: автохтонное происхождение художника как источник универсальности его искусства : искусствоведческие письма / Владимир Чирков. — Сибирские огни. — 2019. — № 12.

15. **Зеленин Д.К.** Великорусские сказки Пермской губернии / Д.К. Зеленин. — М., 1991.

A.D. Frolenko

The Formation of the Urals Image on the Mythological Heritage Basis. From the Experience of the Exhibition «The Hidden World of the Peoples of the Urals»

Abstract. The author traces the image of the Urals transformation during the twentieth century, from an emphasis on industrial symbols in the 30s to an interest in the mythological heritage of the region today, and also shares his experience of updating the mythological heritage to search for the image of the Urals through the exhibition project creation «The Hidden World of the peoples of the Urals».

Keywords: Regional identity, branding of the territory, folklore branding, creation of an exhibition, exhibition project.

Frolenko Alexander Dmitrievich, Head of the History Department, Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore named after O.E. Kler (Ekaterinburg, Russia); e-mail: frolenco@gmail.com.

УДК 908

А.Л. ШАБАШОВА¹, К.А. МАЛЬЦЕВ²

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ ЖИВОПИСИ ПЕРМСКОГО НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННОГО МУЗЕЯ В 1890–1920 ГОДАХ

Аннотация. В статье прослеживаются истоки формирования живописной коллекции Пермской государственной художественной галереи. Прослеживается специфика возникновения и развития Пермского научно-промышленного музея и возникшего при нем художественного отдела. Рассматриваются особенности творчества отдельных уральских художников, чьи работы находились в коллекции Пермского научно-промышленного музея.

Ключевые слова: коллекция, Уральское общество любителей естествознания, Пермский научно-промышленный музей, художественный отдел, коллекция живописи.

Коллекция Пермской государственной художественной галереи включает в себя огромное количество предметов. На данный момент фонды художественной галереи насчитывают более 51 000 единиц хранения. Представлены иконопись (Строгановская школа), деревянная скульптура (так называемые «Пермские боги»), декоративно-прикладное искусство и т.д. Коллекция живописи, наряду с «Пермскими богами», является ключевым разделом всего собрания Пермской государственной художественной галереи.

Какими были истоки живописной коллекции Пермской государственной галереи, откуда и как зародилась столь богатая коллекция музея? Уточнение и даже воссоздание этих процессов с помощью анализа архивных документов представляется темой, актуальной для научного исследования именно в связи с недостаточной изученностью источников этого типа.

¹ Шабашова Алина Леонидовна ФГБОУ ВО Пермский государственный институт культуры (Пермь, Россия), студентка 3 курса; e-mail: alina.shabashova1@mail.ru.

² Мальцев Константин Альбертович, кандидат философских наук, ФГБОУ ВО Пермский государственный институт культуры (Пермь, Россия), доцент кафедры культурологии и философии, руководитель управления научно-исследовательской деятельности, руководитель Студенческого научного общества; e-mail: k.maltsev1971@mail.ru.

В 1870 г. было организовано Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ). Общество было создано в Екатеринбурге, его главным создателем и будущим руководителем стал геолог, преподаватель Екатеринбургской мужской гимназии О.Е. Клер. Учредителями УОЛЕ стали также управляющий Уральским горным училищем Н.К. Чупин, врач, заведующий госпиталем Верх-Исетских заводов А.А. Миславский, преподаватель гимназии В.И. Обреимов, зоолог Л.П. Сабанеев, преподаватель Уральского горного училища Н.А. Иосса и другие — всего 80 человек. Сначала целью УОЛЕ было собирание информации, предметов, коллекций, книг для исследования Урала. В самом начале деятельности общества материалы предоставляли сами члены комиссии. Затем возникла потребность в организации археологических, ботанических и зоологических экспедиций.

Важным стало проведение в Екатеринбурге в 1887 г. Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки. В ней участвовали представители 32 губерний России, нескольких стран Европы и США, выставка положительно повлияло на деятельность УОЛЕ.

Вскоре Общество любителей естествознания появилось и в Перми: 15 ноября 1890 г. состоялось первое его заседание. Членами общества стал горный инженер и археолог, первооткрыватель Гляденовского костяка Н.Н. Новокрещенных; врач-гигиенист, общественный деятель и краевед П.Н. Серебренников; лесовод, краевед, метеоролог В.Е. Боков; инженер, энтомолог и хранитель зоологического отдела Пермского музея в 1894–1902 гг. Ф.Ф. Гельцерман и другие. 23 января 1900 г. члены ПК УОЛЕ на специальном заседании одобрили проект устава Пермского научного музея как самостоятельной единицы, 27 марта 1901 г. устав был утвержден в Петербурге. Именно тогда музей получил новый статус — научно-промышленный [1, с. 447].

В доме, в котором с 1908 года находилось представительство «Пишущие машинки, рояли, пианино Т.В. Поповой» разместились выставочные залы и библиотека. К началу XX века музей имел коллекции в залах по археологии, истории, этнографии, геологии, палеонтологии, почвоведению, зоологии, ботанике и др. В музее происходило чтение лекций. Из ряда мероприятий, проведенных в музее, были особо отмечены лекции по истории искусств преподавателя Пермского реального училища Г. Циммерман, лекции профессора Варшавского университета В.П. Амалицкого об открытых им на севере России гигантских ископаемых животных Пермской фармации (19 августа

1902 г.), С.Н. Стемпневского о беспроводной электрической сигнализации (26 апреля 1902 г.) и его же о рентгеновских лучах (9 октября 1899 г.). В помещении музея иногда устраивались выставки, например: передвижная сельскохозяйственная Пермского губернского земства, художественная выставка картин художников Прикамья, педагогическая и гигиеническая [2, с. 99]. С 1890 по 1914 г. Пермский научно-промышленный музей посетило более 300 тысяч человек [3].

Пермский научно-промышленный музей (ПНМП) был создан как общественно-просветительская организация, объединявшая в своих рядах известных ученых, краеведов, меценатов, общественных деятелей. Целью ПНМП было распространение знаний среди жителей губернии. Музей финансировался из разных источников. Это были субсидии от губернских и уездных земств, а также дотации от городской думы, управления землеустройства и земледелия и других городских организаций. Музей также получал деньги от жертвователей и благотворительных литературно-музыкальных вечеров.

Коллекции музея постоянно пополнялись. Источниками пополнения служили пожертвования частных лиц, а также предметы, найденные самим членами УОЛЕ в ходе археологических раскопок, научных экспедиций. Первоначально музей массово собирал недорогие предметы (например, старинные медные деньги, минералы, насекомых), занимаясь основанием коллекций. К 1901 г. музей был обладателем такого собрания: 317 предметов и 7 коллекций по археологии, 142 предмета по истории, 80 предметов и 3 коллекции по этнографии, 952 и 4 — по зоологии, 977 и 6 — по энтомологии, 74 и 1 — по геологии, 3 и 237 предметов — по палеонтологии, 363 и 9 — по минералогии, 205 и 8 — по промышленному отделу, 3960 монет — по отделу нумизматики и около 800 предметов — по сельскому хозяйству [4, с. 12]. Известно также, что ПНМП взаимодействовал с другими музеями по вопросу пополнения фондов: в 1903 году из Русского музея в ответ на телеграмму из Пермского научно-промышленного музея с просьбой передать в дар некоторые произведения из их коллекции пришло извещение о том, что прошение было отклонено [5, с. 40].

Отдельно стоит сказать о создании художественного отдела Пермского научно-промышленного музея. В конце декабря 1900 – начале января 1901 г. в Перми в доме паромщика Н.В. Мешкова была организована выставка работ художника А.К. Денисова-Уральского [6, с. 90]. Организатором выставки был Пермский научно-промышленный

музей. История открытия данной выставки связана с именами художников Л.Н. Жукова, Н.Н. Клепинина, А.А. Шерметевского [8] и С.И. Яковлева, которые хотели продемонстрировать свои работы. В тот же период у членов научно-промышленного музея возникла идея создания художественного отдела музея.

Один из основателей УОЛЕ О.Е. Клер попросил у других членов Общества предоставить недавно отстроенный зал Промышленного отдела как помещение для выставки. Члены общества решили взять выставку под свое покровительство. О.Е. Клер в своей речи сказал, что «...устройство Художественного отдела в нашем Музее было моей давнишней мечтой...» [9]. На выставке, кроме всего прочего, были представлены картины художника А.К. Денисова-Уральского. Особенно сильное впечатление производила картина «Лесной пожар». Полагаем, что именно эта выставка ознаменовала собой начало художественного отдела Пермского научно-промышленного музея.

В апреле 1902 г. открылась выставка уроженцев Пермской губернии художников Сведомских. В октябре 1904 г. приезжий художник А.А. Сахаров выставил в Перми несколько картин из цикла о Русско-Японской войне. В мае 1907 г. в Пермском общественном собрании была открыта выставка картин польских художников, иллюстрирующих сочинения Г. Сенкевича [10, с. 203].

Уже с 1910 г. появилась традиция каждый год весной проводить выставки картин пермских художников. Из всех работ, представленных на выставке, наибольшую сенсацию произвела картина И.П. Чиркова «Именины». На выставке весной 1912 г. больше всего выделялись картины: «Село Пушкино» А.А. Беляева, «На дне морском» А.Н. Зеленина и картины В.А. Мамаева.

Отдельно стоит назвать имена и произведения находившихся в коллекции художественного отдела ПНПМ именно уральских художников: И.Ф. Никонов — «Грузчики на Каме»; В.А. Плотников — «Портрет пермского живописца И.В. Бабина»; Н.М. Гуцин — «Пейзаж», «Зимний вечер», «Ночь», «Лесной пожар (по картине Денисова-Уральского)»; В.П. Верещагин — «Портрет Павла Васильевича Суханова», «Усталая», «Портрет Сухановой Евдокии Петровны», «Портрет матери художника»; П.П. Верещагин — «Архангел»; А.А. Сведомский — «На дворе гостиницы в Риме»; П.А. Сведомский — «Шествие Христа на распятие»; А.В. Исупов — «Этюды»; А.И. Столбов — «Водяной», «Лунная ночь», «Море»; А.С. Шанин — «Диана», «В часы досуга», «Чусовая» и т.д.

Остановимся на нескольких малоизвестных именах уральских художников. Эти художники интересны тем, что их работы представлены в изучаемой коллекции.

Н.М. Гуцин — художник-символист Серебряного века, участвовал в выставках Бурлюков и Василия Каменского. Учился в реальном училище в Перми, в Перми же провел свою юность и начал рисовать. Затем учился в Москве в Училище живописи, ваяния и зодчества у знаменитых художников С.В. Малютина и А.К. Коровина. Николай Гуцин выработал свой яркий художественный стиль, который можно назвать эмоциональным символизмом. Гуцин какое-то время сам преподавал живопись и рисунок в Доме народных искусств в Перми, работал архитектором. В Пермском научно-промышленном музее были его картины — «Зимний вечер», «Ночь», «Летняя ночь», «Летний пейзаж», «Лесной пожар (по карт. Денисова-Уральск.)», «Натюрморт. Череп и розы», «Пейзаж». В настоящее время в Перми также есть картины художника, большая их часть находится в фондах Пермской государственной художественной галереи.

А.И. Столбов родился в Вятке в купеческой семье, получил образование в Училище технического рисования Штиглица. А в 1903 г. закончил обучение в рисовальной школе Императорского общества поощрения художеств. Успех ему принесло участие в выставках в родном городе и в других городах Урала, где его работы были положительно оценены. Преподавал рисунок, живопись и лепку в Вятском коммерческом училище, Вятском духовном училище и семинарии, школе для глухонемых, Вятской народной студии художеств. В своей живописи А.И. Столбов часто обращался к символизму, во многих его картинах прослеживается влияние М.А. Врубеля и немецких символистов. В Пермском научно-промышленном музее были выставлены следующие работы Столбова: «Водяной», «Лунная ночь», «Море», «Грех».

А.С. Шанин с 1870 по 1910 г. жил и работал в Перми, оставил важный след в развитии художественной культуры губернского города. Был одним из членов-учредителей и участником выставок Общества любителей живописи, ваяния и зодчества. Имя А.С. Шанина можно встретить в статьях современников автора: «Город Пермь, его прошлое и настоящее» (В.С. Верхоланцев), «Старейшее учебное заведение Перми. К 100-летию Пермской мужской гимназии. 1808–1908» (А.В. Зверев), его имя встречается в более поздних исследованиях Н.Н. Серебренникова, Е.И. Егоровой. В 1888 г. А.И. Шанин открыл частную школу. Это учеб-

ное заведение было первой в Перми школой рисования, которая была открыта при поддержке Императорской академии художеств. Петербургская Академия также предоставила гипсовые слепки, с которых ученики-художники делали рисунки, изучая тему пропорций античных статуй. Произведения А.И. Шанина отражали события, связанные с его биографией: портреты учителей-коллег по преподавательской деятельности, церковные работы, эскизы, копировал с высоких образцов (К.П. Брюллова, К.Ф. Гуна). Также художник писал портреты знаменитых пермских деятелей — купца и мецената И.И. Любимова, историка и краеведа А.А. Дмитриева (портреты хранятся в Пермском краеведческом музее), пейзажи. В Пермском научно-промышленном музее были представлены следующие работы мастера: «Диана», «В часы досуга», «Чусовая», «Фавны и спящая Дриада».

Вследствие того, что художественная культура в Пермском крае развивалась, а после революции музеем были переданы ценные художественные произведения, отчасти собранные на месте в Пермском крае, частью же поступившие из Центрального музейного фонда в Москве, возникла необходимость устройства Художественного музея. Обобщая, мы можем говорить о том, что собрание художественного отдела Пермского научно-промышленного музея переросло статус отдела и стало таким, что возникла необходимость в создании отдельного Художественного музея. 7 ноября 1922 г. в здании на углу Красного проспекта и Трудовой улицы открылся Пермский художественный музей [7, с. 50].

Таким образом, история Пермской галереи началась не в 1922 г., а на два десятилетия раньше — в 1902 г., когда при Пермском научно-промышленном музее в Перми открылся Художественный отдел. Пермский научно-промышленный музей — пример универсальной музейной институции, в которой общим контекстом истории Пермского края объединены наука, промышленные достижения и художественная культура. Создание при нем Художественного отдела было естественным этапом развития музейного дела в Перми.

Изучение архивных документов и их критический анализ может способствовать созданию достоверной картины деятельности Пермского научно-промышленного музея на ранних стадиях его существования. В том числе — и хода формирования в нем живописного собрания, ставшего затем основой коллекции живописи Пермской художественной галереи.

Библиографический список

1. Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края : биобиблиогр. справ. / Сост.: Т.И. Быстрых, А.В. Шилов. — Пермь: Пушкина, 2006. — 447 с.
2. **Верхоланцев, В.С.** *Город Пермь, его прошлое и настоящее* / В.С. Верхоланцев. — Пермь: Пушкина, 1994. — 255 с.
3. ГАПК. Ф. 680. Оп. 1. Д. 354. *Историко-статистические сведения о научном музее за время его 24 летнего существования, 1914 г.*
4. *Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1901 год в связи с кратким очерком одиннадцатилетней (1890–1900 г.) деятельности Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания.* — Пермь : типо-литография губ. правл., 1902. — 90 с.
5. **Ваганов А.А.** *Пермский научно-промышленный музей в дореволюционный период* / А.А. Ваганов // *Исторические исследования: мат-лы междунар. науч. конф. (Уфа, 20–23 июня 2012).* — Уфа: Лето, 2012. — С. 28–31.
6. **Авлиярова Р.Р.** *Роль Пермского научно-промышленного музея в просветительской деятельности* / Р.Р. Авлиярова // *Вестн. Науч. ассоц. студентов и аспирантов ист. фак. Пермского гос. гуманитарно-пед. ун-та. Серия: Studis historica juvenit.* — 2021. — № 1 (17). — С. 213–218.
7. *Очерк деятельности и состояния Музея в первый год его существования с 7 ноября 1922 года по 1 октября 1923 года* / Предисл.: А. Сыропятов. — Пермь : Художественный музей, 1924. — 50 с.
8. **Серебренников П.Н.** *Что сделал Пермский научно-промышленный музей как научно-просветительское учреждение : 1908* / П.Н. Серебренников // ГАПК. Ф. 598. Оп. 1. Д. 496. Л. 15.
9. **Клер О.Е.** *Речь, читанная после молебна по случаю открытия Художественного отдела музея и выставки художественных произведений 23 декабря 1901 г.* / О.Е. Клер // ГАПК. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
10. *Пермь : сб. / Ред. : М.Г. Гуревич.* — Пермь: Пермское кн. изд-во, 1957.

A.L. Shabashova, K.A. Maltsev

The Collection of Paintings Formation of the Perm Scientific and Industrial Museum in the 1890s–1920s:

Abstract. *The author raises the problem of the origins of the formation of the painting collection of the Perm State Art Gallery. The specifics of the emergence and development of the Perm Scientific and Industrial Museum and the art*

department that arose under it are traced. The features of the work of individual Ural artists whose works were in the collection of the Perm Scientific and Industrial Museum are considered.

Keywords: collection, Ural Society of Natural Science Lovers, Perm Scientific and Industrial Museum, art department, painting collection.

Shabashova Alina Leonidovna, 3rd year student, Perm State Institute of Culture (Perm, Russia); e-mail: alina.shabashova1@mail.ru.

Maltsev Konstantin Albertovich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Head of the Department of Research Activities, Head of the Student Scientific Society, Perm State Institute of Culture (Perm, Russia); e-mail: k.maltsev1971@mail.ru.

УДК 719:725.4 (470.5)

О.А. ШИПИЦЫНА¹

ТЕРРИТОРИЯ ГОРОБЛАГОДАТСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА КАК ГОРНОЗАВОДСКОЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Аннотация. Обоснована необходимость изучения исторической территории Гороблагодатского округа как горнозаводского культурного ландшафта. Определены особенности пространственной организации территории округа. Выявлена степень сохранности объектов индустриального наследия округа. Согласно требованиям ЮНЕСКО, сформировано описание горнозаводского культурного ландшафта Гороблагодатского округа.

Ключевые слова: Гороблагодатский горный округ, горнозаводской культурный ландшафт, исторические индустриальные территории, Урал.

Введение концепта культурного ландшафта позволило рассматривать памятники промышленного прошлого как ценные природно-территориальные комплексы, которые целенаправленно создавались в процессе производственной деятельности человека. Эти историче-

¹ Шипицына Ольга Александровна, кандидат архитектуры, ФГБОУ ВО Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н.С. Алферова (Екатеринбург, Россия), доцент, профессор кафедры теории и истории архитектуры и искусств; e-mail: oshipits@usaaa.ru.

ские индустриальные территории способны не только представить соответствующие старые промышленные регионы, но и наглядно показать особенности их освоения и последующего развития. Подобное понимание культурного наследия как системного образования, в котором отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и вне окружающей среды, привело к формированию и нового научно-практического направления. При этом доминирующим исследовательским подходом этого направления становится пространственный (культурно-ландшафтный) подход, а основным объектом изучения — территория как сложно организованное целостное образование, отражающее специфику развития определенного региона или государства в целом [1].

Следовательно, в настоящее время комплексное изучение индустриального наследия Урала в границах более крупных территорий — горных округов является наиболее предпочтительным, поскольку только в этом случае возможно показать исторически сформировавшиеся функционально-технологические взаимодействия и пространственные связи, которые до сих пор определяют неповторимость горнозаводского культурного ландшафта региона. Известно, что горнозаводские округа Урала начали постепенно создаваться с момента промышленного освоения региона в течение всего XVIII в. и получили свое название только в начале XIX в. после утверждения в 1806 г. проекта Горного положения. Вплоть до 1930-х гг. горнозаводские округа являлись структурообразующими элементами горно-металлургической промышленности Урала, формируя систему расселения региона. При этом горнозаводские округа представляли собой «единые хозяйственно-территориальные комплексы, объединявшие металлургические заводы, рудники и прииски, леса, использовавшиеся для углежжения, реки и гидротехнические сооружения, дававшие энергию, вспомогательные производства [2, с. 18].

Пространственная организация территории каждого горнозаводского округа также подчинялась общим требованиям, выработанным в процессе освоения региона. Заводы строились на небольших реках в непосредственной близости от значительных по площади лесных массивов. Как правило, в состав горнозаводского округа входило до пяти-шести доменных и передельных заводов, хотя могло быть и больше, например, как в Нижнетагильском и Верх-Исетском округах. В одном из заводов учреждалось главное управление всеми заво-

дами, и он становился административным центром округа. Доменные заводы располагались рядом с месторождениями руды (рудниками), а передельные — в непосредственной близости от доменных заводов и лучше, если на одной и той же реке вниз по ее течению. Вывоз продукции с предприятий округа осуществлялся по судоходной реке, и для этого на ней устраивались пристани. До появления железных дорог данная река была единственной связью округа с внешним миром. Так, в процессе промышленного освоения Урала было сформировано «шаблонное размещение объектов» (термин С.В. Голиковой), которое «позволяет «читать» окружную территорию как паттерн, поскольку схема «узора» в организации пространств одного округа неоднократно повторяется в другом» [3, с. 38].

Причем пространственная организация территорий некоторых горнозаводских округов определяется и в настоящее время благодаря сохранившимся историческим промышленным поселениям и заводам, созданным индустриальным ландшафтам и отдельным памятникам индустриальной культуры. Примером воспринимаемой и сейчас пространственной структуры исторической индустриальной территории является территория бывшего Гороблагодатского казенного горнозаводского округа. В частности, здесь до сих пор функционируют основные промышленные предприятия округа, а природно-производственные комплексы этих заводов включают уникальные памятники индустриального наследия. Комплексное изучение исторической территории Гороблагодатского округа как горнозаводского культурного ландшафта позволит раскрыть все многообразие существовавших здесь производственных, архитектурно-пространственных, культурных связей и обратить внимание на роль казенной горной промышленности в развитии индустриального Урала.

Формирование Гороблагодатского округа началось в 1730-е гг. в связи с открытием месторождения железной руды на горе Благодать. «Гороблагодатские горные заводы <...> представляли собой типичное для Урала хозяйство. Все необходимое для производства — древесный уголь, песок, глина, известняк, огнеупоры — выдвигались тут же на заводах собственными силами» [4, с. 1]. При этом Гороблагодатский округ являлся длительное время самым мощным уральским казенным округом, который обеспечивал черным металлом государственные металлургические и оружейные предприятия разных регионов России. С этим округом была связана жизнь и деятельность многих

выдающихся горных инженеров и ученых, а благодаря трудам архитекторов были созданы уникальные индустриально-ландшафтные ансамбли.

Поэтому индустриальное наследие Гороблагодатского округа всегда было предметом исследования многих ученых разных специальностей. Так, на рубеже XX–XXI вв. была разработана концепция «Национального горнозаводского парка Среднего Урала». В его состав предполагалось включить Индустриально-ландшафтный «Гороблагодатский горнозаводской парк», который планировалось создать на территории Кушвы [5; 6]. В структуре этого парка предусматривалось, во-первых, разместить в музеефицированном мартеновском цехе Музейно-выставочный центр, в состав которого должны были войти: Музей истории уральской казенной металлургической промышленности и Музей истории г. Кушва. Во-вторых, предлагалось создать Музейно-парковую зону г. Кушва и включить в ее состав: Кушвинский завод-музей на основе сохранившихся объектов индустриального наследия; комплекс «Гора Благодать» (рудоуправление, Гороблагодатский картер, фрагмент канатной дороги, старая агломерационная фабрика) и историко-архитектурную зону «Старый город» [6]. При этом музеефикация затрагивала только территорию Кушвы и не распространялась на другие исторические промышленные территории округа, но в будущем предполагалось включить в структуру парка объекты индустриального наследия других Гороблагодатских заводов [5]. К сожалению, в настоящее время уже невозможно воплотить в полной мере идеи авторов концепции, поскольку разрушен уникальный индустриально-ландшафтный ансамбль Кушвинского завода. Однако введение концепта культурного ландшафта позволяет оценить значимость сформированного в течение двух веков природно-территориального комплекса Гороблагодатского округа, а затем актуализировать сохранившиеся объекты индустриального наследия как определенную целостность.

Исследование Гороблагодатского округа как горнозаводского культурного ландшафта на первом этапе было направлено на определение особенностей пространственной организации территории в ходе изучения опубликованных исторических источников и архивных материалов [7; 8]. На втором этапе сначала были выявлены объекты индустриального наследия (индустриальные ландшафты, промышленные комплексы, отдельные здания и сооружения), которые

к настоящему времени существуют на исторической территории округа, а затем была определена степень их сохранности [9]. В итоге на основе полученных результатов исследования было сформировано описание горнозаводского культурного ландшафта Гороблагодатского округа согласно требованиям ЮНЕСКО, опубликованным в тексте Руководства по выполнению Конвенции об охране Всемирного наследия [10]. В соответствии с этим алгоритмом далее приведены основные результаты проведенного комплексного исследования.

Гороблагодатский округ располагался к северу от Екатеринбурга и имел площадь порядка 1200 га. Округ граничил с севера с казенными землями Пермского, Кунгурского и Верхотурского уездов; с востока с дачами Нижнетагильских заводов; с запада с владениями графа Строганова; а с юга с округом заводчика Яковлева. На территории округа был создан единый производственный комплекс, включавший пять основных заводов (Кушвинский, Верхне-Туринский, Баранчинский, Нижне-Туринский, Серебрянский), один вспомогательный (Верхне-Баранчинский), две пристани (Илимская и Ослянская), а также рудники. Основным был Гороблагодатский рудник, но в начале XIX в. были открыты еще Балакинский и Ермаковский рудники. В Кушвинском заводе располагалось главное управление всеми заводами округа. Кушвинский, Верхне-Туринский, Баранчинский были созданы как чугуноплавильные, а затем стали еще и железодельными. Нижне-Туринский и Серебрянский заводы, наоборот, были построены как железодельные, но с конца XIX в. на обоих заводах были возведены доменные печи. Поэтому к началу XX в. основные заводы Гороблагодатского округа становятся предприятиями с полным металлургическим циклом, при этом каждый из них имеет свою специализацию. Илимская и Ослянская пристани находились в округе под управлением Серебрянского завода. На Илимской пристани строили суда, предназначенные для вывоза металла и изделий Гороблагодатских заводов караваном, который отправлялся уже с Ослянской пристани.

Уральский хребет разделял все пространство, занимаемое Гороблагодатскими заводами, на две части (восточную и западную), но нигде не достигал значительной высоты. Самыми известными возвышенностями округа были гора Благодать как главное месторождение железных руд и гора Синяя — находясь рядом с Баранчинским заводом, она была знаменита высотой и живописным видом, открыва-

ющим с ее вершины. На территории Гороблагодатского округа имела система крупных и малых рек. Река Тура обеспечивала действие двух заводов, а судоходная река Чусовая, впадающая в Каму, использовалась для вывоза продукции Гороблагодатских заводов.

Кроме того, на территории Гороблагодатского округа сложилась определенная транспортная сеть. Так, Кушвинский завод был связан с Екатеринбургом и Верхне-Туринским заводом почтовым трактом, а с Баранчинским и Серебрянским — трактовыми дорогами, хотя и окольными. Верхне-Туринский завод сообщается с Нижне-Туринским почтовым трактом, а Нижне-Туринский тем же путем с Верхотурьем. Баранчинский завод имел сообщение с одной стороны с Нижне-Тагильским заводом; а с другой — с Серебрянским заводом, который, в свою очередь, был связан дорогами с Кыновским заводом графа Строганова, а через него с Кунгуром и наконец с Ослянской пристанью. Отдаленная Илимская пристань не имела кратчайшего пути с Серебрянским заводом, и в летнее время сообщение с ней было весьма затруднительно.

Таким образом, пространственная организация исторической индустриальной территории в границах Гороблагодатского округа подчинялась общим требованиям, согласно которым формировались природно-территориальные комплексы и других горнозаводских округов Урала. Однако в отличие от ряда округов, где многие объекты наследия утеряны, пространственная структура Гороблагодатского округа уцелела за счет хорошей сохранности основных ее элементов — заводов, большинство которых еще работают и имеют от первой до четвертой степени сохранности объектов индустриального наследия.

Кушвинский, Баранчинский, Верхне-Туринский заводы являются действующими, но функция у них изменена. На этих заводах сохранились пруд и плотина, а также некоторые объекты индустриального прошлого. На Кушвинском заводе уникальный индустриально-ландшафтный ансамбль разрушен (осталось несколько ценных зданий), но в структуре города имеются исторические объекты, которые отражают административный статус Кушвы как центра округа. В структуре Баранчинского завода до сих пор сохранились два комплекса объектов индустриального наследия: здания конца XIX в. и железобетонные здания 1916 г. Индустриальный ансамбль Верхне-Туринского завода начала XX в. сохранился полностью. Нижне-Туринский завод

также действующий, но на его территории сохранились только пруд и плотина. На Серебрянском заводе плотина разрушена, пруд спущен, и сохранились только развалины заводских построек. В самом запущенном находится территория Верхне-Баранчинского завода: имеется пруд и полуразрушенная плотина, а также церковь. На Гороблагодатском руднике открытая добыча руды прекращена, а Илимская и Ослянская пристани разрушены, но в устье реки Илимки имеются каменные развалины пристани. Итак, все перечисленные объекты являются структурообразующими элементами исторически сложившегося культурного ландшафта Гороблагодатского округа.

Описание горнозаводского культурного ландшафта Гороблагодатского округа было сформировано в соответствии с требованиями ЮНЕСКО и включает такие позиции, как выдающаяся универсальная ценность, аутентичность и целостность.

Горнозаводской культурный ландшафт Гороблагодатского округа, формировавшийся с 1730-х гг., раскрывает существенные периоды промышленной истории Урала. Создание этого ландшафта было непосредственно связано с почти непрерывной добычей железной руды; со строительством заводов по выплавке и переделу металлов; с разработкой инженерных систем управления водными ресурсами (плотины); с развитием нового типа поселения — города-завода.

Выдающаяся универсальная ценность этого культурного ландшафта заключается в том, что он является географическим, историческим и культурным образованием, благодаря которому можно проследить формирующее влияние горнодобывающей и металлургической деятельности на развитие конкретного ландшафта и связанного с ним общества. Горное дело и металлургия оказали определяющее воздействие не только на ландшафт, но и на архитектуру, искусство, культуру, науку, экономику и общественное устройство округа. На этой территории было выявлено достаточное количество объектов индустриального наследия. Взаимодействие проживающих в этом регионе людей с окружающей их средой, в том числе и производственной, привело к возникновению здесь особого образа жизни, что выразилось в нематериальных свидетельствах эпохи: литературе, традициях, обычаях и художественном творчестве. В целом горнозаводской культурный ландшафт Гороблагодатского округа соответствует трем из общего числа критериев Всемирного наследия ЮНЕСКО:

- критерий (II): является исключительным свидетельством влияния имевшихся здесь достижений в таких областях деятельности, как горнодобывающая и металлургическая промышленность, архитектура и градостроительное искусство;

- критерий (III): является свидетельством формирования уникальных технологических, социальных и административно-управленческих структур, которые повлияли на создание региональных культурных традиций;

- критерий (IV): представляет собой целостный ландшафт, который иллюстрирует важные этапы общемировой промышленной истории, поскольку является ценным источником знаний о методах и способах добычи полезных ископаемых и выплавке различных металлов, об особенностях организации промышленных поселений, архитектурно-планировочных, технологических и конструктивных принципах формирования отдельных зданий и сооружений, а также градостроительных приемах создания архитектурных и индустриальных ансамблей.

Аутентичность (подлинность) этого культурного ландшафта подтверждается наличием исторически достоверных свидетельств эволюционных процессов, характерных именно для Уральского региона. Это нашло отражение в пространственной организации ландшафта, в архитектуре промышленных зданий и сооружений, главным образом построенных с середины XIX по начало XX в. Большинство из них сохранили свой исторический облик и расположение в пространстве заводов и поселений.

Целостность этого культурного ландшафта подтверждается тем, что на этой территории в настоящее время существует достаточное количество объектов индустриального наследия разной степени сохранности: отдельно стоящие здания и сооружения, комплексы и ансамбли, трансформированные промышленной деятельностью ландшафты. Эти объекты позволяют представить эволюцию горнозаводского ландшафта, сформировавшегося в процессе горнодобывающего и металлургического производства.

Таким образом, горнозаводской культурный ландшафт Гороблагодатского округа является выдающимся образцом промышленного освоения Урала, который формировался в течение двух столетий и сохранил на своей территории достаточное количество объектов индустриального наследия — отдельных зданий, сооружений, произ-

водственных площадок, ландшафтов. Однако, являясь уникальным комплексным объектом индустриального наследия, эта историческая территория развивается и остается открытой для реализации инновационных, инфраструктурных и культурных проектов в настоящее время и в будущем.

Библиографический список

1. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.

2. Шкерин В.А. Государство и экономика: ведомственные противоречия в управлении уральским горнозаводским регионом в XVII – первой половине XIX в. / В. Шкерин // Уральский исторический вестник. — 2005. — № 10–11. — С. 14–24.

3. Голикова С.В. Пространственная организация горнозаводского Урала (XVIII – начало XX в.) / С.В. Голикова // Уральский исторический вестник. — 2013. — № 1 (38). — С. 35–39.

4. Нестерова З.С., Устьянцев С.В. Заводы горы Благодать / З.С. Нестерова, С.В. Устьянцев. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993. — 20 с.

5. Трегубов Г.В., Устьянцев С.В., Фахретдинова А.Х. Индустриально-ландшафтный «Гороблагодатский горнозаводской парк» / Г.В. Трегубов, С.В. Устьянцев, А.Х. Фахретдинова // Национальный горнозаводской парк. Структура, задачи, перспективы создания : Сб. науч. ст. — Нижний Тагил, 1998. — С. 79–83.

6. Национальный горнозаводской парк Среднего Урала : Зонирование, памятники пром-сти, архитектуры, истории и культуры, музейн. стр-во. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. — 168 с.

7. Вострокнутов В.А. Краткий исторический обзор Гороблагодатского горного округа / В.А. Вострокнутов. — Екатеринбург, 1901. — 76 с.

8. Описание Гороблагодатских заводов // Горный журнал. — 1839. — Ч. 1. — Кн. 1. — С. 54–107.

9. Солонина Н.С., Шипицына О.А. Индустриальное наследие Урала: архитектурно-презентационная актуализация : учеб. пособие / Н.С. Солонина, О.А. Шипицына. — Екатеринбург : УрГАХУ, 2020. — 380 с.

10. The Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention // UNESCO : [сайт]. — 24.09.2023. — URL: <http://whc.unesco.org/en/guidelines> (дата обращения: 30.03.2024).

O.A. Shipitsyna

The Goroblagodatsky Mining District Territory as a Mining and Industrial Cultural Landscape

Abstract. The necessity of studying the historical territory of the Goroblagodatsky district as a mining and industrial cultural landscape is substantiated. The features of the spatial organization of the territory of the district are determined. The degree of preservation of the industrial heritage of the district has been revealed. According to the requirements of UNESCO, a description of the Mining and industrial cultural landscape of the Goroblagodatsky district has been formed.

Keywords: Goroblagodatsky mining district, mining and industrial cultural landscape, historical industrial territories, the Urals.

Shipitsyna Olga Aleksandrovna, Candidate of Architecture, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of Architecture and Arts, Ural State University of Architecture and Art named after N.S. Alferov (Ekaterinburg, Russia); e-mail: oshipits@usaaa.ru.

СЕКЦИЯ IV ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 94(57)

Д.А. ВАСЬКОВ¹

СИБИРСКИЙ ЦАРЕВИЧ ИШИМ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ БИОГРАФИИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые спорные вопросы биографии сибирского царевича Ишима. Выявляются ошибочные сведения его биографии. Предпринимается попытка определить степень его старшинства среди других сибирских царевичей. Рассматривается проблема его титулования. Определяется роль Ишима в истории рода потомков Кучума.

Ключевые слова: Кучумовичи, Ишим, ойраты, калмыки, Сибирь, XVII век.

Пребывание потомков Кучума в зауральских степях и их борьба за восстановление Сибирского юрта являет собой уникальный случай в истории постордынских государств. В последние два десятилетия в историографии обозначился явный интерес к Кучумовичам. На данный момент уже вышло несколько монографий и десятки статей о сибирских Шибанидах в XVII в. Тем не менее не все вопросы, касающиеся истории сибирских династов, раскрыты в полной мере. Также в ряде работ относительно Кучумовичей есть ошибки и неточности. Это же относится и к царевичу Ишиму — одному из ярких представителей клана Кучумовичей.

Среди потомков Кучума царевичу Ишиму принадлежит особое место. Он был, пожалуй, единственным из сыновей Кучума, который в ходе переговоров царевичей с русскими властями в начале XVII в. побывал в Москве. Как пишет А.В. Беляков, «благодаря своему путе-

шествию в Европейскую Россию царевич имел более широкий кругозор и лучше понимал своих русских противников» [1, с. 65]. Правда, об обстоятельствах его отправки в Москву и последующем возвращении назад известно очень мало. Пребывание в Москве не сделало Ишима сторонником русских. В 1607 г. он был одним из инициаторов и руководителей нападения на Тюменский уезд.

Ишим, видимо, был единственным из сыновей Кучума, который тесно связал свою судьбу с ойрат-калмыками. Он был женат первым браком на дочери торгоутского тайши Урлюка, вторым браком — на дочери хошеутовских Байбагаса и Чокура [2, с. 85]. Крепкие связи с калмыками позволили Ишиму (а позже и его потомкам) не отказываться от притязаний на восстановление Сибирского юрта и продолжить борьбу с русскими. В целом Ишим несомненно был одним из наиболее ярких представителей рода Кучумовичей.

Когда имя Ишима впервые упоминается в источниках? Есть некоторый соблазн отнести первое упоминание о нем к событиям «Сибирского взятия». В частности, в Погодинском летописце упоминаются три сына Кучума в известии о том, как Ермак отправил в Москву посольство «с сеунчем» о взятии им столицы Сибирского ханства: «...а сибирского царя Кучума и с его детми с Алеем да с Алтынаем да с Ышимом и съ его вои победиша и брата царя Кучюмова царевича Маметкула розбиша ж» [3, с. 133]. Можно подумать, что автор Погодинского летописца называет царевичей Алея, Алтыная и Ишима в числе защитников Кашлыка в ходе решающей битвы 26 октября 1582 г. на Чувашевском мысу, которые вместе со своим отцом потерпели поражение и вынуждены были бежать. Однако, по нашему мнению, нельзя однозначно утверждать, что Ишим мог непосредственно принимать участие в сражении за столицу ханства, поскольку такое сообщение является единственным и не подтверждается другими источниками. Имя Ишима начинает фигурировать в документах только спустя два десятилетия после описанных событий. Это косвенно может свидетельствовать о том, что Ишим в начале XVII в. мог быть еще сравнительно молодым человеком. Также Я.Г. Солодкин пишет: «Трудно судить, почему в Погодинском летописце названы только три эти сына Кучума» [4, с. 518]. Очевидно, что эти три Кучумовича для анонимного автора Погодинского летописца по известным только ему причинам представлялись наиболее значимыми фигурами среди потомков сибирского хана. Все-таки Алея, как самый старший из них, стал

¹ Васьков Дмитрий Александрович, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), старший преподаватель кафедры истории России; e-mail: dvaskov@mail.ru.

ханом после смерти Кучума. Алтынай был, пожалуй, единственным царевичем, сдавшимся добровольно русским в 1608 г. (Я.Г. Солодкин ошибочно считает, что Алтынай вместе с шестью братьями (? — Д.В.) был взят в плен в 1598 г. на озере Зайсан). Впоследствии он «состоял на службе сначала у Василия Шуйского, а потом у Михаила Романова» [5, с. 128]. А вот Ишим стал главой клана Кучумовичей после пленения Алея русскими в 1608 г. и вскоре после этого, возможно, сам принял ханское достоинство. Не исключено, что текст Погодинского летописца (или, скорее, его протографа) создавался именно в то время, когда Ишим возглавлял род потомков Кучума и воспринимался русской администрацией как значимая фигура. Возможно, именно этим и объясняется упоминание его имени в летописном рассказе о решающей битве за столицу Сибирского ханства.

Какое место среди своих братьев занимал Ишим? В.В. Трепавлов в своем списке из 14 Кучумовичей первого поколения поместил Ишима на четвертое место (после Али, Каная и Алтыная). При этом исследователь подчеркнул, что «это приблизительный список их, с крайне предположительным распределением по старшинству» [2, с. 62]. По нашему мнению, Ишим был еще младше и относился к средним сыновьям Кучума. Не исключено, что старше его были царевичи Абу-л-Хайр, Азим (Хаджим), Асманак и, возможно, кто-то еще. Наше предположение основывается на анализе событий 1600–1601 гг., когда русская администрация Уфы, Тобольска и Тюмени вела с Кучумовичами переговоры об их возможном переходе в русское подданство. Предполагалось, что в Тюмень или другой русский город должен был приехать кто-то из царевичей. И для русских властей наиболее желательным был приезд старшего Али. При этом тюменский воевода князь Л.О. Щербатый, проявляя определенную дипломатическую гибкость, допускал, «а будет Алей царевич ко государю сам ехать не похочет», то следовало «просить ко государю брата его царевича Каная; а буде его не отпустит, и им велено просить Азима царевича» [6, с. 194]. Не исключено, что все царевичи здесь упомянуты по старшинству в порядке убывания. В конечном итоге осенью 1600 г. в Уфу от Алея прибыл его младший брат Ишим, которого уфимский воевода М.А. Нагой вскоре отправил в Москву.

Многое о статусе Ишима среди других Кучумовичей мог бы дать ответ на вопрос о том, кем была его мать. Из историков только В.Ш. Бембеев предпринял попытку определить, кем была мать царевича. Так,

В.Ш. Бембеев отмечает, что у верховного главы калмыков-торгоутов тайши Хо-Урлюка было 6 дочерей и 6–8 сыновей, при этом историк прослеживает, какая из дочерей за кого была выдана замуж. В.Ш. Бембеев пишет, что третья дочь Хо-Урлюка была замужем «за сибирским ханом Кучумом (от нее сын Ишим, внук Хо-Урлюка)» [7, с. 275, 299]. Однако эта версия совершенно не выдерживает критики, поскольку никак не подтверждается источниками. Вообще ничего не известно о том, чтобы в гареме Кучума была хотя бы одна ойрат-калмычка. Наоборот, с прикочевавшими к границам Сибири калмыками Кучум был скорее во враждебных отношениях, а по одной из версий даже закончил свои дни где-то в калмыцких улусах. Царевич Канай был уверен, «что отца де их Кучума, заманив в Колмаки оманом, убили» [6, с. 197]. На чем основывается версия В.Ш. Бембеева? Возможно, на том основании, что в дальнейшем Ишим был единственным из Кучумовичей, кто был связан родственными узами с торгоутскими тайшами. Вот только в документах четко говорится, что Хо-Урлюк приходился Ишиму тестем, но никак не дедом. Так, в царской грамоте тарскому воеводе князю И.В. Мосальскому от 27 февраля 1608 г. говорится, что после поражения в ходе столкновений с русскими служилыми «поехали с того погрому — Алей в Нагаи, а Озим в Казатцкую орду, а Ишим в Колмаки к тестю своему к Урлюку-тайшии (*курсив наш. — Д.В.*) для людей» [8, с. 25]. В январе 1623 г. уфимский воевода Г.В. Измайлов докладывал в Москву, что «Ишим-царевич качует, государь, ныне с тестем своим с Урлюком-тайшею (*курсив наш. — Д.В.*) с товарищи вместе» [8, с. 120]. Таким образом, Ишим был женат на одной из дочерей могущественного главы торгоутов, но не мог быть ребенком от этой дочери. Вопрос же о том, кем была мать Ишима, так и остается открытым.

На рубеже XVI–XVII вв. на юге Западной Сибири появилась грозная сила в лице прикочевавших из Западной Монголии ойратов-калмыков. У южных границ Тарского уезда тогда появились торгоуты тайши Хо-Урлюка и дербеты тайшей Далая и Изеня. Начались первые стычки между русскими служилыми людьми и калмыками, которые источники фиксируют с 1606 г. [8, с. 24–26]. Русские власти были крайне обеспокоены установлением контактов между новыми пришельцами и Кучумовичами. Доходили известия, что «Кучюмовы дети Алей царевич з братьею ссылаютца послы и сватаютца с колмаками и дары меж себя посылают многие и тем чают вперед у них меж себя одиначества и свойства ближнево» [9, л. 94; 2, с. 73]. И эти извест-

тия, очевидно, не были простыми слухами, поступавшими из степей. Скорее всего, именно тогда или в скором времени после этого царевич Ишим женился на дочери главы торгоутов Хо-Урлюка. По нашему мнению, женитьба Ишима в это время может косвенно еще раз подтвердить, что он был еще сравнительно молодым человеком. Кстати, В.В. Трепавлов полагал, что Ишим женился на одной из шести дочерей Хо-Урлюка только в 1619/20 г. [2, с. 66]. Вслед за ним также считает и А.В. Беляков [1, с. 65]. Это мнение следует признать ошибочным. В заблуждение могут ввести расспросные речи уфимского толмача П. Семенова от 16 октября 1620 г., в которых говорится, «што женился Ишим-царевич у Оурлюка-тайчи» [8, с. 105]. Однако выше мы уже цитировали царскую грамоту тарскому воеводе от февраля 1608 г., в которой Хо-Урлюк назван тестем Ишима. Таким образом, женитьба Ишима на дочери главы торгоутов состоялась не позднее 1607 г.

Установление родственных связей между Кучумовичами и ойратами имело далеко идущие политические последствия. В дальнейшем именно поддержка со стороны калмыков позволила сибирским царевичам продолжать борьбу с русскими в Сибири фактически до конца XVII в. В этой связи нет ничего удивительного в том, что для русских властей начало взаимоотношений Кучумовичей с ойратскими тайшами было достаточно веским основанием, чтобы открыть против царевичей военные действия.

В соответствии с царской грамотой от 2 февраля 1607 г. на имя тарского воеводы князя С.И. Гагарина было указано организовать поход служилых людей из Тобольска, Тюмени и Тары против царевичей, «чтоб их всех <...> переимати до одново, и в Ногаи, и в Бухары, и в Колмаки, и в Козанскую орду не ушел из них ни один человек» [9, л. 95]. Поход состоялся весной 1607 г, правда, в источниках о нем осталось лишь глухое упоминание [6, с. 231]. Очевидно только, что ни Алей, ни один из его братьев в плен тогда не были взяты. Однако от Кучумовичей после этого начали отходить их улусные люди и сдаваться русским властям.

Ответом царевичей был набег в мае 1607 г. на волость Киньырский городок в Тюменском уезде. При активной поддержке ойрат-калмыков в набеге участвовали царевичи Азим, Ишим и сын Алей Кансувар (Хансюер). Сам Алей стоял на речке Липкине и, по слухам, собирался воевать ясачные волости в Тобольском, Тюменском, Уфимском или Туринском уездах, но в итоге отправился под Тару [6, с. 36, 231].

Канай с ногайским Пен-мурзой и 200 воинами отправился на тобольские волости. В погоню за царевичами с Тюмени сначала был послан отряд атамана Д. Юрьева, а чуть позже другой отряд под командованием головы Н. Изъединова. 24 июля 1607 г. Н. Изъединов разгромил кочевье Алея на Ишиме у бора Шамши, захватив в плен одну из жен Алея с детьми, две жены и две дочери царевича Азима и сестру Алея [6, с. 234]. После этого на отряд Изъединова напал сам Алей, вернувшийся из набега на тарские волости, но, несмотря на двухдневный бой с русским отрядом, а потом его преследование в течение еще трех дней, отбить пленных он не смог. Позже, в феврале 1608 г. стало известно, что «поехали с того погрому — Алей в Нагаи, а Озим в Казатцкую орду, а Ишим в Колмаки к тестю своему к Урлюку-тайши для людей, а хотели де быть войною осенью или весною на сибирские города на Тару и на Тюмень и на волости» [8, с. 25].

Столкновения с русскими служилыми людьми весной–летом 1607 г. имели для Кучумовичей самые неблагоприятные последствия. В ходе этих боев силы их были рассеяны, часть людей погибла, другая часть сдалась русским властям. Так, в ноябре 1607 г. в Тюмень от царевича Азима пришел тесть его брата Чувака Евлубай Бекотин, который привел с собой 11 татарских семей [6, с. 239–240]. Как установил В.В. Трепавлов, сам Алей, бежавший за помощью к ногаям, попал в плен в 1608 г. [2, с. 76]. Царевич Алтынай, по всей видимости, сдался в плен добровольно. При невыясненных обстоятельствах в плену также оказались Азим и Кансувар. Сибирские царевичи в это время лишились большей части своих улусных людей, с которыми кочевали до этого.

Из всех сыновей Кучума в степях остался только царевич Ишим. Похоже, он был единственный из Кучумовичей тесно связан с ойратской знатью. При этом не стоит исключать, что еще одним сыном Кучума, породнившимся с ойратами, мог быть царевич Чувак. Однако он является самой загадочной фигурой среди сибирских Шибанидов, поскольку имя его совершенно не упоминается в драматических событиях первой четверти XVII в. О Чуваке б. Кучуме мы знаем исключительно благодаря его сыну, царевичу Девлет-Гирею, который впервые упоминается в 1631 г. В 1635–1661 гг. Девлет-Гирей был главой клана Кучумовичей и зарекомендовал себя как серьезный противник русских в Сибири. В своей антирусской деятельности Девлет-Гирей, так же, как его дядя Ишим и двоюродные братья Аблай и Тевка, пользовался поддержкой и покровительством ойрат-калмыков. Это может

быть косвенным свидетельством родственных связей Чувака с ойратскими тайшами.

После событий 1607–1608 гг. несколько лет об Ишиме не было никаких известий. Только в 1616 г. побывавшие в калмыцких улусах служилые люди Т. Петров и И. Куницын докладывали в Посольском приказе: «А Ишим-царевич живет ныне в Колматцкой земле и кочует с колмаки. А колматцкие люди его почитают. А людей его с ним только де 15 человек» [8, с. 53]. В «почитании» Ишима калмыками, видимо, сказывался его высокородный статус потомственного Чингисида. Правда, как показал В.В. Трепавлов, в дальнейшем Ишим оказался в довольно зависимом положении от своих степных покровителей.

Еще одним спорным моментом биографии Ишима является вопрос о его титуловании. Еще Г.Ф. Миллер предположил, что Ишим принял ханское достоинство после пленения Али, ссылаясь на упоминание его «царем» в документе, датированном 1616 г. При этом в других русских документах Ишим всегда называется «царевичем». Однако тезис о том, что Ишим стал ханом, впоследствии был подхвачен многими историками. Так, например, А.Т. Шашков считал, что Ишим «после пленения Алея стал сибирским «царем» и вплоть до своей смерти в 1624 г. вел военные действия против русских» [5, с. 128]. Только В.В. Трепавлов критически отнесся к известию о ханском достоинстве Ишима, предложив два возможных объяснения этому факту, что «в тексте источника описка: «царь» вместо «царевич». Но возможно, что в данном случае каким-то образом смешались сведения об Ишиме б. Кучуме и его тезке — одном из тогдашних казахских ханов (несомненных «царей»)» [2, с. 83].

Совсем недавно к этому вопросу обратились в специальной статье Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябина. Во-первых, исследователи опровергли сомнения В.В. Трепавлова относительно того, что царевич Ишим мог быть спутан с казахским ханом Ишимом, справедливо заметив, что информаторы русских и сами воеводы «вряд ли могли перепутать этих тезок» [10, с. 221]. Во-вторых, данные исследователи приводят факт еще одного упоминания царевича Ишима «царем» в русских источниках, что, по их мнению, уже «вряд ли может быть объяснено только опиской». Речь идет о том, что в 1619 г. была создана «Роспись Тарского города служилых людей, которым послано государю жалованье с Москвы за колмацкую службу, что ходили на Ишима царя» [9, л. 172; 10, с. 221]. При этом Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябина отмечают, что интерпретация этого «документа из канцелярии

тарских воевод на данный момент затруднена, но вполне возможно, что указывает на имевшуюся информацию в Таре о наличии этого титула у Ишима» [10, с. 222]. В конце концов исследователи делают осторожный вывод, что «оба этих случая (т.е. упоминания Ишима «царем». — Д.В.) касаются именно внутреннего документооборота сибирских воевод, которые могли не обратить столь пристальное внимание на данное упоминание, как это делалось в переписке с Москвой, где ханский титул Ишима явно не признавался» [10, с. 222].

В целом соглашаясь с этими доводами, приведем еще некоторые соображения относительно того, что Ишим действительно мог принять ханский титул после пленения старшего брата Али. Во-первых, как отметил В.В. Трепавлов, «династические права Ишима (равно как и его братьев, сыновей и племянников) были неоспоримы уже просто исходя из факта принадлежности к династии «природных» ханов-Чингисидов» [2, с. 83]. Правда, историк тут же заметил, что «условия его жизни абсолютно не соответствовали притязаниям на монархический ранг». Это, однако, не исключает, что Ишим на самом деле мог быть ханом. Во-вторых, действительно в русских документах Кучумовичи за крайне редкими исключениями почти всегда называются царевичами. Например, что касается самого старшего Али, то не может быть никаких сомнений в его ханском достоинстве после 1600 г. Об этом прямо говорится в отписке уфимского воеводы М.А. Нагого в Тюмень, что братья Алея и их улусные люди его, Алея, «меж себя называют царем» [6, с. 196], что однако не хотели признавать российские власти, поскольку в русской документации Алей гораздо чаще называется царевичем. При этом русские служилые люди в челобитных уверенно говорили о своих походах против «Алея царя» [2, с. 68]. Все это наводит на мысль, что подобное могло быть и с Ишимом — т.е. он мог принять ханское достоинство, признанное его улусниками и союзными ему калмыцкими тайшами, но не признаваемое московскими властями. В пользу этого может говорить и упоминавшаяся выше роспись тарских служилых людей, ходивших «на Ишима царя». По всей видимости, роспись была составлена на основании отписок и челобитных служилых, участвовавших в походе против Ишима, которого они называли «царем». Надо полагать, что для русских служилых людей участие в боях с самим «царем» было гораздо почетнее, чем с «царевичем». Интересно отметить, что в документах русской администрации Ишим иногда вообще называется «изменником», что плохо вяжется с титу-

лом «царя». Так, например, в грамоте из Москвы тобольскому воеводе Ю.Я. Сулешеву от 18 января 1625 г. прямо говорится «наш изменник Ишим царевич» [11, с. 58, 59]. Также тобольская Книга записная калмыцким посланцам 1625 г. несколько раз упоминает «государева изменника Ишима-царевича» [8, с. 135]. Вполне возможно, что обозначение Ишима как «изменника» может быть связано с его пребыванием в Москве в первые годы XVII в., куда он сначала прибыл, был принят и позже отпущен назад, скорее всего, под гарантии, что он должен был содействовать переходу своих братьев «под высокую государеву руку». А.В. Беляков пишет, что возвратившийся за Урал Ишим и некоторые другие «члены ханской семьи должны были стать своеобразными агентами влияния» [1, с. 65]. Однако, судя по всему, Ишим нарушил свои обязательства перед Москвой, за что и получил характеристику «государева изменника». Возможно, что в том числе и по этой причине в Москве упорно не желали признавать его ханское достоинство, что в то же время нисколько не исключает принятие этого титула Ишимом и признание его в этом качестве калмыками и улусными людьми.

Смерть Ишима наступила не позднее августа 1624 г. Правда, В.Ш. Бембеев почему-то считает, что Ишим «был убит (sic! — Д.В.), по-видимому, в одном из дербетских улусов» [7, с. 299]. Свое мнение исследователь никак не аргументирует, и ни в одном известном документе нет даже намека на то, что Ишим был именно убит. По данным В.В. Трепавлова, Ишим умер в 1623/1624 г. [2, с. 88]. Это известие поступило в Тобольск от служилых 29 августа 1624 г. В сентябре эти сведения подтвердили прибывшие в Тобольск юртовской служилый татарин, а потом еще и тобольский бухарец [11, с. 57, 58]. Все они говорили, что Ишим просто «умер» без какого-либо намека на насильственный характер его смерти. У Ишима остались «жена да два сына невелики, а кочуют с колматцким тайшею, с Чокуровым улусом» [11, с. 58]. В январе 1625 г. из Москвы в Тобольск пришло распоряжение снарядить посольство к жене и детям Ишима, чтобы в очередной раз попытаться перетянуть их в русское подданство [11, с. 58]. В апреле 1625 г. из Тобольска «в Колмаки», в улус тайши Чокура, к жене и детям Ишима отправилось посольство во главе с сыном боярским Богданом Аршинским «Ишима-царевича жену и детей призывать на государево имя» [8, с. 140]. Посольство Б. Аршинского вернулось в Тобольск 25 августа 1625 г. Вместе с ними «пришли ис Колмаков послы от ишимовых детей царевича Кушулук Ахмамет, от Чокура-тайши послы

Алгучан, Утекей да кашевар Почесук» [8, с. 141]. Однако, судя по дальнейшим событиям, эта попытка русских перетянуть на свою сторону уже детей Ишима не имела успеха.

Библиографический список

1. **Беляков А.В.** *Кучумовичи в России XVII в. Три поколения одной семьи* / А.В. Беляков // *История народов России в исследованиях и документах*. — Москва : ИРИ РАН, 2016. — Вып. 7. — С. 62–89.
2. **Трепавлов В.В.** *Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш* / В.В. Трепавлов. — Москва : Вост. лит, 2012. — 231 с.
3. *Погодинский летописец // Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / Отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков*. — Москва : Наука, 1987. — 384 с.
4. **Солодкин Я.Г.** *Погодинский летописец о переходе сибирских царевичей на русскую службу* / Я.Г. Солодкин // *Иноземцы в России в XV–XVII веках : Сб. мат-лов конференций 2002–2004 гг. / под общ. ред. А.К. Левыкина*. — Москва : «Древлехранилище», 2006. — С. 515–519.
5. **Шашков А.Т.** *Погодинский летописец и начало сибирского летописания* / А.Т. Шашков // *Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. [Вып. 1]*. — Екатеринбург : НППМ «Волот», 1996. — С. 116–161.
6. **Миллер Г.Ф.** *История Сибири : в 2 т. Т. 2. / Г.Ф. Миллер*. — 2-е изд., доп. — Москва : Вост. лит., 2000. — 796 с.
7. **Бембеев В.Ш.** *Ойраты. Ойрат-калмыки. Калмыки. (История, культура, расселение, общественный строй до образования Калмыцкого ханства в Поволжье и Предкавказье) : в 2-х кн. / Валентин Бембеев*. — Элиста : АПП «Джангар», 2004. — 496 с.
8. *Русско-монгольские отношения. 1607–1636 : Сб. док. / Сост. Л.М. Гатаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук*. — Москва : Вост. лит., 1959. — 352 с.
9. РГАДА. Ф. 214. Кн. 11.
10. **Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А.** *Был ли Ишим б. Кучум ханом? Новое упоминание титула в архивном документе* / Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябинина // *Золотоордынское наследие. Материалы VII Международного Форума, посвященного 1100-летию принятия ислама народами Волжской Булгарии*. — Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. — Вып. 5. — С. 220–225.

11. *Международные отношения в Центральной Азии : XVII–XVIII вв. : Документы и материалы : в 2 кн. Кн. 1. / Сост. Б.П. Гуревич, В.А. Мусеев. — Москва : Наука. Глав. ред. Вост. лит., 1989. — 375 с.*

D.A. Vaskov

Siberian Prince Ishim: Controversial Issues of Biography

Abstract. *The article examines some controversial issues of the biography of the Siberian Tsarevich Ishim. Erroneous information from his biography is revealed. An attempt is being made to determine the degree of his seniority among other Siberian princes. The problem of his titling is considered. The role of Ishim in the history of the Kuchum descendants is determined.*

Keywords: *Kuchum-Khans descendants, Ishim, Oyrat-kalmyks, Western Siberia, 17th century.*

Vaskov Dmitry Aleksandrovich, senior teacher, Department of Russian History, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: dvaskov@mail.ru.

УДК 908(470.54-25)

Ю.В. ГУНГЕР¹

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ДУЗ-ХОТИМИРСКИЙ: РОЛЬ В ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ШАХМАТ

Аннотация. *Автор рассматривает начальную историю развития шахматной игры в городе Екатеринбурге. Описывает шахматные сеансы 1917 года и зарождение шахматного движения в Екатеринбурге в 1921 году, приводит биографические сведения шахматного мастера Федора Ивановича Дуз-Хотимирского.*

Ключевые слова: *Ф.И. Дуз-Хотимирский, шахматный мастер, биографические сведения, Екатеринбург, сеанс одновременной игры, шахматное движение.*

Федор Иванович Дуз-Хотимирский (1881–1965) родился в селе Козел Черниговской губернии. Впервые взял в руки шахматный учеб-

¹ Гунгер Юрий Владимирович, МБУК Краснотурьинский краеведческий музей (Краснотурьинск, Россия), директор; e-mail: bogoslovsk1@mail.ru.

ник в 17-летнем возрасте [1, с. 37]. Сам он писал впоследствии: «Моей шахматной «академией», где я прошел теоретическое и практическое «обучение», явилось известное в свое время «Варшавское кафе» в Киеве» [2, с. 6–7].

В 1907 году Дуз (его так звали все) принял участие в 1-м международном шахматном турнире в Карлсбаде, разделив 11–12-е места с чемпионом США Фрэнком Маршаллом.

Возвратившись с турнира международным мастером, Дуз преподавал «систематический курс шахматного обучения» одному московскому гимназисту: «К удовлетворению моего педагогического самолюбия, в течение каких-нибудь трех-четырёх месяцев 1908 года этот пятнадцатилетний подросток сделал блестящие успехи и стал опаснейшим противником для сильнейших шахматистов Москвы. Это был будущий чемпион мира — гениальный Алехин» [2, с. 20].

В проходящем в 1909 году в Санкт-Петербурге международном шахматном турнире памяти М.И. Чигорина Дуз был только 13-м, но выиграл партии у победителя турнира, действующего чемпиона мира Э. Ласкера и сильнейшего российского шахматиста А.К. Рубинштейна.

По свидетельству Л.Я. Левенфиша, «Дуз-Хотимирский кочевал между Петербургом, Москвой и Киевом» [3, с. 14]. В это время он, давая сеансы одновременной игры и играя с отдельными мастерами, много путешествовал по Европе, в том числе по ряду чешских городов [2, с. 21]. Вероятно, здесь Дуз познакомился с Карелом Трейбалом, позже сыгравшим важнейшую роль в его жизни. В международном турнире 1910 года в Гамбурге Дуз поделил 7–8-е места с А.А. Алехиным.

После карлсбадского турнира 1911 года, где он занял 22-е место, Дуз прекратил шахматную деятельность, так как «не мог обеспечить себе хотя бы самого скромного материального благополучия, которое

Федор Иванович Дуз-Хотимирский

давало бы уверенность в завтрашнем дне» [2, с. 21]. Впоследствии он вспоминал: «Шахматы я оставил, и только спустя одиннадцать лет моя дружба с ними возобновилась. <...> Оставив шахматы, я поселился в Петербурге и стал служить в газете «День». Когда я видел случайно сквозь зеркальные стекла кафе «Доминик» согнувшиеся за шахматными столиками фигуры, я чувствовал к ним нечто вроде соболезнования» [2, с. 21, 24].

В газете «День» Дуз вел раздел «Шахматы». В числе прочих опубликованных им материалов были и такие: «В сеансе Ф.И. Дуз-Хотимирский из 14 партий 10 выиграл, 3 проиграл и одну окончил вничью. Среди участников сеанса было много сильных игроков, так, например, известный маэстро А.А. Алехин, который из двух иггранных им партий одну выиграл, другую проиграл» [4].

В 1913 году Дуз играл с самим Хосе Раулем Капабланкой-и-Граупера и проиграл ему обе партии. После этого Дуз писал в газете: «Никто так самоуверенно и смело не играет, как Капабланка. С какой легкостью и с какой быстротой он разбивает лучших теоретиков, и самых даровитых, и опытных шахматистов мира. Начинаешь думать, не гипнотизирует ли он?» [5].

С Алехиным Дуз играл в 1915 году в кафе «Рейтер», где «теплилась шахматная жизнь города. Игра там велась исключительно на денежные ставки. Постоянными завсегдатаями кафе являлись шахматные профессионалы, ждавшие своих “жертв” — случайных любителей игры. В таких неблагоприятных условиях будущие мастера вынуждены были совершенствоваться, так как другого места для этого не существовало. В кафе «Рейтер» можно было встретить сильнейших шахматистов города». Дуз с Алехиным сыграли 21 раз с перевесом Дуза в одну партию. В том же году они встретились в матч-турнире. Результаты оказались в пользу Дуза: проигрыш, ничья, 2 победы [2, с. 21–22].

Неожиданно для окружения Дуз переменил место жительства. Сам он писал впоследствии: «Однако климат Петрограда заставил меня покинуть этот чудесный город. В 1916 году я уехал на далекий Урал, где поступил на службу в Богословский горный округ» [2, с. 24].

Настоящая причина переезда Дуза неизвестна. Пока можно лишь предположить, что «пригрел» его К.В. Розенкранц, работавший в округе управляющим Богословским химическим заводом. Тогда искать Дуза нужно среди положенных химзаводу по штату 3 административных и 4 конторских служащих [6, с. 12].

Карл Вильямович Розенкранц (1876–1942) — один из сильнейших шахматистов Российской империи. В турнирах 1903–1904 годов занимал 1–4-е места, в 4-м Всероссийском шахматном турнире 1905/06 года в Санкт-Петербурге разделил с С.К. Избинским и Ф.И. Дуз-Хотимирским 8–10-е места. После смерти жены в 1913 году Розенкранц с тремя детьми переехал в Богословский завод¹. Здесь он женился второй раз [7, с. 184].

Возможно, причиной приезда Дуза к Розенкранцу были его «любовь и умение играть à l'aveugle» [8, с. 203], т.е. вслепую. Сам Дуз первые свои сеансы одновременной игры а l'aveugle дал в 1910 году на гастролях в Туле и Казани. В Туле Дуз играл вслепую на 10 досках: 8 партий выиграл, 1 свел вничью и 1 проиграл. В Казани, проводя обычный сеанс на 38 досках, две партии играл вслепую и обе выиграл. Сеанс из 12 партий вслепую Дуз давал в Дрездене и Варшаве, из 10-ти — в Лейпциге. Так он испытывал «свою шахматную память», о чем писал в воспоминаниях: «Мне нравился этот острый и эффектный вид шахматных выступлений» [2, с. 71–72].

О событиях в Богословском горном округе Дуз вспоминал: «По заданию профсоюзной организации я в числе других товарищей объезжал округ, проводя с рабочими политические беседы» [2, с. 24].

В августе 1917 года в Екатеринбурге Дуз стал членом организационной комиссии 1-й Уральской областной конференции профессиональных союзов и ее участником. 15 августа на конференции был избран Областной совет профессиональных союзов Урала в составе: Ф.Ф. Вервейко, П.Л. Войкова, А.И. Гошинского, Ф.И. Дуз-Хотимирского, И.М. Малышева, Л.С. Сосновского и А.И. Суворова [9, с. 209, 247].

В начале октября 1917 года «находящийся в Екатеринбурге маэстро шахматной игры Ф.И. Дуз-Хотимирский» дал в Общественном собрании сеанс одновременной игры на 15 досках, выиграв 14 партий и одну проиграв В.А. Кузнецову. В другом сеансе Дуз играл вслепую с 6 противниками, выиграл 4 и проиграл 2 партии — А.А. Ардашеву и В.А. Кузнецову. Екатеринбургские газеты отмечали: «Сеансы привлекли довольно значительное число местных любителей игры, с интересом следивших за ходом состязания» [10].

24 октября все в том же Общественном собрании Дуз играл одновременно на 13 досках, проиграв 2 партии (Антонову и Никитину) и сыграв вничью (с Бушуевым и Кенигсоном) [11].

¹ Ныне город Карпинск Свердловской области.

Сам Дуз свидетельствовал в воспоминаниях, что в том же 1917 году в Екатеринбурге он провел сеанс игры вслепую на 15 досках и еще один — на 17-ти! [2, с. 73]. Это его личный рекорд (вспомним 10 досок в Туле и Лейпциге и 12 — в Дрездене и Варшаве).

Чем занимался Дуз в первой половине 1918 года, выяснить пока не удалось. Дальнейшее в его изложении выглядело так: «Летом 1918 года Урал был занят Колчаком. Начались расстрелы, репрессии. Меня бросили в одиночную камеру екатеринбургской тюрьмы, где продержали несколько месяцев» [2, с. 24].

Э.В. Венгерова вспоминала: «Во время Гражданской войны белые приговорили его к расстрелу как анархиста, но дежурный офицер, шахматист и большой поклонник Дуза, узнал его и помог сбежать» [12, с. 12].

Личность «дежурного офицера, шахматиста и большого поклонника Дуза» раскрыл Ладислав Прокеш, друг и биограф Карла Трейбала, свидетельствовавший, что Трейбал в 1918 году находился в Екатеринбурге «в ранге едва ли не главного юриста Чехословацкого корпуса». На допросе капитан Трейбал узнал заключенного: «Вы ведь Федор Дуз-Хотимирский, не так ли?.. Это вы победили великого Эмануэля Ласкера на шахматном турнире в Санкт-Петербурге в 1909 году?». После чего Дуз был освобожден. Остается только поправить Л. Прокеша: на деле Трейбал был судьей дивизионного суда 2-й чехословацкой дивизии [13, с. 99].

Осенью 1919 года Дуз в числе прочих екатеринбургских беженцев оказался в Томске. Тогда и состоялся шахматный турнир с участием А.А. Ардашева, Ф.И. Дуз-Хотимирского, К.В. Розенкранца, К. Трейбала и сильнейших томских игроков [13, с. 100].

В октябре 1920 года в Москве прошла Всероссийская шахматная олимпиада, организованная Центральным управлением Всевобуча, «которое в то время вообще широко пропагандировало и поддерживало шахматное искусство» [14, с. 90–91]. В ответ на призыв 1-й Енисейский территориальный полковой округ Всевобуча организовал в Красноярске собрание жителей, заинтересованных в развитии шахматной игры, на котором были выбраны возможные участники олимпиады: Бронштейн, Ф.И. Дуз-Хотимирский, Левицкий¹, Розанов, К.В. Розенкранц, Розенталь, А.С. Селезнев и А.А. Смородский [15].

¹ Возможно, это С.М. Левитский, хоть пребывание в Красноярске — неизвестный (но возможный в Гражданскую войну) факт его биографии.

По неизвестным причинам красноярцы представительства в олимпиаде, впоследствии признанной первым официальным чемпионатом СССР, не получили. Победителем олимпиады стал А.А. Алехин.

В том же 1920 году Дуз был уже в Екатеринбурге, о чем позже вспоминал: «Я, находясь в Екатеринбурге, узнал крайне интересную и важную новость о том, что Советское правительство в цели подготовки трудящихся к защите завоеваний Октябрьской революции в 1918 г. создало специальную организацию — Всевобуч, которая наряду с всеобщим военным обучением проводила и физическую подготовку советской молодежи. Большое внимание стало уделяться и шахматам.

Это сообщение прозвучало для меня как призыв на работу в области любимого искусства. Правительство открыло народу доступ к шахматам! Не помню, как домчался я до Екатеринбургского отделения Всевобуча и представился там как шахматный мастер.

Меня радушно встретили и поручили организовать шахматное движение на Урале. Я создал при местном Всевобуче шахматно-шашечную секцию, вовлек в нее молодежь, вел организационно-инструкторскую и учебно-методическую работу не только в городе, но и на отдельных заводах Урала» [2, с. 24–25].

В начале января 1921 года в Екатеринбурге был организован шахматный кружок (74 шахматиста!). Уже в феврале состоялся 1-й групповой турнир (40 участников!): 1-е место в турнире занял Дуз-Хотимирский, 2-е — В.А. Кузнецов, 3-е — З. Лурье, 4-е — В. Миллер, 5-е и 6-е разделили Герцык и Н. Лукин. А.А. Ардашев призового места не занял, хотя имел шансы на успех [16].

Интересно, что в это время в Екатеринбурге находился сам А.А. Алехин! Но он тогда был не шахматистом, а переводчиком делегации Коминтерна. А.Ф. Ильин-Женевский вспоминал, что получил от Алехина из Екатеринбурга восторженное письмо о том, какое большое агитационное значение имеет эта поездка и что, например, лично ему пришлось в один день перевести 22 (!) доклада [17, с. 23–24]. По некоторым сведениям, Алехин в последние дни командировки все же нашел время для встречи с местными шахматистами и дал несколько сеансов одновременной игры [18, с. 17].

Точкой притяжения шахматистов в то время была Москва, куда Дуз и переехал в 1921 году [2, с. 25]. С отъездом Дуза шахматное движение в Екатеринбурге почти остановилось.

В июле 1922 года в Москве прошел турнир шахматистов 1-й и 2-й категорий, в котором принял участие екатеринбургский шахматист З. Лурье, впрочем, призовых мест не занявший [19, с. 14]. Лурье играл и в громоздком турнире-чемпионате в Москве в августе — ноябре 1922 года, и опять неудачно [20, с. 71; 21, с. 95].

В начале июля 1923 года в Екатеринбурге проездом в Петроград на Всероссийский шахматный турнир был маэстро С.М. Левитский и дал сеанс вслепую на 6 досках [22, с. 41]. Параллельно Всероссийскому шахматному турниру проходил турнир сильнейших любителей, в котором принимал участие екатеринбургский шахматист З. Лурье, набравший 0 очков [23, с. 91–92].

Шахматное движение в Екатеринбурге (Свердловске) возродилось в следующем году, о чем Н.П. Алексеев сообщал в журнале «64»: «Шахматная жизнь города встала на организованные пути лишь с октября 1924 года, когда при Окрсоветфизкульте была организована шахсекция». При шахсекции был образован насчитывавший 100 членов «показательный кружок, обслуживающий инструкторским и лекторским составом все кружки города». Кроме него, в городе имелось еще 6 шахматных кружков с общим количеством 150 участников. Шахматистами 1-й категории были лишь Н.П. Алексеев, Р.Л. Веллер и И.И. Киселев. С момента образования до 1 марта 1925 года шахсекцией было проведено 15 сеансов одновременной игры, 10 лекций и 1 турнир. Также Алексеев сообщал, что 1 марта начался чемпионат на первенство города с 10 участниками [24, с. 5].

Известно, что в июле 1925 года в Свердловске побывал редактор шахматного раздела «Известий», член редколлегии журнала «64», «виртуоз пешечного этюда и крупнейший аналитик пешечного эндшпиля» Н.Д. Григорьев [25, с. 70].

В августе этого года в Ленинграде состоялись Всесоюзные шахматные состязания, состоящие из чемпионата и турнира городов, в котором участвовали 60 шахматистов, разбитых на 6 групп. Свердловчане Н. Лукин и Н.П. Алексеев заняли в своих группах 9-е и 10-е места соответственно [26, с. 2–10]. К осени 1925 года показательный кружок был уже шахматно-шашечным. Шашечную работу вел В.Ф. Филатов, который провел 5 сеансов одновременной игры [27, с. 16]. К концу года число шахматных кружков в Свердловске возросло до 20.

В начале 1926 года состоялся городской чемпионат, 1-е и 2-е места которого поделили А. Зиновьев и Н. Лукин, 3-е место занял Н.П. Алек-

сеев. Был проведен матч Свердловск – Нижний Тагил. Со счетом 3,5 : 2,5 победили свердловчане. Шахсекция Уральского облпрофсовета пригласила на гастроли по Уралу маэстро А.С. Селезнева [28, с. 9]. Состоялись ли они фактически, остается пока неизвестным.

22 августа 1926 года состоялся 2-й Уральский областной шахматно-шашечный турнир, в шахматной части которого играли 16 участников из Златоуста, Красноуфимска, Нижнего Тагила, Перми, Свердловска, Тюмени и Усоляя. Турнир «вызвал большое оживление и привлекает невиданное для Свердловска количество зрителей» [29, с. 9]. После 2-го тура вышли все иногородние участники, «турнир потерял областное значение и превратился в чемпионат Свердловска». 1-е место занял И.И. Киселев, 2-е — А. Лосев, 3-е — А.П. Алексеев, 4-е — Н. Лукин, 5-е — Н.П. Алексеев [30, с. 9].

Н.П. Алексеев являлся свердловским шахкором журнала «64» [31, с. 25], в 1926 году Уралпрофсоветом было издано его руководство для инструкторов и организаторов шахматно-шашечного движения «Шахматист-шашист организатор».

В марте 1927 года в Свердловске прошел городской чемпионат, 1–2-е места которого поделили И.И. Киселев и А. Лосев, 3-м стал Б. Лямин, 4–5-е места достались Форкампер-Ляу и Р.Л. Веллеру. А и Н. Алексеевы играли «неудачно и без подъема» [32, с. 14].

Летом 1927 года с инструктивно-гастрольной целью в Свердловске снова побывал Н.Д. Григорьев, отметивший: «В Свердловске шахматисты показали хороший уровень квалификации, но это отнюдь не является следствием рациональной постановки шахматного дела. В столице Урала чрезвычайно слабы шахорганизации, активных шахматистов-общественников очень мало, и почти совершенно отсутствует учет работы. <...> В свердловской газете «Уральский рабочий» имеется шахматный отдел под редакцией Ф.П. Розенгауза. Отдел, к сожалению, выходит не совсем регулярно» [33, с. 10].

Ф.И. Дуз-Хотимирский в 1923 году принял участие во Всероссийском турнире, разделив 3–5-й призы с В.И. Ненароковым и Ф.П. Богатырчуком, занял 2 место во Всероссийском турнире 1924 года, во Всесоюзном турнире 1925 года занял 5-е место [1, с. 38]. С этого времени он занимал официальную должность инструктора Всесоюзной шахматно-шашечной секции Всесоюзного совета физической культуры [34, с. 1].

В 5-м шахматном чемпионате СССР, состоявшемся в 1927 году, Дуз поделил с А.Я. Моделем 3–4-е места. Победитель чемпионата

Ф.П. Богатырчук так характеризовал его: «Блестящий комбинационный игрок с ярким и оригинальным дарованием» [22, с. 150].

Дузу оставалось только убедиться, что и в Свердловске шахматное движение тоже развито.

В июне 1928 года свердловские газеты опубликовали объявление: «Шахматный мастер Дуз-Хотимирский приезжает в город Свердловск 13 июня. Его гастрольные выступления будут происходить в Деловом клубе. В программу выступлений входят: лекции, сеансы одновременной игры на неограниченном количестве досок, игра против сильнейших игроков города Свердловска с шахматными часами и т.д. Вход свободный» [35]. Для справки добавим, что «шахматная комната помещалась в 3-м этаже (ход через бильярдную)» Делового клуба [34].

В газете «На смену» И.И. Киселев писал, что 15–17 июня Дуз прочитал 3 лекции и провел 4 сеанса одновременной игры с такими результатами: +11–5=1¹, +21–3=7, +18–4=2 и +11–3=4 [36].

Другие источники описывают приезд Дуза более ярко, причем, с другими результатами: «16 июня в саду Вайнера на 24 досках: +20–4=0; 17 июня в саду Уралпрофсовета на 18 досках: +15–3=0 и на 28 досках: +20–3=5; четвертый сеанс на 17 досках: +10–3=4; пятый сеанс, 19 июня, на Верх-Исетском заводе на 18 досках: +17–1=0. Общий счет из 105 партий: +82–14=9 в пользу сеансера» [18, с. 26].

Библиографический список

1. *Международный шахматный турнир в Москве 1925 года и его участники* / под ред. Г.Л. Раскина. — М., 1925.
2. *Дуз-Хотимирский Ф.И. Избранные партии* / Ф.И. Дуз-Хотимирский, заслуж. мастер спорта ; Под ред. В. Н. Панова. — М., 1954.
3. *Левенфиш Г.Я. Избранные партии и воспоминания* / Г.Я. Левенфиш, междунар. гроссмейстер. — М., 1967. — 200 с.
4. *Шахматы // День (Санкт-Петербург)*. — 1912. — 11 декабря.
5. *Шахматы // День (Санкт-Петербург)*. — 1914. — 4 мая.
6. *Вольф Ф.Ф. Основная химическая промышленность Урала в прошлом и настоящем: статистически-исторический очерк с 20 рисунками и 15 диаграммами в тексте* / Ф.Ф. Вольф. — Свердловск, 1924.
7. *Гунгер Ю.В. Карл Вильямович Розенкранц: боксер, шахматист и химик // XX регион. краеведческая науч.-практ. конф. «Походяшинские чтения»: сб. мат-лов / Ю.В. Гунгер. — Краснотурьинск, 2022.*

¹ + выигрыши, - проигрыши, = ничья.

8. *IV Всероссийский шахматный турнир: сборник партий* / ред. Евг. А. Зноско-Боровский. — СПб., 1907.
9. *Рабочий класс Урала в годы войны и революции : в документах и материалах : в 3 т. Т. 2 : 1917 год (февраль – октябрь)*. — Свердловск, 1927.
10. *Уральская жизнь*. — 1917. — 7 октября.
11. *Уральская жизнь*. — 1917. — 27 октября.
12. *Венгерова Э.В. Мемуарески* / Элла Венгерова. — М. : Текст, 2016.
13. *Гунгер Ю.В. Война и шахматы* / Ю.В. Гунгер // *Белая армия. Белое дело: ист. науч.-попул. альманах*. — 2021. — № 28.
14. *Шахматы: ежемесячный журнал*. — 1924. — № 7.
15. *Кухта С.В. Больше, чем игра: Из истории шахматного и шашечного спорта в Красноярском крае*. — Текст : электронный / С.В. Кухта // *Архивы Красноярского края : офиц. сайт*. — 2011–2024. — URL: <http://красноярские-архивы.рф/gosudarstvennyy-arkh/users/articles/563> (дата обращения: 15.02.2021).
16. *Листок шахматного кружка Петрогубкоммуны*. — 1921. — № 9.
17. *Ильин-Женевский А.Ф. Матч Алехин – Капабланка* / А.Ф. Ильин-Женевский. — Л. : Гос. изд-во, 1927.
18. *Страницы шахматной летописи Урала : [Екатеринбург. Пермь. Челябинск. Курган. Оренбург. Тюмень / сост. Ю.П. Шмагин]*. — Екатеринбург, 2006.
19. *Шахматы: ежемесячный журнал*. — 1922. — № 1.
20. *Шахматы: ежемесячный журнал*. — 1922. — № 4.
21. *Шахматы: ежемесячный журнал*. — 1922. — № 5–6.
22. *Воронков С.Б. Шедевры и драмы чемпионатов СССР : в 3 т. Т. 1 : 1920–1937* / С.Б. Воронков. — М., 2007.
23. *Шахматы: ежемесячный журнал*. — 1923. — № 7–8.
24. 64: *Шахматы и шашки в рабочем клубе*. — 1925. — № 6.
25. *Шахматы: ежемесячный журнал*. — 1925. — № 4–5.
26. 64: *Шахматы и шашки в рабочем клубе*. — 1925. — № 16.
27. 64: *Шахматы и шашки в рабочем клубе*. — 1925. — № 9.
28. 64: *Шахматы и шашки в рабочем клубе*. — 1926. — № 7.
29. 64: *Шахматы и шашки в рабочем клубе*. — 1926. — № 17.
30. 64: *Шахматы и шашки в рабочем клубе*. — 1926. — № 18.
31. 64: *Шахматы и шашки в рабочем клубе*. — 1925. — № 7–8.
32. 64: *Шахматы и шашки в рабочем клубе*. — 1927. — № 10.
33. 64: *Шахматы и шашки в рабочем клубе*. — 1927. — № 16.

34. 64: Шахматы и шашки в рабочем клубе. — 1925. — № 12.

35. На смену: ежедн. газета рабоче-крестьян. молодежи. — 1928. — 15 июня.

36. На смену: ежедн. газета рабоче-крестьян. молодежи. — 1928. — 22 июня.

37. На смену: ежедн. газета рабоче-крестьян. молодежи. — 1928. — 21 сентября.

Y.V. Gunger

Fyodor Ivanovich Duz-Khotimirsky: Role in the Ekaterinburg Chess History

Abstract. *The author examines the initial history of the development of the chess game in the city of Ekaterinburg. Describes the chess sessions of 1917 and the birth of the chess movement in Ekaterinburg in 1921, he provides biographical information about the chess master Fyodor Ivanovich Duz-Khotimirsky.*

Keywords: *F.I. Duz-Khotimirsky, chess master, biographical information Ekaterinburg, simultaneous game session, chess movement.*

Gunger Yuri Vladimirovich, *Director, Krasnoturyinsky Museum of Local Lore (Krasnoturyinsk, Россия); e-mail: bogoslovsk1@mail.ru.*

УДК 908

М.Ю. ДАНКОВ¹, Д.А. ПРОЦ²

ИВАН ФЕДОРОВИЧ БЛЮЭР, ЗНАТНЫЙ ПРОБИРНЫХ ДЕЛ МАСТЕР НА ОЛОНЦЕ

Аннотация. *Исследование посвящено металлургу И.Ф. Блюэру, рудному мастеру из старинного саксонского города Фрейбург, который признал державу Петра Великого своей второй родиной. На долгие десятилетия он связал жизнь с Россией, Олонецким краем и Уралом. Отметим горную экспедицию 1702 г. «Патрушева–Блюэра» в Заонежье, которая привела к зарождению государственной металлургии, строительству в 1703 г. Шуйского (Петровского) пушечного завода. В 1712 г. И.Ф. Блюэр, создает горные «Мемориалы», где обосновывает необходимость единой металлургической службы державы.*

Ключевые слова: *металлург И.Ф. Блюэр; Фрайберг; Олонецкий край; экспедиция 1702 г. Патрушева–Блюэра; горные «Мемориалы»*

Одним из наиболее знатных рудных мастеров горного дела в петровское время стал не столь ныне известный «эрц-прибирер» саксонец Иоганн Фридрих Блюэр (нем. Blüher Johann Fridrich). В русских документах используется транскрипция имени Юган или Яган Блиер, а в обиходе к нему обращались Иван Федорович (Иванович) Блюэр (Блиер, Блюер, Блуер). Интегрирование представителей Голландских Штатов и Саксонии в историю Русского Севера и процессы, связанные с созданием «металлургического чуда» в Олонецком крае, имеют давнюю и любопытную историю. Взлет мануфактурных отношений связан с бурными преобразованиями эпохи Петра Великого. В исследовании коснемся сюжета о горной экспедиции Патрушева–Блюэра в Заонежье, участниками которой зимой 1702 г. стали иноземные горные чины из Саксонии. Отметим, этноним «немец» в России традиционно был связан с понятием «нѣмой» или «нѣмчура», иначе говоря с людьми, не владеющими русским языком [1, с. 59–60].

¹ Данков Михаил Юрьевич, независимый историк, научный руководитель проекта «Осударева дорога», действительный член ВОО «Русское Географическое общество» (Петрозаводск, Россия); e-mail: dankov@sampo.ru; mdankov@inbox.ru.

² Проц Диана Анатольевна, БУ «Национальный музей Республики Карелия» (Петрозаводск, Россия), научный сотрудник, хранитель музейных коллекций; e-mail: protcdiana@yandex.ru.

Царь Петр понимал необходимость новой крови для водворения цивилизации в отечестве, поэтому в дни Великого посольства (1697–1698) придирчиво нанимал на государеву службу специалистов, готовых обучать наших людей. Симпатии часто отдавались кандидатам неизвестным, но энергичным, владеющим мастерством, деловыми навыками и знаниями. Режим наибольшего благоприятствования порой использовали авантюристы, которые «через всякие неизвестные рекомендации» ринулись по царскому «Манифесту» от 16 апреля 1702 г. [2]. В то же время многие из нанятых оказались преданными единомышленниками царя, а Россия для них превратилась в своеобразный трамплин. Один из них — саксонец, инициативный и находчивый молодой горный мастер И. Ф. Блюэр [3; 4] прибыл в Москву в 1699 г. [5] и дослужился в 1731/1732 гг. до чина обер-бергмейстера.

Начальный период жизни И.Ф. Блюэра, обстоятельства царева уговора и точное время появления в Москве исследователям неизвестны. Первое десятилетие российской жизни иностранца также реконструируется с трудом [6].

В допетровскую эпоху Заонежские и Лопские погосты славились запасами дерновой и болотной руды, которая добывалась открытым способом и в кустарных домницах плавилась при температуре до 1300°. Из рыхлого кричного железа со шлаком и частицами угля, названного от древнерусского «кръч» (кузнец) выковывался сподручный инвентарь. Порой полуфабрикат плавил вновь и получали знаменитый «карельский уклад».

В конце XVII века на этой земле датские заводчики Марселелсы и Бутенанты, основали сеть железоделательных заводов в Фоймогубе, Усть-реке, Усть-матке, Лижме и Кедрозере. На частных предприятиях, имеющих полный кольцевой цикл работы трудились «мастера и подмастерья и всякие приказные люди» [7].

Однако основной этап горнозаводской истории края связан с Петровской эпохой. Собирая разрозненные известия о жизни пробирных дел мастера Иоганна Блюэра и его роли в становлении металлургии на Олонце, попытаемся, пусть с лагунами, осветить биографию мастера. Рудознатец родился в 1674 г., скорее всего в старинном историческом саксонском городке Шнеберг, и на долгие десятилетия связал свою жизнь с Олонецким краем и Уралом. В Москве Иоганн Блюэр появился в возрасте 30 лет, как указывает его аттестат, выданный Берг-коллегией, будучи опытным мастером в области горного

дела и металлургии. Однако каким образом пробирщик, подписывающий документы немецкими литерами Johann Fr. Blüher [8; 29], добрался до наших земель, исследователям неизвестно. Скорее всего, он прибыл на корабле одного из четырех арктических караванов из Амстердама двинским березовским устьем к Архангельску в июне – августе 1698 г. Сохранилось донесение от 3 августа 1698 г. архангельского воеводы М. Лыкова к государю. Волонтеры получили в зачет поденного корма «таможенных и кабацких доходов 400 рублей с распискою», а также с «круженных дворов» сговоренным европейцам полагалось «вина двойного и простого, пива и меду и всяких харчевных припасов с удовольствием» [9]. Между тем существует неподкрепленная источниками версия, будто пробирный мастер из Саксонии прибыл в Москву в 1699 г. по рекомендации Н. Витсена, бургомистра Амстердама, в группе саксонских горных мастеров В.М. Циммермана, Я.З. Фрестенара, Г. Шмидена, Г. Шонфильдера [10, с. 49–52]. В действительности плавильщик меди В.М.Циммерман был сговорен И. Блюэром и И.К. Патрушевым позднее, в сентябре 1701 г.

История горного дела России начинается 24 августа 1700 г. с указа Петра I «Об учреждении Приказа рудокопных дел» и предписания «На Москве золотыя и серебряным и иных руд дела ведать...». Царь развернул эту идею. в документе «О прииске <...> иных руд и об осмотре воеводами приисканных руд на месте» от 2 ноября 1700 г. От имени государя рудознатцев «кликали бирючем» и находки досматривали. Для этого надлежало руду брать по два пуда и, запечатав, присылать в приказ Рудных дел. За сысканную руду «изветчикам» полагалось от царя немалое жалованье. Отметим, что Рудный приказ не имел штата служилых людей, но вскоре появились подьячие и иноземные специалисты. На этом фоне выделялся «императорский рудопробирщик Блюэр», у него появились ученики и даже солдаты для охраны [11].

После унижительного поражения на р. Нарва в ноябре 1700 г. русская армия потеряла часть пушечного парка, поэтому государь прибегнул к чрезвычайным, но столь характерным для себя мерам. Он подготовил указ о высылке в Москву от епархиальных церквей четвертой части колоколенной меди [12]. Уже зимой 1701 г. стали собирать колокола с «знатных городов от церквей и монастырей для делания пушек и мартиров» [13]. В реальности же страна нуждалась в кардинальном переходе от «кумпанейской» металлургии к государственной.

С этого момента стали форсировано комплектоваться поисковые рудные экспедиции.

В этом контексте организация таинственного и малоисследованного горного поиска в Заонежье под началом И.Ф. Блюэра и И.К. Патрушева имеет особый и символический смысл. Соруководителем «фоймогубской партии» в 1702 г. был назначен Иван Федорович (Кузмич ?) Патрушев, уроженец Тверского края, сын трубника при государевых палатах. В 1667–1698 гг., он обучался рудному и монетному делу во Фрайберге, горном центре Саксонии, где познал секреты заводской плавки металла. Завершив науку, он вернулся в Москву, но в январе 1701 г., вместе с Иоганном Блюэром [14] по именному царскому указу вновь командирован в Саксонию, чтобы нанять опытных плавильных мастеров. Одновременно посланцы закупили инструменты и горное оборудование для промышленной плавки металлов [15; 16].

Сохранился документ, в котором И. Блюэр сообщал, что его команда в составе 8 человек, среди которых был плавильщик серебра В.М. Циммерман, в сентябре 1701 г. вернулась домой [17, л. 46; 18]. В сопроводительном письме, со ссылкой на Августа Сильного, польского короля и саксонского курфюрста, отмечалось, что мастерам следует по отношению к господину Бliersу, чтобы «ево за своего начальника чтить» [17, л. 25; 18]. Через несколько месяцев наемники составят ядро Олонецкой экспедиции 1702 г. и принесут славу русской горной металлургии. Геологическую экспедицию Патрушева–Блюэра для «происку серебряных и медных руд в Заонежье» следует рассматривать в широком экономическом и военном контексте. Ведь рудознатцы проводили исследования на границе «свейского рубежа», на землях Фоймогубской (Хоймогубской) волости Олонецкого уезда, Заонежской половины Обонежской пятины [19].

Основная цель партии состояла в поиске месторождений и выборе благополучных, с точки зрения удаленности от метрополии и линии фронта, площадок для новых железных заводов. Обоз возглавили приближенные к царю пробирных дел мастер И.Ф. Блюэр, дозорщик И.Ф. Патрушев, и подъячий Иван Головачев. Присутствие среди руководителей в скором будущем комиссара Коммерц-коллегии и человека из шляхетства г. Кашина [20] можно объяснить желанием держать под надзором иностранцев, еще не зарекомендовавших себя.

Помимо возчиков, в команду входило 16 человек, которые с провиантом и инструментом 26 февраля 1702 г. отправились в путь

к Онежскому озеру. В состав экспедиции вошли иноземные чины Рудного приказа: плавильный мастер из г. Фрейбург В(о)ульф Марти(ы)н Циммерман, штейгер или рудный мастер Георг Шмиден, пробирщик, специалист по анализу качества металла Иоганн Цехариус; рудокопатели Гаврила и Михайла Ланги, Габриэль (Гаврила) Шо(е)нфельдер, Еремей Блейхшмид; толмачи Самойла Печ и Андрей Христофоров. В партию также вошли русские ученики Савва Абрамов, Осип Карачаров, Сергей Щелгунов и Иван Свешников [21]. В помощь для поиска руд из Москвы был направлен рудознавец Яков Влась(о)ев — первым по испытанию в Оружейном Приказе удостоенный звания мастера горного дела [11].

Для Блюэра и его сотоварищей поиск и исследования в Фоймогубе оказались первой крупной акцией на чужбине. Не владея языком, о чем свидетельствует наличие в группе толмачей, сговоренные немцы тем не менее знали тайны поиска руды. Первую остановку группа И. Блюэра организовала на территории Шуйского погоста в устье р. Лососиница. Рекогносцировка подтвердила идеальность участка для организации металлургического производства. Богатые лесные ресурсы, болотистая местность и возможность добираться по Онежскому озеру к войскам в Ингрию свидетельствовали о правильном выборе. Здесь летом 1703 г. началось строительство цехов Шуйского (Петровского) пушечного завода. Отметим, что индустриальный центр возник после преодоления армией Петра I в августе 1702 г. маршрута Осударевой дороги. Возврат земель южной Карелии и Приневья вскоре привели к геополитическим новациям и строительству имперского центра.

Маршрут экспедиции пролегал по местам, где четверть века назад по царским лицензиям начал лить металл выходец из Гамбурга А. Бутенант. К тому же в этих суземках долго и «разбойно» хозяйничали шведы. Однако научные результаты горной разведки уже в январе 1703 г. стали достоянием российской и европейской общности. Газета «Ведомости» в первом номере сообщала: «В Олонецком уезде, в Фоймогубской волости в камени найдена медная руда и той руды накопано с 200 пуд». Далее уточнялось: «в каменной горе сыскана же самородная медь и найдено ее многое число плитами, длиною по аршину, шириною в 3 четверти аршина и больши». При этом толщина медной плиты имела толщину в два вершка, весом по 4 и 5 пудов, а после опытов из той руды медь получалась качественная, красная [22]. Тогда же Блюэр и Циммерман обнаружили около

Патмозера самородную медь. Для подтверждения выгоды плавки руды прямо на рудных ямах по инициативе саксонцев был обустроен вододействующий заводик с плавильными печами, на котором литье с перерывами велось до 1706 г. За это время выплавляли 203 пуда, на что израсходовали 5250 рублей [23]. «Ведомости» сообщали, что на реке построена запруда и плавильня, где медь плавят длиной в 6 сажень, поперек 4 сажень, при этом «печь, плавильня и кожух выведен кирпичный», а под запрудой построена колесница. И. Блюэр по западному стандарту устроил в плавильне вал на одном колесе и на одном русле, а на валу два кожаных меха на железных цепях. Кроме того, на валу «учинены 2 толчеи, в толчее по 2 места: одна толчет руду, другая мусор». При этом были приспособлены обручи и железные шипы, а в плавильне «решето проволочное, которым мусор сеют» [22]. Позже, в январском номере за 1704 г. «Ведомости» отмечали: «В Олонецком уезде в Шуйском и Толвуйском погостах <...> найдена железная руда» потому здесь «заводы заведены великие» [24].

Усилия экспедиции Патрушева–Блюэра подтолкнули петровскую администрацию к созданию Шуйского и других государственных металлургических центров, включая Повенецкий на р. Повенчанка, Алексеевский на р. Телекина и Кончезерский на р. Викша [25].

По распоряжению Олонецкого вице-коменданта А.С. Чоглокова на Кончезере под началом горного дозорщика И.Ф. Патрушева были сложены печи, и завод стал плавить руду, найденную близ Пертозера.

Открытия 1702 г. заставили Петра I оценить масштаб рудных залежей и обосновать идею развития сети заводов вблизи Лодейнопольской верфи и столицы. Государю требовались орудия, ядра, якоря, корабельная фурнитура в компании против Карла XII. В этом смысле старания Иоганна Блюэра по развитию на Олонце металлургических технологий, безусловно, пришлись монарху по душе.

Позже, в 1712 г., инженер И. Блюэр передал государю и в Сенат два горных «Мемориала», в которых утверждал, что: «Россия <...> подземными своими сокровищами <...> славится», надо в горных «делах доброе заведение» учинить, и тогда «заводы в <...> славу придти могут» [8]. В документе, адресованном Петру I саксонец сформулировал 11 параграфов единой металлургической службы державы и обосновал, что вместо Рудного приказа необходимо срочно учредить Берг-коллегию. Между тем Блюэра часто расстраивали ведущиеся против него интриги. Известно, что в 1719 г. В. Брюс, первый глава Берг-коллегии,

заявил, что горняк имея ничего «доброе не учинил» [26]. Олонецкий комендант В. де Геннин также считал, что саксонцу «завоцкие дела во отправлении <...> несносны» и помимо горных дел И. Блюэр человек якобы «скорбный <...> очень мнителен и беспамятен» [27].

Как и многие иноземцы, Блюэр часто переезжал с места на место и в Олонецкий уезд на петровские заводы наезжал лишь временами. В 1706 г. он подготовил заключение о качестве кончезерской руды, заметив, что она «добрая, жильная и прямая». В 1719 г. саксонец вновь просит Берг-коллегию посетить Кончезерский завод, на котором плавил медь и «в Рудный приказ посылали по 1711 году». Блюэр сообщает, что ныне на тех заводах живут два ему прекрасно знакомых по экспедиции 1702 г. мастера — плавильщик Циммерман и штейгер Шейнфелт [17, л. 46; 18].

Эти горняки в 1701 г. были вывезены из г. Фрайберга, и вскоре вошли в костяк Олонецкой команды. Однако утверждать, что И. Блюэр в 1719 г. все-таки посетил Олонецкие медные заводы, чтобы сделать их опись, нам трудно. Прежде всего, потому что саксонец в этом году выехал на Урал. Перед своей поездкой в Сибирскую губернию, на Кунгур, он закупил у Ланга (еще одного участника экспедиции в Фоймогубу) новую пробивную железную печь и инструменты к рудному пробному делу [28, л. 29; 18].

Из Москвы И. Блюэр выехал в одной повозке с И.Ф. Патрушевым, для которого командировка на Урал оказалась последней. Вместе с «берг-шрейбером» к «рудокопному делу» в Сибирь с петровских заводов велено было взять «у полковника Генина <...> артиллерийских учеников» Н. Кувилдина и С. Леонтьева [28, л. 258–258 об.].

Таким образом, в Кунгуре один из основателей «Олонецкой металлургии» обязывался консультировать и восстанавливать литье меди. Энергия саксонца помогла достаточно быстро запустить Алапаевский и Уктусский железоделательные заводы [6, с. 260–264].

Лишь в 1726 г. металлург, желая обозреть серебряные и медные рудники, вновь посетил Олонецкий уезд. Здесь, в очередной раз, судьба его свела с участником экспедиции 1702 г. пробирным мастером Я. Власьевым. Им удалось изыскать крупное месторождение меди, которое позволило не заморозить, а наоборот, дать новое ускорение Кончезерскому заводу. Тогда же горняк из Саксонии, изрядно подорвавший здоровье кочевой жизнью, прошел лечебный курс марциальной водой из кончезерских источников [30; 31].

Таким образом геологические работы на Олонце в начале XVIII столетия выдвинули пробирера Иоганна Блюэра на передний план и сыграли большую роль в становлении крупного металлургического центра Русского Севера.

О последних годах жизни мастера и чиновника, снискавшего славу России, исследователям известно немного.

Библиографический список

1. **Куратов А.А.** *Германцы на Русском Севере по материалам Поморской энциклопедии (том «История Архангельского Севера») / А.А. Куратов // Немцы и Русский Север : Сб. ст. — М., 2000. — С. 59–63.*
2. *Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том IV. 1700–1712 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 192. — 1909. — 16.01.1702.*
3. **Рожков В.И.** *Горнозаводской промысел в Олонецком крае / В.И. Рожков // Горный журнал. — 1888. — № 1. — С. 290–318.*
4. **Данков М.Ю.** *Тайна саксонского эрц-пробирера / М.Ю. Данков // Знаменитые люди Севера: от М. В. Ломоносова до наших дней : Мат-лы межд. науч. конф., посвящ. 295-летию со дня рождения великого русского ученого М.В. Ломоносова (1711–1765), 31 октября – 2 ноября 2006 г. — Архангельск, 2006. — С. 209–213.*
5. **Мегорский В.П.** *Предание об основании Петрозаводска / В.П. Мегорский // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1908 год. — Петрозаводск, 1908. — С. 285.*
6. **Заозерская Е.И.** *Список мануфактур, возникших при Петре I / Е.И. Заозерская // Исторические записки. — 1946. — Т. 19. — С. 256–283.*
7. *Крепостная мануфактура в России : в 5 ч. Ч. 1 : Тульские и Каширские железные заводы / Под общей ред. М.Н. Покровского. — Л. : Изд-во Акад. наук, 1930. — С. 147–148.*
8. *Мемориал, поданный Блюэром лично Петру Великому в 1712 году // [Меньшинин Д.С.]. Биографическое известие о члене Берг-коллегии Блюэре : приложения // Горный журнал. — 1828. — Кн. 6. — С. 116.*
9. **Елагин С.И.** *История русского флота : Период Азовский : в 3 кн. Кн. 3 : Приложения. Ч. 2 / С. Елагин. — СПб., 1864. — С. 198.*
10. **Курлаев Е.А., Манькова И.Л.** *Участие иностранных мастеров в развитии горнорудного дела России в XVII веке / Е.А. Курлаев, И.Л. Манькова // Отечественная история. — 2003. — № 5. — С. 49–62.*

11. **Герман И.Ф.** *Историческое начертание горного производства в Российской империи / Иван Герман. — Екатеринбург : В Горной типографии, 1810. — С. 10.*
12. *Известия императорского Археологического общества. — СПб., 1863. — Т. IV. — Вып. 3. — С. 234–243.*
13. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 1. Кн. 6. Л. 18.
14. **Кулибин С.Н.** *Патрушев Иван Кузьмич / С. Кулибин // Русский биографический словарь в 25 т. : Том XIII. Павел преподобный – Петр (Илейка) / под. набл. А.А. Половцова. — СПб., 1902. — С. 389.*
15. **Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.** *Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути : 1697–1698 / Дмитрий Гузевич, Ирина Гузевич. — СПб., 2008. — С. 313.*
16. **Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.** *Первое Европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия : 1697–1698 / Дмитрий Гузевич, Ирина Гузевич. — СПб., 2008. — С. 186.*
17. РГАДА. Ф. 271 (Фонд Берг-коллегии). Оп. 1. Кн. 1.
18. **Юркин И.Н.** *«Служу я многие годы при искании всяких металлов...» (Еще о связях Иоанна Фридриха Блиера с Олонецким краем) / И.Н. Юркин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. — 2016. — № 7–1 (160). — С. 13–17.*
19. *Карелия в XVII веке : Сб. док. / Сост. Р.Б. Мюллер, под ред. А.И. Андреева. — Петрозаводск, 1948. — С. 376.*
20. НАРК. Ф. 445 (Канцелярия Олонецких Петровских заводов). Оп. 1. Д. 16. Л. 74.
21. **Генделев Д.З.** *Первые петрозаводчане. — Текст : электронный / Д.З. Генделев // ГБУРК Национальный архив Республики Карелия : сайт. — 2002. — URL: <http://rkna.ru/index.php/component/content/article/30-deyatelnost/publikatsionnaya-deyatelnost/stati-publikatsii/2002/1568-pervye-petrozavodchane> (дата обращения: 30.03.2024).*
22. *Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 году : Новое тиснение по 2 экз., хранящимся в Публичной б-ке / [Вступ. ст. А.Ф. Бычкова]. — СПб., 1855. — С. 15.*
23. **Мегорский В.П.** *Кончезерский завод // Петрозаводск при Петре Великом и другие сочинения / В.П. Мегорский; под ред. А.М. Пашкова. — Петрозаводск, 2021. — С. 152.*
24. **Беспятых Ю.Н., Коваленко Г.М.** *Карелия при Петре I / Ю.Н. Беспятых, Г.М. Коваленко. — Петрозаводск, 1988. — С. 53.*

25. **Иностранцев А.А.** Геологический очерк Повенецкого уезда Олонецкой губернии и его рудных месторождений / А.А. Иностранцев. — СПб., 1877. — С. 670.
26. **Киселев М.А.** Создание Берг-мануфактур коллегии в 1718 году / М.А. Киселев // Вестник Пермского университета. Серия: История. — 2015. — Вып. 4 (31). — С. 39–47.
27. **Юхт А.И.** Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. / А.И. Юхт. — М., 1985. — С. 327.
28. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 89.
29. Мемориал Блюэра, поданный в Правительствующий Сенат в 1712 году // [Меньшенин Д.С.]. Биографическое известие о члене Берг-коллегии Блюэре : приложения // Горный журнал. — 1828. — Кн. 6. — С. 118.
30. **Капуста Л.И.** Марциальные воды. Страницы истории первого русского курорта / Л.И. Капуста. — СПб., 2006. — С. 10, 44.
31. **Григорьев С.В.** Биографический словарь : Естествознание и техника в Карелии / С.В. Григорьев. — Петрозаводск, 1973. — С. 58.

M.Yu. Dankov, D.A. Prots

Outstanding «Master Of Probirnyh Deals» on the Olonets Johann Fr. Blüher

Abstract. The study is dedicated to the metallurgist I.F. Bluer, the “ore foreman”, from the ancient Saxon city of Freiburg, who recognized the power of Peter the Great as his second homeland. For many decades, he connected his life with Russia, the Olonets region and the Urals. Let us note the mining expedition of 1702 by “Patrushev-Bluer” in Zaonezhye, which led to the birth of the state metallurgy, the construction in 1703 of the Shuisky (Petrovsky) cannon factory. In 1712, I.F. Bluer created mining “Memorials”, in which a single metallurgical service of the state was established.

Keywords: metallurgist I. F. Bluer; Saxon city of Freiburg; Olonets region; expedition of 1702 «Patrushev-Bluer»; mountain «Memorials».

Dankov Mikhail, independent historian, scientific director of “Osudareva Doroga” (His Majesty’s Road) project, full member of the Russian Geographical Society (Petrozavodsk, Russia); e-mail: dankov@sampo.ru; mdankov@inbox.ru.

Prots Diana, researcher, museum collections curator, National Museum of the Karelia Republic (Petrozavodsk, Russia); e-mail: protsdiana@yandex.ru.

УДК 908

Л.Ю. ЕЛТЫШЕВА¹

Е.Н. КОСВИНЦЕВ, ЖУРНАЛИСТ, КАРИКАТУРИСТ, ПОЭТ, КРАЕВЕД

Аннотация. Рассказ о судьбе журналиста, карикатуриста, поэта и краеведа Е.Н. Косвинцева.

Ключевые слова: Кунгур, журналист, карикатуры, краеведение, Москва.

Евламий Николаевич Косвинцев родился 10 октября 1877 г. в семье рядового Кунгурской местной команды Н.А. Косвинцева и его жены Феодосии Андреевны. Свое необычное имя он, возможно, получил по имени его восприемника той же команды, унтер-офицера Федора Евлампиевича Зубарева [1, с. 181]. В некоторых источниках упоминается, что его отец был портным. Окончив приходское училище, Евламий поступил учеником к сапожнику, затем работал на кожевенном заводе. Однако, по свидетельству современников, несмотря на тяжелые условия труда, он уделял много внимания самообразованию: читал книги, любил живопись, особенно интересовался карикатурами. По воспоминаниям внука Евлампия Николаевича, молодой рабочий кожевенного завода Евламий Николаевич Косвинцев летом 1896 г. все свободное время проводил в окрестностях города Кунгур, чтобы найти клад. Здесь он исследовал интересные места — овраги, карстовые пещеры и курганы, включая старинный курган на Спасской горе, который был расположен на правом высоком берегу реки Сылва в трех километрах к северу от города. Клад Евламий нашел на ровном месте, когда переходил заросшее поле и запнулся ногой за что-то. Кладоискатель вытащил из земли большой, круглый и тяжелый предмет. Это было металлическое блюдо, но не простое, а украшенное растительным орнаментом с фигурками людей, птиц и животных. Судя по хорошей сохранности чеканки и массивности предмета, блюдо было изготовлено из серебра, то есть представляло собой определенную ценность как драгоценный металл. В Российской империи за находку клада и передачу

¹ Елтышева Лариса Юрьевна, МБУК Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Кунгур, Россия), зав. отделом истории; e-mail: Larisa-1408@yandex.ru.

его государству полагалось однократное вознаграждение приблизительно равное половине стоимости находки. Евлампий сдал серебряное блюдо в городскую управу Кунгура. Эксперт из закупочной археологической комиссии Эрмитажа отметил, что блюдо — вещь старинная, ей около 1500 лет. Она была создана в эпоху правления персидских шахиншахов Сасанидов, III–VII век нашей эры. Евлампий Николаевич Косвинцев получил в качестве вознаграждения 500 рублей, затем он написал и послал небольшую заметку в газету «Екатеринбургская неделя», откуда ему прислали гонорар в размере трех рублей. Так началась его новая жизнь в качестве корреспондента многих русских газет [2, с. 5].

В 1896 г. Косвинцев написал небольшую статью и спустя некоторое время увидел ее в газете «Екатеринбургская неделя». С 1899 г. он печатался во многих провинциальных изданиях: «Пермские губернские ведомости», «Екатеринбургская неделя», «Русские ведомости», «Русское слово» «Урал», «Уральская жизнь», «Северный край». Затем стал сотрудничать и со столичными «Русским словом», «Русскими ведомостями», «Биржевыми ведомостями». Позднее писал для газеты «Правда», для «Красного Урала», «Звезды» и в том числе для кунгурской «Искры». Как правило, он подписывал материалы не своей фамилией, а пользовался псевдонимами: Кимров, Б. Годунов, Е. Двинский, В. Григорьев, Е. Калитин, Пимен Уральский [3, с. 171].

Не взяв ни одного урока рисования, Косвинцев удачно владел карандашом карикатуриста. Его первая карикатура, изображающая Кунгурский кустарный склад в виде калек на костылях, была опубликована в 1902 году в московском юмористическом журнале «Развлечение». Талант молодого карикатуриста представлял собой удачное сочетание гражданской смелости и мастерства. За три года, с 1905 по 1907, им опубликовано в открытой печати около 150 карикатур и шаржей. Рисунки он подписывал своей фамилией или монограммами — Ек, К, Ре. Около 150 его карикатур опубликовано в газетах и журналах еще до 1917 г. [2, с. 14]. Объектами его язвительных насмешек становились политические деятели того времени: Витте, Столыпин, Победоносцев и другие. С 1901 г. в журнале «Искры», «Новостях дня», «Раннем утре» и других изданиях того времени печатал карикатуры на политические темы, в которых, как отмечали очевидцы, язвительно бичевал царских министров и других политиков. Некоторые карикатуры он сопровождал стихами собственного сочинения [4, с. 9]. Немало шума наделали

в Петербурге и Москве карикатуры Евлампия Николаевича в январском номере «Искр» объединенные общим заголовком «Новогодние мечты и проекты». Здесь изображены «правые», мечтающие победить «левых»; кадеты, мечтающие о министерских креслах; гражданин, мечтающий о мирной жизни, окруженной цветочками, а рядом — чиновник министерства внутренних дел Камышанский, проектирующий новые тюрьмы для размещения этих же граждан. Однако центральное место на журнальной полосе занимает изображение с надписью «Премьер мечтает», где Столыпин в своем министерском кресле, но с кнутом в руках, загоняет депутатов Думы, изображенных в виде бессловесных баранов, в помещение Таврического дворца [3, с. 15]. В 1906 г. Е.Н. Косвинцев был арестован. Получив запрет на публикации и крупный штраф, уехал на Урал. С 1907 г. он работал корреспондентом в редакции газеты «Русское слово» в Екатеринбурге. С 1910 г. редактировал «Псковский журнал». Позднее — «Сумской вестник». В 1914 г. большая семья Евлампия Косвинцева вернулась в Москву и стала жить на Воронцовской улице в районе Таганки. С 1915 г. он работал репортером в газете «Русское слово» [5, с. 52–53].

По воспоминаниям сына Юрия, весной 1917 г. Евлампию Николаевичу Косвинцеву удалось вывезти свою семью из Москвы в «сытую зону» — на Урал, в город Кунгур Пермской губернии. Здесь, в 1600 километрах от Москвы, были мир, тишина и изобилие продуктов. Устроив семью на Урале, отец по телеграмме Сытина вернулся в Москву, где приступил к работе заведующим отделом городской информации в газете «Русское слово». Однако летом 1917 г. произошло событие, которое круто повернуло судьбу Евлампия Николаевича. Военный комендант Москвы направил взвод солдат в квартиру по Воронцовской улице. Евлампия Николаевича арестовали и посадили в каземат одной из военных тюрем как якобы пойманного дезертира. Квартиру опечатали, а ее владельца на следующий день зачислили в составе штрафного батальона и отправили на фронт. Будучи сильно контуженным и с заболеванием острым ревматизмом, Косвинцев расстался с больничной койкой только в 1919 г. По возвращении в Москву он начал работать инспектором труда, изредка помещая свои корреспонденции и стихи в «Бедноте» и провинциальных газетах» [3, с. 36–37].

В мае 1921 г. Евлампий Николаевич был в расцвете сил и хотел работать в качестве профессионального журналиста. Кроме того, надо

было обеспечивать большую семью. Советскую власть Евлампий признал и принял, считая ее долговечной. В Москве имелись две ведущие правительственные газеты — «Правда» и «Известия». Работа в газете «Правда» давала дополнительную возможность получить квартиру на семью в условиях острого дефицита жилья в Москве. Но было одно существенное затруднение — Евлампий Николаевич был беспартийным журналистом из буржуазной газеты, которую недавно закрыли. Оставалось обратиться за помощью к далекому и незнакомому родственнику, который в силу известных исторических событий оказался в верхнем эшелоне Советской власти. Выходец из латышской крестьянской семьи П.И. Стучка принадлежал к первому поколению большевиков. Его жена была двоюродной сестрой жены Е.Н. Косвинцева. В мае 1921 г. Евлампий Николаевич обратился к Стучке за помощью с трудоустройством. В конце встречи Стучка позвонил ответственному секретарю главной партийной газеты «Правда», М.И. Ульяновой. Мария Ильинична обещала посодействовать в этой просьбе. Опытный газетчик рекомендовал ответственному секретарю «Правды» ввести в практику выезд корреспондентов в различные места страны на длительный срок, основываясь на своем личном опыте [3, с. 41–42]. В 1922 г. Евлампий Николаевич вернулся на Урал. Он работал инспектором труда по г. Кунгуру, активно выступал в местной прессе, занимался археологическими изысканиями, проявлял интерес к краеведению. В том же году он опубликовал в Кунгуре (под псевдонимом Пимен Уральский) свой единственный сборник стихов «Пахнет пороком» [6, с. 3].

В январе 1923 г. Косвинцев с семьей переехал из Кунгура в Москву. Он начал работать в редакции газеты «Правда», в экономическом отделе, освещал вопросы развития торговли и кооперации, а также экономической жизни. Ему приходилось освещать в газете различные проблемы: частной торговли, кооперации, восстановления денежной системы, развития транспорта, промышленности и сельского хозяйства. Евлампий Николаевич занимался краеведением, являлся членом кружка по изучению Северного края при ПГУ — Пермском обществе краеведения. Работая в Москве в газете «Правда», он стал надежным и ответственным посредником и связующим звеном между Пермской галереей и столичными деятелями культуры. Большой друг галереи и патриот Пермского края, он подарил галерее большую коллекцию лубка и плаката и издания по русскому лубку, существующие на тот

момент по этой теме. Бесценным даром стал рисунок М.Ю. Лермонтова. Его собственное творчество представлено карикатурами на современных деятелей культуры. Косвинцев помогал галерее комплектовать библиотеку, пересылал приобретенные книги по почте или передавал с приехавшими в Москву пермяками, сообщал о книжных базарах, гравюрах и альбомах гравюр, которые там можно было приобрести. У него нашлось время, чтобы помочь уральскому краеведу Николаю Николаевичу Серебренникову спасти уникальные пермские деревянные скульптуры православных святых. Он занимался распространением в Москве книги Серебренникова «Пермская деревянная скульптура» и сообщал автору о реакции московских деятелей культуры на ее выход. Одно из последних писем Евлампия Николаевича Н.Н. Серебренникову содержало размышления о своей краеведческой работе в Пермском крае, о будущем краеведения: «Кунгурское краеведение долго приводило меня в удручающее состояние. В развале кунгурской краеведческой работы отчасти виноват и я. Осев в Москве, превратился в шкурника, предпочившего общественное дело личному благополучию. Впрочем, не теряю надежды загладить свою вину перед кунгурским краеведением, начало которому положил я. Ведь Спицин и Новокрещенных копались в Бродах и около Селянина озера по моим указаниям. Первые археологические находки крестьянина Самойло Лушников в Бродах попали в мои руки, а через меня в Пермский музей, в археологическую коллекцию. Первые очерки о кунгурских древностях дал я. Вспоминаю это не в похвальбу, а наоборот, осуждаю, так как при таком удачном начинании краеведческой работы мог бы сделать больше для Кунгура. Позор тем кунгурским хозяйственникам, которые снесли пугачевскую башню.... Как единственный памятник деревянного зодчества 18-го века, заслуживала поддержки, а не разрушения. У меня вот уже нет сил бороться с трудностями; выдохся <...> потому было бы печально, если после нас уходящих.. не придет энергичная смена» [6, с. 1].

Будучи опытным и знающим профессионалом, Косвинцев являлся единственным беспартийным сотрудником в редакции «Правды». 23 октября 1927 г. Евлампий Николаевич отметил юбилей — ему исполнилось 50 лет, из которых 31 год отдано любимой работе журналиста. Эпоха НЭПа стремительно уходила. Евлампия Николаевича перевели в отдел по работе с письмами трудящихся. Работы было много. Письма приходили отовсюду, в том числе из-за границы. Надо было прочи-

тать, отсортировать, проанализировать и непременно на них ответить. Самые интересные из писем печатались в газете «Правда», в которой Евлампий Николаевич Косвинцев работал до конца своих дней. Тяжелое заболевание полностью обессилило его. Е.Н. Косвинцева не стало 24 июля 1930 года. Ему было 53 года [8, с. 4]. В фондах Кунгурского музея-заповедника хранятся материалы Е.Н. Косвинцева, переданные его сыновьями.

Библиографический список

1. Архив КМО. Ф. 202. Оп. 2. Д. 13.
2. Косвинцев Ю.Ю. Ровесники / Ю.Ю. Косвинцев. — На правах рукописи. — 58 с.
3. Братилова Ф.С. Косвинцев Евлампий Николаевич / Ф.С. Братилова // Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края: библиограф. справ. / Сост.: Т.И. Быстрых, А.В. Шилов. — Пермь: Пушка, 2006. — С. 171.
4. Политическая карикатура (1903–1907): Каталог художественной выставки. — Биробиджан, 1985. — 17 с.
5. Анисимова Т.Я. Е.Н. Косвинцев: материалы о жизни и деятельности / Т.Я. Анисимова // Страницы прошлого: избр. мат-лы краевед. Смышляевских чтений в Перми / [сост.: А.Ф. Старовойтов, Т.И. Быстрых]. — Пермь, 1995. — [Вып. 1]. — 211 с.
6. Братилова Ф.С. Евлампий Косвинцев, журналист, карикатурист, поэт, краевед / Ф.С. Братилова // Искра. — 2003. — 21 января.
7. Шматенок Т.Д. К 120-летию Николая Серебренникова: автор и адресат: Переписка Н.Н. Серебренникова как источник изучения истории галереи / Т.Д. Шматенок // Пермская художественная галерея: сайт. — URL: <https://permtartmuseum.ru/article/76%20/> (дата обращения: 12 ноября 2023).
8. Е.Н. Косвинцев: Некролог // Правда. — 1930. — 27 июня.

L.Yu. Eltysheva

E.N. Kosvintsev, journalist, cartoonist, poet, local historian

Abstract. A story about the fate of journalist, cartoonist, poet and local historian E.N. Kosvintsev.

Keywords: Kungur, journalist, cartoons, local history, Moscow.

Yeltysheva Larisa Yurievna, head Department of History, Kungur Historical, Architectural and Art Museum-Reserve (Kungur, Russia); e-mail: Larisa-1408@yandex.ru.

УДК 908

А.П. КАРПЕЕВА¹

ИЛЬЯ ПЕТРОВИЧ ЧАЙКОВСКИЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДОМА РОМАНОВЫХ НА ВОТКИНСКОМ КАЗЕННОМ ЗАВОДЕ

Аннотация. Автор обращается к истории Воткинского завода — градообразующего предприятия города. Большую роль в развитии производства здесь сыграли выдающиеся деятели науки и техники, среди них — Илья Петрович Чайковский — начальник Камско-Воткинского горного округа (1837–1848). В это время завод посещали представители дома Романовых — цесаревич Александр Николаевич (1837), будущий император Александр II и герцог Максимилиан Лейхтербергский (1845). Эти события оставили заметный след в памяти местных жителей, нашли отражение в архивных документах, в том числе в воспоминаниях гувернантки детей семьи Чайковских Фанни Дюрбах.

Ключевые слова: Камско-Воткинский горный округ, Илья Петрович Чайковский, дом Романовых, герцог Максимилиан Лейхтенбергский.

«...Сегодня по утрам, в 6 часов увидел я издали Воткинский завод и скачущих казаков. У шлахбаума встретил меня верхом на коне полицмейстер и подал рапорт, казаки поскакали вперед, ну точно, как перед Абис мирзою, все в просонках из окон и ворот смотрели на меня, как на диво, наконец, со всего скоку остановились у подъезда. Сонные чиновники со шляпами с султанами и без султанов наехали: тот говорит при заводе состоит благополучно, другой — в округе благополучно, третий — по фабрикам — благополучно. Молодой поручик линейного батальона вывел свою команду и ординарцев

¹ Карпеева Алла Павловна, Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики, МАУ «Музей истории и культуры г. Воткинска» (Воткинск, Россия), ученый секретарь; e-mail: allalununya@gmail.ru.

Илья Петрович Чайковский

и закричал: при команде состоит благополучно...» (Воткинский завод 27 марта 1837 года. Суббота 11 часов вечера) [1, с. 96–97].

Это строки из письма Ильи Петровича Чайковского супруге Александре Андреевне, где он остроумно, с добрым юмором описывает свой приезд на Воткинский завод, руководить которым ему предстоит 11 лет. И уж так сложилось, что на протяжении длительного времени имя Ильи Петровича Чайковского было в «тени» его гениального сына, выдающегося русского композитора Петра Ильича Чайковского, он родился в Воткинске 25 апреля (7 мая) 1840 года.

Если просмотреть статьи воткинских краеведов I половины XX века, опубликованные в местной и республиканской прессе, то «инженер», иногда «директор завода» Илья Петрович, упоминается только в связи с именем композитора Петра Ильича Чайковского. Пожалуй, первым, кто начал серьезно изучать деятельность Ильи Петровича как выдающегося деятеля горнозаводского Урала стал краевед В.Н. Ступишин, занимавшийся подготовкой материалов к изданию книги «Воткинские были. Исторические очерки», которая издана в 1959 году к 200-летию выпуска первой продукции Воткинского машиностроительного завода. Он впервые обратил внимание на огромный вклад старшего Чайковского в развитие заводского производства. А.З. Воротов, руководивший музеем завода в 60–80-е годы XX века, продолжил активно разрабатывать тему «И.П. Чайковский — выдающийся горный инженер», а Б.Я. Аншаков — научный сотрудник музея П.И. Чайковского — стал инициатором проведения нескольких конференций, посвященных семье Чайковских на Урале.

Однако долгое время тема, связанная с посещением Воткинского завода представителями царствующего дома семьи Романо-

вых, деликатно оставалась в тени. В конце 50-х – начале 60-х годов XX века в местной прессе появляются первые статьи, в которых делается акцент на посещение Воткинска поэтом В.А. Жуковским. Причем наследник престола, цесаревич Александр Николаевич, которого сопровождал поэт, либо вообще не упоминается, либо информация об этом настолько краткая, что создается впечатление, что поэт лично изъявил желание совершить путешествие на Урал.

В журнале «Уральский следопыт» (февраль 1972 года), опубликована статья Б.Я. Аншакова (ст. научный сотрудник музея П.И. Чайковского) «Жуковский в Воткинске». В ней содержится достаточно подробная информация о пребывании цесаревича Александра Николаевича и его свиты в Воткинске.

«22 мая свита наследника посетила Воткинский казенный железоделательный завод. Горный начальник Камско-Воткинского округа подполковник Илья Петрович Чайковский был вынужден предоставить ей [свите] свой дом — лучший на заводе. В одной из комнат разместились и Жуковский. Позднее он вместе с другими гостями расположился в гостиной, слушал доклад Ильи Петровича о продукции завода и производственных процессах. Особенно занимала всех действующая модель пудлингового устройства... Жуковский с интересом осматривал заводские фабрики, выставку образцов железа, школу, госпиталь На якорной фабрике при нем выносили из горна 167-пудовый якорь. Взяв в руки молоток, Василий Андреевич принял участие в ковке изделия. Позднее якорь был установлен в виде монумента на заводской площади» [2, с. 71].

В статье Б.Я. Аншакова Жуковский выступает как главное действующее лицо и даже принимает участие в ковке якоря, тогда как в действительности это событие связано с цесаревичем Александром Николаевичем. Автор, в силу реалий того времени, просто не мог по-другому изложить исторический факт. В 1972 г. страна и город Воткинск готовились отметить 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик, и «царский след» в истории города нужно было тщательно завуалировать.

Впервые акцент на посещение завода наследником престола Воткинска 22–23 мая 1837 года был сделан в книге «Воткинск. Летопись событий и фактов», выпущенной в 1985 году [3, с. 36]. Но материала, который бы подробно рассказывал о приеме высокого гостя Ильей Петровичем Чайковским, там нет. Лишь в начале 90-х годов

Обложка «Известий Сарапульского земского музея. Вып. 2» [4]

земского музея. Бердников отметил в примечании, что: «настоящая статья составлена большею частью по источникам местного архива и по воспоминаниям старожилов, записанных мною в разное время несколько лет тому назад...» [4, с. 1].

Следует отметить, что прибытие «поезда наследника» осталось надолго в памяти жителей Воткинска. Бердников сумел в своей публикации передать впечатления и эмоции современников, ставших участниками исторической встречи: «Слухи о путешествии Наследника Цесаревича по России стали носиться еще во второй половине 1836 года, а когда в начале 1837 года сделалось известным, что по пути на Урал его высочество посетит и Воткинский завод, то радость жителей его была неопишима. У всех явилось какое-то возвышенное настроение и желание как бы поскорее увидеть дорогого гостя. “Ведь царский сын! Ведь сам царь посылает его к нам посмотреть на наше житье-бытье”, — говорили рабочие. Вот господь и нам даст дожить до великого дня — увидеть сына батюшки-царя первый

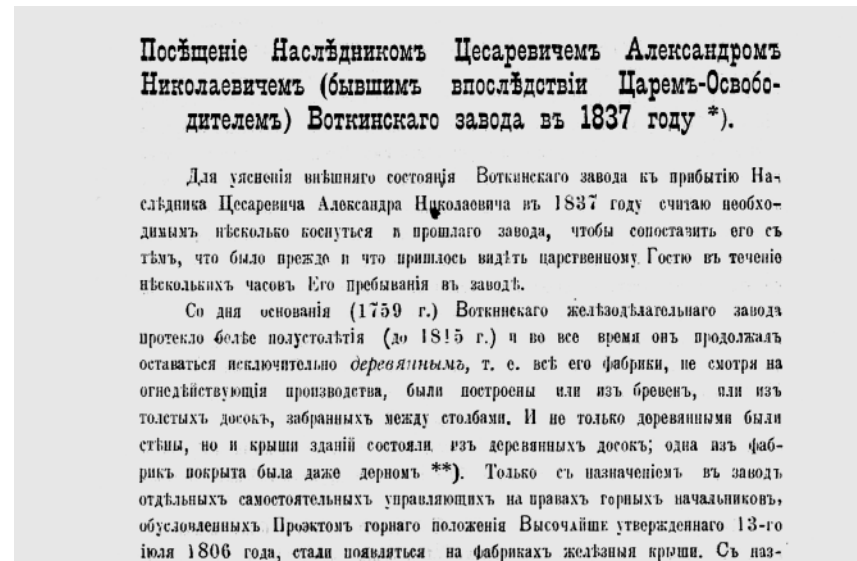
XX века эта тема становится популярной. Пожалуй, одной из первых (по качеству подачи материала и точности документальных свидетельств) можно назвать фотокнигу «На родине П.И. Чайковского», изданную в 1990 г. к 150-летию со дня рождения композитора.

Однако первоисточником в любом случае мы можем считать статью В.Ф. Бердникова «Посещение Наследником Цесаревичем Александром Николаевичем (бывшим впоследствии Царем-Освободителем) Воткинского завода в 1837 году». Здесь впервые собраны и опубликованы материалы архива завода, с которыми работал автор. Статья была напечатана в 1912 г. во 2-м выпуске Известий Сарапульского

О Г Л А В Л Е Н І Е	
II-го выпуска Известій Сарапульскаго Земскаго Музея.	
	Стр.
<u>В. Ф. Бердниковъ.</u>	
Посѣщеніе Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ (бывшимъ въ послѣдствіи Царемъ-Освободителемъ) Воткинскаго завода въ 1837 году	1—12.
<u>Гр. Верещанинъ.</u>	
Къ этнографіи вотяковъ Прикамскаго края	13—36.
<u>Н. Блиновъ</u>	
Халдунъ въ Сарапулѣ	37—42.
† Сергѣй Николаевичъ Миловскій	43—46.

Оглавление «Известий Сарапульского земского музея. Вып. 2» [4]

Заголовок и начало статьи В.Ф. Бердникова в «Известиях Сарапульского земского музея. Вып. 2» [4]

Для уясненія вышшняго состоянія Воткинскаго завода къ прибытію Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича въ 1837 году считано необходимымъ нѣсколько коснуться и прошлаго завода, чтобы сопоставить его съ тѣмъ, что было прежде и что пришлось видѣть царственному Гостю въ теченіе нѣсколькихъ часовъ Его пребыванія въ заводѣ.

Со дня основанія (1759 г.) Воткинскаго желѣзодѣлательнаго завода протекло болѣе полу столѣтія (до 1815 г.) и во все время онъ продолжалъ оставаться исключительно *деревянныиъ*, т. е. всѣ его фабрики, не смотря на огнестѣйствующія произведетва, были построены или изъ бревень, или изъ толстыхъ досокъ, забранныхъ между столбами. И не только деревянными были стѣны, но и крыши зданій состояли изъ деревянныхъ досокъ; одна изъ фабрикъ покрыта была даже дерномъ **. Только съ назначеніемъ въ заводъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ управляющихъ на правахъ горныхъ начальниковъ, обусловленныхъ Проектомъ горнаго положенія Высочайше утвержденнаго 13-го іюля 1806 года, стали появляться на фабрикахъ желѣзные крыши. Съ наз-

и, может быть, в последний раз. Не менее возбуждено было и заводское начальство в ожидании приезда дорогого гостя; во всех фабриках с лихорадочною поспешностью чистили, скоблили, белили; где нужно исправляли машины, печи и горны, чтобы все было в полном порядке и имело праздничный вид. Сам горный начальник завода Илья Петрович Чайковский (отец знаменитого композитора П.И. Чайковского) против обыкновения чуть ли не каждый день навещал завод; все ли исправно, все ли в порядке, как бы не ударить в грязь лицом перед высоким гостем. Всем горным офицерам, заведовавшим цехами, даны словесные или письменные инструкции что и как делать, чтобы все было в систематическом порядке. <...> С неменьшею заботливостью жители завода, каждый перед своим домом, чистили улицы и площади заводского селения. Таким образом готовилось все, чтобы достойно встретить дорогого гостя, сына царского...» [4, с. 3].

Уж так случилось, что горному начальнику — Чайковскому — пришлось встречать высокую делегацию всего лишь через два месяца после вступления в должность. Он подготовился к приезду основательно, в это время по его инициативе вводилось пудлингование (металлургический процесс преобразования чугуна в мягкое малоуглеродистое железо), поэтому Илья Петрович воспользовался случаем и при встрече вручил наследнику «портфель, в коем заключалось шесть листов с рисунками машин», а после предложил ему вместе со свитой около часу слушать чтение и объяснение «статистики завода и всех заводских операций». Потом подвел цесаревича к специально изготовленной для этого случая модели пудлингового устройства и предложил «поиграться на ней». Цель была достигнута — модель удостоилась одобрения.

Цесаревич побывал во всех мастерских, ознакомился с производимыми изделиями и собственноручно «удостоил ковать 176-пудовый якорь для Черноморского флота» [4, с. 7]. Этот якорь, оставленный на заводе в память о его посещении, 16 июня 1840 г. был «поставлен на пьедестал с приличной надписью и арматурой» на заводском дворе [7, л. 12].

Позднее памятник-якорь перенесли на плотину, он стал ее главным украшением.

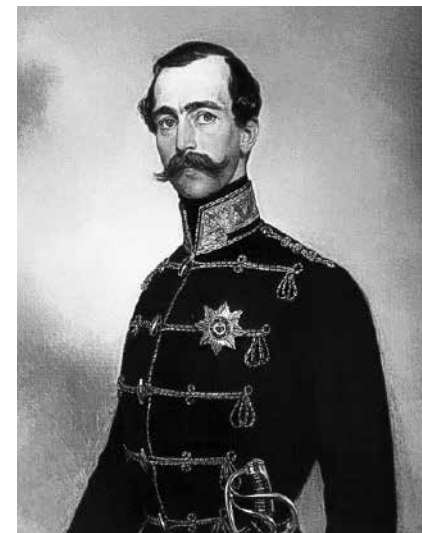
За вечерним чаем цесаревич живо расспрашивал Илью Петровича о службе на соляных заводах, которыми он прежде управлял, «о быте и характере тамошних и здешних жителей, об обществе,

о музыке и других разных развлечениях...» [4, с. 9].

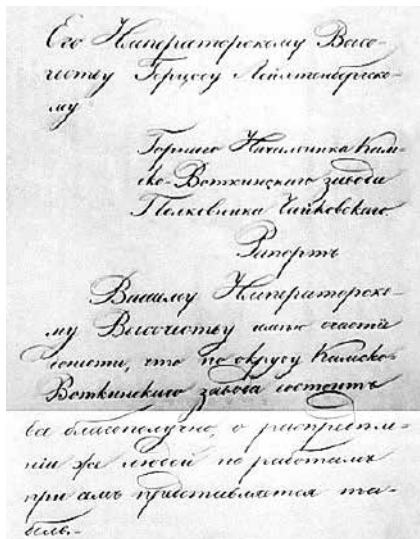
Как считают исследователи-чайковскоеды, в семье Ильи Петровича о пребывании будущего императора, его свиты вспоминали не раз. Это не могло не повлиять впоследствии на отношение Петра Ильича к поэзии Жуковского. «Ундина» Жуковского была любимым чтением будущего композитора в детстве. Ундиночкой называли его сестру Александру. К сюжету романтической поэмы он не раз обращался в своем творчестве, она легла в основу его второй оперы «Ундина» (либретто В.А. Соллогуба). Опера была написана композитором в 1869 г., но ее не приняли к постановке; музыка была использована П.И. Чайковским в других произведениях, в частности в балете «Лебединое озеро», позже композитор неоднократно имел намерение вновь обратиться к этому сюжету. В личной библиотеке Петра Ильича в Клину сохранилось собрание сочинений Жуковского с пометами владельца [9].

Встречая высокого гостя в Воткинске, Илья Петрович Чайковский, давая исчерпывающие объяснения о деятельности завода, жизни его жителей, сумел показать с самой выигрышной стороны деятельность предприятия и дальнейшие перспективы его развития, не случайно, как сообщает нам сборник материалов к истории Вятского края «Столетие Вятской губернии»:

«В 1845 году Воткинский Камско-горный округ посетил герцог Максимилиан Лейхтенбергский, супруг дочери государя Николая I Марии Николаевны. Его высочество прибыл на Воткинский завод 1 сентября. А на другой день, после литургии, все время употребил на тщательный осмотр всего производства в заводских мастерских и посетил также арсенал. Вечером была устроена охота на зайцев. 3 сентября герцог отправился в Ижевский завод, причем его высочество по собственному своему желанию последовал этот путь в упо-

Герцог Максимилиан Лейхтенбергский

Рапорт начальника Камско-Воткинского завода И.П. Чайковского на имя герцога Максимилиана Лейхтенбергского

требляемых в Сарапульском уезде тарантасах. В этот же день на осмотре Ижевского завода, после обеденного стола, возвратился обратно и 4 сентября выехал из Камско-Воткинского завода в Пермь...» [8, л. 6].

Встречал высокого гостя и его свиту, как и в случае с цесаревичем Александром Николаевичем, посетившим Воткинский завод 22–23 мая 1837 года, Илья Петрович Чайковский. Об этом посещении воткинский летописец Василий Федорович Бердников не оставил подробного описания, но в Центральном государственном архиве Удмуртской республики хранится «Дело о посещении завода герцогом Лейхтенбергским

во время путешествия». Как следует из документов, во время длительной поездки сломался экипаж герцога, и мастеровые кричного цеха Миней Алемасов, Федор Шукин, Мирон Коновалов, Григорий Алемасов, Николай Варнин, Осип Коновалов, Иван Митрофанов взялись за починку. Ее стоимость в ценах 1845 г. обошлась в более чем 13 рублей. Мастеровые починили дышло, шесть крюков для подвески тормозов. Исправили дрогу (продольный брус в повозке, соединяющий переднюю ось с задней), двенадцать сыромятных и юфтевых ремней и т. д. [6, л. 1–15].

Как следует из документов, герцогу предлагали произвести эти работы в других заводах, бывших у него на пути следования, но он остановил свой выбор на Воткинском.

Приготовление к встрече еще одного высокого гостя не оставило равнодушным никого в семье Чайковских, в том числе и маленького Петра. Вот что пишет много лет спустя бывшая гувернантка детей, француженка Фанни Дюрбах, к Модесту Чайковскому¹:

¹ Модест Ильич Чайковский — русский драматург, первый биограф композитора Петра Ильича Чайковского

«Монбельяр. 11 сентября 1894 г.

...Скажите мне откровенно, не обидела ли я Никола¹ в моем письме, может быть он подумал, что я не была справедлива к нему, а между тем я его всегда очень любила и сохранила о нем самое лучшее воспоминание. Спросите его, пожалуйста, помнит ли он, в каком году герцог Лихтенбергский приезжал осматривать заводы Воткинска. Пьер сочинил по случаю его приезда приветственную речь; я не помню, умел ли он еще писать, но он ее нам произносил, что очень забавляло Вашу мать» [5, с. 139].

Герцог Лейхтербергский (1817–1852) не случайно приехал на Воткинский завод, этот удивительный человек, встреча которого так взволновала всю семью горного начальника, посвятил свою жизнь наукам, искусству и благотворительности. В 1839 г. он женился на великой княжне Марии Николаевне и навсегда связал свою жизнь с Россией. В этом же году был назначен почетным членом Академии наук, а в 1844 г. главноуправляющим института Корпуса горных инженеров. Благодаря его усилиям был пересмотрен устав Горного института, что способствовало улучшению учебного процесса. Во время управления Горным институтом, в 1845 г., герцог и совершил поездку по уральским заводам, в числе которых познакомился и с Воткинским заводом.

8 февраля 1848 года приказом по Корпусу горных инженеров Илья Петрович был «уволен по домашним обстоятельствам генерал-майором с мундиром и пенсионом полного жалования» [1, с. 105]. После отъезда его из Воткинска современники и коллеги отзывались о Чайковском как о блестящем специалисте, неутомимым труженике. Он много сделал для развития заводского производства и достойно представлял предприятие во время встречи высоких гостей, это формировало образ высокотехнологичного и конкурентоспособного предприятия, что в дальнейшем привело к получению заводом престижных государственных заказов.

Библиографический список

1. Илья Петрович Чайковский : Очерки жизни и деятельности : [Сб.] / Сост. Б.Я. Анишаков. — 2-е изд., испр. и доп. — Ижевск : Удмуртия, 1979. — 108 с.

¹ Николай Романов — сын Василия Ипатьевича Романова, управляющего Воткинским заводом.

2. **Аншаков Б.Я.** Жуковский в Воткинске / Б.Я. Аншаков // Уральский следопыт. — 1972. — №2.

3. Воткинский: летопись событий и фактов // сост. Б.Я. Аншаков]. — Устинов: Удмуртия, 1985. — 168 с.

4. **Бердников В.Ф.** Посещение Наследником Цесаревичем Александром Николаевичем (бывшим впоследствии Царем-Освободителем) Воткинского завода в 1837 году / В.Ф. Бердников // Известия Сарапульского земского музея. Вып. 2. — Сарапул: Тип. Н.Е. Ончукова, 1912. — С. 1–12.

5. **Вайдман П.Е.** Дорогая Фанничка... Из переписки Чайковских с Ф. Дюрбах / П.Е. Вайдман // Неизвестный Чайковский / [науч. ред. и сост. П.Е. Вайдман]. — М.: П. Юргенсон, 2012. — 360 с.

6. ГКУ Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5352 Дело о посещении завода герцогом Лейхтербергским во время путешествия.

7. МАУ Музей истории и культуры г. Воткинска. Коллекция документов первого историка воткинского завода В.Ф. Бердникова. Материалы о посещении Воткинского завода Цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 году. Д.35.

8. МАУ Музей истории и культуры г. Воткинска. Коллекция документов краеведа Ф.В. Стрельцова. Д. 73.

9. **Вайдман П.Е.** Жуковский Василий Андреевич / П.Е. Вайдман // Чайковский: Жизнь и творчество русского композитора: проект Ивана Федорова: сайт. — 2003–2018. — URL: <https://www.tchaikov.ru/zhukovsky.html> (дата обращения: 13.05.2024).

А.Р. Кареева

Ilya Petrovich Tchaikovsky and the Romanoffs Representatives at the Votkinsk State Plant

Abstract. *The author turns to the history of the Votkinsky plant — the town-forming enterprise of the town. A great role in the development of production here was played by outstanding figures of science and technology, among them — Ilya Petrovich Tchaikovsky — the head of the Kamsko-Votkinsky mountain district (1837–1848). At this time the factory was visited by representatives of the Romanov house — Caesarevich Alexander Nikolaevich (1837), future Emperor Alexander II and Duke Maximilian of Leuchterberg (1845). These events left a noticeable trace in the memory of local residents and were reflected in archival*

documents, including the memoirs of Fanny Durbach, the governess of the Tchaikovsky family children.

Keywords: *Kamsko-Votkinsky mountain district, Ilya Petrovich Tchaikovsky, House of Romanoff, Duke Maximilian of Leuchterberg.*

Karreeva Alla Pavlovna, Honored Worker of Culture of the Udmurt Republic, Scientific Secretary of the UIA “Museum of History and Culture of Votkinsk” (Votkinsk, Russia); e-mail: allalununya@xmail.ru.

УДК 908

Н.Б. КОНЧАКОВСКАЯ¹

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРЫ ВЛАДИМИРОВНЫ БАТМАНОВОЙ

Аннотация. В данной статье обращение к семейной переписке позволяет объемно раскрыть различные сферы женской повседневности, проанализировать особенности положения женщины в семье, проследить ежедневные практики сквозь призму женского восприятия. Мы рассмотрели повседневность Александры Владимировны Батмановой, жительницы Екатеринбурга в начале XX в., многолетней матери, принадлежавшей к социальному слою интеллигенции, в отдельные дни ее жизни.

Ключевые слова: женская повседневность, семейная переписка, город Екатеринбург, семья.

Изучение источников личного происхождения является особо важным при исследовании повседневности, идентичности женщин прошлых эпох [4, с. 93]. В рамках комплексного изучения повседневности в фокусе внимания историка оказываются эмоциональные реакции на жизненные события, мотивы поведения человека [5, с. 8].

Обращение к переписке, дневникам, воспоминаниям женщины актуально в русле рассмотрения ее положения в семье (матери, жены), анализа тех или иных событий в семейной жизни, характера взаимоотношений сквозь призму женского субъективного восприятия. В материалах женской переписки можно видеть отражение картины мира женщины, ее ценностно-смысловые основы.

¹ Кончаковская Наталья Борисовна, ГАУК СО «МИП «Россия — Моя история. Свердловская область» (Екатеринбург, Россия); e-mail: natalia_konchak@mail.ru.

В Государственном архиве Свердловской области хранится переписка Александры Владимировны Батмановой с семьей (с 1899 по начало 1920-х гг.) В ее составе много писем к мужу, детям, сохранились и письма обратных адресатов. Александра Владимировна Батманова (1859–1922) — представительница интеллигенции Екатеринбургa, супруга нотариуса, почетного гражданина Алексея Никифоровича Батманова, мать семерых детей. Семья Батмановых проживала в конце XIX – начале XX в. в Екатеринбургe.

Мы приводим в данной статье сведения из нескольких писем Александры Владимировны Батмановой начала XX в., посвященных отдельным дням ее жизни, рассматривая, таким образом, повседневность в «конкретной фактичности событийных ситуаций» [5, с. 13; 3]. И таким образом узнаем, каким мог быть день замужней жительницы Екатеринбургa, представительницы интеллигенции, многодетной матери в начале XX в.

Итак, летом 1901 г. 32-летняя Александра Владимировна вела постоянную переписку со своим мужем и старшими детьми, путешествовавшими на Кавказе. Александра Владимировна оставалась в это время в Екатеринбургe с младшими детьми: Игорем (4 лет), Никифоров (2 лет) и Володей, которому не было и года. Насыщенным был летний июньский день 1901 г. (4 июня) Александры Владимировны. О событиях этого дня она рассказывала в своем письме [2, л. 5–7].

«Здравствуйте, мои хорошие, где-то вы теперь погуливаете, мои голубчики? Все ли здоровы, все ли там у вас благополучно?

Сегодня мы гуляли с детворой по Уктусу — день выдался теплый, даже жаркий. Бог-ты мой! Как хорошо в лесу, какой воздух, как зелено! Цветочки кругом, птички поют, и мы все ходили, ходили (сходили в парк Воронцова...) и наслаждались. Вас вспоминали, а все-таки нет полного удовольствия, когда вся семья не в сборе. Даже есть не хотели.

На Игорюсю больше внимания, и он меньше капризничает, такой шустрый. Все ходит кверху проведывать, не приехал ли папа. Игорюся спрашивает, скоро ли мы поедем за папой? Только Володя ничего знать не хочет, себе кувыркается по постели — должно быть ползать намеревается. Сегодня хочу пойти в театр — последний раз будут играть» [2, л. 6 об.].

Александра Владимировна рассказывала своему мужу о впечатлениях от этого похода в театр на последнюю в сезоне постановку: «Была... в театре. Больше не пойду — скучно как-то одной-то. Хотя

мне пришлось сидеть рядом с Чернобровиной — она мне представилась» [2, л. 10].

А вот как мать с детьми переживала невиданную июньскую жару в Екатеринбургe в 1901 г.: во дворе дома на Богоявленской, 1, устроили купальню для детей, в которой младшие мальчики играли, купались [2, л. 7]. Об этом Александра Владимировна сообщала в следующем письме: «Стоят только жары. И детишки купаются раза по два в день в саду. Нальем воды пораньше, а к 12 часам она уже теплая — так вытащить трудно из ванны, как только начнут капризничать — сейчас в ванну, ну и настроение меняется» [2, л. 7]. Александра Владимировна учила сына Игоря кататься на велосипеде: «Купила велосипед Игорюсе и велела Василию (прислуге. — *Авт.*) отдать и сказать, что он привез с вокзала и что ты ему его прислал. Игорюся очень обрадовался и в то же время как-то замер — ничем не выражая своих чувств, пока его раскупоривали, а Ника все вертелся», — упоминала она о покупке.

Дети росли и радовали Александру Владимировну: «Володя, одним словом, молодчик, — сообщала она мужу, — потому что у нас еще не бывало и не будет еще такой крепкий и здоровый ребенок. Что ему ни дали, все съест с удовольствием, будь то манная каша, суп — все ест, и главное, с удовольствием» [2, л. 10]. Весь день Александры Владимировны проходил в заботе о своих маленьких детях, помогали и две няньки.

В саду возле дома в это время расцветали цветы, на грядке поспевала земляника, и хозяйка дома со вниманием наблюдала за красотой во дворе, ухаживала за растениями [2, л. 14]. «Малина еще не совсем принялась...», — уточняла Александра Владимировна в следующем письме, — кедры купленные ни один не отрос, кажется только двое растут. Зато кедры зимние, особенно который близко к березе очень хорошо растет» [2, л. 14, 14 об.]. «Жары продолжают уже три недели, около 40°, 37°, 35°» [2, л. 15 а]. Июнь 1901 г. выдался очень жарким в Екатеринбургe, и целыми днями дети у Батмановых гуляли на улице, во дворе дома.

В эти дни к Батмановым приехала семья знакомых, которая стала проживать в их доме: «На днях приехали неожиданно Волковы с маленьким ребенком» [2, л. 15 об.] Этот неожиданный приезд и проживание Волковых в течение месяца добавил Александре Владимировне каждодневных хлопот.

Обязательным в этот период для Александры Владимировны являлось посещение раз в несколько дней нотариальной конторы

мужа: проверять, как там идут дела; она сообщала об этом в письмах [2, л. 19 об.]. Александру Владимировну тревожило «нравственное угнетенное состояние» мужа, его здоровье. «Как вечер настает, все улягутся, вынимаю твои письма, читаю, перечитываю — все хочу уловить хотя малейший оттенок хорошего настроения. Но увы, ничего подобного не могу найти» [2, л. 7 об., 16]. Женщина мечтала оказаться вместе с мужем на Кавказе, путешествовать по России.

В 1902 г. мечта А.В. Батмановой сбылась: в октябре она самостоятельно посетила Санкт-Петербург и характеризовала свои впечатления, приводила совместные с мужем воспоминания студенчества о бывшей жизни в столице в своих письмах [2, л. 39–52]. Александра Владимировна ездила в столицу повидаться со старыми знакомыми, посетить различные научные лекции, музеи, погулять по столице, а также чтобы сходить на прием к профессору медицины в связи с проблемами со здоровьем. Вечером 10 октября она сочинила такое письмо мужу:

«...Здравствуй, мой дорогой, Алексейко! Жалею, что тебя здесь нет, вместе бы побегали. Беготня здешняя меня просто затягивает — приятно просто идти по Невскому ни за чем. Я здесь много бываю на ногах, только отзывается почему-то подъем, ноги ломит. Ну да это пустяки. Была в музее Александра III — вся русская школа там. К тем, которые были... прибавилось и несколько новых картин. Мое внимание остановилось: чтение в народной школе, сон Василисы Мелентьевой и “Последние минуты митрополита...”, которого убивает Малюта Скуратов... Вчера и третьего дня была в театре, в зале консерватории. Знаменитостей еще не слыхала. Была в медицинском институте на лекции Чистовича — он разбирал воспаление легких. Сначала краткий исторический обзор и болезни. Потом влияние прививки микроба этой болезни на животных... Оказывается, воспаление легких болезнь заразительная... Сегодня иду к Бехтереву... Впрочем была у Поленовых — Марья Федоровна такая же веселая, живая... За дорогу не устала, наоборот, сил набралась! ...Здесь такая все была слякоть, что беда, теперь уж второй день, как померзло. Когда идешь мимо знакомых мест — сердце замирает» [2, л. 42–43].

Сейчас перенесемся мысленно на 8 лет вперед, в лето 1910 г. Письмо 41-летней матери семейства Александры Владимировны к мужу в Екатеринбург связано со впечатлениями от летнего дня 1910 г. в селе Мясогутово на Южном Урале, где она отдыхала с детьми [2, л. 73–76].

Практически каждое лето она старалась уезжать на пару месяцев из города на природу: вполне в русле взглядов екатеринбургских горожан на летний отдых. Дети Батмановых повзрослели, но все, кроме старшего сына, поехали с матерью на дачу.

Июньский денек 10 июня 1910 г., после достаточно долгой и тяжелой дороги из Екатеринбурга до дачи, Александра Владимировна описывала мужу Алексею Никифоровичу так: «Вот мы и приехали в 3–4 утра... Но могли бы приехать и раньше, если бы ямщики не копались с перепряжкой. Ехали мы хорошо — уж я не говорю про поезд до Челябины (Челябинска. — *Авт.*) — ты сам видел. В Челябине при посадке было тесно, но опять целое купе было в нашем распоряжении. С Миасса начались живописные места Самарско-Златоустовской дороги, и мы только успевали повертываться — то там надо поглядеть, то здесь хороший вид... Сегодня же пошла купаться в Ай. В речке было прохладно. Я начала плыть, чем дольше, тем легче плыву. Ну, думаю, дай-ко назад — не могу, стану на ноги, не могу идти... так велико течение... Пошла по песку босиком. Песок горячий. Так было приятно, что я уже решила ходить по берегу босой... Оля выросла большая — такая славная, платья впору... Комнат всего четыре» [2, л. 74]. В этот день дочь Оля фотографировала виды этих мест и послала потом отцу готовую фотокарточку [2, л. 76]. Увлечение фотографией было общим у детей Батмановых.

В 1912 г. дети Боря и Оля учились в Санкт-Петербурге. 43-летняя Александра Владимировна постоянно переписывалась с ними. Вот что она пишет детям в своем письме в середине апреля этого года, через день после празднования Пасхи.

«Христос воскрес! Мои дорогие Боря и Оля. Собиралась давно каждому написать, да так и дотянула до самого праздника. Итак, мои дорогие, ездила в Челябину, чтобы нанять хибарку на лето у самого озера... (Александра Владимировна снова сообщает про выбор летней дачи. — *Авт.*). Озеро очень сильное, им надо пользоваться очень осторожно... Публика туда съезжается — сельские учительницы, сельские батюшки. Курорт дешевый. Думаю, мы туда выберемся месяца на два» [2, л. 49–49 об.]. Мать зовет на лето своих детей тоже приехать из столицы, отдохнуть. Муж Алексей Никифорович собирался в это лето выбраться недельки на 2–3: он в редкие годы уходил в отпуск и соответственно, очень редко отдыхал с семьей на дачах. Александра Владимировна была обеспокоена в эти весенние дни физическим и психологическим состоянием своих детей — 15-летнего Игоря

и 13-летнего Никифора, 11-летнего Владимира, учившихся в Реальном училище: на апрель приходился напряженный период учебного процесса. «Ника начал уставать — может, за праздники отдохнет, а то тоже раздражается. Конечно, очень много работы. Не успевает выучить уроки...» [2, л. 50 об.]. Младший 11-летний сын — «Володька всю эту треть не ходил и мало занимался: все жаловался на головную боль и боль сердца» [2, л. 50 об.]. Мать безуспешно пыталась урегулировать конфликт сына с отцом и переживала по этому поводу: «Игорь с Рождества не разговаривал с папой, несмотря на то, что папа несколько раз заговаривал с ним, чтобы как-нибудь изменить те условия, которые создались, но все тщетно. Ведь и сам-то страдает, а не может как-то... и ему и нам очень тяжело» [2, л. 50 об.].

В письме нашли отражение ежедневные мысли, планы Александры Владимировны по поводу учебных программ — об улучшении эффективности образования на Урале, заметки о дискуссиях с членами Семейно-педагогического кружка Екатеринбурга. К тому же, в это время Александра Владимировна периодически ездила на работу (на общественных началах) в Верх-Исетский заводской поселок, в недавно организованную библиотеку им. Ф.М. Решетникова (с отделом изданий для юношества и детства), участвовала в благотворительных лотереях для помощи малообеспеченным учащимся гимназий, помогала в организации горячих завтраков ученицам второй гимназии Екатеринбурга [1, л. 10 об.; 2, л. 46, 48].

Конечно, Александра Владимировна непосредственно рассказывала о необычных погодных условиях, наступивших в середине апреля 1912 г. в Екатеринбурге на Пасху, и о проблемах, возникших в повседневной жизни горожан, в связи с непогодой [2, л. 51]. «Сегодня первый день Пасхи. С утра весело светило солнышко, а с одиннадцати до часу шел сильный снег. Я как живу на белом свете, не помню, чтобы на Пасху ездили на санях <...> буран... Водовоз не мог привезти нам воды на одной лошади, пришлось ставить бочку среди дороги, съездить верхом на лошади за другою, и только парой вывезли бочку <...> из-за сугроба не видно было окна нижняго этажа Сибирского банка. А ходить по главным улицам можно только сильно закидывая ноги» [2, л. 51 об.].

Таким образом, анализируя тексты писем Александры Владимировны, можно отметить, что обращение матери к детям, жены к мужу являлось уважительным, внимательным, ласковым. Изучение переписки А.В. Батмановой позволяет проследить достаточно подробно ее

ежедневные занятия. Можно говорить, что женщина была поглощена семейными взаимоотношениями, жизнью детей, мужа. Она создавала и поддерживала особый психологический климат в семье, помогала детям в учебе, нацеливала их на получение образования, поддерживала в увлечениях, следила за делами в конторе мужа, если это было необходимо. Но вместе с тем женщина очень радовалась путешествию в столицу, которое ей удалось единственный раз самостоятельно в ее семейной жизни предпринять в 1902 г. Тон писем Александры Владимировны пропитан любовью, переживаниями за своих близких. Дети и муж отвечали женщине взаимностью. Темы переписки характеризуют Александру Владимировну как женщину передовых взглядов: например, на реализацию материнства, общественную жизнь. Мы видим перед собой образованного человека, думающего о судьбах своих современников — представителей молодых поколений. Кроме того, Александра Владимировна живо интересовалась новыми достижениями науки, культуры.

Библиографический список

1. ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 113.
2. ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 117.
3. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. *Диалектика повседневности: методологический подход* / К.Н. Любутин, П.Н. Кондрашов. — Екатеринбург, 2007.
4. Пушкарева Н.Л., Богдашина И.В. *Источники личного происхождения по истории женской советской провинциальной повседневности 1950–1960-х гг.* / Н.Л. Пушкарева, И.В. Богдашина // *Вестник архивиста*. — 2021. — № 1. — С. 93–104.
5. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. *Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе* / Н.Л. Пушкарева, С.В. Любичанковский // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. — 2014. — № 1. — С. 7–21.

N.V. Konchakovskaya

One Day in the Life of Alexandra Vladimirovna Batmanova

Abstract. In this study, the appeal to family correspondence allows us to reveal in volume various spheres of women's daily life, analyze the features of

a woman's position in the family, and trace daily practices through the prism of female perception. We have considered the daily life of Alexandra Vladimirovna Batmanova, who lived of Ekaterinburg in the beginning of the 20th century, a mother with many children who belonged to the social stratum of the intelligentsia, in some days of her life.

Keywords: women's daily life, family correspondence, the city of Ekaterinburg, family.

Konchakovskaya Natalia Borisovna, The Historical Park «Russia is My story. Sverdlovsk region», Ekaterinburg, Russia;
e-mail: natalia_konchak@mail.ru.

УДК 736(470.5)

Т.В. МЕЛЬНИКОВА¹

«СОИСПОЛНИТЕЛЬ ФИРМЫ ФАБЕРЖЕ»: ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ КАМНЕРЕЗ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ТРАПЕЗНИКОВ

Аннотация. Автор восстанавливает страницы жизни и творчества екатеринбургского камнереза Александра Трапезникова, участника Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге (1887), соисполнителя фирмы Карла Фаберже, исполнителя заказов Кабинета Его Императорского Величества и зарубежных компаний, преподавателя Екатеринбургской художественно-промышленной школы. Прослеживает роль клана Трапезниковых в уральском камнерезном деле.

Ключевые слова: камнерезное искусство, уральский камнерезный промысел, екатеринбургский камнерез Трапезников, фирма Карла Фаберже.

Александр Николаевич Трапезников родился в 1850 г. в с. Мраморском Екатеринбургского уезда Пермской губернии [1, с. 306]. Его отец, Николай Семенович Трапезников, был мелким кустарем в Мраморском. Он изготавливал небольшие изделия из селенита [2; 16], в основном розового, добываемого в Осинском уезде Перм-

¹ Мельникова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, ЧУ «Минералогический музей «Планета»» (Екатеринбург, Россия), главный хранитель;
e-mail: amiri1963@mail.ru.

ской губернии. За границей его называли «стеклом Марии». Основными видами продукции были пепельницы, вазочки для визитных карточек, пресс-папье, спичечницы, а также ожерелья и пасхальные яйца [3, с. 75]. В середине 1880-х гг. Н.С. Трапезников стал известным екатеринбургским «селенитчиком» [4, с. 130]. Сын самостоятельно работал в качестве «резчика-художника по камню» с 1874 по 1912 гг. [5].

А.Н. Трапезников преподавал резьбу по камню ученикам Мраморской [3, с. 75] профтехшколы по подготовке мастеров по художественной обработке камня, учрежденной екатеринбургским земством по ходатайству общества в 1880 г. в с. Мраморском при Горнощитском мраморном заводе как вечерний класс (вечерние классы рисования и лепки) искусств при народной школе. Его программа была заточена под камнерезное производство [6, с. 44–45; 7, с. 116–117; 8].

Некоторое время А.Н. Трапезников работал на Екатеринбургской гранильной фабрике [1, с. 306]. Камнерезные изделия своего частного производства сбывал в магазины и торговцам по домам. В 1887 г. А.Н. Трапезников участвовал в Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке (г. Екатеринбург). Он представлял портрет императора Александра III, пресс-папье и другие произведения [9, с. 57]. «За изящную резную работу ваз из колканской (так в оригинале. — Т.М.) яшмы и другие изделия» Александр Николаевич был награжден по итогам выставки большой серебряной медалью Министерства финансов Российской империи [10, с. 6, 7]. Возможно, именно благодаря участию в выставке 1887 г. он был замечен и стал получать заказы Кабинета Его Императорского Величества.

Так, по заказу Кабинета Трапезников выполнил из дымчатого топаза икону трех святых размером 20 на 15 см в честь коронавания императора Николая II. Тонкий барельеф фигур был окаймлен художественной орнаментальной рамкой. Работа Александра Николаевича была высоко оценена заказчиком. Ему вручили золотые именные часы, оцененные в журналах Кабинета в сумму 100 рублей. На одной крышке часов находился герб с бриллиантами, на другой была выгравирована надпись: «Художнику Александру Николаевичу Трапезникову» [11, с. 44; 12, с. 123; 13].

По заказу Кабинета Его Императорского Величества А.Н. Трапезников создал кубок из цельного кристалла горного хрусталя с барельефом государственного герба и вензелем императора Николая II. За него он был награжден серебряной медалью [11, с. 44; 13].

Выполнял Трапезников и иностранные заказы. В Париж была отправлена вставка в кольцо из голубой яшмы (так указано в источниках) диаметром в 1 см. Вставку украшал барельеф с женским портретом, выполненным с фотографии. Тонкая художественная работа имела большое сходство с оригиналом. По свидетельству очевидцев, «это был действительно шедевр», вызывавший восторг, который «нет сил выразить словами» [11, с. 44; 12, с. 123].

В 1897 г. на Екатеринбургской гранильной фабрике была организована выставка, в одной из витрин которой были представлены работы А.Н. Трапезникова. Газета «Урал» писала: «В витрине А.И. Трапезникова¹ есть очень изящная булавка, головка сделана из аметиста по заграничной модели, представляет бюст Венеры; затем из белого горного хрусталя выточен слон — очень красивая вещичка. Кроме того, прессы из малахита с разного рода украшениями в виде рога изобилия и т.п. из разных цветных камней» [3, с. 78].

А.Н. Трапезников был создателем и первым руководителем гранильной мастерской Екатеринбургской художественно-промышленной школы в 1903–1913² гг. Он с большой любовью, вниманием и терпением вводил учеников в мир красоты и поэзии уральских камней. При этом не имел ни специального художественного образования, ни общего — с трудом вел классный журнал [1, с. 70, 306; 11, с. 44].

Ученики отмечали исключительные душевные качества своего учителя. Он относился к ним по-отечески, «не кричал, не ругался, всегда с лаской, с вниманием объяснял задания». Всех учеников знал по имени и именно по имени к ним обращался [11, с. 45].

Трапезников вел обучение традиционным, «уральским» методом — на примере собственного творчества, в работе погружая своих учеников в тонкости камнерезного дела. Гранильная мастерская Екатеринбургской художественно-промышленной школы по тем временам была неплохо оборудована [1, с. 44].

В своем творчестве А.Н. Трапезников достиг замечательных успехов, его работы экспонировались на многих выставках, в том числе

¹ В монографии Г.Б. Зайцева инициалы Трапезникова указаны как «А.И.», возможно, ошибочно. Однако не исключено, что речь идет о другом камнерезе — Трапезникове Александре Ильиче (1860(?)–1919).

² Возможно, А.Н. Трапезников в 1911 г. уже не был заведующим мастерской, т.к. в этом году в Москву «с целью ознакомления с гранильным производством» в качестве заведующего гранильной мастерской был командирован А.В. Шуккин [1, с. 32].

международных. В 1910 г. Трапезников выполнил вазу «из редкого экземпляра кристалла дымчатого горного хрусталя, около двадцати фунтов весом, естественные грани которого были отшлифованы, и кристалл почти в целом виде был оправлен в серебряную отделку с порфиловым пьедесталом» [1, с. 70]. При этом он не умел рисовать, лепить, не делал предварительных рисунков и эскизов, а сразу приступал к работе в металле, в камне. Александр Николаевич говорил: «Мой глаз — ватерпас». В качестве модели он использовал живую натуру или фотографии. Весь сюжет, содержание, форма были у него в голове [11, с. 44; 12, с. 123].

О высокой степени мастерства А.Н. Трапезникова и знании им создаваемой в камне природы свидетельствует случай, описанный его учеником, уральским художником Н.С. Сазоновым: «Входим в класс мастерских. Напротив дверей стоял стол для шлифовки, и мы увидели, что на столе сидит мышь с поднятыми лапками. Один из нас сказал: «Ребята, тише, не шевелись». Взяв курант, он начал двигаться к мыши. Только он замахнулся, чтобы ударить мышь, как из-за печи выскочил Трапезников, схватил за руку и остановил: «Что ты, Петя, делаешь, мышь-то каменная!» Мы подошли близко и тогда убедились, что она действительно каменная» [11, с. 44; 14, с. 42]. Мышь была изготовлена мастером из калканской яшмы и продана за 100 рублей. По утверждению Н.С. Сазонова, камнерезное изделие впоследствии появилось на выставке в Лондоне и было приобретено там «за весьма солидную сумму» [11, с. 45].

Данный факт говорит о высокой степени реалистичности созданного камнерезом образа, достоверности пластики зверька и попадания цвета каменного материала в цвет его окраса.

Возможно, каменная мышь была изготовлена А.Н. Трапезниковым для фирмы Фаберже, с которой он сотрудничал, выполняя камнерезные работы как по эскизам фирмы, так и на основе собственных решений. Его фамилия указана в Списке соисполнителей фирмы Фаберже, составленном Евгением Фаберже, из архива Татьяны Фаберже [5; 13].

Благодаря Н.С. Сазонову мы имеем представление еще о двух камнерезных работах А.Н. Трапезникова: скульптуре лягушки и композиции с земляникой. «Перед вами на столе настоящая земляника в густой траве, — писал Н.С. Сазонов. — Но вот ваши пальцы касаются спелой ягоды, и вы чувствуете, что она холодная и твердая. Художник искусно вырезал из яшмы ягоду, листву, траву. Поражаешься, смотришь

и не веришь, как умело подобраны цветные яшмы, ведь будто живая, натуральная земляника растет в траве, даже высохшие от горячего солнца листья немного пожелтели, как это бывает в природе» [11, с. 45].

По характеристике С.П. Яркова, Александр Николаевич Трапезников «одаренный от природы, этот удивительный человек и художник являлся как бы прототипом героев бажовских сказов» [1, с. 70], а по мнению Н.С. Сазонова — «большим художником», оживлявшим мертвый камень [11, с. 45].

Безусловно, творчество А.Н. Трапезникова было для его учеников не только изумляющим и вдохновляющим, оно служило ориентиром в мире камнерезного искусства, задавало высокую планку мастерства, ответственного отношения к делу, учило вдумчивой работе над образом и тщательному подбору каменного материала для будущего произведения. Наблюдения за процессом работы учителя давали его воспитанникам возможность изучать техники и приемы обработки камня, перенимать тонкости и «секреты» камнерезного дела, которых немало накопил за время своей работы Александр Николаевич.

А.Н. Трапезников жил (на 1889 г.) в Екатеринбурге по адресу: ул. Обсерваторская, д. 13, по социальному положению значился как помещик. В состав его домовладения входили деревянный флигель и амбар, а также гранильная мастерская [15, с. 466, 674].

А.Н. Трапезников умер в 1915 г. [1, с. 306].

Возможно, в центре фотографии «В гранильной мастерской. Руководитель А.Н. Трапезников», опубликованной С.П. Ярковым в книге «Художественная школа Урала» [1, с. 30], запечатлен именно герой данной статьи — Александр Николаевич Трапезников, известный уральский художник-камнерез последней трети XIX – начала XX века.

Фамилия Трапезниковых довольно часто встречается в истории камнерезного дела Екатеринбурга и села Мраморское.

Другие камнерезы Трапезниковы

Данные блога Петра Трапезникова свидетельствуют, что Михайла Трапезников, родившийся в 1741 г., сын мастерового, с 1754 г. работал на Горнощитском мраморном заводе в качестве каменотесного дела подмастерья. В 1840-х гг. на Горнощитском мраморном заводе над изготовлением каминов для убранства царских дворцов работал Григорий Трапезников, ученик «резного искусства». В 40–50-х гг. XIX в. в приготовлении каминов принимал участие Евгений Трапезников, мастеровой второй статьи Горнощитского мраморного завода.

Унтер-шихтмейстер 1-го класса Илья Федорович Трапезников, родившийся в 1794 г. в семье Ф.В. Трапезникова, с августа 1807 г. работал на Горнощитском мраморном заводе. В 1842 г. он руководил изготовлением камина из анжелинского желтого мрамора для Мариинского дворца, в том же году работал над камином из полевского белого мрамора. В архивных документах отмечалось, что И.Ф. Трапезников главным образом «занимался скульптурною работою на приготовляемых при заводе резных вещах». Иван Михайлович Трапезников, сын мастерового, с 1836 г. работавший на Екатеринбургской гранильной фабрике (далее ЕГФ), с 1843 г. он — ученик «резного художества» [16].

В 1845 г. Василий Михайлович Трапезников, служащий при Императорской Екатеринбургской гранильной фабрике, канцелярист, заключил договор «на приготовление по выданному ему рисунку, памятника на Березовой горе» (около Талицы), «от коей начинается деление вод на восток и на запад». Первый каменный знак (обелиск) «Европа–Азия» был завершен в 1846 г. [2; 16].

В 1805 г. Иван Трапезников, подканцелярист ЕГФ сопровождал в Санкт-Петербург вазу из темно-красной орской яшмы, изготовленную в 1802–1805 гг. на ЕГФ [17, с. 192]. В 1842 г. Александр Трапезников, ученик резного художества ЕГФ входил в состав группы сопровождения в Петербург малахитовой вазы формы Медичи 1841–1842 гг. создания. За благополучную доставку в качестве награды он получил 22 руб. 85 5/7 коп. серебром [17, с. 249].

Среди мастеров ЕГФ, участвовавших «в производстве каменных изделий» для Всемирной выставки 1867 г., упомянут мастер Адриан Трапезников, по итогам V Всемирной выставки 1873 г. в числе награжденных был Андрей Трапезников [17, с. 536].

Родом из Мраморского был екатеринбургский камнерез и купец Константин Иванович Трапезников (1854–1923). В издании Екатеринбургского городского головы И.И. Симанова «Город Екатеринбург» (1889 г.) К.И. Трапезников включен в Список купцов Екатеринбурга (раздел «Каменные вещи») вместе с матерью, вдовой чиновника Трапезниковой Серафимой Васильевной. На тот момент он был владельцем полукаменного 2-этажного дома, флигеля, служб и бани по адресу: ул. Златоустовская (ныне улица Розы Люксембург), д. 6 [15, с. 618, 390; 18].

В 1899 г. Константин Иванович Трапезников предлагал к продаже мраморные изделия и памятники, а также металлические надгробные

венки (большой выбор) стоимостью от 1 до 50 руб. за штуку. Производство располагалось на Златоустовской улице, д. 6, продажа велась как по месту производства, так и в лавке № 1 в старой гостинице «близ Гор. Пр.». Венки К.И. Трапезников также продавал на Ирбитской ярмарке и в Омске на комиссии у братьев Волковых [19, с. 33].

Позднее К.И. Трапезниковым было приобретено владение чиновника Павла Дмитриевича Воинственского на Златоустовской, дом 12 (деревянный 2-этажный дом, службы и баня). Здесь разместилась граверная и камнерезная мастерская. Соседний дом, по адресу Златоустовская улица, 14, был куплен К.И. Трапезниковым, предположительно, у наследников первой его хозяйки Е.М. Голубчиковой (полукаменный 2-этажный дом, службы и баня). При новом владельце на крыше этого дома были установлены два флюгера: на одном дата «1901», на другом — «К.Т.» (Константин Трапезников). Таким образом, на 1912 г. Константин Иванович являлся хозяином трех участков на ул. Златоустовской со всей находящейся на них недвижимостью. В 1903 г. в его мастерской был изготовлен постамент для памятника Александру II на Кафедральной площади Екатеринбурга. Однако основным товаром, выходящим из мастерской К.И. Трапезникова, были памятники-надгробия, а также ванны, тумбы, столы, каменные бюсты [15, с. 390; 18]. «Путеводитель по Екатеринбургу» за 1907 г. советовал купить памятники у К.И. Трапезникова по адресу: ул. Златоустовская, д. 12 [20, с. 36]. В работе использовался мрамор из с. Мраморское. Еще в 1950-е гг. плиты от надгробий «валялись» во дворе усадьбы [15, с. 390; 18]. Возможно, именно в мастерской К.И. Трапезникова работал екатеринбургский камнерез А.Я. Свечников сначала в качестве ученика, а потом мастера [21].

К.И. Трапезников активно участвовал в жизни Екатеринбурга: попечительствовал екатеринбургскому реальному училищу, субсидировал его библиотеку, помогал Екатеринбургскому собору и церковно-приходской школе, за что пожалован медалями и специальным архиерейским благословением. Не забывал Константин Иванович и родное село. На его средства был устроен северный предел храма в память Усекновения главы Святого пророка Иоанна Предтечи в с. Мраморское (сегодня Иоанно-Предтеченский храм). 4 июля 1897 г. северный предел освятили во имя Святых равноапостольных Константина и Елены. К.И. Трапезников умер в 1923 г., похоронен на Михайловском кладбище, недалеко от церкви [18].

В списке «камнерезцев и гранильщиков» И.И. Симанова упомянут мещанин Николай Ильич Трапезников, снимавший в 1889 г. жилье на ул. Васенцовской, 69, у Якима Фалалеевича Назарова [15, с. 436, 674].

Только перечисление Трапезниковых, жителей Екатеринбурга и села Мраморского, вовлеченных в камнерезное дело на Урале, позволяет говорить о том, что своим трудом они внесли определенный вклад в становление и развитие данного уральского промысла, однако все они, за одним исключением, представляли собой обычных мастеровых, камнерезов (и даже камнетесов) средней руки. Исключением стал Александр Николаевич Трапезников, который достиг в камнерезном деле уровня настоящего художника, получившего признательность не только в России, но и за рубежом. Палитра его произведений была очень разнообразна: это и анималистические скульптуры, и флоральные композиции, и украшения интерьера. Он стал ретранслятором традиций уральского камнерезного искусства, сформировавшихся в XIX веке, поколению начала XX века.

Библиографический список

1. **Ярков С.П.** *Художественная школа Урала = Art school Ural / Степан Ярков.* — Екатеринбург : Екатеринбургский худож., 2002. — 320 с.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4942.
3. **Зайцев Г.Б.** *Ювелирное искусство дореволюционного Екатеринбурга / Г.Б. Зайцев.* — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. — 112 с.
4. **Семенов В.Б.** *Селенит / В.Б. Семенов; Спец. фотосъемка А. Свердлова.* — Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1984. — 192 с.
5. **Скурлов В.В.** *Камнерезное производство фирмы Фаберже : блог Архив Валентина Скурлова // Blogger Buzz : сайт.* — 10.10.2011. — URL: https://skurlov.blogspot.com/2011/10/blog-post_10.html (дата обращения: 30.03.2024).
6. **Михайлова Т.Б., Толстоброва О.А.** *Горные школы / Т.Б. Михайлова, О.А. Толстоброва // Графо Platinum.* — 2016. — № 44. — С. 44–45.
7. **Павловский Б.В.** *Камнерезное искусство Урала / Б.В. Павловский.* — Свердловск : Кн. изд-во, 1953. — 152 с.
8. *Мраморский завод // Приходы и церкви Екатеринбургской епархии : [Ист. очерк] / [гл. ред. Г.А. Усольцев].* — Екатеринбург, 1902. — С. 96–99.
9. *Каталог Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. Уральского общества любителей естествознания в г. Екатерин-*

бурге : С прил. общ. плана Выставки. — Екатеринбург : тип. «Екатеринбургской недели», 1887. — 340 с.

10. Награды экспонентам Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 года в Екатеринбурге. — Екатеринбург : тип. «Екатеринбургской недели», 1887. — [100] с.

11. **Сазонов Н.С.** Записки уральского художника / Н. Сазонов. — Л.: «Художник РСФСР», 1966. — 164 с.

12. **Скурлов В.В.** Ювелиры и камнерезы Урала : Сборник мемуаров, статей и архивных документов по истории уральского камнерезного и ювелирного искусства / Сост. В.В. Скурлов. — СПб.: Лики России, 2001. — 208 с.

13. **Скурлов В.В.** Камнерезное искусство России: история и основные центры / В. Скурлов // Художники-камнерезы: Интернет энцикл. совр. камнерезного искусства : сайт. — 29.08.2013. — URL: <https://stonecarvers.ru/камнерезное-искусство-россии/?usclid=lmrlk8i15y347431068> (дата обращения 30.03.2024).

14. **Мышкина З.Г.** Вспоминая былое / З.Г. Мышкина. — Екатеринбург : Диамант, 1997. — 194 с.

15. Город Екатеринбург: сборник историко-статистических сведений по городу, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. — Екатеринбург : издание Екатеринбургского городского головы И.И. Симанова, 1889. — 1254 с.

16. **Трапезников Петр.** Знаменитые Трапезниковы со всей России : блог Клуб Трапезниковых // Мой мир : сайт. — URL: <https://my.mail.ru/community/trapezitai/57E10D306D633C70.html> (дата обращения: 30.03.2024).

17. **Мавродина Н.М.** Искусство русских камнерезов XVIII–XIX веков = *The Art of Russian Stone Carvers 18th–19th Centuries* : каталог коллекции / Н.М. Мавродина. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. — 560 с.

18. В Екатеринбурге: Изящной верандой и расписным потолком... / Трапезников Константин Иванович (1854–1923) : страница рос. соц. сети ВКонтакте. — 25 октября 2019. — URL: <https://vk.com/trapeznikovki> (дата обращения: 30.03.2024).

19. Путеводитель по Уралу. — 1-е изд. — Екатеринбург : газ. «Урал», 1899. — 351 с.

20. Путеводитель по Екатеринбургу и его окрестностям. — Екатеринбург : Ред. журн. «Разумный кинематограф и наглядные пособия», 1914. — 50 с.

21. Уральский гранильщик по камню Г.Я. Свечников : фото : 1933 г. : Лот 285. — Текст : электронный // Северный аукционный дом : Онлайн-аукцион антиквариата, книг, предметов старины и искусства : сайт. — 21.04.2019. — URL: <https://bid.northauction.ru/auction/5/lot-285-уральский-гранильщик/> (дата обращения: 30.03.2024).

T.V. Melnikova

«Faberge's Co-Executor»: Ekaterinburg Stonecutter Alexander Nikolaevich Trapeznikov

Abstract. The author reconstructs the pages of the life and work of the Ekaterinburg stone-cutter Alexander Trapeznikov, a participant of the Siberian-Ural Scientific-Industrial Exhibition in Ekaterinburg (1887), a co-executor of the firm of Carl Faberge, an executor of orders from the Cabinet of His Imperial Majesty and foreign companies, and a teacher at the Ekaterinburg Art-Industrial School. Traces the role of the Trapeznikov clan in the Ural stone-cutting business

Keywords: stone-cutting art, Ural stone-cutting craft, Ekaterinburg stone-cutter Trapeznikov, Carl Faberge's firm.

Melnikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Chief Curator, Private institution Mineralogical Museum "Planet" (Ekaterinburg, Russia); e-mail: amiri1963@mail.ru.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ ЭРНЕСТ РОБЕРТОВИЧ САН-ГАЛЛИ

Аннотация. В статье рассмотрены главные направления предпринимательской деятельности Э.Р. Сан-Галли. Основное внимание уделено изучению его деятельности в области разработки золотых и платиновых приисков, а также его поискам новых направлений предпринимательской деятельности: разработке месторождений асбеста и торговле техническими принадлежностями. Рассматривается также участие супругов Сан-Галли в общественной жизни Екатеринбурга.

Ключевые слова: Сан-Галли, предприниматель, Екатеринбург, С.-Петербург, музыкальный кружок.

В последней четверти XIX – начале XX в. представители деловых кругов Москвы и С.-Петербурга проявили интерес к Екатеринбургу и стали открывать в городе магазины, склады, конторы и филиалы. В частности, были открыты магазины: парфюмерный товарищества «А. Ралле и К°», книжный товарищества И.Д. Сытина, мануфактурный товарищества «А.Ф. Второв с С-ми» и др. В это же время в Екатеринбурге появились отделения (филиалы) многих акционерных страховых обществ, а также таких фирм, как «Ж. Блок и К°», «Износков, Зуккау и К°», «Альфонс Кустодис» и т. д.

Благодаря открытию филиалов столичных фирм торговый потенциал Екатеринбурга заметно вырос. В то же время этот процесс не привел к существенному пополнению городского предпринимательского сообщества, так как филиалы в основном возглавляли не сами коммерсанты, а их наемные служащие. Впрочем, известны случаи, когда московские и петербургские бизнесмены на долгий срок перебирались в Екатеринбург, перенося при этом центр своей предпринимательской деятельности на Урал. Именно таким образом поступил петербургский предприниматель Эрнест Робертович Сан-Галли.

Эрнест Сан-Галли родился в С.-Петербурге 6 июня 1872 г. [1, л. 3]. Его национальная принадлежность выглядит запутанной. Членов

¹ Микитюк Владимир Петрович, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия), старший научный сотрудник центра экономической истории; e-mail: vmikitjuk@mail.ru.

семейства Сан-Галли довольно часто называли немцами, и небезосновательно: в Россию его представители прибыли из Пруссии. Известно, однако, что изначально Сан-Галли были итальянцами по национальной принадлежности и подданными Австрии. В конце XVIII в. один из представителей рода во время австро-пруссской войны попал в плен к пруссакам и домой уже не вернулся, сумев неплохо устроиться в Пруссии.

У потомков бывшего пленного дела пошли не так удачно. Его внук Франц Фридрих Сан-Галли решил попытать счастья в Российской империи, куда и переехал в 1843 г. Какое-то время Франц Фридрих, ставший в России Францем Карловичем, был служащим в коммерческой фирме, а затем решил попробовать себя на предпринимательском поприще, в чем и преуспел. Начав с небольшой слесарной мастерской, он со временем преобразовал ее в солидную фабрику, трудовой коллектив которой иногда доходил до тысячи человек [2].

Успех Ф.К. Сан-Галли привлек внимание некоторых его родственников, которые также устремились в Россию. Среди этих переселенцев был и Роберт Сан-Галли, о жизни и деятельности которого сохранилось совсем немного сведений. Можно предположить, что дела в России у него сложились неплохо. Косвенно на это указывает тот факт, что его сыновья получили хорошее образование и сделали успешную карьеру как на предпринимательском поприще, так и на ниве служебной деятельности.

Юный Эрнест Сан-Галли по вероисповеданию был лютеранином, по сословной принадлежности — купеческим сыном, а также являлся российским подданным. Ему удалось получить прекрасное образование. Покинув стены среднего учебного заведения, он поступил в С.-Петербургский технологический институт, который окончил в 1898 г., получив звание инженера-технолога [1, л. 3]. Это обстоятельство позволило ему проститься с купеческим сословием и стать потомственным почетным гражданином.

И причина, и точная дата его появления на Урале неизвестны. Можно предположить, что переезд Сан-Галли на Урал произошел под влиянием В.М. Имшенецкого, занимавшегося в Верхотурском уезде Пермской губернии активной разработкой золотоплатиновых приисков. Владимир Михайлович часто привлекал к делам компаньонов, среди которых были его супруга Елена Ивановна и петербургский купец О.Г. Шпеннеман. На стыке столетий к ним присоединился

Эрнест Сан-Галли и стал совладельцем группы приисков, находившихся в Южно-Верхотурском горном округе [4, с. 343].

Вполне вероятно, что Эрнест Робертович заключил договор с компаньонами о совместной разработке приисков непосредственно в Петербурге, не приезжая для этого на Урал. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что Эрнест Робертович называл временем своего прибытия в Екатеринбург 1903 г. [5, л. 86]. Впрочем, можно допустить, что он какое-то время жил где-то на Урале и только потом перебрался в Екатеринбург.

Э.Р. Сан-Галли взялся за разработку золотоплатиновых приисков в очень непростое для отрасли время. В начале XX в. многие уральские золотопромышленники, столкнувшись с ростом накладных расходов при добыче золота, охотно продавали свои прииски всем желающим, особенно иностранцам. Также поступали и многие уральские платинопромышленники. По-видимому, данные обстоятельства молодого инженера не испугали, и он продолжил вкладывать средства в разработку золотоплатиновых приисков.

Собственных средств у него было сравнительно немного, поэтому он привлек к делу брата — Отто Робертовича. Впрочем, это также не решило проблему нехватки оборотного капитала. Выход братья увидели в учреждении акционерного общества. В самом начале XX в. они провели всю необходимую подготовительную работу, что позволило им подать устав акционерного общества, названного Туринским, на утверждение в соответствующие государственные структуры. К созданию новой фирмы ее учредители привлекли еще двоих братьев — М.Р. и Р.Р. Сан-Галли.

Устав Туринского платинопромышленного товарищества с основным капиталом в 500 тыс. руб. был официально утвержден 5 апреля 1903 г. Фирме разрешалось выпустить 2000 акций по 250 руб. каждая [6, с. 179]. Вновь учреждаемая фирма имела двойственный характер: являясь акционерным обществом, она в то же время была паевой. Не было ничего удивительного в том, что основными пайщиками числились Эрнест Робертович и Отто Робертович Сан-Галли.

Завершив организационные мероприятия, Отто и Эрнест Сан-Галли взялись за дело: в 1903 г. они приобрели за 425 тыс. руб. группу приисков, находящихся в Верхотурском уезде и принадлежавших Е.И. и В.М. Имшенецким, а также О.Г. Шпеннеману [7, с. 4]. Именно в этот момент Эрнест Робертович перебрался на Урал и посе-

лился в Екатеринбурге. Вростанию Сан-Галли в екатеринбургскую действительность способствовала не только его предпринимательская деятельность, но и женитьба на Екатерине Антониевне Одинцовой, дочери титулярного советника Антония Одинцова, некогда бывшего одним из управителей Кыштымским горным округом. Брак был зарегистрирован 8 сентября 1903 г. [1, л. 3].

Выше уже говорилось, что Э.Р. Сан-Галли пополнил ряды уральских золотопромышленников в период, когда золотодобывающая отрасль переживала нелегкие времена, а общий объем золотодобычи в Пермской губернии был подвержен колебаниям с общей тенденцией к снижению. В области добычи платины дела были более благоприятными, но эта отрасль находилась в сильной зависимости от иностранных скупщиков, что негативно сказывалось на доходах уральских платинопромышленников. В силу этого фирма Э.Р. и О.Р. Сан-Галли просуществовала недолго. К 1907 г. большинство ее приисков были проданы.

Несмотря на разные трудности, Эрнест Сан-Галли не останавливался и продолжал разрабатывать некоторые старые золотоплатиновые прииски, а также проявлял интерес к новым, то покупая их, то арендуя. В частности, в 1910 г. он вместе с Н.П. Летуновским арендовал золотоносные участки у крестьян Арамашевского сельского общества в Верхотурском уезде. Известно также, что в начале 1910-х гг. он без компаньонов начал разрабатывать три золотых прииска в Вагранской даче по рекам Ляля и Нясьма — Первый Нясьминский, Второй Нясьминский и Островочный. В 1912 г. Эрнест Робертович организовал на этих приисках разведочные мероприятия, которые за сезон дали золота 23 золотника 4 доли [9, с. 461]. Эти цифры показывают, что золотодобыча не приносила Сан-Галли серьезных дивидендов.

Трудности, с которыми сталкивался Э.Р. Сан-Галли при разработке золотоплатиновых приисков, в конце концов подвигли его к поиску новых направлений предпринимательской деятельности. В частности, он обратил внимание на достаточно специфический вид коммерческой деятельности — торговлю техническими принадлежностями.

Стоит отметить, что данный вид деятельности набирал обороты — многочисленные уральские заводы и всевозможные мастерские все чаще проявляли интерес к приобретению разных машин, механизмов, инструментов и пр. В Пермской губернии Екатеринбург наряду с Пермью были главными центрами торговли техническими

принадлежностями. Часть такой продукции сбывалась через скобяные магазины, но в основном она реализовывалась через технические конторы. Недостатка в последних в Екатеринбурге не было.

Тем не менее Эрнест Сан-Галли решил попробовать себя на данном поприще. Точная дата открытия им технической конторы неизвестна. Вполне вероятно, что он сначала принял на себя обязанности представителя ряда российских и зарубежных фирм, а уже затем создал техническую контору. Произошло это скорее всего в конце 1900-х гг. Склад и техническая контора находились в доме № 16 на Успенской (ныне ул. Вайнера) улице. При конторе действовало инженерное бюро, которое занималось составлением проектов и смет на полное оборудование заводов и рудников. Контора и бюро в основном сотрудничали с горнозаводскими предприятиями, рудниками и приисками. В конце 1900-х гг. оборот конторы Сан-Галли достиг 10 тыс. руб. [10, л. 257].

Начиная с 1910 г. контора Сан-Галли стала активно рекламировать свои товары, среди которых в основном преобладала продукция шведских, немецких и американских фирм. Своевременно уловив повышение спроса на нефтяные двигатели, Сан-Галли стал предлагать их уральцам: «Нефтяные двигатели “Скандия” двухтактные, постоянные и судовые для промышленных целей и для электрического освещения Лизекильского акционерного общества (Швеция)» [11, с. 4]. Помимо этого, Э.Р. Сан-Галли предлагал воздушные компрессоры, аппараты для уничтожения накипи в котлах, пневматические машины и различные инструменты. Рекламировалась и другая продукция, в т. ч. воздушные компрессоры, электропневматические перфораторы, а также разведочные буры завода Ингерсоль-Ранд и К° (Нью-Йорк, США) [12, с. 4]. В 1911 г. контора Сан-Галли усиленно расхваливала «аппарат для уничтожения и предупреждения накипи в паровых котлах» [13, с. 4], а также вентиляторы, паровые машины, насосы, трансмиссии и прочую продукцию машиностроительного завода «Гумбольдт» (Кельн, Германия) [14, с. 4].

Стремясь диверсифицировать направления своей предпринимательской деятельности, Сан-Галли организовал поиски разных полезных ископаемых. В 1909 г. он начал разведки на стыках Алапаевской, Режевской и Невьянской дач, где имелось старое заброшенное месторождение сурьмы. Эрнест Робертович знал, что сурьма, остро необходимая для типографских работ, российскими типографиями полу-

чается в основном из-за границы. Именно поэтому он намеревался организовать добычу сурьмы и наладить из нее производство сплавов. Ему удалось найти сурьму и даже произвести пробные плавки этого металла. Известно, что в том же 1909 г. Сан-Галли подарил музею УОЛЕ первый сплав из сурьмы [15, с. XI]. Позднее Эрнест Сан-Галли отказался от мысли самостоятельно заниматься производством сплавов из сурьмы, и в 1912 г. продал Арамашевский сурьмяный рудник Н.П. Летуновскому [16, с. 3].

В 1910-х гг. Э. Сан-Галли принял на себя обязанности главного агента и уполномоченного страхового общества «Русский Ллойд», а также вложил в разработку Роскотихинских каменноугольных копей, находившихся в Верхотурском уезде, в 20 верстах от г. Алапаевска. В 1911 г. было начато оборудование шахты, рассчитанной на добычу 400 тыс. пуд. [9, с. 460].

В годы Первой мировой войны Сан-Галли проявил интерес к добыче асбеста: «Уральским горным управлением на основании ст. 357 уст. горн. изд. 1912 г., объявляется, что и. об. главного начальника уральских горных заводов, 13 апреля 1915 г., утверждены за товариществом Вагранских асбестовых копей “А.П. Ладыженский, Э.Р. Сан-Галли и П.А. Зейдель и К°” шестнадцать асбестовых рудников под названием Кривские — с № 1 по 16 включительно, находящихся в Пермской губернии Верхотурского уезда Вагранской № 2 казенной даче Богословского лесничества, в местностях, предоставленных названному товариществу по свидетельствам Пермского управления земледелия и государственных имуществ от 2 июня 1909 г. за № 10119, 10120, 10121, 10122 и 10123» [18, с. 3].

Занимаясь торгово-промышленными операциями, Эрнест Робертович в то же время не упустил возможности поучаствовать в общественной жизни Урала. В первую очередь его внимание привлекли предпринимательские представительные организации — съезды золото-промышленников и углепромышленников. Только в 1909 г. он стал участником трех совещаний и съездов. В январе он принял участие в VIII очередном съезде золото и платинопромышленников Пермской губернии, в сентябре стал участником совещания углепромышленников Восточного склона Урала, а в июне вновь поучаствовал в съезде золото- и платинопромышленников Пермской губернии.

Сан-Галли был проявлен интерес и к органам местного самоуправления. Супруга Эрнеста Робертовича имела в Екатеринбурге недвижи-

мость, что давало ему право принять участие в выборах в городскую думу. В марте 1910 г. Сан-Галли стал участником выборных баталий, получив 108 голосов за и 57 против [19, с. 3]. Этим голосов не хватило, чтобы стать гласным думы, но оказалось достаточно, чтобы попасть в число кандидатов в гласные, составлявших своеобразный думский резерв: если кто-то из гласных выбывал, то его заменял кандидат. В 1911 г. перед Эрнестом Робертовичем возникла перспектива стать полноценным гласным: «Вместо отказывающегося от звания гласного екатеринбургской городской думы И.Л. Фальковского должен вступить в кандидат в гласные Э.Р. Сан-Галли» [20, с. 3]. Из-за того, что Фальковский передумал уходить из думы, вступление Сан-Галли в число гласных не состоялось.

Эрнест Робертович, проживая в Екатеринбурге, сотрудничал с некоторыми общественными организациями. В 1906 г. он вступил в УОЛЕ [21, с. XV], а несколько ранее стал действительным членом музыкального кружка [22, с. 5]. Сотрудничество Сан-Галли с обеими организациями носило в основном эпизодический характер. По-видимому, в музыкальный кружок Эрнест Робертович вступил за компанию с супругой, которая была хорошо известна горожанам как участница многих мероприятий кружка.

В них она в качестве певицы-любительницы начала участвовать, по крайней мере, с 1890-х гг., задолго до замужества. Как правило, ей, обладательнице меццо-сопрано [23, с. 156], доверяли исполнение важных, но в то же время не ведущих партий. В 1901 г. она исполнила партию Домны Сабуровой в опере Н.А. Римского-Корсакова «Царская невеста». В 1902 г. Екатерина Антониевна поучаствовала в постановке опер «Евгений Онегин» и «Жидовка». В первой она пела партию Ольги, во второй — партию Евдокии [17, с. 2]. Выйдя замуж, Екатерина Сан-Галли не прервала сотрудничество с кружком. В апреле 1904 г. она исполнила партию Эмилии в опере «Отелло», а 22 ноября того же года стала участницей постановки драмы М. Балуцкого, А. Корюковского «Денежные тузы». 22 декабря 1906 г. екатеринбуржцы могли слышать, как она исполняет партию пастушки в опере Р. Вагнера «Тангейзер» [8, с. 2]. 1 апреля 1908 г. Е.А. Сан-Галли стала участницей постановки оперы Н.А. Римского-Корсакова «Садко», а 3 апреля 1911 г. она приняла участие в исполнении оратории А.Г. Рубинштейна «Потерянный рай», исполнив партию Евы. Сотрудничество Екатерины Сан-Галли с кружком продолжалось по 1912 г.

В последующем ее имя исчезает из музыкальной хроники Екатеринбурга. Связано это не только с кризисом, парализовавшим музыкальный кружок, но, по-видимому, и с переездом в С.-Петербург, который, скорее всего, состоялся в 1915 г. Известно, что в самом конце 1915 г. Э.Р. Сан-Галли с компаньоном В.Б. Бирмаком арендовали в Петрограде завод, на котором организовали производство «бронепуль для трехлинейной винтовки» [3, с. 48]. В 1915-1919 гг. связь с Сан-Галли не прерывалась, но носила эпизодический характер. После 1919 г. сведений о семье Э.Р. и Е.А. Сан-Галли не выявлено.

Э.Р. Сан-Галли внес относительно скромный вклад в развитие уральской горной промышленности, но в то же время оставил заметный след в торговой сфере, прежде всего в области торговли техническими принадлежностями.

Библиографический список

1. ГАСО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 647.
2. Сан-Галли Франц Карлович / СПб. отд. «Деловой России» // *История российского предпринимательства: [сайт]*. — 2014–2016. — URL: <http://historybiz.ru/san-galli-franc-karlovich.html/> (дата обращения: 10.02.2023).
3. Ходанович В.И. *Военная продукция предприятий Нарвской части и Петергофского участка в годы Первой мировой войны / В.И. Ходанович // Встречи на Петергофской дороге : мат-лы [девятой] краеведческой конференции : 100-лет Кировскому району. — СПб., 2017. — С. 45–51.*
4. Сапелкин В.В. *Горное дело в России : Перечень и справ. адрес. кн. горнопром. предприятий Европ. и Азиат. России с стат. свед. за 1901 г. и 2 горнопром. картами / сост. В. Сапелкин. — СПб., 1903.*
5. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 358.
6. *Утверждение устава Туринского платинопромышленного товарищества // Горный журнал. — 1903. — № 8.*
7. *Горнозаводские вести // Уральская жизнь. — 1903. — 5 октября.*
8. Г.С. Юбилейный спектакль Екатеринбургского музыкального кружка / Г.С. // *Уральская жизнь. — 1906. — 24 декабря.*
9. *Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1911 г. : Год 13-й : Район: Пермская, Уфимская, Оренбургская и Вятская губернии. — Пермь : Вершов, 1911.*
10. ГАПК. Ф. 111. Оп. 2. Д. 751.

11. Объявление // Уральская жизнь. — 1910. — 3 августа.
12. Объявление // Уральская жизнь. — 1911. — 19 апреля.
13. Объявление // Уральская жизнь. — 1911. — 31 марта.
14. Объявление // Уральский край. — 1911. — 5 января.
15. Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXX. — Екатеринбург, 1910.
16. Продажа рудника // Уральская жизнь. — 1912. — 12 мая.
17. Наше симпатичное учреждение // Уральская жизнь. — 1902. — 29 декабря.
18. Объявление // Пермские губернские ведомости. — 1915. — 21 мая.
19. Список гласных Екатеринбургской городской Думы и кандидатов к ним // Уральский край. — 1910. — 4 марта.
20. Кандидат в гласные // Уральская жизнь. — 1911. — 22 марта.
21. Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXVIII. — Екатеринбург, 1909.
22. Краткий обзор состава членов, деятельности и состава кассы Екатеринбургского музыкального кружка за истекший 1910–11 операционный год. — Екатеринбург, 1911.
23. **Беляев С.Е.** Музыкальный Екатеринбург: старые годы : Энцикл. слов. / С.Е. Беляев. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2017. — 216 с.

V.P. Mikityuk

Entrepreneur Ernest Robertovich San-Galli

Abstract. *The article considers the main directions of entrepreneurial activity of E.R. San-Galli. The main attention is paid to the study of his activity in the field of development of gold and platinum mines, as well as his search for new directions of entrepreneurial activity: development of asbestos deposits and trade in technical accessories. The participation of the San-Galli spouses in the public life of Ekaterinburg is also considered*

Keywords: San-Galli, entrepreneur, Ekaterinburg, St. Petersburg, music club.

Mikityuk Vladimir Petrovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Fellow, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: vmikitjuk@mail.ru.

УДК 028(470.5)

О.В. МОРЕВА¹

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ СЕМЬИ БАТМАНОВЫХ (по дневникам, воспоминаниям, книгам)²

Аннотация. Члены семьи Батмановых оставили значительный след в истории Екатеринбурга. В семье сохранялась традиция совместного чтения, которое не только объединяло, но и имело терапевтический эффект, помогало пережить трагические события (смерти, аресты, ссылки, бытовые трудности). История чтения обогащает наше знание о прошлом, дает возможность узнать, как уральцы переживали исторические катаклизмы, как адаптировались к новому стилю и ритму жизни, как менялась их повседневность.

Ключевые слова: семья Батмановых, история чтения, читательские практики.

Члены семьи Батмановых оставили значительный след в истории Екатеринбурга [1]. Нотариус А.Н. Батманов (1861–1954) [2] и его супруга А.В. Батманова (урожденная Земляницына; 1859–1922) [3, с. 94.] стояли у истоков основания первой общественной библиотеки в городе (ныне — Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского). Их сыновья были связаны с разными сферами деятельности: Борис (1888–1938), библиотекарь, много сделал для организации Уральской областной фундаментальной библиотеки Высшего Совета народного хозяйства РСФСР; Вячеслав (1894–1969), высококвалифицированный специалист по электросварке, автор пяти монографий; Владимир (1900–1980), уральский фенолог, создавший оригинальное учение о методах фенологических исследований и уральскую школу фенологов [4, с. 194].

Что такое «читательские практики»? Авторы энциклопедии «Чтение» предлагают практико-ориентированный подход к опреде-

¹ Морева Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, ФГБУН Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия), старший научный сотрудник; e-mail: moreva.o.v@yandex.ru.

² Статья подготовлена по плану научно-исследовательской работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук в рамках научного проекта № 122041100088-9 «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX—XXI вв.».

лению, для них наиболее распространенные практики чтения — это «чтение-листанье, чтение-разглядывание, чтение-комментирование, чтение-прикосновение, чтение-ощупывание, чтение-прослушивание и чтение-прокручивание» (5, с. 348–349). Для последователей школы «Анналов» читательская деятельность — культурная практика, позволяющая изучать историю чтения, чтобы «выявить социальные различия в противоположных по назначению текстах и изучить те множественные и подвижные смыслы, какими наделяли эти тексты их читатели» [6, с. 14]. Для М. де Серто термин «культурные практики» восходит к антропологической традиции, под ним он подразумевает «систему ценностей, лежащую в основе повседневной жизни, неосознанно воспринимаемую субъектами, но имеющую решающее значение для их личной и групповой идентичности» [7, р. 263] (от себя добавим, что еще и этнокультурной, региональной и гендерной). Для социолога Б. Дубина «практика чтения» — это ситуация расширения круга приобщенных к книжной культуре, при которой происходит «традиционализация ее ценностей, в плане культуры, и периферизация структурообразующих и нормозадающих “центров” общества, в социальном плане» [8, с. 83]. Соединив эти подходы в рамках истории повседневности, мы исследуем то, как происходило включение чтения в повседневность членов семьи Батмановых, как они воспринимали прочитанное, как коммуницировали и какие традиции поддерживали в отношении чтения, книг и библиотек.

Исследование читательских практик членов семьи основано на дневнике А.Н. Батманова (он его вел в 1938–1942 гг.), сохранившемся в частной коллекции, а также материалах из Государственного архива Свердловской области и книгах с владельческими знаками членов семьи из фонда Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В.Г. Белинского (далее — СОУНБ им. В.Г. Белинского).

Ценность книги, важность чтения осознавалось всеми членами большой Батмановской семьи и прививалось с детства, как было привито и родителям. Основатель рода Батмановых, известный по ревизии 1795 г., был крепостным, приписанным к Николае-Павдинскому заводу (сейчас это поселок Павда Новолялинского городского округа) [9, с. 66–67], а его старший сын в 1820 г. уже работал в должности «заводского бухгалтера, с жалованьем 276 руб. в год» и «закончил службу губернским регистратором» [9, с. 69]. М.С. Бессонов подробно представляет развитие карьерного роста представителей рода Батма-

новых, что свидетельствует об определенном отношении к образованию и чтению. Отец нашего героя «в 1873 г. <...> уже надворный советник в должности 2-го члена главной конторы Богословского горного округа и заведующий местной метеорологической обсерватории» [9, с. 70]. Предполагаю, что переезд семьи Батмановых в Екатеринбург был связан с желанием дать своим детям гимназическое образование и устроить их будущее. «По душе он был добрый человек, но по складу мыслей — больше чиновник, государственный. Ему хотелось бы видеть детей, особенно сыновей, на верхних ступеньках чиновной иерархии, а на деле получалось совсем обратное...» — вспоминал А.Н. Батманов о своем отце¹. Судьбы детей сложились иначе, чем мечтал отец, но ценность знаний, книги и чтения они вынесли из отеческого дома и прививали своим детям. Понимание значимости грамоты и образования было получено в семье и А.В. Батмановой. Ее отец, священник Верх-Исетского завода в конце 1850-х гг. открыл «первую <...> в заводе начальную школу и содержал ее на свои средства в течение нескольких лет» [19, л. 40]. Дети священника В.З. Земляничина закончили гимназический курс, обучались в высших и средних учебных заведениях [19, л. 40–40 об.]. После окончания с отличием Екатеринбургской женской гимназии («удостоена звания домашней учительницы по математике» [19, л. 39]) Александра Владимировна училась на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге, которые не окончила, отправившись в ссылку за женихом [3, с. 83–84].

Став родителями, Алексей Никифорович и Александра Владимировна своих детей, так же, как в их семьях, с детства приучали к книге и чтению. В фонде СОУНБ им. В.Г. Белинского сохранилась книга М.Н. Богданова «Из жизни русской природы: зоологические очерки и рассказы» (Санкт-Петербург, 1897) с дарственной записью на авантитуле: «Милый Боря, люби природу и людей, как автор этой книги. Настает второй десяток лет твоей жизни. Учись наблюдать природу и помогать людям. Это желание любящих тебя папы и мамы, которые дарят эту книгу. 24/XI 1898». Получив книгу на свое десятилетие, Борис, старший сын Батмановых, хранил ее. В старшем возрасте, когда у него появился свой экслибрис-штамп — «Борис Алексеевич Батманов», поставил его на форзаце подаренной книги, а при заказе переплета просил изготовить на корешке суперэкслибрис — «Библиотека Б. Н. Б.». В фонде СОУНБ им. В.Г. Белинского сохранилось еще около

¹ Батманов А.Н. Дневниковые записи от 23 марта 1942 г. [21].

десять книг, принадлежавших Б.А. Батманову, на большей части их есть владельческие признаки — экслибрисы-штампы или записи. Книга М.Н. Богданова сыграла значительную роль в судьбе младшего из Батмановых — Владимира. В своей автобиографии он писал: «Среди множества прочитанных книг была одна, которая, может быть, и дала первый толчок в выборе жизненного пути. Это чудные рассказы М.Н. Богданова (отец был его учеником) “Из жизни русской природы”. Много раз перечитывалась эта книга; образы, вызываемые ею, давали обильную пищу фантазии» [10, с. 19].

Кроме индивидуальных владельческих признаков, по дневниковым записям А.Н. Батманова известно, что у каждого члена семьи был и свой книжный шкаф с его личной коллекцией:

«Кончил разборку книжного шкафа Володи в углу и список его бумаг в нем, чем был занят после его ареста, и осуждения. Список составлен по плану самого Володи, мной детализированному»;

«Кончил разборку Бориных книг, составил описи связок, алфавитные указатели по отделам описи и по шкафам»;

«Перед Бориным детским книжным шкафиком Оля поставила главную елочку высотой вровень со шкафом»;

«Закончил разборку периодики Володи, уложил и закрыл ее на шкафу Игорька»;

«Сегодня закончил карточки по зоологии, связал книги и положил в Игорев шкаф»;

«Закончены карточки на Славины книги на полках, на этажерке. Сюда не входят, книги в его шкафу и моем»;

«В нашей комнате очистил место для переноски шкафов из Олиной комнаты»;

«За последние дни Оля начала разборку своих узлов и проникла в свой книжный шкаф»¹.

Чтобы привить привычку и любовь к чтению, родители выписывали иллюстрированные и научно-популярные журналы для семейного чтения. Чтение периодики было особенно важным для провинциальных читателей, многие из них отмечали любимые газеты и журналы в своих воспоминаниях. Так, Б.Д. Удинцев о чтении своих родителей в Чердыни в 1899–1900-х гг. писал: «С оживлением читали “Русские ведомости” и уральские газеты» [11, с. 11]. «Помню вечера,

¹ Батманов А.Н. Дневниковые записи от 21 марта, 28 сентября 1938 г.; 1 января, 18 июня, 28 июля 1939 г.; 1 сентября, 11 ноября 1940 г.; 11 мая 1942 г. [21].

когда читали о погромах, об убийствах, красные журналы», — записал в 1919-м г. в своем дневнике Владимир Батманов, вспоминая детские годы [10, с. 20]. Исследовательница повседневности Н.Б. Кончаковская отмечает характерную для Батмановых-старших «демократизацию семейных отношений, воспитание детей в русле “нового родительства” <...> с более гуманным отношением к ребенку» [3, с. 87, 95]. Это отношение сказывалось и на выборе источников для семейного чтения. По-видимому, взрослые считали правильным знакомить детей с актуальными новостями, не скрывая трудностей и драматизма происходящего, поэтому читали вслух прессу в годы Первой русской революции. В тяжелый для семьи период Батмановым пришлось расстаться с комплектами журналов, продав их через букинистическую торговлю:

«Продал в магазин “Ниву” 1903 г. в переп[лете] за 20 р.»;

«Продал в магазин “Ниву” за 1904 — 24 р и “Вест[ник] зн[аний]” за 1908 — 19 р 80 к.»¹.

«Нива» (1869–1918, годы издания) — иллюстрированный еженедельный журнал — пользовался неизменным интересом у публики; благодаря приложениям читатели Российской империи могли составить целые библиотеки из собраний сочинений классиков и современников. Так, например, в 1894 г. тираж журнала достигал 170 тысяч экземпляров — в этот год бесплатным приложением к «Ниве» вышло собрание сочинений Ф.М. Достоевского [12, с. 530–531]. У Батмановых, благодаря подписке, было собрание сочинений В.Г. Короленко: «Она (Ольга. — О.М.) достала давно просимого мною Короленко В.Г. У нее он сохранился полностью, все 9 томов прилож[ения] к Ниве»². О. Мандельштам отзывался о «Ниве» критически, но отмечал, что журналы «бережно переплетаемые, проламывали этажерки и ломберные столики, составляя надолго фундаментальный фонд мещанских библиотек!» [13, с. 22]. Но не только мещанских, как видим, и интеллигентов, а судя по свидетельству М.И. Ожегова, и духовенства: «“Ниву” на паях выписывало духовенство (полученный номер передавался от священника к дьякону, а потом к дьячку). Читали этот журнал преимущественно женщины духовного звания, потому что [там было] приложение “Парижские моды”, которое служило руководством для дам вообще сельской интеллигенции» [14, с. 138–139]. «Вестник зна-

¹ Батманов А.Н. Дневниковые записи от 20 ноября, 4 декабря 1938 г. [21].

² Батманов А.Н. Дневниковые записи от 11 мая 1942 г. [21].

ния» (1903–1918, годы издания) был популярным журналом для занимающихся самообразованием, его редактору даже удалось объединить читателей в Союз подписчиков [15].

Судя по активной деятельности А.В. Батмановой в благотворительных обществах («Общество попечения о начальном образовании в Екатеринбурге» и «Екатеринбургский семейно-педагогический кружок» и др.) и родительских комитетах (Алексеевского реального училища и Екатеринбургской женской гимназии) [3, с. 93], ее должны были интересовать педагогические журналы, которых в Российской империи в начале XX в. издавалось 60 наименований [16, с. 24]. Но свой интеллектуальный мир Александра Владимировна не замыкала только на семье и детях. Сохранился ее конспект «Изучение социологии» [20, л. 2–7 а об.] и «Программа для исследования народных протестов» [20, л. 1–1 об., 9–9 об.], в которой она рассматривала протесты «не в области только идей», а выраженные «в каком-либо действии (коллективном), все равно дозволенном или недозволенном, мирном или насильственном» [20, л. 1].

Вести записи, делать конспекты прочитанного было привычной практикой для членов семьи, о чем свидетельствуют сохранившиеся в семейном архиве Батмановых многочисленные дневники и тетради для записей: «Володины блокноты разложил по годам, записи кончаются 1-го апр[еля] 1937 г.»¹. Ведя дневник, Алексей Никифорович, делает много выписок, вот лишь один пример: «Прочитал Белинского “Менцель”. Это коренная его статья, когда он исповедовал: “Все действительное разумно. Все разумное действительно”. Перед этим прочитал его статью: Ф. Глинка. “Очерки Бородинского сражения”. Обе написаны с присущими Виссариону искренностью и пафосом. ... Свое понимание фил[ософии] Гегеля Бак[унин] выявил в статье “Гимназические речи Гегеля”, где говорит: “Система Гегеля венчала долгое стремление ума к действительности. Что действительно, то разумно, и что разумно, то действительно. Вот основа филос[офии] Гегеля”. После перечисленных выше статей Бел[инского] и Бак[унина] в этом же 4 т. соч[инений] Бел[инского] под ред[акцией] Венгерова. Последний дает в конце его интересную самостоятельную статью “Бакунинский гегелианский период жизни Белинского”. Давая оценку этому периоду, он говорит: “Таковы общие контуры русск[ого] гегельянства, столь мало имеющие общего с заправскою философией.

¹ Батманов А. Н. Дневниковые записи от 16 февраля 1940 г. [21].

И эту же малонаучную и исключительно жизненную окраску носят все дальнейшие движения русск[ой] теоретическ[ой] мысли вплоть до наших дней»¹.

Кроме таких традиционных практик работы с книгой, были и исключительные. Владимир Батманов в «Автобиографии специалиста по фенологии», составленной в 1930-е гг., зафиксировал, что он «не поленился переписать от руки “Определитель жуков России” Якобсона для того, чтобы иметь его всегда под руками, <...> настолько велико было увлечение энтомологией» [10, с. 27].

Изучая практики чтения, важно зафиксировать и способы приобретения книг. Батмановы, как и многие уральцы, выписывали книги почтой [подробнее об этом см: 17]. Подтверждение этому находим в дневниковых записях и переписке членов семьи. «Приехали ли мои книги из Академии наук, — спрашивал Владимир Батманов в письме к родным в мае 1917 г. [10, с. 31]. Для выписки книг нужно было следить за объявлениями о книжных новинках. Несмотря на все тяготы и лишения предвоенного и военного времени, А.Н. Батманов знакомился с библиографической информацией: «Справлялся в книж[ном] магазине о книге Данилевского “Ползунов И. И.”. Выписана, ожидают получить на днях»². На сохранившихся в СОУНБ им. В. Г. Белинского изданиях, принадлежавших Батмановым, есть марки книжного магазина в Екатеринбурге А. Клушиной. Об этом магазине вспоминали мемуаристы, отмечая его особенность: «Я, только вернувшийся из магазина Клушиной; предо мной лежали развернутые книжки-брошюры, принесенные из магазина. Брошюры были революционного содержания. Их порекомендовала мне Клавдия Тимофеевна Новгородцева³, служившая приказчицей в магазине». В дальнейшем этот магазин работал под управлением В.Ф. Куреньщикова, и Батмановы продолжали приобретать в нем книги: «Вынул из своего шкафа три тома “Белинский. Письма”, изд[анные в] 1914 г., тогда же мною купленные в магазине В.Ф. Куреньщикова. В свое время они были мною прочитаны, а теперь снова пересмотрю с большим интересом. Не отрываясь почти, прочел письма Вис[сариона] Гр[игорьевича] к его будущей жене Марье Вас[ильевне] предсвадебные»⁴.

¹ Батманов А.Н. Дневниковые записи от 28 декабря 1940 г. [21].

² Батманов А.Н. Дневниковые записи от 27 декабря 1940 г. [21].

³ Клавдия Тимофеевна Новгородцева, впоследствии Свердлова [11, с. 47, 56].

⁴ Батманов А.Н. Дневниковые записи от 18 января 1941 г. [21].

Перечитывание — еще одна практика, которая была распространена у Батмановых. В.В. Набоков считал, что «хороший читатель, читатель отборный, соучаствующий и созидающий, — это перечитыватель» [18, с. 25]. По-видимому, А.Н. Батманов практику перечитывания применял для проверки своих ощущений и эмоциональных реакций: «Перечитал Тургенева (т. 4) “Рудин” и “Новь”. Как и в прошлые читанья, так и теперь, на краю жизни, нахожу в себе немало неожиданной червоточины, раздвоенности, гамлетизма. В Саше (Александре Владимировне. — О.М.) его не было, а в Игоре и Володе, должно быть, передался»¹. С особым чувством Алексей Никифорович читал и перечитывал В.Г. Белинского. Его юношеское отношение к нему не менялось на протяжении всей его жизни:

«С каким удовольствием прочитал воспоминания Тургенева о В.Г. Белинском (т. 10). Какой скудельный сосуд и какое ароматное, искристое, чистое, без всякой примеси, цельное вино! Не даром неистовый Виссарион был для меня в ученические годы как бы советью. Когда я сомневался, спрашивал себя, что бы сказал Белинский. Его искренность руководила мной, укрепляла, поддерживала»;

«Белинскому я больше всего обязан в своем духовном развитии, когда был в гимназии. В 1898 г., когда исполнилось 50 лет со дня его смерти и когда по моей инициативе решено было открыть в городе публичную библиотеку, то я предложил, чтобы она носила имя Вис[sариона] Гри[горьевича] Белинского. Это было выражение моего ему горячего пиетета»;

«С удовольствием большим перечитал Лермонтова. Как много в нем задушевных струн, подавленных окружающей средой и жизнью, развившими в нем неприятные черты озлобленной души, резче бросающиеся при первом знакомстве. Перечитал и Белинского о Лермонтове. Вот были два глубоко интересные свидания и разговоры идеалиста и энтузиаста с полным отрицателем этих качеств по внешности. При первом их свидании в 1836 г. в Пятигорске неистовый Виссарион был глубоко возмущен шуточным, ироническим отношением Лер[монтова] к самым коренным вопросам, какие он ему ставил. Он ушел возмущенный, вынеся нем впечатление, как о “пошляке”, но не мог этим удовлетвориться, на этом успокоиться. Зато при втором свидании в 1840 г. в Петербурге, когда Б[елинский] посетил Лермон[това] в полиц[ейском] участке, последний отнесся искрен-

¹ Батманов А.Н. Дневниковые записи от 13 апреля 1940 г. [21].

нее, дал возможность глубже заглянуть в его внутренний мир, понять его душевное состояние, — Белинский был глубоко тронут раскрывшимся внутренним миром поэта, а этот не мог не отозваться на горячие, любовью проникнутые слова Виссариона»¹.

Чтение вслух — важнейшая для семейного чтения традиция у Батмановых — была и тогда, когда дети еще не читали сами, и позже, когда у каждого была своя библиотека и сформировавшийся навык чтения «про себя». Чтение вслух как новых книг, когда все обсуждают и всем хочется быстро познакомиться с текстом, так и выбранных однажды для определенных поводов всем знакомых книг и авторов. В семье сохранялась традиция совместного чтения, которое не только объединяло, но и имело терапевтический эффект, помогало пережить трагические события (смерти, аресты, ссылки, бытовые трудности):

«Читаю Скруджа <...> в сегодняшнюю ночь том Чарльза Диккенса, где гимн Рождеству, пробуждение человека от эгоистического существования к высоким потребностям души. В этот вечер или в Рождественскую ночь Боря любил читать о Скрудже»;

«Начавши в Рождественский сочельник читать “Гимн Рождеству”, вспоминая Борю, его чтение о Скрудже, о Рождественском часе, я стал читать в этом томе (8) “Жизнь и приключения Мартина Чезлвита” и сегодня кончил. Спасибо Чарльзу Диккенсу за удовольствие»;

«Опять Рождествен[ский] сочельник, а от Бори и о нем никакой нет весточки, и о Скрудже никто не почитает. Утром за чаем вспомнили об этом. Я читаю теперь “Лавка древностей” Диккенса»;

«За границей Рождествен[ский] сочельник, особо чтимый праздник. <...> Боря читал обыкновенно вечером Диккенса “Рождественская ночь” о Скрудже, старом моряке, в сердце которого пробудилось сочувствие к своему старому клерку, и по его приказанию последний покупает для своего обеда гуся на деньги, данные Скруджем, который и приходит к нему на обед»².

Подводя итог, нужно отметить, что изучение читательских практик или истории чтения обогащают наше знание о прошлом, дают возможность узнать, как уральцы переживали исторические катаклизмы, как адаптировались к новому стилю и ритму жизни, как менялась их повседневность.

¹ Батманов А.Н. Дневниковые записи от 25 февраля, 10 июня, 19 декабря 1940 г. [21].

² Батманов А.Н. Дневниковые записи от 7, 24 января 1940 г. ; 24 декабря 1941 г. ; 24 декабря 1942 г. [21].

Библиографический список

1. Кузнецова Т.И. Батмановы // Сплетались времена, сплетались страны... : вып. 28 (авторский) / Т.И. Кузнецова; Уральское генеалогическое общество. — Екатеринбург, 2010.
2. Морева О.В. Алексей Никифорович Батманов — нотариус-библиотекарь / О.В. Морева // Библиотечное дело. — 2019. — № 16 (346). — С. 12–15.
3. Кончаковская Н.Б. Повседневность екатеринбургской горожанки из среды интеллигенции в конце XIX – начале XX века (на примере Александры Владимировны Батмановой) // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та : электрон. науч. журнал. — 2019. — № 1 (29). — С. 82–99. — URL: http://vestospi.ru/archive/2019/articles/8_1_2019.html (дата обращения: 30.03.2024).
4. Крюкова К.А., Данченко А.М. Фенологические наблюдения в России: краткая история развития / К.А. Крюкова, А.М. Данченко // Вестник Томского гос. ун-та. — 2013. — № 377. — С. 192–195.
5. Чтение = Reading : энциклопедический словарь / [В.Я. Аскарова, Н.А. Борисенко, С.М. Бородин и др.]; под ред. Ю. П. Мелентьевой. — М. : Наука, 2021. — 448 с.
6. Шартье Р. Письменная культура и общество / Роже Шартье; [пер. с фр. и послесл. И.К. Стаф]. — М. : Новое издательство, 2006. — 272 с.
7. Certeau M. de. *The Practice of Everyday Life. Vol. 2 : Living and Cooking* / M. de Certeau, L. Giard, P. Mayol, T. J. Tomasik. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1998. — 292 p.
8. Дубин Б. Книга и дом (к социологии книгособиранства) // Очерки по социологии культуры : избранное / Б. Дубин; вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. И. Рейтблата. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — С. 73–93.
9. Бессонов М.С. Алексей Никифорович Батманов и род Батмановых / М.С. Бессонов // Шестые Чупинские краеведческие чтения : мат-лы конф., Екатеринбург, 16–17 февраля 2012 г. — Екатеринбург : Б-ка им. В.Г. Белинского, 2012. — С. 66–73.
10. Куприянова М.К., Кузнецова Т.И. Патриарх фенологии : док. повесть о выдающемся советском фенологе В.А. Батманове / М.К. Куприянова, Т.И. Кузнецова. — Екатеринбург, 2010. — 344 с.
11. Удинцев Б.Д. «Образы прошлого теснятся предо мною...» (воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке, родственных семьях, «о времени и о себе») / Б.Д. Удинцев. — Нижний Тагил : НТГПИ, 2002. — 136 с.

12. Русская периодическая печать : справочник : в 2 т. [Т. 1] : (1702–1894) / под ред. А.Г. Дементьева [и др.]; [предисл. А. Запавова]. — М. : Госполитиздат, 1959. — 835 с.
13. Мандельштам О.Э. Шум времени : [лит. мемуары] / Осип Мандельштам; [вступ. ст. А. Битова]; [примеч. А. Морозова]. — М. : Вагриус, 2002. — 304 с.
14. Ожегов М.И. Характеристика своего народа / М.И. Ожегов // Чтение в дореволюционной России : сб. науч. тр. — М. : ГБЛ, 1992. — С. 112–152.
15. Морева О.В. Содружество читателей «Вестника знания» (1902–1918) — пример успешной коммуникации редакции журнала с аудиторией / О.В. Морева // Библиосфера. — 2023. — № 3. — С. 20–27.
16. Библиография периодических изданий России. 1901–1916 : в 4 т. Том 4. Указатели / Л.Н. Беляева, М.К. Зиновьева, М.М. Никифоров; под общ. ред. В.М. Барашенкова, О.Д. Голубевой, Н.Я. Морачевского. — Л. : ГПБ, 1961. — 396 с.
17. Морева О.В. «Подписка произведена непосредственно через нашу контору...» : почтово-посылочная торговля // Книга на Урале во второй половине XIX – начале XX века: распространение и чтение : монография / О.В. Морева. — Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2024. — С. 110–127.
18. Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе : Остен, Диккенс, Флобер, Джойс, Кафка, Пруст, Стивенсон / В. Набоков; под общ. ред. В. Харитоновой; [Предисл. Д. Андайка]; пер. с англ. Бернштейн И.М. и др. — М. : Издательство Независимая Газета, 1998. — 512 с.
19. ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 107.
20. ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 108.
21. Батманов А.Н. Дневниковые записи / А.Н. Батманов; расшифровка Т.И. Кузнецовой // Частный архив.

O.V. Moreva

The Reading Practices of the Batmanov family (of Diaries, Memoirs, Books)

Abstract. Members of the Batmanov family have left a significant mark on the history of Ekaterinburg. The family maintained the tradition of joint reading, which not only united, but also had a therapeutic effect, helped to survive tragic events (deaths, arrests, exile, domestic difficulties). The history of reading enriches our knowledge of the past, gives us the opportunity to learn how the Urals

experienced historical cataclysms, how they adapted to a new style and rhythm of life.

Keywords: *the Batmanov family, the history of reading, reading practices.*

Moreva Olga Victorovna, Candidate of Historical Sciences, Federal State Budgetary Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), Senior Researcher; e-mail: moreva.o.v@yandex.ru.

УДК 908

М.Б. ОГНЕТОВА¹

В.С. ВИРГИНСКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАГИЛЬСКИХ МЕХАНИКОВ-ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ Е.А. И М.Е. ЧЕРЕПАНОВЫХ

Аннотация. Автор представляет исследовательскую деятельность доктора исторических наук В.С. Виргинского по изучению жизни и деятельности изобретателей первого российского паровоза Е.А. и М.Е. Черепановых. В статье прослеживается процесс изучения биографии отца и сына Черепановых советскими исследователями. Приводятся сведения о первооткрывателе талантливых тагильских изобретателей А.П. Сухове, заведующем Нижнетагильским отделением Уральского областного архива в 1930-е годы.

Ключевые слова: демидовский архив, первооткрыватель Черепановых, первый российский паровоз, тагильские изобретатели.

Виктор Семенович Виргинский (1908–1989 гг.) — советский историк, доктор исторических наук (1951 г.), профессор Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (с 1954 г.), специалист в области истории естествознания и техники, автор книг по истории науки и техники. В.С. Виргинский родился 5 сентября 1908 г. в городе Мытищи Московской губернии. «Виргинский» — это псевдоним, настоящая фамилия историка — Гуревич.

¹ *Огнетова Марина Борисовна, Администрация города Нижний Тагил (Нижний Тагил, Россия), главный специалист отдела по делам архивов; e-mail: m.ognetova@yandex.ru.*

В 1930 г. Виргинский окончил Московский институт народного хозяйства имени Г.В. Плеханова. В 1939 г. окончил аспирантуру в Московском институте истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского. Затем работал в Московском институте международных отношений Наркомата иностранных дел СССР, в Высшей партийной школе и других вузах Москвы, читал курсы по истории техники, политэкономии, истории народного хозяйства, новой истории. В 1949–1951 гг. он редактор и автор статей в издательстве «Большая советская энциклопедия» в редакции «История естествознания и техники». С 1951 г. преподавал в Московском пединституте на историческом факультете [1].

Виргинский — автор ряда книг и брошюр о талантливых тагильских механиках, изобретателях первого российского паровоза, отце и сыне Черепановых — Ефиме Алексеевиче Черепанове (1774–1842 гг.) и Мироне Ефимовиче Черепанове (1803–1849 гг.) [2; 6; 14–20]. В 1956 г. в издательстве Академии наук СССР вышла в свет монография Виргинского «Жизнь и деятельность русских механиков Черепановых» тиражом 3000 экземпляров. До этого времени литература о Е.А. и М.Е. Черепановых была представлена несколькими статьями и брошюрами, но не было монографического исследования, всесторонне и правильно освещающего жизнь и деятельность этих выдающихся новаторов русской техники первой половины XIX века. Этот пробел в значительной мере заполнила монография В.С. Виргинского. В своем труде автор использовал многочисленные документы архивов Москвы, Ленинграда, Свердловска, Нижнего Тагила, периодическую печать первой половины XIX века и печатные работы позднейшего времени. Во введении к книге автор выразил благодарность за содействие в работе коллективам Нижнетагильского филиала Госархива Свердловской области, Нижнетагильского краеведческого музея, Центрального государственного архива древних актов и Государственного исторического музея [3, с. 7].

Долгое время имена Черепановых замалчивались. В дореволюционной литературе по истории паровозостроения и техники о паровозах Черепановых не упоминалось. Не сохранились и сами черепановские паровозы, а до 1984 г. не было найдено ни одного чертежа их устройства, ни одной зарисовки их внешнего вида. Известно, что инженер В. Колтовский упомянул в «Горном журнале» за 1846 г. о пользе, которую приносит устроенная в 1839 г. «нижнетагильским механиком

Мироном Черепановым» паровая машина на одном из золотых прииска [4, с. 207], но его статья тоже была забыта. В некоторых работах имя Мирона Черепанова значилось как «Михаил». И только советские исследователи вновь открыли нам замечательных русских самородков.

В 1930–1950-е гг. литература о Черепановых была представлена работами А.Г. Бармина, Ф.И. Бойко, Е. Боташевой, В. Данилевского [5; 21; 22], А. Карцева, А. Козлова и Г. Мисюры, К. Мокршицкого, Р.Р. Тонкова, П. Шиленко.

Обратимся к истории написания В.С. Виргинским монографии. Виктор Семенович вспоминал, что весной 1938 г., во время подготовки в Москве выставки к 100-летию железных дорог в нашей стране, он пожаловался на отсутствие сведений о Черепановых одному из главных организаторов этой выставки — академику Владимиру Николаевичу Образцову. Образцов ответил: «На поверхности вы ничего и не найдете, раз в течение ста лет, кроме Тонкова, никто за это дело не брался, — сказал он. — Но книгу о Черепановых придется писать вам. И поехать по Уралу и по другим местам. И не один год посидеть в архивах» [6, с. 5–6]. В экспозиции той выставки были представлены: фотографии черепановской модели паровоза и две заметы из «Горного журнала» за май и июль 1835 г. о постройке Черепановыми «сухопутных паровозов» на уральских заводах в 1833 г.

В 1930-е гг. появились первые научно-популярные статьи о Черепановых ленинградского писателя Александра Гавриловича Бармина, основанные на новых архивных данных из Нижнетагильского архива и Нижнетагильского краеведческого музея. В 1936 г. А.Г. Бармин, автор книги «Уральские рудознатцы» (1935 г.), находился в Нижнем Тагиле с целью сбора материалов для книги «Тагил», приуроченной к 20-летию Октябрьской революции [7]. А.Г. Бармин (1900–1952 гг.) родился в Екатеринбурге в семье лесничего, окончил гимназию, затем учился в Ленинградском институте истории искусств. Печататься начал с 1926 года в ленинградских газетах и журналах. Последние годы его жизни связаны с Ленинградом [8].

Имена талантливых тагильских изобретателей были восстановлены благодаря уральским краеведам, в первую очередь тагильчанину Александру Петровичу Сухову — первооткрывателю Черепановых [9, с. 41–42]. На основании постановления президиума Нижнетагильского горсовета от 20 июля 1936 г. № 104 А.П. Сухов приступил к исполнению обязанностей заведующего Нижнетагильским отделе-

нием Уральского областного архива с 3 августа 1936 г. В нижнетагильском архиве Сухов работал с 15 сентября 1935 г. сначала в должности инспектора; был освобожден от работы в архиве с 28 октября 1937 г. [10]. Проводя работу по упорядочению архивных документов, именно он наткнулся на упоминание в документах неразобранного демидовского фонда о паровозах Черепановых и заинтересовал А.Г. Бармина, находившегося в Тагиле с исследовательскими целями. Вероятно, о своей находке Сухов как раз и поделился с ленинградским писателем.

В Нижнем Тагиле А.Г. Бармин, собирая материал для своей будущей книги, изучал документы демидовского архива, почти неизвестного исследователям, а также посетил заводы: Тагильский и Выйский. В одном из сараев Выйского завода ему показали сохранившийся до того времени паровоз Черепановых. Возникла идея установить паровоз в виде памятника на еще сохранившуюся часть железнодорожной насыпи на Выйской площади. Таким образом, с конца 1930-х годов (в военный период и несколько лет после войны) на площади стоял паровоз Черепановых.

В 1948 г. работниками Нижнетагильского металлургического завода имени В.В. Куйбышева были изготовлены несколько макетов паровоза Черепановых. Один демонстрировался в краеведческом музее, другой был установлен перед зданием Высокогорского рудоправления; полноразмерная копия была сделана по заказу киностудии «Центрнаучфильм» для съемки документального фильма «Сталинский Урал» и находится в настоящее время в Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал» [11, с. 5].

В.С. Виргинский отмечал, что А.Г. Бармин не ставил своей задачей создать научное исследование, он хотел написать историческую повесть о Черепановых. Так, в 1949 г. в издательстве «Молодая гвардия» была выпущена его книга «Тагильские мастера». В переписке с Виргинским в 1950 г. Бармин отмечал, что писать научную биографию Черепановых и вообще научную работу — «это дело не по мне». «Черновая работа у нас с Вами совершенно одинаковая: в этой стадии я отношусь к документам так же научно-критически, как и исследователь. Дальше появляется разница и количественная, и качественная... Я вольнее обращаюсь с историческими фактами, заполняю домислом “пустоты”, связываю факты по догадке без документов».

А.Г. Бармин впервые опубликовал многие важные факты, необходимые для научной разработки биографии Черепановых. Например,

именно он установил, что Черепанова-сына звали Мироном; что изобретатели были родом с Выйского завода; что они организовали при этом заводе механическое заведение, явившееся базой для постройки сначала рудничных паровых машин, а затем и паровозов. Первое краткое сообщение о находках А.Г. Бармина было сделано в газете «Тагильский рабочий» за декабрь 1936 г. В № 1 «Уральского современника» за 1938 год он выступил со статьей «Сухопутный пароход». Инициатива и находки ленинградского писателя А.Г. Бармина положили начало новому этапу в изучении биографии Черепановых.

Таким образом, мысль о необходимости создания научной биографии Черепановых была подана В.С. Виргинскому в конце 1930-х годов. Однако к осуществлению совета В.Н. Образцова историк приступил только в послевоенный период, в 1949–1950-е годы, когда им были найдены новые документы из переписки Е.А. Черепанова с заводовладельцем Н.Н. Демидовым. В.С. Виргинский работал с документальными источниками в Центральном государственном архиве древних актов, Нижнетагильском филиале государственного архива Свердловской области (в 1972 г. демидовские фонды были переданы в Свердловск, в областной архив), Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), краеведческих музеях Нижнего Тагила и Свердловска, а также в ряде библиотек. Проведенная работа позволила ему подготовить и опубликовать в 1956 г. монографию о жизни и деятельности отца и сына Черепановых, которую он посвятил памяти «академика Владимира Николаевича Образцова, много и плодотворно занимавшегося историей отечественного транспорта». В книге впервые была также показана роль таких соратников Черепановых, как Ф.И. Швецов. К работе были приложены, полностью или в отрывках, 111 документов, относящихся к исследуемой теме, в том числе 20 документов из Нижнетагильского филиала ГАСО.

В популярный вариант биографии Черепановых, вышедший в серии «Жизнь замечательных людей» в 1957 г., а также в последующие очерки, посвященные Черепановым, Виргинский внес некоторые дополнения, поскольку по прошествии ряда лет некоторые положения потребовали пересмотра: обнаружены новые материалы, глубже проанализированы источники. Так, в основу издания о Черепановых 1987 г. положен вариант серии «Жизнь замечательных людей» 1957 г., но в тексте были сделаны многочисленные дополнения. Одновременно

автор исключил все, что носило характер гипотез, но не подтвердилось документально в ходе исследовательской работы.

Рассмотрим тагильский период работы В.С. Виргинского по изучению документальных источников о жизнедеятельности Черепановых. В Нижнетагильском городском историческом архиве хранится Личное дело исследователя В.С. Виргинского. В составе личного дела имеется письмо Комиссии по истории техники Академии наук СССР начальнику Нижнетагильского филиала Облархива Р.И. Шерстковой от 28 июня 1952 г. о разрешении заниматься в читальном зале архива и снимать фотокопии с документов доктору исторических наук Виргинскому В.С., заместителю председателя Сектора истории транспортной техники, по теме «Изобретатели Черепановы и современные им изобретатели Урала». Находится также Анкета исследователя с указанием цели занятий в архиве — «монографическая работа». В.С. Виргинский работал в архиве с 13 по 26 июля 1952 г. ежедневно, согласно листу посещений исследователя. Виргинский проживал в Нижнем Тагиле в гостинице «Северный Урал», расположенной недалеко от архива. В личном деле имеется «План работы над темой». В анкете указано, что предполагается работа по всем демидовским фондам. Согласно заказам на выдачу дел В.С. Виргинскому было выдано 181 дело из фондов: Управления Нижнетагильского и Луньевского горных округов (1720–1916 гг., ф. 10), родового (частного) фонда Демидовых (ф. № 31), фонда Выйско-Никольской церкви Нижнетагильского завода (ф. № 17, 1764–1929 гг.). Приведем план работы в архиве, составленный В.С. Виргинским:

- «1. Начало деятельности Черепановых в Нижнем Тагиле.
2. Работа Е.А. Черепанова в качестве плотинного мастера.
3. Изобретение Черепановыми паровых машин.
4. Усовершенствование Черепановыми различных сторон заводского производства.
5. Постройка Черепановыми паровой рельсовой дороги.
6. Деятельность Аммоса Черепанова
7. Преемники Черепановых в области изобретательства» [12].

Виргинский писал, что главным источником для составления биографии Черепановых были «сухие» документы, связанные с их техническим творчеством; воспоминания современников о тагильских механиках носят отрывочный характер, личных документов обнаружено небольшое количество. Многие черты личной и общественной

жизни Черепановых приходилось восстанавливать по косвенным данным из архивных документов и литературы.

Богатство архивных материалов позволило В.С. Виргинскому избежать фактических ошибок, допущенных в литературе, и показать различные стороны творческой деятельности Черепановых. Если в прежней литературе Черепановы представляли перед нами прежде всего как строители первых русских паровозов и паровой железной дороги, то В.С. Виргинскому удалось показать их плодотворную работу в усовершенствовании металлургического производства, строительства паровых машин, различных станков и т. д. Большой интерес представляет составленный автором «Список паровых машин», в котором приведены данные о мощности, месте применения и назначении 20 паровых машин, построенных Черепановыми и их помощниками в период с 1820 по 1847 г. Так, В.С. Виргинский на основе архивных документов установил, что первая паровая машина была построена Черепановыми не в 1824 г., как это считалось, а в 1820 г. Важное значение имеют сведения об удачных опытах Черепановых и их помощников над утилизацией тепла отходящих горючих газов медеплавильных печей. Так, уральские изобретатели в 1839 г. построили и установили на Выйском заводе паровую машину, котел которой обогревался отходящими газами медеплавильных печей. Это было крупным достижением отечественной техники. Большое внимание в книге Виргинского уделено вопросам развития зарубежной техники и знакомству с ней Черепановых. Автор, приводя яркие материалы, подробно рассказывает о поездках Черепановых в Англию и Швецию.

Автор рецензии на книгу Виргинского А.Я. Черняк [13, с. 163–166] отмечает большое значение монографии, но и указывает на ее недостатки, например: книга перегружена второстепенными материалами, деталями, подробностями, не имеющими прямого отношения к сюжету; многие из приложенных документов важны и интересны, но общее количество их непомерно велико (приложения занимают 82 страницы на 202 страницы основного текста), повторяются, велико и количество иллюстраций (50 страниц). Монография В.С. Виргинского представляет собой результат большого исследовательского труда и является шагом вперед по сравнению с имевшейся до сих пор литературой о жизни и творчестве Черепановых. Вместе с тем рецензент указывает на такие недостатки монографии, как слабая разработка теоретических вопросов, которые снижают ее научную ценность.

Таким образом, забытые имена талантливых изобретателей Е.А. и М.Е. Черепановых были восстановлены в советский период благодаря уральским краеведам. Первым обратил внимание на эти имена первооткрыватель Черепановых — тагильчанин Александр Петрович Сухов, заведующий Нижнетагильским отделением Уральского областного архива. Но практически никто из исследователей жизнедеятельности Черепановых в своих работах его не называет. В 1935 г. он, машинист паровоза, по болезни оставил свою профессию, пришел работать в нижнетагильский архив. Наткнувшись в документах демидовского фонда на упоминание о паровозах Черепановых, о чугунной дороге, А.П. Сухов заинтересовал найденными архивными документами ленинградского писателя А.Г. Бармина, который впоследствии подготовил публикации о Черепановых для уральских изданий. Документы, обнаруженные Александром Петровичем Суховым, дали толчок к поискам исторических сведений о Черепановых в других архивных хранилищах. Почин А.П. Сухова и А.Г. Бармина оказался достаточно плодотворным и положил начало новому этапу в изучении биографии Черепановых. Историк В.С. Виргинский приступил к воплощению в жизнь идеи о написании биографической монографии о талантливых тагильских механиках-изобретателях Черепановых.

Большое количество находок, относящихся к Черепановым, позволили доктору исторических наук В.С. Виргинскому подготовить монографию «Жизнь и деятельность русских механиков Черепановых», всесторонне освещающую жизнь и деятельность выдающихся новаторов русской техники первой половины XIX века, крепостных мастеров — Ефима Алексеевича и Мирона Ефимовича Черепановых.

Библиографический список

1. Виктор Семенович Виргинский // *Лайвлиб : рекомендательные технологии : [сайт]*. — 2006–2024. — URL: <https://www.livelib.ru/author/514862-viktor-virginskij> (дата обращения: 01.03.2024).
2. Виргинский В.С. Создатели первого русского паровоза / В.С. Виргинский // *Наука и жизнь*. — 1949. — № 5.
3. Виргинский В.С. Жизнь и деятельность русских механиков Черепановых / В.С. Виргинский. — М. : Академия наук СССР. — 1956. — 318 с.
4. Колтовский. Рудники и прииски в округе Нижне-Тагильских заводов / Колтовский // *Горный журнал*. — 1846. — Ч. 3. — Кн. VIII. — С. 154–247.

5. **Данилевский В. Е.А.** и **М.Е. Черепановы** / В.В. Данилевский // Нижний Тагил : сб. — Свердловск : Свердловгиз, 1945.
6. **Виргинский В.С.** Черепановы / В.С. Виргинский. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. — 272 с. — (Сер. «Наши земляки»).
7. Новые материалы о Черепановых // Тагильский рабочий. — 1936. — 9 декабря.
8. Бармин Александр Гаврилович. — Текст : электронный // Лит-Лайф : сайт. — URL: <https://litlife.club/authors/4078> (дата обращения: 01.11.2023).
9. **Рафиков М.** Как открыли Черепановых // Вокруг Лисьей горы : Тайны, открытия и занимат. страницы из истории Ниж. Тагила и горнозавод. Сред. Урала / Марлис Рафиков. — Екатеринбург : СВ-96, 1999.
10. МКУ «Нижнетагильский городской исторический архив» (МКУ НТГИА). Ф. 42. Оп. 1. Д. 4. Л. 13 об., 17, 28 об.
11. **Смирнова Т.В.** Каталог «Черепановской» коллекции : к 170-летию пуска первого русского паровоза / Т.В. Смирнова. — Нижний Тагил, 2004. — 64 с.
12. МКУ «Нижнетагильский городской исторический архив» (МКУ НТГИА). Личное дело исследователя В.С. Виргинского. 1952 год.
13. **Черняк А.Я.** В.С. Виргинский. Жизнь и деятельность русских механиков Черепановых / А.Я. Черняк // Вопросы истории. — 1956. — № 7 (июль).
14. **Виргинский В.С.** Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века / В.С. Виргинский. — М., 1949. — 272 с.
15. **Виргинский В.С.** Новые документы о деятельности Черепановых // В.С. Виргинский. — Вестник машиностроения. — 1951. — № 6.
16. **Виргинский В.С.** Новые документы о строителях первой рельсовой дороги / В.С. Виргинский // Железнодорожный транспорт. — 1951. — № 6.
17. **Виргинский В.С.** Русские изобретатели Черепановы и их роль в развитии горно-металлургического производства : (Первая лекция о выдающихся рус. изобретателях Е.А. и М.Е. Черепановых) / В.С. Виргинский. — М.: «Знание», 1952. — 24 с.
18. **Виргинский В.С.** Черепановы : [Русские механики] / В.С. Виргинский. — М.; «Молодая гвардия», 1957. — 237 с. — (Жизнь замечательных людей).
19. **Виргинский В.С.** Ефим Алексеевич Черепанов, 1774–1842. Мирон Ефимович Черепанов, 1803–1849 / В.С. Виргинский. — М. : Наука, 1986.

20. **Виргинский В.С.** Отец и сын Черепановы / В.С. Виргинский // Наука в СССР. — 1987. — № 5.
21. **Данилевский В.В.** Черепановы / В.В. Данилевский // Люди русской науки : Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники : в 2 т. Т. 2. — М. ; Л. : Гостехиздат, 1948. — С. 889–893.
22. **Данилевский В.В.** Портреты великих новаторов / В.В. Данилевский // Тагильский рабочий. — 1953. — 28 марта.

M.B. Ognetova

V.S. Virginsky — the Researcher of Tagil Mechanic Inventors E.A. and M.E. Cherepanov Vital Activity

Abstract. The author presents the research activities of V.S. Virginsky, Doctor of Historical Sciences, on the study of the life and work of the inventors of the first Russian steam locomotive, E.A. and M.E. Cherepanov. The article traces the process of studying the biography of the Cherepanov father and son by Soviet researchers. Information is provided about the discoverer of talented Tagil inventors A.P. Sukhov, head of the Nizhny Tagil department of the Ural Regional Archive in the 1930s.

Keywords: Demidov archive, the discoverer of the Cherepanovs, the first Russian steam locomotive, Tagil inventors.

Ognetova Marina Borisovna, Chief Specialist of the Archives Department, City Administration (Nizhny Tagil, Russia); e-mail: m.ognetova@yandex.ru.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕТЕРИНАРНОГО ВРАЧА Б.И. МИНЕЕВА ПО ДОКУМЕНТАМ ЦДООСО²

Аннотация. Автор, изучив архивные документы и проведя источниковедческий анализ, рассматривает жизненный путь Бориса Ивановича Минеева, посвятившего всю свою жизнь ветеринарной деятельности, достигшего в ней высоких должностей и результатов, и принесшего на ней пользу обществу; путь, на который оказали влияние качества личности, которые он развивал в себе и поддерживал.

Ключевые слова: Б.И. Минеев, ветеринарный врач, животноводство, заведующий лабораторией.

Архивные документы — неотъемлемая и важнейшая часть культурной памяти общества, культурного наследия человечества. Архивные документы личного фонда выдающейся личности — бесценное хранилище информации о его трудовых достижениях.

Выбор темы исследования обусловлен интересом автора, как студента, обучающегося по специальности «Ветеринария», к опыту жизни человека, посвятившего всю свою жизнь работе в этой области животноводства, добившегося высоких постов, честно выполняя свою работу, принося пользу людям, руководителя и специалиста с огромным количеством знаний, умений, навыков. Другой фактор — необходимость введения в научный оборот малоизученного комплекса неопубликованных источников.

В Центре документации общественных организаций Свердловской области размещен личный фонд 1916 «Минеев Борис Иванович, председатель Свердловского сельского облисполкома».

В опись № 1 включены 29 дел за 1936–2005 гг. Она содержит два тематических раздела: 1) биографические документы Б.И. Минеева; 2) биографические документы жены Б.И. Минеева — В.М. Минеевой. Внутри разделов дела систематизированы хронологически по начальной дате.

¹ Рыбников Михаил Александрович, ГАПОУ СО «Уральский колледж технологий и предпринимательства» (Екатеринбург, Россия), студент;
e-mail: Ribnikov12345.com@yandex.ru.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Дела в описи № 1 сформированы по видам документов и содержат документы за несколько лет. В опись включены такие биографические документы Б.И. Минеева, как диплом об окончании Троицкого ветеринарного института; комсомольский и партийные билеты; служебные и депутатские удостоверения; мандаты; почетные грамоты; свидетельства участника ВДНХ, удостоверение о награждении Малой серебряной медалью ВДНХ СССР; поздравительные адреса и открытки; автобиография В.М. Минеевой; опубликованные работы Б.И. Минеева; газетные публикации. Также имеется документ на немецком языке — Диплом о награждении Б.И. Минеева Золотым знаком почета общества германо-советской дружбы [1].

В опись № 2 фотодокументов включены черно-белые и цветные фотопозитивы (3 ед. хр.) в количестве 124 ед. хр. за 1952–1988 гг. Опись № 2 состоит из двух тематических разделов: 1) фотографии общественной и производственной деятельности Б.И. Минеева и В.М. Минеевой; 2) фотографии семьи Минеевых. Внутри разделов фотодокументы систематизированы по хронологии [2].

В опись № 2 включены фотографии, демонстрирующие процесс партийных, производственных и научных совещаний в Москве и Свердловске, в том числе с участием Н.С. Хрущева, В.В. Терешковой, посещение Б.Н. Ельциным кролиководческого комплекса УралНИИХоза. Особо значима фотография визита Ф. Кастро в г. Свердловск.

В опись № 3 фотоальбомов включены 3 ед. хр. за 1963–1970 гг., освещающие визиты в Свердловскую область правительственных делегаций Республики Куба и Германской Демократической Республики, производство и заготовки сельскохозяйственной продукции в Свердловской области за 1953–1968 гг. [3].

По архивным документам прослеживается жизненный путь Бориса Ивановича. Он родился в семье служащего села Ташла Троицкого уезда Оренбургской губернии 6 апреля 1919 года. В 1926–1935 гг. являлся учеником средней школы. После ее окончания в сентябре 1935 г. Борис Иванович поступает в Троицкий ветеринарный институт по специальности ветеринарный врач. В январе – декабре 1938 г. занимал должность заведующего отделом пропаганды и агитации Троицкого районного комитета ВЛКСМ. В этот период своей жизни он получил первый опыт в роли руководителя, приобрел умение заинтересовывать людей, прививать им свои идеи, взгляды, мысли, мнения.

В декабре 1939 г. Борис Иванович окончил обучение в Троицком институте, работал ветеринарным врачом. В его обязанности ветеринарного врача входили проведение клинического обследования животных с целью установления диагноза; проведение мероприятий по лечению больных животных; организация мероприятий по предотвращению возникновения незаразных, инфекционных и паразитарных болезней для обеспечения устойчивого здоровья животных.

В январе 1940 г. Бориса Ивановича назначили на должность первого секретаря Троицкого районного комитета ВЛКСМ, которую он занимал до сентября того же года. В январе 1941 г. он занимает должность старшего ветеринарного врача Красноармейского районного земельного отдела Челябинской области РСФСР, а с августа 1941 г. до марта 1943 г. — начальника ветеринарного управления Челябинского областного земельного отдела.

В мае 1943 года Борис Иванович становится заведующим отделом животноводства Челябинского областного комитета ВКП(б), находясь на этой должности до сентября 1943 года. В сентябре 1943 г. ему доверяют должность заместителя начальника Челябинского областного управления сельского хозяйства, на которой он находился 7 лет до марта 1950 г. — т. е. в сложные для страны годы Великой Отечественной войны и годы восстановления страны после победы, когда требовалась стабильная поставка продовольствия, полностью удовлетворяющая потребность по объему и качеству продукции. В 1945 г. Борис Иванович был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В апреле 1950 г. он переезжает в Свердловск, начиная проводить научные исследования в должности младшего научного сотрудника лаборатории микробиологии Института биологии Уральского филиала Академии наук СССР, занимая эту должность до апреля 1955 года.

В 1954 году Борис Иванович окончил Университет марксизма-ленинизма при Свердловском городском комитете КПСС. В мае 1955 года по его личной просьбе он направлен в числе «тридцатитысячников» и избран председателем колхоза имени В.И. Ленина Белоярского района. В 1958 году с апреля по октябрь Борис Иванович работает в должности управляющего отделением Косулинского совхоза. Затем он переходит на партийную работу, став в декабре 1958 года вторым, а затем первым секретарем Байкаловского райкома КПСС.

30 декабря 1961 г. приказом № 480-л Министерства заготовок РСФСР ему был назначен персональный оклад. В апреле 1961 г. Борису Ивановичу доверили должность начальника Свердловского областного управления заготовок, на которой он работал до апреля 1962 года. С апреля по декабрь 1962 г. он работает секретарем Свердловского областного комитета КПСС по сельскому хозяйству. Постановлением 9-й сессии Свердловского облсовета от 24 декабря 1962 г., Бориса Ивановича утверждают на должность председателя исполнительного комитета Свердловского сельского областного Совета депутатов трудящихся. В этом качестве он принимал участие во встречах с приезжавшим с визитом в Свердловск Фиделем Кастро, с Н.С.Хрущевым, Л.И.Брежневым, Первым секретарем Свердловского областного комитета КПСС Б.Н. Ельциным, а также с Первым секретарем ЦК Социалистической Единой Партии Германии В. Ульбрихтом. 1 июня 1964 г. Борис Иванович получил диплом о награждении золотым Знаком почета общества германо-советской дружбы.

В 1963 г. Борису Ивановичу были направлены телеграммы трудовых коллективов совхозов Свердловской области о его выдвижении кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. Постановлением объединенного пленума Свердловских промышленного и сельского обкомов КПСС от 24 ноября 1964 г. Борис Иванович был утвержден одновременно членом оргбюро единого Свердловского обкома КПСС. На объединенной сессии Свердловских промышленного и сельского облсоветов 26 декабря 1964 г. в связи с объединением промышленных и сельских исполнительных органов он сложил с себя полномочия председателя Свердловского сельского облисполкома.

В январе 1965 г. Свердловский областной комитет КПСС направляет Бориса Ивановича на должность заместителя директора Уральского научно-исследовательского института сельского хозяйства, на которой он будет находиться до марта 1967 года. Одновременно с февраля 1965 г. он является внештатным научным сотрудником отдела технологии кормов. В январе 1965 г. Борис Иванович получает должность заведующего отделом мелкого животноводства, находясь на ней 9 лет до апреля 1976 года. В феврале 1976 г. его назначили на должность заведующим лабораторией кролиководства Уральского научно-исследовательского института сельского хозяйства, которую он занимал 8 лет до ноября 1984 года. Борис Иванович являлся одним из авторов книги «Кролиководам. Опыт. Советы. Рекомендации», при-

званной способствовать внедрению в сельском хозяйстве достижений науки и передового опыта.

В ноябре 1984 г. Борис Иванович становится старшим лаборантом по определению качества кормов цеха молочного животноводства опытно-производственного хозяйства «Исток», работая на этой должности 14 лет до января 1998 года. Борис Иванович вызывал к себе уважение и доверие подчиненных, он выстроил взаимоотношение с коллегами и учениками так, что они стали работать как один отлаженный механизм, в котором каждый член выкладывался на максимум, ответственно и старательно подходя к своей работе. Борис Иванович как руководитель обладал навыками планирования, мотивации, контроля. В январе 1998 г. Борис Иванович ушел на пенсию.

В ЦДООСО хранятся врученные Борису Ивановичу за период с 1936 по 1989 г. почетные грамоты ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов, ЦК ВЛКСМ, Центрального Совета Всероссийского общества охраны природы, исполнительного комитета Свердловского областного Совета народных депутатов, Свердловского областного управления сельского хозяйства, Свердловского городского комитета КПСС, исполнительного комитета Свердловского городского Совета народных депутатов, Свердловского городского комитета ВЛКСМ, Октябрьского районного комитета КПСС г. Свердловска, дирекции, партийного и профсоюзного комитетов Троицкого зоотехническо-ветеринарного института, дирекции, партийного комитета, местного комитета профсоюза Уральского научно-исследовательского института сельского хозяйства, дирекции, партийного бюро первичной партийной организации, цехового комитета профсоюза научно-производственного объединения «Среднеуральское».

В 1970 г. Борис Иванович был награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», в 1975 г. медалью «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а в 1985 г. медалью «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в 1995 году медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1997 году ему было выдано удостоверение ветерана труда, а в 2002 году — удостоверение ветерана Великой Отечественной войны.

Перед исследователем деятельности ветеринарного врача Б.И. Минеева предстает сильная, цельная личность. Б.И. Минеев

может послужить ориентиром нравственности, трудолюбия, максимального ответственного вложения в работу, стремлением к познанию и саморазвитию. Особо отметим его способность видеть в людях лучшие качества, способность верить в них и в меру сил оказывать помощь и поддержку, что имело отклик у коллег. В документах фонда отчетливо видны многочисленные, разносторонние, деловые, дружеские контакты и связи Бориса Ивановича. Он посвятил всю свою жизнь работе по специальности в отрасли, снабжающей продуктами питания население страны, а также сохраняющей, поддерживающей и развивающей гуманность и человечность в людях, потому что забота о животном возможна только в том обществе, в котором люди обладают человечностью. Будучи ветеринарным врачом, человек не может быть успешным в своей работе, если он злой, жестокий, бесчеловечный циничный, не проявляющий милосердия, сострадания. Потому что он работает, взаимодействует с живыми существами, очень тонко чувствующими внутренние состояния человека, его духовный мир. Борис Иванович честно выполнял свою работу, принося пользу людям как специалист, имеющий огромное количество знаний, умений, навыков. Он владел навыком объединять и заинтересовывать сотрудников, передавать им свои идеи, мысли, взгляды, а также вдохновлять их на старательный труд, достижения успехов.

Борис Иванович вызывал к себе уважение и доверие подчиненных, он выстроил такое взаимоотношение с коллегами, учениками так, что они стали работать как один отлаженный механизм, в котором каждый член выкладывался на максимум, ответственно и старательно подходя к своей работе. Он был за человечность, за выстраивание конструктивно-деловых взаимоотношений, за недопускание низших проявлений души, пороков. Борис Иванович как руководитель обладал навыками планирования, мотивации, контроля, руководства. Борис Иванович является примером того, как человек из обычной семьи, трудясь, стараясь, беря ответственность за результат, за здоровье и состояние пациентов, качественно выполняя свою работу, развиваясь и совершенствуясь в своем деле, помогая и принося пользу и благо людям, достиг высоких должностей.

Библиографический список

1. ЦДООСО. Ф. 1916. Фонд личного происхождения Б.И. Минеева. Оп. 1. Д. 11.

2. ЦДООСО. Ф. 1916. Фонд личного происхождения Б.И. Минеева. Оп. 2. Л. 3, 13, 15, 45.
3. ЦДООСО. Ф. 1916. Фонд личного происхождения Б.И. Минеева. Оп. 3. Д. 1. Л. 1, 4 об. Фотоальбом.

M.A. Rybnikov

Archival Documents on the Activities of the Veterinarian B.I. Mineev

Abstract. *The author, having studied archival documents and conducted a source analysis, examines the life path of Boris Ivanovich Mineev, who devoted his whole life to veterinary activities, achieved high positions and results in it, and also benefited society, which was influenced by the personality qualities that he developed and supported.*

Keywords: B.I. Mineev, veterinarian, animal husbandry, head of the laboratory.

Rybnikov Mikhail Alexandrovich, Ural College of Technology and Entrepreneurship (Ekaterinburg, Russia), student;
e-mail: Ribnikov12345.com@yandex.ru.

УДК 908

О.И. СОНИНА¹

ИСТОРИЯ СЛУЖБЫ И КОНЧИНЫ ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА А.И. ОНУФРОВИЧА

Аннотация. Автор поднимает проблему изучения причины гибели Адама Ильича Онуфровича, горного инженера, ученого-химика, организатора металлургии предреволюционной России.

Ключевые слова: Адам Ильич Онуфрович, управляющий, Кыштымский горный округ, Лысьвенский горный округ.

Среди имен промышленников металлургии предреволюционной России имя Адама Ильича Онуфровича заслуживает особого внимания. Горный инженер, ученый, теоретик и практик, член Рус-

¹ Сонина Ольга Илларионовна, член клуба краеведов «Тихое зимовье» (Кыштым, Россия); e-mail: sonina.olya2014@yandex.ru.

ского металлургического общества был крупной фигурой того времени [1]: заведующий химической лабораторией Кулебакского завода, мартеновской фабрикой Чусовского завода; управляющий Шиповских заводов; помощник управителя и начальник мартеновской фабрики Сулинского и Волжского заводов; управитель Лысьвенского завода; главноуправляющий Кыштымским и Лысьвенским горными округами [2].

Проблемой исследования стала причина гибели А.И. Онуфровича, предметами — история его службы и его кончины.

В книге «Воспоминания металлурга» академик М.А. Павлов упоминает о службе А.И. Онуфровича в горных округах Омутнинска и Кыштыма. Впервые он познакомился с ним на Сулинском заводе в 1885 г. Владельцы Омутнинского округа Пастуховы «узнали о существовании инженера Онуфровича, который приобрел известность <...> как опытный заводской химик, а затем мартеновец, и пригласили его...».

Онуфрович «держался важно, сухо и официально. Однако при ближайшем знакомстве после нескольких деловых разговоров я убедился, что он действительно опытный и знающий инженер. После этого меня удивили слухи, что он очень грубо ведет себя в мартеновском цехе, что рабочие и служащие недовольны им: «Его так ненавидят, что если он останется, то дело кончится катастрофой <...> пойдите к Пастуховым и дружески посоветуйте им убрать Онуфровича, пока не поздно, рабочие говорят: «Мы его бросим в печь». Онуфрович их довел до этого: чем и как, для меня осталось неизвестным.

Я пошел к Пастухову, рассказал... Позвали Онуфровича. Он не отрицал, что рабочие его не любят, но не стал объяснять или оправдывать манеру своего обращения с ними. «Но ведь это может вызвать большие неприятности <...>. Мы не можем допустить, чтобы на заводе произошли волнения...» — сказал Сергей Пастухов. Онуфрович ответил: «Командируйте меня в Австро-Венгрию, где я еще не был. Я поеду туда для изучения мартеновского производства и к вам на завод не вернусь». Онуфрович имел контракт <...>, и его нельзя было уволить просто так... Пришлось дать ему деньги на командировку... Впоследствии появилась его статья о мартеновском производстве в Австро-Венгрии» [3, с. 224].

Вторая встреча Павлова с Онуфровичем состоялась 17 июня 1907 г. в Кыштыме. К его удивлению, «управляющим Кыштымским округом оказался Онуфрович, тот самый, который еще недавно заве-

Первая плавка черновой меди. Верхне-Кыштымский завод. 1 мая 1906 г.
Фрагмент фото. Музей Кыштымского машиностроительного объединения

довал мартеновской мастерской на Сулинском заводе, а потом строил мартеновские печи на Саратовском заводе. Не знаю, каким образом он проделал такой скачок — из заведующего мастерской, не будучи директором завода, превратился в уральского управляющего. Всегда считалось, что нужно быть если не настоящим уральцем, то, по крайней мере, хорошо знать условия производства металла на Урале, местные «нравы и обычаи», чтобы быть хорошим уральским управляющим. Однако, вовсе не обладая этими данными, Онуфрович <...> стал управляющим на Урале <...> большого округа».

Он сообщил Павлову, что округ Кыштымских заводов «станвится медеплавильным». Ему «удалось доказать правлению, что это будет выгодней, и в Кыштымском заводе уже работал «пробный» конвертер, в котором штейн продувается на черную медь» [3, с. 285].

В музее Кыштымского машиностроительного объединения удалось найти ранее неопубликованную фотографию с подписью «Первая плавка черновой меди». На ней — группа служащих и рабочих, перед которой разложены слитки меди.

На центральном квадратном слитке просматриваются буквы и цифры, сообщающие о том, что первая плавка черновой меди

в Кыштыме состоялась 1 мая 1906 г. В центре сидит человек в форме горного инженера. То, что это Адам Ильич Онуфрович, было установлено после сравнения с его фотографиями, найденными в Интернете.

В городском музее Кыштыма найдены постановления 1907 г., подписанные его рукой. В первом, от 24 января, речь идет о постройке фабрики для выплавки меди, во втором, от 14 февраля — об его командировке. Следующее постановление от 15 августа подписано Ф.А. Ивановым, новым управляющим округом. Таким образом было установлено, что А.И. Онуфрович проработал в Кыштыме полтора года. Отличался грубостью с рабочими [4]. Во 2-й половине 1907 г. вернулся в Лысьву, где служил до Кыштыма.

Из статьи А. Бельского «Как лысьвенцы шли на войну»: «Онуфрович отличился в борьбе с рабочими еще во время революции 1905 года, за что и получил повышение. Понятна особая ненависть к нему» [5].

После расстрела питерских рабочих 9 января 1905 г. — 19 февраля началась забастовка рабочих Лысьвенского завода. Один из них писал: «В 1905 году рабочие железоотделочного цеха остановили машину <...> и двинулись в листоотбойный цех, потом в крупносортный, мартен, а затем пошли на площадку около церкви. Тут приехала конная полиция, стала разгонять, въезжая на толпу. Рабочих разогнали, и митинг не состоялся» [6].

По телеграмме управителя завода Онуфровича пермский губернатор направил в Лысьву роту солдат. 20 февраля к забастовщикам присоединились рабочие остальных цехов <...> предъявляют целую серию разных требований политического, экономического и административного характера». Окончательно требования рабочих были сформулированы 4 марта. Всего у них было 13 требований.

Участник забастовки писал: «...возле дома управителя стали собираться рабочие. Собралось тысячи полторы. Наши депутаты, около двадцати пяти человек, вели переговоры с управителем. Временами кто-нибудь из них выходил из конторы и сообщал о ходе переговоров. Каждую уступку управителя мы встречали с восторгом». Онуфрович согласился удовлетворить 6 требований. Добившись некоторых уступок, рабочие выдвинули еще 10 требований. Ответа вице-губернатора на них найти не удалось [7, с. 71].

Управляющий округом Гайль обратился к рабочим с воззванием, которым удалось их примирить [8]. В течение недели полиция не проводила арестов, исполняя обещание Гайля о неприкосновенности забастов-

щиков. 7 марта забастовка прекратилась. Столкнувшись с протестом рабочих, управление вынужденно исполнило многие их требования.

Забастовки рабочих Лысьвенского горного округа продолжались до конца 1905 г. В мае Онуфрович, к тому времени уже помощник управляющего Лысьвенским округом, жестко решал вопрос об улучшении условий труда и быта мастеровых Кузье-Александровского завода, грозя закрытием завода в случае продолжения забастовки. В ноябре Онуфрович просил пермского уездного исправника принять надлежащие меры к забастовщикам — мастеровым Крестовоздвиженской волости, рабочим Косьинских платиновых приисков. Забастовка бисерских рудозавозов, продолжавшаяся до 7 декабря, была последним значительным протестом рабочих Лысьвенского округа. «Кнутом и пряником» власть успокаивала волнения рабочих: то шла на незначительные уступки, то грозила закрытием заводов и приисков; из рядов рабочих изымались вожаки, без них забастовки быстро заканчивались [7, с. 71, 72].

Со 2-й половины 1907 г. Онуфрович служил в Лысьве в качестве управляющего Лысьвенским горным округом.

Весной 1914 г. начался новый подъем революционного движения в России. 15 марта забастовал Лысьвенский завод, требуя установления 8-часового дня, повышения заработка, улучшения санитарно-гигиенических условий и др. Администрация пошла на некоторые уступки. 22 марта Онуфрович отправил в Петербург, в правление заводов округа подготовленное им объявление рабочим Лысьвенского завода. В тот же день из Петербурга он получил «добро» с указанием — больше уступок рабочим не делать. Больше двух месяцев продолжалось противостояние забастовщиков и заводовладельцев. Рабочие, не получавшие длительное время заработную плату, стали голодать. После споров с заводским начальством 29 мая Лысьвенский завод рабочие приступили к заводской работе [7, с. 79].

17 июля в Лысьвенском заводе была объявлена мобилизация на войну с Германией. Мобилизованные стали получать расчет в заводской конторе. Уездный исправник Г.В. Кадомцев, опасаясь беспорядков, находился в Лысьве. Убедившись, что мобилизация проходит спокойно, вечером 18 июля уехал в Пермь, оставив в Лысьве своего заместителя П.Л. Киселёва. Онуфровича в Лысьве в это время не было.

19 июля обстановка накалилась. У здания правления мобилизованные стали требовать выплаты двухнедельного пособия и поделенных между ними 350 тыс. руб., пожертвованных наследниками графа

Шувалова на постройку народного дома и др. благотворительные цели [9, с. 135]. Под их давлением управитель завода К.Добровольский выплатил пособие. Телеграммой он вызвал Онуфровича из Перми, а вечером бежал из города. Вечером приехал Онуфрович и затребовал у губернатора присылки в Лысьву войск.

20 июля утром рабочие пришли к дому Онуфровича. Он сообщил, что на дому служебные проблемы решать не намерен. Ожидая прибытия войска, место встречи назначил у здания правления, где собралась огромная толпа.

Онуфрович в окружении полицейских при полной тишине зачитал «уведомление главного управления заводов о назначении жертвователей наследников Шувалова» [10]. Заявил, что ввиду воли жертвователей выдать деньги не может [11]. Начался шум, крики. Киселев начал заносить в здание винтовки и патроны [12]. При виде оружия в толпе крики усилились. Онуфрович повернулся и пошел с крыльца в швейцарскую здания. Стоявшие рядом рабочие ринулись за ним и, схватив за руки, вытащили его на крыльцо. У Онуфровича на лице была кровь от нанесенного удара [10], рабочие ненавидели его за чрезвычайную грубость. В ответ на это, Киселев выстрелил наугад в толпу, смертельно ранив женщину [13, с. 1]. Онуфрович и полицейские вбежали в швейцарскую и заперли дверь.

Вооружившись дробовиками, рабочие стали штурмовать здание, в окна полетели камни и поленья. Около часа продолжалась перестрелка. Тогда они подожгли здание. Одним из последних из него выбежал Онуфрович. В руке — револьвер. Он выстрелил в воздух, и «кто-то убил» его, ударив «лопатой по голове» [14, с. 10]. Из администрации погибли 10 человек, в т. ч. Киселев, уроженец Кыштыма [4]. На месте гибели позже Онуфровича установили памятник, который разрушили большевики [14, с. 15].

Талантливый горный инженер Адам Ильич Онуфрович прослужил на 7 металлургических заводах России (см. Приложение), на которых с рабочими был чрезвычайно груб, за что и поплатился своей жизнью. Участник Лысьвенского бунта Ф.И. Гурьев писал: «В Лысьве бунт приключился случайно, за рабочую долю и труд, и Адам был убит тут не тайно, потому, что он был самолюб» [14, с. 4].

Поляк по национальности, не ведая местных нравов и обычаев, он не распознал до конца загадочную душу русского мужика, который долго запрягает, но быстро едет, у которого удержу нет ни в кутежах,

ни во гневе. «Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный...» — писал великий русский поэт А.С. Пушкин» [15].

Приложение

Послужной список Адама Ильича Онуфровича с биографическими данными

Место и дата рождения: 21.07.1856, имение Волоки Минской губернии. Семья: родители — отец Илия (Элиаш), поляк, мать — Каролина (урожденная Гертинг), немка; младшие братья — известные революционеры Болеслав и Цезарь. В 1870-е годы семья переехала в Киев. Сын А.И. Онуфровича — И.А. Онуфрович, изобретатель в сфере железнодорожного дела, соавтор автоматических приборов для проверки исправности железнодорожного пути.	
Образование: Краковская промышленно-техническая академия, горный инженер-химик. Научная деятельность: перевод научных трудов с английского, французского, немецкого, польского яз., в т. ч.: «Прокатные валки» (англ.), «Процесс Императори на сталеплавильных заводах Италии» (франц.), «Химия железа» Ф. Тодта (нем.) и др.; публикация в научных изданиях в России и за рубежом;	1883
Волжский стальной завод. Должность: помощник управляющего, начальник мартеновской фабрики. Производственная деятельность: «строил мартеновские печи» [3].	
Сулинский завод. Должность — помощник управляющего и начальник мартеновской фабрики.	1885
Командировка в Австро-Венгрию. Научная деятельность: чтение лекций в ВУЗах Австро-Венгерской Империи, статья о мартеновском производстве в Австро-Венгрии.	
Кулебакский металлургический завод. Должность — заведующий химической лабораторией. Производственная деятельность: постройка совместно с управляющим заводом К.И. Рейнером новой малой доменной печи. Научная деятельность — публикация статей: Доменная печь в Кулебаках. Технический обзор (1889); Приготовление консервов из плодов и ягод и производство плодовых вин (1892);	1887

Способы анализа железа, употребляемые в Лаборатории Кулебакского горного завода (1893); Из записной книжки химика А.И. Онуфровича (1893).	1887 (продолжение)
Научная деятельность: сотрудничество с российскими техническими журналами, статья «О производстве угольно-порошкового кирпича на Кулебакском горном заводе».	1890
Чусовской завод. Должность — заведующий мартеновской фабрикой.	1894
Шиповские заводы. Должность — управляющий (управитель, директор). Научная деятельность — публикация статьи «Способы анализа железа».	1898
Лысьвенский металлургический завод. Должность — управитель (управляющий, директор, помощник управляющего Лысьвенским горным округом). Производственная деятельность: по его проекту построена мартеновская печь (1902), увеличено листопрокатное производство, сооружена сутуночно-прокатная фабрика, введено производство жести и цинкование. Научная деятельность: член комиссии по сравнительному анализу уральского кровельного железа с аналогичным железом других российских и зарубежных заводов (1903).	1901–1905
Кыштымский горный округ. Должность — главноуправляющий (управляющий) округом. Производственная деятельность: участие в подготовке, проведении 1-й плавки черновой меди	1906–07.1907
Лысьвенский горный округ. Должность — главноуправляющий (управляющий) округом. Научная деятельность: брошюра «Памяти графа Павла Петровича Шувалова» (1908), включающая тексты: «Речь, сказанная при открытии памятника управляющим округом А.И. Онуфровичем», «Жизнеописание графа Павла Петровича Шувалова», в которой отмечается ключевая роль графа в переустройстве заводов, наделении мастеровых и крестьян землей, образовании особого капитала «для пособия старикам, вдовам и сиротам мастеровых», строительстве храмов и школ в Лысьвенском имении;	1907–1914

<p>- монография «Исследованию кровельного железа, произведенные комиссией по исследованию качеств уральских металлов» (1909) по результатам работы комиссии по сравнительному анализу уральского кровельного железа с аналогичным железом других российских и зарубежных заводов.</p> <p>Общественная деятельность:</p> <p>член Совета Русского металлургического общества (1910–1914), член учетно-ссудного комитета Пермского отделения Госбанка, руководитель отдела по торговле металлами с приуральских металлургических предприятий, ведущий горнозаводского дела уральских заводов, гласный Пермского уездного земства.</p>	1907–1914 (продолжение)
<p>Дата и место гибели: 20.07.1914 Лысьва, во время бунта рабочих Лысьвенского завода</p>	

Библиографический список

1. **Онуфрович Адам Ильич.** — Текст : электронный // *Личность в истории Лысьвенского округа : Виртуальная энцикл.* // МБУК «Лысьвенская БС» : сайт. — URL: <http://lysva-library.ru/lichnost/o/onufrovich/> (дата обращения: 30.03.2024).
2. **Маскаев А.В.** *Забывшие имена : Адам Ильич Онуфрович / Андрей Маскаев / Кулебаки : Краеведческий клуб : страница группы рос. соц. сети ВКонтакте.* — 29 мая 2023. — URL: https://vk.com/@kulebaki_kraeved-zabytue-imena-adam-ilich-onufrovich (дата обращения: 30.03.2024).
3. **Павлов М.А.** *Воспоминания металлурга : в 2 ч. / М.А. Павлов.* — М. : Металлургиздат, 1943.
4. *Воспоминания современника. Архив И.С. Красильникова // Муниципальное учреждение «Кыштымский историко-революционный музей». Ф. Управление заводами.*
5. **Бельский А.** *Как лысьвенцы шли на войну / А. Бельский // Уральский рабочий.* — 1924. — 2 августа.
6. **Парфенов Н.** *Из железоотделочного цеха двинулись в листоотбойный / Н. Парфенов // Искра.* — 2015. — 14 апреля.
7. **Парфенов Н.** *Пермские горнозаводские вотчины Шаховских – Шуваловых, или от Варвары Александровны Шаховской (Строгановой) до Акционерного общества «Лысьвенский горный округ наследников графа П.П. Шувалова» : 1751–1918 гг. / Н. Парфенов // Урал. Краеведение : Краеведческий сайт Среднего Урала : [сайт].* — URL: https://ural-kraeved.ru/parfenov_perm.html (дата обращения: 01.04.2021).

8. **Гайль С.А.** *Воззвание управляющего округом к рабочим Лысьвенского завода : электрон, репрод.* // *Лысьва. От стачки 1861 — к революции 1917 : виртуальная выставка* // МБУК «Лысьвенская БС» : сайт. — URL: http://www.lysya-library.ru/media/images/6_%20Воззвание%20управляющего%20округом%20С_А_%20Гайля%20к%20рабочим%20Лысьвенского%20завода.jpg (дата обращения: 01.04.2021).

9. **Забуга Н.А.** *Протестные выступления рабочих Лысьвенского завода в 1914 г. / Н.А. Забуга // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. мат-лов Четвертой рег. молодежной науч. конф.* — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2010. — С. 131–137.

10. **Вершинин Г.** *В гостях у Онуфровича. — Текст : электронный / Геннадий Вершинин // «Зарека ты моя, Зарека...» // Фото с Урала : [сайт].* — февраль – июнь 2005. — URL: <https://uralphotos.narod.ru/gv/gv2.html> (дата обращения: 01.04.2021).

11. **Батуев А.** *Бунт. Бессмысленный и ужасный / А. Батуев // Искра.* — 2013. — 24 августа.

12. **Софонов Ю.** *Уральский майдан / Юрий Софонов // gazetazvezda : блог газеты ЗВЕЗДА в livejournal : Живой Журнал.* — 01.01.2014. — URL: <https://gazetazvezda.livejournal.com/925905.html> (дата обращения: 01.04.2021).

13. **Парфенов Н.** *Бунт или восстание? / Н. Парфенов // Искра.* — 2014. — 2 августа.

14. **Веретенев В.А.** *Лысьвенское восстание 1914 года и его последствия. — Текст : электронный / В.А. Веретенев // Лысьва. От стачки 1861 — к революции 1917 : виртуальная выставка* // МБУК «Лысьвенская БС» : сайт. — URL: http://www.lysya-library.ru/media/files/Веретенев_В_А.pdf (дата обращения: 01.04.2021).

15. **Гладышев В.Ф.** *Снаряд для его Высочества. — Текст : электронный / В.Ф. Гладышев // Архив г. Перми : сайт.* — URL: <https://www.permarchive.ru/index.php?page=snaryad-dlya-ego-vysochestva> (дата обращения: 01.04.2021).

O.I. Sonina

The History of the Mining Engineer A.I. Onufrovich Service And Death

Keywords. Adam Ilyich Onufrovich, Manager, Kyshtym Mountain district, Lysvensky mountain district.

Abstract. *The author raises the problem of studying the cause of the death of Adam Ilyich Onufrovich, a mining engineer, chemical scientist, organizer of metallurgy in pre-revolutionary Russia.*

Sonina Olga Illarionovna, the member of the local historians club «Quiet winter quarter» (Kyshtym, Russia); e-mail: sonina.olya2014@yandex.ru.

УДК 316.334.56

В.М. ХОРЬКОВА¹

АНТРОПОМОРФНОЕ ОПИСАНИЕ ГОРОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСТВА

Аннотация. *Антропологический подход при изучении города позволяет одушевить его и даже описать через образ конкретного человека. Это дает возможность исследователям проанализировать совокупность эмоциональных характеристик, которые с трудом считываются при использовании формальных методов. Данная методика широко используется в маркетинге территорий, а в предложенной работе рассматривается опыт ее применения в качестве задания для студентов с целью выявить основные «маркеры» в объемном и многогранном образе Екатеринбурга.*

Ключевые слова: *образ города, региональная идентичность, брендинг, маркетинг территории, антропологический подход, Екатеринбург.*

Город является настолько масштабным и необъятным феноменом, что теоретизация его приводит неизменно к конструкциям вида «город как» — город как организм, город как система, город как текст, город как механизм и т. д. Здесь мы, как правило, начинаем рассматривать, следуя городской антропологии, две неотъемлемые составляющие объекта нашего исследования — городские сообщества и городские пространства, захватывая определенные части городского пазла, потому что рассмотреть город в целом, при всем желании, невозможно.

¹ Хорькова Вера Михайловна, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), студентка III курса; e-mail: vera.khorkova@urfu.me.

При выборе города как объекта изучения необходимо поставить вопрос о месте человека в городском пространстве. Город и человек — союз, прочность которого не вызывает сомнений уже давно, именно город дает нам возможность развивать мысль о городе, мысль же в свою очередь развивается человеком. Поэтому мне кажется важным в юбилейный для Екатеринбурга год говорить о нем, используя новые подходы.

Зачастую город воспринимается как особый фон в жизни горожанина, город может создавать специфическую атмосферу, иметь собственный ритм, однако он не является чем-то обособленным, он служит всего лишь дополнением, приложением к жизни человека. Однако существует и иной взгляд на город, где он становится отдельным объектом, более того — субъектом. Б. Марков представил город как «территорию, пространство, которое организует, упорядочивает и в каком-то смысле формирует индивидуальное и общественное тело» [1, с. 280]. Похожую мысль высказывали такие классики в изучении города как социокультурного феномена, как И. Гревс и Н. Анциферов, один из них отмечает: «Надо уметь подойти к сложному предмету познания, в частности понять город, не только описать его, как красивую плоть, но и почуять как глубокую, живую душу, уразуметь город как мы узнаем из наблюдения и сопереживания душу великого или дорогого нам человека» [2, с. 25]. Автор изучает город как социальный организм, вычленяет анатомию, физиологию и душу города в одном из ключевых произведений «Пути изучения города как социального организма» [3] а также наиболее знаменитом его произведении — в «Душе Петербурга» [4].

Эти авторы рассматривали проблему антропоморфизма в образе города через призму культурологии и философии. Под иным углом зрения на данный вопрос смотрел А.П. Панкрухин. Он, как один из ключевых теоретиков маркетинга территории, использовал этот метод при анализе городов в экономическом аспекте. Вспоминая свой преподавательский опыт проведения опроса среди аудитории, он писал: «Попросил ответить на вопрос, как они [студенты] воспринимают три российских города: Москву (которую хорошо знают), Екатеринбург (что-то слышали) и Мичуринск (долго гадали, где же тот находится)», далее московские студенты давали характеристику городу как человеку. Екатеринбург представляется им следующим образом: «Из всех трех городов в наибольшей степени мужик. В самом

соку. Не прост, под шумок занимается криминалом, с ним надо держать ухо востро. Не друг и не враг» [5].

Относительно принадлежности к территории, на сегодняшний день есть представление о том, что горожанин ассоциирует себя в первую очередь не со страной, а с регионом, или более того, с городом. Человек, в данном случае, относит себя к обитателю конкретного места (региона, города или его части), поэтому мы можем говорить о территориальной или региональной идентичности. Итак, региональная идентичность — состояние, предполагающее гармоничное сочетание индивидуальной самости и включенности индивида в региональный социум. И методика изучения пространства, которую использовал А.П. Панкрухин при работе со студентами, также входит в круг вопросов региональной идентичности и уже — идентичности городской. Говоря о региональной идентичности, стоит также отметить прикладное значение этого феномена, прежде всего он используется при работе над брендингом территории. Ядром формирования любого территориального бренда является именно локальная идентичность, то есть способ саморепрезентации территории вовне, а также самоидентификация местного сообщества, без которых брендинг города отрывается от реальности, а предложенная абстрактная схема утрачивает жизнеспособность. Из исследователей, которые посвятили время работе над изучением идентичности в территориальном аспекте, можно выделить Д. Визгалова. В своих работах он рассматривает, в большинстве своем, городскую идентичность, где степень ее проявления выражается в уровне местного самосознания. Идентичность находит отражение во внутренних ментальных образах, а также во внешних координатах (названия улиц, лозунги и реклама, архитектурные нормы, организация общественных пространств, памятники и музейные экспозиции, отношение горожан к своим дворам, подъездам и др.). Говоря об определении понятия, он ссылается на А. Деффнера и Т. Метаксаса, которые считают, что «городская идентичность состоит из тех уникальных характеристик города, которые создают городу его характер» [6, с. 5].

Маркетинг территории делает акцент на идентификации человека и общества с пространством, в котором он проживает, если существует связь между городом и горожанином это сказывается на создании качественного и работающего городского бренда. Понимание того, как личные интересы одного человека соотносятся с интересами других

жителей этого же региона (или города), что у них общего, и, что важнее, что позволяет выделять их из числа Других — все это позволяет судить о том, насколько сильна региональная/городская идентичность.

В этой статье предлагается посмотреть на возможности использования методики, схожей с той, примером которой являлось исследование А.П. Панкрухина. Основным источником для работы стали студенческие эссе, выполненные в рамках курса «Регионоведение» и «Маркетинг территории». Сопоставляя с заданием А.П. Панкрухина, отличие данных работ в том, что теперь студенты, писавшие о городе-человеке, являлись жителями города. Также у них уже были теоретические представления о городе и регионе в связи с прохождением учебных курсов.

Студенчество как период в жизни человека помимо учебы, приобретения определенных профессиональных навыков и социализации дает возможность формулировать наиболее важные вопросы, ответы на которые не будут вращаться вокруг рабочей и бытовой среды. Это время максимальной интеллектуальной увлеченности и недостаточной теоретической осведомленности, время вопросов и стремления к знанию, время, когда интерес к жизни позволяет непрерывно думать, выражать свое мнение и ошибаться. Эссе — это учебные работы, выполненные в свободной форме, созданные студентами, ощущение жизни которых (очень обобщая и, возможно, приукрасив) описаны ниже. Это позволяет говорить о творческом и откровенном взгляде на проблему региональной идентичности.

Данный метод, помимо того, что используется в территориальном маркетинге, отсылает нас к антропологическому подходу, который очеловечивает город и описывает его через образ конкретного человека. Это позволяет исследователям проанализировать совокупность эмоциональных характеристик, которые с трудом считываются при использовании формальных методов.

Нами были определены основные характеристики города как человека, которые неизменно встречались в каждой работе. Ими явились следующие примеры: гендер, возраст, антропометрические данные, черты характера, сфера деятельности, особенности (связанные как с физическим, так и ментальным состоянием) и образ жизни, а в отдельных эссе появлялись и другие детали, позволяющие создать более целостный образ объекта (например, политические предпочтения или социальный статус героя). Первая характеристика — гендер,

отсылает нас к имени города. Далее идет возраст, здесь студенты либо обозначали конкретную цифру, либо довольствовались эпитетами «молодой», «среднего возраста» и т. д. Мы можем рассматривать эту характеристику как позиционирование города во времени и оценка его перспектив — это город, оставшийся в прошлом, или он все же устремлен в будущее, а может быть, он живет «сегодняшним днем» и не заботится о том, что будет завтра. Говоря о внешности, мы переходим к положительной или отрицательной оценке города, это вопрос симпатии и антипатии, что может говорить о желании студента остаться в городе или при возможности покинуть его. Переходя к характеру, речь пойдет о том, возможны ли изменения и насколько город гибок и адаптивен к принятию решений на сегодняшний день. Следующая деталь в образе города-человека — сфера деятельности. Здесь мы обращаемся к функциональному назначению города, а также его позиционированию вовне (его специализации: город-заводчанин, город-предприниматель, город-политик, город-художник и т. д.). Образ жизни и некоторые особенности, в том числе наличие или отсутствие вредных привычек, позволяют вскрыть существующие, по мнению студентов, недостатки или, напротив, преимущества жизни в этом городе.

Итак, город как человек — это подход, используемый в междисциплинарном поле исследований. Литературоведение, культурология, философия, история закладывают теоретические основы. Маркетинг и регионология, а также прикладные экономические и социологические направления исследований применяют знание на практике, например, разрабатывая бренд города. Студенческие эссе соединяют эти знания, добавляя индивидуальный, субъективный взгляд на изучаемую проблему такого всеобъемлющего феномена как город и место человека в нем, и таким образом дают возможность получить информацию о характере региональной идентичности студентов.

Антропоморфизм — тот ключ, который может открыть дверь к пониманию ситуации в контексте региональной идентичности. Что сохранилось от истории города, какие паттерны он несет по сей день, есть ли у него будущее? Источник в виде эссе позволяет посмотреть на город через оптику студентов, что дает нам возможность получить актуальную информацию о характере региональной идентичности молодежи. В дальнейшем планируется более углубленный анализ существующих источников и применение вышеизложенных гипотез на конкретном примере — городе Екатеринбурге.

Библиографический список

1. **Марков Б.В.** Люди и знаки. Антропология межличностной коммуникации / Б.В. Марков. — СПб.: Наука, 2011. — 667 с.
2. **Анциферов Н.П.** «Непостижимый город...»: [Сб.] / Н.П. Анциферов. — СПб.: Лениздат, 1991. — 335 с.
3. **Анциферов Н.П.** Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода / Н.П. Анциферов. — 2-е изд., испр. и доп. — Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1926. — 151 с.
4. **Анциферов Н.П.** Душа Петербурга / Н.П. Анциферов; гравюра А.П. Остроумовой-Лебедевой. — Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1922. — 226 с.
5. **Панкрухин А.П.** У столицы не женское лицо / А.П. Панкрухин // Плюсы и минусы, 2003. — Электрон, копия печ. изд. — URL: <http://pankrukhin.ru/wordpress/wp-content/uploads/2014/06/U-stolicy-ne-zhenskoe-lico.pdf> (дата обращения: 27.09.2023).
6. **Deffner A., Metaxas T.** Shaping the vision, the identity and the cultural image of European places / Deffner A., Metaxas T. // The Materials for 45th Congress of the European Regional Science Association, 23–27 August 2005, Amsterdam, The Netherlands. — 26 p.

V.M. Khorkova

An Anthropomorphic Description of the City in the Study of the Regional Identity of Students

Abstract. *The anthropological approach to studying a city allows you describe place through the image of a specific person. This allows researchers to analyze a set of emotional characteristics that are difficult to read when using formal methods. This technique is widely used in the territorial marketing, and the proposed work examines the experience of its application as a task for students in order to identify the main “markers” in the voluminous and multifaceted image of Ekaterinburg.*

Keywords: *the image of the city, regional identity, branding, territorial marketing, the anthropological approach, Ekaterinburg.*

Khorkova Vera Mikhailovna, 3rd year Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: vera.khorkova@urfu.me.

ЧУТКИЙ И ВНИМАТЕЛЬНЫЙ СЛУШАТЕЛЬ П.П. БАЖОВ И ЕГО МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА. Часть 1

Аннотация. Статья посвящена истории знакомства писателя П.П. Бажова с музыкальной культурой, роли и влиянии народной песни на личность и творчество писателя.

Ключевые слова: музыка, народная песня, фольклор, Бажов, Сысерть.

П.П. Бажов — фигура многогранная, для родного региона он является не только автором «одной книги» — хитовой «Малахитовой шкатулки», но уважаемым педагогом, скрупулезным журналистом, политработником, пытливым краеведом, собирателем местного фольклора, чутким и внимательным слушателем. Хотя музыкальным слухом Павел Петрович не обладал, нотной грамоты не знал, был «непоющим» и сетовал на свою «тугоухость», по воспоминаниям близких, музыку он любил и понимал [1, с. 260]. Музыка звучит на страницах его произведений, в личной переписке он метко цитирует строчки популярных шлягеров и куплеты редких песен, вспоминает дорогие ему голоса ушедших эпох, дает советы по составлению уральского репертуара народного ансамбля песни и пляски и даже сам вторит одной единственной мелодии, где бы ее не услышал. При этом музыкальная сторона жизни Бажова до сих пор не была целостно освещена. В основном исследователи уделяли внимание интерпретациям сказов в музыке [1, с. 51]. Нам интересно взглянуть на музыкально-биографический контекст писателя.

С музыкальной культурой Бажов начал знакомиться в родной Сысерти. С детства, которое пришлось на 1880-е гг., он слышал «мякинины песенки» или как сам назвал их «Песни рабочей молодежи Сысертского завода» [2, с. 289] конца XIX века, автором которых был веселый заводской рабочий, искусный мастер-столяр и, по совместительству, песенник-импровизатор, яркий талант, Медведев Николай Николаевич, по уличному прозвищу Мякина.

¹ Шабатовская Александра Владимировна, МАУК «Объединенный музей писателей Урала», научный сотрудник Мемориального дома-музея П.П. Бажова (Екатеринбург, Россия); e-mail: akorzni@mail.ru.

Первый раз фигура артиста Мякины возникает в автобиографических очерках Бажова «Уральские были» (1924), посвященных «недавнему быту Сысертских заводов» [3, с. 55–58]. Небольшую главу он уделяет заводским остроусловам и балагурам — Макару Драгану и Мякине. Первый — больше по части «бытового перформанса» в состоянии аффекта, второй — мастер слова и зачастую пьяной импровизации с элементами раешника, которая поражала маленького Пашу Бажова: «Это было творчество грубое по замыслу, яркое по обилию образов и тонкое по отделке деталей. Редкая легкость стиха была изумительна. Песня, каждый раз новая, лилась спокойно, уверенно, как будто давалась в давно знакомых заученных словах» [2, с. 289]. Бажов дает анализ репертуара певца-импровизатора, манеры исполнения, отмечая красоту его певческого голоса: «чистый высокий тенор» [2, с. 289]. Биографию Медведева и часть этих песен по памяти Бажов записал для сборника «Дореволюционный фольклор на Урале», опубликованного в 1936 году. Именно в этом сборнике впервые появляются и сказы Бажова, которые он *слышал* от В.А. Хмелинина, сторожа, «дедушки Слышко», бывшего заводского рабочего. Всего в сборнике Бажов публикует 4 сказа и 7 песен. В этой статье поговорим о песнях.

Тематика их разнообразна, в первую очередь, как отмечает сам Бажов, а за ним литературоведы, социально и классово ориентирована: «мысля в формах коллективного нравственного опыта» [4, с. 88], Мякина — глас народа, рассказывает, вещает о наболевшем: тяжелой, «каторжной» работе на Сысертском железодельном заводе, несправедливом отношении власть имущих к простым жителям заводского поселка, о незавидной судьбе девушек-сирот, воспитанниц Соломирского (Иверского) приюта, об опасном для здоровья производстве (об отсутствии всякой охраны труда) на спичечной фабрике А.И. Белоносковой. Только лишь в песне «На Трофимовском угоре» зафиксирована локальная праздничная традиция масленичных гуляний.

К исполнению песен Бажов дает пространный музыкальный комментарий — размер и мотив были самыми разнообразными, указывая, однако, на частотность употребления частушечного мотива общеизвестной «Подгорной», а песня «Прощание с Сысертью» пелась на мотив «Ланцов из замка убежал» [2, с. 290].

Важно отметить, что сюжеты песен Медведева пересекаются как с личной биографией Бажова, так и с творчеством писателя. Напри-

мер, в песне «О милке-сироте» (вариантов песни было несколько, в сборнике Бажов приводит два) рассказывается о незавидной судьбе девушки-сироты, воспитаннице Иверского детского приюта в Сысерти, организованного Д.П. и О.П. Соломирскими. «Милка» — слово разговорное, сниженное, значит — возлюбленная; также употребляется как ласково-фамильярное обращение к женщине. Комментируя песню, Бажов отмечает причину несчастья милки — красивая внешность, которую она проклинает. Песня приведена в двух вариантах повествования — от лица рассказчика и от лица сироты («всяка бассинька сиротка» [2, с. 278]). Суть одна: «Опозоренная заводовладельцем или другим каким-нибудь заводским начальником, сирота не может уже стать женой любимого человека. Девушка либо переходит в разряд городских несчастных, либо становится содержательницей “веселой избушки” в Сысерти» — дает однозначный комментарий Бажов. Одну строчку песни о милке-сироте (третий вариант) Бажов приводит в «Уральских былях»: «от Сысертских крутых гор путь на “Водочну” пошел» [3, с. 17] — в дореволюционное время это была улица притонов в Екатеринбурге, уточняет публикатор. С таким однозначным взглядом Бажова не соглашаются историки-краеведы. Сохранились сведения о положительных, благодарных отзывах воспитанниц об их жизни в приюте [5].

Сиротой была и мама Бажова — Августа Стефановна. Воспитанницей Соломирского приюта на полном пансионе она не была, т.к. жила в приемной семье, но рукоделию училась, скорее всего в мастерских приюта и, с полной вероятностью, знала подобные случаи, о которых рассказывает песня. Августу Стефановну миновала горькая участь приюток, она вышла замуж за Петра Васильевича Бажева, заводского рабочего, мастера сварочно-пудлингового цеха, отца будущего писателя.

Тему производства, тяжелой, подчас дармовой, бесполезной работы на заводе передает песня «О “цапле”». «Цапля» — фабричная марка, товарный знак Сысертских заводов, который ставился на готовой продукции. В песне обыгрывается и прямое, и переносное значение цапли — «Наша цапля молодых глотит ребят» [2, с. 279] — т. е. становится символом власти, угнетателей. В тексте рассказывается о «шаровке» — подростках, поступавших с двенадцати лет на заводскую работу — «возиться с полусаженными плахами около жерла пудлинговой печи» [3, с. 27], — пишет Бажов об этом же явлении

в «Уральских Былях». После двух лет работы молодой человек становится похож на «урода», «Ясны глазки призагухли, А работай, хошь не хошь» [2, с. 280]. Лирический герой песни, обращаясь к «подгорной» (!), к песне (?), просит научить «избыть цаплюгу», выражая готовность восстать против угнетателей: «Мы пройдем Сысерть до краю / Вплоть до царского столба, Попетану стекла вставим, Немогутку за бока¹» [2, с. 280].

В 1949 году Бажов напишет сказ «Не та цапля» — о первом шагающем экскаваторе, построенном на Уралмашзаводе. Часть этой машины — ее «ноги», длинная стрела-«клюв» — вызвали в памяти автора образ цапли. Вспоминая жизнь при старых заводовладельцах, герой сказа цитирует строчки песни Медведева: «Горько, горько нам, ребята, Под железной цаплей жить...» [6, с. 176]. Сказ основан на сравнении рабочей жизни при старом капиталистическом и новом социалистическом строе: «Наша заводская цапля как нарочно была придумана, чтобы люди зря мытарилась, а эта — наоборот, чтоб человека от кайла да лопаты освободить, облегченье ему сделать.» [6, с. 182].

«...У фабричных житье худо, А у их совсем беда» [2, с. 276] — поется в песне об обреченных рабочих спичечной фабрики А.И. Белоносовой на окраине Сысерти. Вредное производство спичек-серянок и отсутствие охраны труда «чрезвычайно разрушительно» сказывалось на здоровье рабочих — «От Настасьиной от вони Стали клячи, а не кони <...> Человеку двадцать лет, а зубов у него нет» [2, с. 277]. «Пары фосфора разрушающе действовали на кость, и нередко были случаи, что у “спичечных” не только вываливались все зубы, но оперативным путем приходилось удалять и челюсти» [2, с. 290], — указывает в комментарии к песне Бажов. Работа не требовала специальной подготовки и была одной из доступных возможностей «легкого» заработка, на производство принимались и женщины, и дети, при этом долго на ней не задерживаясь, что обеспечивало большую текучку и массовость «спичечной орды» [7]. О «спичечниках» Бажов пишет также в очерках «Уральские были», отмечая «дружелюбное», сочувственное отношение сысертчан к рабочим фабрики [3, с. 38–39].

Мотив этой песни угадывается по первой строчке: «Мы не станем, братцы, драться» — это общеизвестный наигрыш «под драку». Драки — особое явление быта заводского поселка, о котором Бажов

¹ Царский столб — памятник Александру II; Попетан — заводский надзиратель. Немогутка — управитель завода (комментарий Бажова) [2, с. 291].

пишет в «Уральских былях» [3, с. 45–48]. Столкновения происходили как между простыми жителями поселка, так и между рабочими и «приказными», мелким заводским начальством. Но изуродованные калеки, инвалиды спичечной фабрики в драках не участвовали, что иллюстрирует полную невозможность постоять за себя и их абсолютную беспомощность.

Бажов не упоминает об аккомпанементе, сопровождавшем песни-импровизации Медведева, но справедливости ради стоит отметить, что сысертчани в конце XIX века слышали и фисгармонию, и шарманку, и разные музыкальные инструменты, есть сведения о том, что местные кустари изготовляли балалайки, а по желанию П.Д. Соломирского и его жены во второй половине XIX века в Сысерти появляется театр [8].

Еще одной воспетой Мякиной напастью было пьянство рабочих. Куда бежать от беспросветных будней? От бесправия и угнетения со стороны власть имущих? Даже случайные барыши за найденный самородок, «золотую витушку» спускались в кабаках, а их на одной только Шиповой улице в Сысерти, на расстоянии не больше 3–4 городских кварталов, было три: как поется в песне «*На тебе, Шиповка, жизнь Все одно — разгулочка. У Коростенки отведешь, У Паруньки подопьешь, А к Верховскому-хромуле Еле ноги волокешь*» [2, с. 277]. Песня описывает ситуацию бешеной конкуренции винокуренных заводов в конце XIX столетия, перед введением «монопольки» на алкогольную продукцию — комментирует текст Бажов. Каждый из конкурентов старался чем-то привлечь потребителя, но цена на водку у всех была одинаково снижена до предела, и конкуренция сводилась к пустякам — к форме посуды и раскраске этикеток: «*У Коростенки гранчата, У Паруньки рифлена, У Верховского-холеры Все зеленого стекла*» [2, с. 277].

Как мириться с такой жизнью? Забунтить? Высказать все начальству? От такого житья скорей хотелось убежать! Как поется в песне: «*Прощай, Сысерть моя родная, Хоть провалиться бы тебе. Такая жизнь у нас худая, Что не увидишь и во сне*» [2, с. 276]. Сценой сборов, переезда на другое место в поисках заработка открывается и первая книга Бажова «Уральские были». Очерки носят автобиографический характер — отца писателя Петра Бажева, по уличному прозвищу — Сверло, — частенько увольняли с работы за жесткое словцо и умение «оконфузить на людях» заводское начальство [3, с. 8]. Все же Петра

Васильевича ценили за мастерство по сварочному делу и работоспособность, поэтому увольняли не навсегда, а «проветривали», «выдерживали» год-полтора; тем временем семья могла попытаться счастье на других ближайших заводах или в «городе» — так безымянно звался Екатеринбург: «*Заколочу свою избенку, Возьму детей с собой, жену, Наденем сумочки холицевы, Пойдем искать свою судьбу*» [2, с. 276].

Как видно, «мякинины песенки» вобрали в себя наболевшие, типичные темы для жителя заводского поселка, рабочего частного предприятия горнозаводского Урала конца XIX века. Как замечает литературовед В.В. Блажес: «в любой артели, в любом цехе находились рабочие с обостренным чувством социальной справедливости и в то же время открыто, оптимистично смотрящие на жизнь, *знающие силу публичного слова и умеющие им владеть*» [5, с. 88–89]. Песни Медведева, рассказывающие о бедах и тяготах жизни рабочих людей, пронизаны едким юмором и сатирой по отношению к угнетателям. «Появлялся какой-нибудь ядовитый припев, который потом подхватывала “мастеровщина”» [3, с. 56]. Бажов указывает на «широкое хождение» «мякининных песенок», популярность в Сысертском заводе: «песни обрастали новыми выражениями, видоизменялись, дополнялись и сокращались» [2, с. 289]. Все известные сюжеты песен Медведева встречаются в бытовых автобиографических очерках Бажова «Уральские были» и даже в сказовом творчестве писателя. В связи с этим мы можем говорить о непосредственном влиянии творчества Медведева на формирование личности писателя и частичном заимствовании, продолжении тем и мотивов авторской песни в творчестве Бажова.

Библиографический список

1. Бажовская энциклопедия / [ред.-сост.: В.В. Блажес, М.А. Литовская]. — Екатеринбург : Сократ, 2007. — 640 с.
2. Дореволюционный фольклор на Урале / Собр. и сост. В.П. Бирюков. — Свердловск: Свердловгиз, 1936. — 367 с.
3. Бажов П.П. Сочинения : в 3 т. Т. 3. / П.П. Бажов. — М.: Правда, 1986. — 334 с.
4. Блажес В.В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала / В.В. Блажес. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. — 1987. — С. 88–89.
5. Дмитрий Соломирский — последний сысертский заводчик : видеоэкскурсия // СОКМ им. Клера : Сысертский краеведческий

музей : [сайт]. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=SRw2MRwopyk&list=PLJIH53omesVSgv2DgdxFL4P8K_3bIrSN&index=4 (дата обращения: 04.02.2024).

6. Бажов П.П. Сочинения : в 3 т. Т. 2. / П.П. Бажов. — М.: Правда, 1976. — 351 с.

7. Сысертские женщины делали первые спички на Урале // Моя Сысерт : История : портал Сысертского гор. округа. — URL: <https://sysert.life/history/sysertskie-zhenshhiny-delali-pervye-spi/> (дата обращения: 04.02.2024).

8. Музыкальные инструменты XIX – начала XX веков: видеоэкскурсия // СОКМ им. Клера : Сысертский краеведческий музей: [сайт]. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=qTj4m7yr384&list=PLJIH53omesVSgv2DgdxFL4P8K_3bIrSN&index=5 (дата обращения: 4.02.2024).

A.V. Shabatovskaya

Sensitive and attentive listener P.P. Bazhov and his music box. Part 1

Abstract. The article is devoted to the story of the acquaintance of the writer P.P. Bazhov with musical culture, the role and influence of folk songs on the personality and work of the writer.

Keywords: music, folk song, folklore, Bazhov, Sysert

Shabatovskaya Alexandra Vladimirovna, United Museum of Writers of the Urals, Researcher of the department «Memorial House-Museum of P.P. Bazhov» (Ekaterinburg, Russia); e-mail: akorzni@mail.ru.

КРУГЛЫЙ СТОЛ ОБЩЕСТВА УРАЛЬСКИХ КРАЕВЕДОВ

УДК 94(47).084+908

М.В. БЕКЛЕНИЩЕВА¹

ИНОСТРАННЫЕ ГОСТИ СВЕРДЛОВСКА В 1955–1991 ГОДЫ

Аннотация. В работе акцентируется внимание на зарубежных гостях, посетивших Средний Урал после окончания Великой Отечественной войны. Выделены типы иностранных делегаций, указаны направления международного сотрудничества, ставшие для региона базовыми. Предложена периодизация приемов иностранцев в Свердловске.

Ключевые слова: иностранцы на Урале, прием делегаций, международные связи.

После окончания Великой Отечественной войны для Свердловска, ставшего мощным промышленным центром страны, открывается новая страница истории. Уже в 1946 г. в город прибывают первые иностранные студенты из Азии и Восточной Европы для обучения в вузах. Средний Урал начинают посещать зарубежные делегации. Так, в частности, в феврале 1950 г. состоялся рабочий визит в Свердловск Председателя Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзедунa. Китайская Народная Республика была создана за несколько месяцев до этого, бóльшая часть промышленности КНР к этому времени была уничтожена или серьезно повреждена. Таким образом, посещение Свердловска, и в частности Уралмашзавода, высокими гостями имело практический интерес. Этот визит положил начало сотрудничеству предприятия с Китаем: экспортные поставки оборудования и выезд сотрудников Уралмаша для участия

¹ Бекленищева Мария Владимировна, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), лаборант-исследователь Международного центра демографических исследований; e-mail: bektmv88@yandex.ru.

в его монтаже и т.д. [1, с. 128–137]. Отметим, что для города это был один из первых визитов столь высокого уровня. Закладывалась основа гостевого маршрута для иностранных делегаций в Свердловске.

К середине 1950-х годов происходят масштабные изменения как во внутренней, так и во внешней политике Советского Союза. Активизируются международные контакты не только на союзном уровне, но и на уровне республик и регионов страны.

В 1955 г. в постановлении Свердловского обкома КПСС отмечалось, что «Зарубежные делегации, прибывающие в нашу область, в течение ряда лет посещают крайне ограниченный круг предприятий, бытовых учреждений, колхозов, МТС и совхозов (Уралмашзавод, колхоз им. Свердлова, УПИ, Уральский геологический музей и некоторые культурные и бытовые учреждения). Не уделяется достаточного внимания содержанию предприятий и учреждений, посещаемых иностранными делегациями, в образцовом порядке» [2, л. 17]. В целях устранения недостатков был утвержден перечень объектов для посещения иностранными делегациями, включавший 11 промышленных предприятий, 13 объектов сельского хозяйства, 8 объектов городского хозяйства, 25 учреждений культуры, образования и здравоохранения и 7 объектов торговли и общественного питания [2, л. 35, 37]. Отметим, что с течением времени появлялись новые объекты посещения для иностранных гостей. К примеру, в Свердловске в 1960–1970-е гг. строились и вводились в эксплуатацию учреждения культуры и спорта, которые становились площадками для международного диалога.

В 1955–1991 гг. Свердловск посещали официальные делегации, в том числе во главе с первыми лицами иностранных государств, парламентские, партийные правительственные делегации. В составе одной делегации могли быть все указанные категории официальных лиц. Кроме того, город посещали сотрудники посольств и торговых представительств иностранных государств, работавшие в Москве. Приезжали зарубежные артисты, ученые, спортсмены, журналисты, профсоюзные и производственные делегации. Начиная с 1946 г. и до распада Советского Союза в вузах Свердловска обучались иностранные студенты, проходили подготовку аспиранты из-за рубежа.

В приеме иностранных гостей в Свердловске прослеживаются несколько этапов. Первый этап начинается с середины 1950-х гг. и завершается в середине 1960-х годов. Его характерными особенностями являются многочисленные визиты в город различных деле-

гаций из капиталистических, развивающихся и социалистических стран. Кроме того, стоит отметить, что с 1955 по 1991 г. лидеры иностранных государств посещали Свердловск 27 раз, в том числе 18 раз в 1955–1965 годах. В это же время у столицы Среднего Урала появляются первые города-побратимы: в 1955 г. английский Бирмингем, а в 1957 г. — румынский Тимишоара. Таким образом развитие побратимских связей в 1955–1965 гг. заложило фундамент для международного взаимодействия свердловчан на системной основе. В Свердловске проводились международные спортивные соревнования. Знаковым событием стал чемпионат мира по конькобежному спорту среди женщин, который состоялся на Центральном стадионе города в 1959 году. В соревнованиях приняли участие спортсменки из 9 стран (Венгрия, ГДР, Корея, Китай, Польша, Финляндия, Чехословакия, Швеция и СССР), вне конкурса выступили конькобежки из Монголии [3].

Со второй половины 1960-х до конца 1970-х г. выделим второй этап международного сотрудничества Свердловска. Его отличительной особенностью становится практически полное отсутствие делегаций из капиталистических стран. Подавляющее большинство иностранных гостей города составляют представители стран Восточной Европы.

К 250-летию Свердловска в 1973 г. в Свердловской филармонии был установлен орган фирмы «Зауэр» из ГДР. Представители фирмы на протяжении нескольких месяцев работали на монтаже и настройке музыкального инструмента, а на открытие приехал генеральный директор фирмы Герхард Шпаллек. В первом концерте 30 октября 1973 г. приняли участие советские музыканты и профессор Высшей музыкальной школы имени Ф. Листа в Веймаре, Высшей музыкальной школы в Лейпциге Иоганн Эрнст Келер [4].

В 1966 году фактически завершаются контакты Свердловска с Бирмингемом и Тимишоарой, однако появляется город-побратим Пльзень — центр Западночешской области, дружба с которым определила дальнейшее развитие международных связей города до распада СССР.

Основа дружбы Пльзеня и Свердловска была заложена сотрудничеством крупнейших машиностроительных предприятий «Уралмаш» и «Шкода», расположенных в этих городах. Важную роль в жизни свердловчан сыграл визит делегации из Западной Чехии летом 1966 года. Были установлены побратимские связи между Свердловской и Западночешской областями, а также между 5 парами городов этих

регионов. К концу 1966 г. в Свердловске было создано городское отделение Общества советско-чехословацкой дружбы. Связи развивались по двум ключевым направлениям: обмен партийными делегациями и производственные контакты. Со временем они переросли в братскую дружбу. Особо стоит подчеркнуть, что события 1968 г. в Чехословакии, известные как «Пражская весна», безусловно, оказали влияние на развитие двусторонних отношений, но не привели к разрыву контактов. Так, например, делегации Свердловской области посещали Пльзень в июне и ноябре 1968 года. Одним из результатов поездок стало издание книги «Маршрутами дружбы» о развитии побратимских связей [5, с. 3].

Со временем появлялись новые формы развития побратимских связей. К примеру, в 1971 г. была возобновлена деятельность пионерской организации Чехословакии, начались обмены школьными группами в пионерских лагерях [6, с. 106]. С 1974 г. на интернациональные смены в пионерские лагеря стали направлять не просто сборную группу от региона, а группы от каждого города, имевшего город-побратим. Обмен происходил следующим образом: группы школьников городов Свердловской области вместе с сопровождающими их педагогами приезжали в Свердловск, где формировалась сборная группа. Сборная группа отправлялась на поезде в Москву, а оттуда на поезде в Прагу. В столице Чехословакии группу встречали представители Западночешской области и сопровождали в пионерские лагеря городов-побратимов. В это время обменная группа пионеров из Западночешской области приезжала на Средний Урал. Школьники прибывали в Свердловск, где их встречали и отвозили в пионерские лагеря городов-побратимов. В середине смены всех чехословацких школьников на один день привозили в Свердловск, где проходила общая встреча и обмен впечатлениями об отдыхе [7].

Помимо побратимских связей Свердловской и Западночешской областей с середины 1960-х до конца 1970-х годов происходило становление второго этапа в обучении иностранных студентов. В вузах Свердловска стали массово проходить подготовку студенты из Монголии. К концу 1970-х гг. монголы учились в Уральском политехническом институте, Уральском государственном университете, Свердловском горном институте и Уральской государственной консерватории.

Монгольские студенты и побратимские связи с Пльзеном стали базовыми сферами международного сотрудничества Свердловска

на данном этапе. Развитие указанных направлений имело большое значение на следующем этапе международных связей Свердловска с конца 1970-х – начала 1980-х гг. и до распада Советского Союза. Так, в частности, в 1984 г. в вузах Свердловска одновременно обучалось более 800 монгольских студентов, в связи с чем в городе было открыто представительство посольства Монгольской Народной Республики в СССР [8, л. 48]. Значительное количество монгольских студентов в Свердловске также способствовало созданию в конце 1984 г. свердловского городского отделения общества Советско-монгольской дружбы [9, л. 13].

Развитие побратимских связей способствовало увеличению количества школьников, принявших участие в интернациональных сменах в Свердловской и Западночешской областях. В начале 1980-х гг. ежегодно выезжали в пионерские лагеря порядка 400 детей с каждой стороны. Было принято решение о направлении школьников самолетами с посадкой в Москве. В 1986 г., к примеру, было организовано 4 рейса из Свердловска в Прагу через Москву и обратно. Значительные объемы школьного туризма способствовали принятию решения об организации с 1987 г. прямых (!) беспосадочных рейсов Свердловск – Прага – Свердловск [10, л. 1, 2, 13].

Кроме того, к концу 1970-х гг. становится известной далеко за пределами Советского Союза свердловская женская волейбольная команда «Уралочка». Игроки команды составили основу сборной СССР, а в Свердловске на протяжении 1980-х гг. регулярно проходили международные волейбольные турниры. К примеру, в 1979 г. прошел матч между сборными СССР и Кубы. Всего кубинские волейболистки посещали город до 1990 г. 5 раз. В Свердловске проходили матчи «Уралочки» или сборной СССР с командами Нидерландов, Японии, Финляндии, Италии, Португалии, Греции, Польши, Венгрии, Чехословакии, Турции, в 1990 году состоялся международный турнир с участием сборных Южной Кореи, Перу, ГДР, Бразилии и США [11].

В 1987 г. в Свердловске появился новый формат развлечений: впервые в городе был установлен чехословацкий аттракционный комплекс «Луна-парк», который разместили в Центральном парке культуры и отдыха им. Маяковского. Действовало 18 аттракционов. Работал «Луна-парк» в течение двух летних месяцев и был чрезвычайно популярен у жителей города. В 1987 году «Луна-парк» посетило более 4 млн человек, гастроли чехословацких аттракционов стали ежегод-

ными. В 1988 году их посетило 3,5 млн человек, а в 1989 г. — 1,5 млн человек [12].

В конце 1980-х гг. в Свердловске стали проводить международные музыкальные и танцевальные фестивали, конкурсы. К примеру, на Фестивале дружбы, посвященном десятилетию детской филармонии, выступил бельгийский хор «Тонада» [13], фестиваль «Земля — наш общий дом», также проводимый детской филармонией, собрал юных артистов из ГДР, ФРГ, Болгарии, Чехословакии, Греции, Турции и Китая [14], в филармонии прошел международный фестиваль джазовой музыки с участием коллективов из Великобритании и Финляндии [15], там же прошел фестиваль фортепианных дуэтов с участием японских и болгарских музыкантов [16], в театре оперы и балета в 1989 г. состоялся первый фестиваль хореографического искусства, в котором приняли участие танцоры из Австралии и Японии [17]. На площадке Дворца спорта был проведен международный конкурс по латиноамериканским и европейским танцам «Интерданс-89», в котором приняли участие танцоры из Чехословакии, ГДР, Польши, Венгрии, Финляндии, Голландии и Советского Союза [18]. В Свердловске прошел Всероссийский смотр театров музыкальной комедии и оперетты, в жюри которого принял участие режиссер Дрезденского театра оперы Людвиг Хорст [19].

В конце 1980-х Свердловск после 20-летнего перерыва стали активно посещать зарубежные ученые. Качественно новым в научном взаимодействии являлось заключение соглашений и договоров в ходе встреч. Таким образом визиты стали носить не просто ознакомительный характер. Так, в 1988 г. был заключен договор между Свердловским инженерно-педагогическим институтом и болгарскими институтами, предусматривающий обмен опытом учебной и научной работы, специалистами, стройотрядами. В развитие договоренностей в 1989 г. Свердловск посетил проректор высшего машинно-энергетического института в Софии С. Маслинков [20]. В 1989 г. УрГУ посетил директор американского Центра политики и социальных исследований университета Нью-Гемпшир Д. Медоуз. В ходе визита был подписан протокол о намерениях УрГУ и советско-американской программы образования и воспитания в области окружающей среды и области развития взаимных связей, проведения совместных исследований, обменов преподавателями, студентами, научными сотрудниками [21]. Уральское отделение Академии наук СССР пригласило в Свердловск

для обсуждения перспектив сотрудничества ученых из Испании. В ходе визита был подписан протокол о намерениях, а позже и соглашение о сотрудничестве. Также было заключено соглашение о сотрудничестве с Хейлунцзянской академией наук (КНР) [22]. В Свердловске прошло заседание Международной рабочей группы Секретариата Международной организации законодательной метрологии. В работе заседания приняли участие ученые из Франции, Китая, Югославии, Болгарии, Польши [23]. Проведение международных многосторонних мероприятий безусловно предполагало проведение подготовки и то, что мероприятие состоялось в Свердловске свидетельствовало о том, что возможности принять участников заседания были. В 1990 г. визиты ученых в Свердловскую область продолжились. А Свердловск получил право проводить международные научные конференции, симпозиумы, совещания. Решением президиума Уральского отделения АН СССР было создано управление международных научных связей [22]. Таким образом произошло институциональное оформление ведущейся де-факто работы в этом направлении.

Благодаря опыту приема иностранных гостей в 1955–1991 гг. в Свердловске была заложена основа для превращения города в 1990-е годы в центр международного сотрудничества.

Библиографический список

1. Кириллов А.Д., Каёта Г.М. *Китай – Урал: из прошлого в будущее* / А.Д. Кириллов, Г.М. Каёта. — Екатеринбург, 2016. — 280 с.
2. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 54. Д. 53. Л. 16–19, 35–37.
3. *Кто окажется сильнейшей?* // *Вечерний Свердловск*. — 1959. — 28 февраля.
4. Матафонова Ю.К. *Инструмент «опус 2000»* / Ю. Матафонова // *Уральский рабочий*. — 1973. — 1 ноября.
5. Целищев Н.Н., Бродский И.С. *Маршрутами дружбы* / Н.Н. Целищев, И.С. Бродский. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1969. — 116 с.
6. *Дружба: Средний Урал – Западная Чехия. Западная Чехия – Средний Урал*. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985. — 288 с.
7. Бекленищева В.Я. *Свидетельства эпохи: Интервью* / В.Я. Бекленищева // *Символы дружбы: Побратимские связи Свердловской области и Западночешской области: виртуальный выст. проект* // ЦДООСО: сайт. — URL: <https://cdooso.ru/images/expo/friendship-symbols/index.html#/9/17> (дата обращения: 07.04.2024).

8. ЦДООСО Ф. 4. Оп. 107. Д. 272. Л. 48.
9. ЦДООСО Ф. 4. Оп. 107. Д. 277. Л. 1–13.
10. ЦДООСО Ф. 4. Оп. 113. Д. 506. Л. 1–13.
11. Ждем большой волейбол // Вечерний Свердловск. — 1990. — 16 июня.
12. Спасибо, «Луна-парк»! // Вечерний Свердловск. — 1989. — 9 августа.
13. **Колпакова И.** Бельгийцы поют «Рябинушку» / И. Колпакова // Вечерний Свердловск. — 1989. — 31 марта.
14. **Константинова М.** Праздник детского творчества / М. Константинова // Уральский рабочий. — 1990. — 11 января.
15. Фестиваль джаза // Уральский рабочий. — 1990. — 19 апреля.
16. **Касюкова М.** Гости из-за границы / М. Касюкова // Вечерний Свердловск. — 1989. — 23 ноября.
17. **Балин Н.** Аврора из Страны восходящего солнца / Н. Балин // Вечерний Свердловск. — 1989. — 10 апреля.
18. **Чудиновских А.** От «Уральских узоров» к «Интердансу–89» / А. Чудиновских // Вечерний Свердловск. — 1989. — 12 августа.
19. **Колескин Р.** Гости «Столицы оперетты» / Р. Колескин // Вечерний Свердловск. — 1989. — 18 ноября.
20. Гость из Софии // Вечерний Свердловск. — 1989. — 25 апреля.
21. **Чернов Э., Юшина Т.** Открытие Америки / Э. Чернов, Т. Юшина // Уральский рабочий. — 1989. — 9 апреля.
22. **Садовская Л.** Урал – США / Л. Садовская // Уральский рабочий. — 1990. — 23 февраля.
23. Собрались метеорологи // Вечерний Свердловск. — 1989. — 24 октября.

M.V. Beklenishcheva

Foreign Guests of Sverdlovsk in 1955–1991

Abstract. The study focuses on foreign guests who visited the Middle Urals after the end of the Great Patriotic War. The types of foreign delegations are highlighted, the directions of international cooperation that have become basic for the region are indicated. The periodization of the reception of foreigners in Sverdlovsk is proposed.

Keywords: foreigners in the Urals, reception of delegations, international relations.

Beklenishcheva, Mariia V., Research Assistant at the International Center for Demographic Research, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: bekmv88@yandex.ru.

УДК 008:94(47).084

В.А. БОЙКО¹

АКАДЕМИЯ ГЕНШТАБА РУССКОЙ АРМИИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В 1918 г. История одного артефакта

Аннотация. В статье рассказывается о событиях, связанных с пребыванием Академии Генерального штаба в Екатеринбурге в 1918 г., трех ее офицерах и об одном историческом предмете — элементе военной формы, принадлежавшем одному из этих офицеров, который сохранился до нашего времени в одной из екатеринбургских семей.

Ключевые слова: Академия Генштаба, военная форма русской императорской армии, Екатеринбург в 1918 г.

Последний раз основательно военная форма в русской армии поменялась вскоре после окончания Русско-Японской войны 1904–1905 гг. Этот процесс, начавшись в 1906 г., продолжался вплоть до начала Первой мировой войны в 1914 г. Из всего многообразия элементов форм русской армии (практически у каждого полка были свои отличия в форме одежды), хотелось бы остановиться только на одном — аксельбанте.

В русской армии аксельбант был атрибутом формы далеко не всех офицеров. Во-первых, аксельбант с бронзовыми наконечниками носили адъютанты, носили их и офицеры корпуса жандармов. Но была и еще очень ограниченная категория офицеров и генералов, кому был присвоен аксельбант с серебряными наконечниками с накладным орлом — государственным гербом — это выпускникам Императорской Николаевской военной академии. Основанная в ноябре 1832 г. в Санкт-Петербурге, она под разными наименованиями просуществует до ноября 1922 г.

¹ Бойко Владимир Александрович, независимый военный историк, член Общества уральских краеведов, подполковник запаса; e-mail: sveta41877@yandex.ru.

Серебряный наконечник
аксельбанта офицера,
выпускника
Академии Генштаба

За все время существования Академии Генерального штаба (АГШ) в России выпускников ее было немного. Поступить в нее было очень трудно, сложно учиться, а офицеров, успешно окончивших полный курс обучения, затем специальный дополнительный курс, затем ценовое командование подразделениями, и только после этого причисленных к Генеральному штабу и получивших право носить серебряный аксельбант и серебряный знак за успешное окончание академии, учрежденный еще в 1866 г., было еще меньше. В рассказе известного русского писателя А.И. Куприна «Куст сирени» очень хорошо показаны все эти сложности.

Традиционно торжественная церемония выпуска из академии, как правило, проводилась в присутствии государя императора, а после причисления офицеров к Генеральному штабу при упоминании его чина обязательно добавлялось — «Генерального штаба». Большинство преподавателей в Академии Генерального штаба были ее выпускниками, и они свято соблюдали традиции академии и передавали их новым поколениям слушателей.

Я давно занимаюсь изучением истории русской армии, и мне очень интересен любой артефакт этой уже далекой для нас поры. В моей коллекции есть очень интересный предмет — это серебряный наконечник аксельбанта офицера, выпускника АГШ, причисленного к Генеральному штабу, и что особенно интересно, — имеющий отношение ко времени нахождения АГШ в 1918 г. в Екатеринбурге.

25 октября 1917 г. в Петрограде произошел переворот, и власть захватили большевики. Одним из первых декретов новой власти от 16 декабря 1917 г. было отменено ношение погон, упразднены чины и звания. Были отменены военные пенсии, выплаты вдовам за потерю кормильца и прочее, а сама русская армия распущена. Этот декрет

оказался морально очень тяжелым для офицерства, прошедшего войну, поскольку погоны всегда были символом чести и офицерского достоинства. Это был символ *esprit du corps* — духа чести, по-русски: честь мундира.

Занятия в академии тем временем продолжались. В конце зимы 1918 г. большевики, напуганные немецким наступлением и возможностью захвата Петрограда, перенесли столицу в Москву, куда уехало правительство (СНК), а академию было принято решение эвакуировать в Екатеринбург. По словам начальника Академии Генерального штаба генерал-майора А.И. Андогского, идею эвакуации на Урал, в Екатеринбург, в беседе с ним выдвинул нарком Троцкий, и уже в начале марта 1918 г. в Екатеринбург были направлены квартирьеры от академии — полковники Г.В. Леонов, А.П. Слижиков и подполковник А.Д. Сыромятников [1, с. 157].

Первоначально, по прибытии в Екатеринбург, квартирьеры расселились по частным квартирам и стали приискивать подходящее здание для размещения академии. Было сформировано четыре эшелона, и первый, отправленный уже 17 марта из Петрограда, прибыл в Екатеринбург 25 марта 1918 г. В Екатеринбурге академия разместилась в недавно построенном здании Епархиального женского училища (сегодня это одно из зданий Уральского государственного горного университета).

Позднее, перед взятием Екатеринбурга чехами и отрядами Сибирской армии, красными властями была осуществлена эвакуация академии в Казань, где она была захвачена чехословаками и отрядами КОМУЧа (Комитета членов Учредительного собрания) под командованием подполковника, генерал-лейтенанта Генерального штаба В.О. Каппеля (с 2007 г. его прах покоится в Москве, в Донском монастыре).

Еще раньше в Екатеринбурге часть слушателей академии под руководством слушателя старшего курса подполковника К. Румшы (будущего командира 5-й польской дивизии) сразу перешла на сторону, враждебную власти большевиков.

О тех событиях в Екатеринбурге мог бы поведать один предмет, чудесным образом попавший в мою коллекцию. В конце 1980-х гг. после одного из моих выступлений на военно-историческую тему в Обществе уральских краеведов (ОУК), я познакомился с пожилым мужчиной, который пригласил меня в гости и рассказал о своих дет-

ских воспоминаниях. В 1918 г. в их частном доме, располагавшемся в центре Екатеринбурга, некоторое время жил офицер из Петрограда, приехавший квартирьером накануне приезда в город академии. Моему новому знакомому запомнилось, что тот постоялец ходил в офицерской шинели, но уже без погон. Не было погон и на кителе, но оставался красивый серебряный аксельбант с накладным гербом Императорской России как свидетельство принадлежности к Генеральному штабу. Позднее обстоятельства заставили его снять и аксельбант. Наконечник этого аксельбанта сохранился в семье моего собеседника, и расставаться с ним он не пожелал ни под каким видом.

Спустя примерно 20 лет на очередном собрания ОУК ко мне подошел молодой человек и представился. Оказалось, что он был внуком того самого моего давнего знакомого, у которого хранился наконечник аксельбанта. Молодому человеку этот исторический предмет достался по наследству, и он согласился передать его мне. Так в моей коллекции оказался наконечник аксельбанта одного из офицеров-квартирьеров академии Генштаба.

Кому же из трех офицеров-квартирьеров могла принадлежать эта вещь?

Удалось установить, что один из квартирьеров, приехавших в марте 1918 г. в Екатеринбург, а именно подполковник Александр Дмитриевич Сыромятников (1886–1938), выпускник АГШ 1913 г., полковник с 19.12.1918 г., после недолгого пребывания в Екатеринбурге уехал в отпуск в Петроград и больше обратно не вернулся [4]. В конце 1919 г. он был взят в плен красными [3, с. 470]. Позднее служил в РККА, был репрессирован и расстрелян 27 августа 1938 г., похоронен на Бутовском полигоне НКВД в Москве. Полностью его реабилитировали 12 марта 1956 г.

Значит, кандидатами на роль хозяина наконечника аксельбанта остаются два других квартирьера. Один из них — это полковник Гавриил Васильевич Леонов (1880–?), выпускник АГШ 1911 г., генерал-майор с 20 апреля 1919 г. Он эмигрировал позднее в Японию [3, с. 696].

Другим мог быть полковник Аркадий Павлович Слижиков (1882–1940), выпускник АГШ 1909 г., генерал-майор с 1920 г. Он эмигрировал позднее в Китай [3, с. 407–408].

Следы обоих полковников затерялись в эмиграции. Не исключено, что когда-нибудь могут всплыть сведения об их дальнейшей судьбе

и — кто знает, может быть, где-нибудь сохранились и их воспоминания о военной службе, об Академии Генерального штаба, о недолгом ее пребывании в Екатеринбурге.

Несколько лет назад группа уральских историков и краеведов, в том числе и автор этих строк, вышла с предложением об установлении памятной доски на здании бывшего Екатеринбургского епархиального училища (Университетский переулок, дом 9) в память о пребывании в этом здании в 1918 г. АГШ. Но вопрос так до сих пор и не решен.

Библиографический список

1. Ганин А.В. *Закат Николаевской военной академии : 1914–1922* / А.В. Ганин. — М. : Книжница, 2014.
2. РГВИА. Ф 33892. Оп. 1. Д. 1646. Л. 72 об., 82.
3. Волков С.В. *Генералы и штаб-офицеры русской армии : Опыт мартиролога : в 2 т. Т. 2* / С.В. Волков. — М. : ФИВ, 2012.
4. РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32. Л. 8, 10.

V.A. Boyko

Academy of the General Staff of the Russian Army in Ekaterinburg in 1918. The story of an artifact

Abstract. *The article talks about the events associated with the stay of the General Staff Academy in Ekaterinburg in 1918, three of its officers and one historical item — an element of a military uniform that belonged to one of these officers, which has been preserved to this day in one of the Ekaterinburg families.*

Keywords: *General Staff Academy, military uniform of the Russian Imperial Army, Ekaterinburg in 1918.*

Boyko Vladimir Alexandrovich, independent military historian, member of the Ural Local Historians Society, reserve lieutenant colonel;
e-mail: sveta41877@yandex.ru.

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ЗАВОДА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В ИССЛЕДОВАНИЯХ Б.Г. РЯБОВА

Аннотация. В работе раскрываются выводы Б.Г. Рябова относительно места и роли Екатеринбургского завода в мировом научно-техническом прогрессе, сделанные им на основании изучения многочисленных источников, главным образом чертежей и планов XVIII – XIX вв., и приведенные в его капитальном труде «Уникальные “машины” горнозаводского Урала и Сибири (XVIII – середина XIX веков)».

Ключевые слова: Екатеринбургский завод, уральская горнозаводская промышленность, история Екатеринбурга, Екатеринбургская механическая фабрика.

В 2016 г. Демидовским институтом была выпущена книга-альбом «Уникальные “машины” горнозаводского Урала и Сибири (XVIII – середина XIX веков)» [1]. Автор ее — Борис Георгиевич Рябов (1934–2013). Книга вышла спустя три года после его смерти. Она стала, как справедливо заметил в предисловии к этому изданию профессор УрГАХУ А.А. Барабанов, плодом «многолетних поисков автора в архивах Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Перми и Златоуста, в библиотеках и музеях России, а также в частных архивах и коллекциях» [1, с. 7].

Будучи многие годы в дружеских отношениях с Б.Г. Рябовым и наблюдая все это время за его деятельностью (с начала 1980-х гг. до момента смерти в 2013 г.), автор данной статьи всегда отмечал тот энтузиазм, с которым Борис Георгиевич вел свои поиски в архивах, библиотеках и музеях по теме, над которой трудился явно не только по долгу своей работы на кафедре «Промышленное искусство» (впоследствии стала называться «Индустриальный дизайн») при Свердловском архитектурном институте (в 1972 г. ставшем Уральской архитектурно-художественной академией). Этой теме он предавался всей

¹ Зорина Людмила Ивановна, кандидат исторических наук, ООО «Уральский региональный институт музейных проектов», заместитель генерального директора; e-mail: ural.zorina@yandex.ru.

душой, с огромным увлечением, делясь со мной порой неподдельной радостью от результатов своих поисков и научных открытий.

Имея инженерное образование, Б.Г. Рябов задался целью рассмотреть развитие горнозаводской промышленности Урала и Сибири на протяжении довольно большого периода — с начала XVIII до середины XIX в. с точки зрения использовавшейся на разных заводах техники. Автор книги показал себя, прежде всего, как глубокого исследователя техники, применявшейся в разных отраслях хозяйства и производственных процессах Урало-Сибирского региона. Анализируя на базе своих инженерных знаний особенности конструкции тех или иных образцов техники и технологии их работы, он также продемонстрировал свои обширные исторические познания по исследуемой теме.

В ходе изучения Б.Г. Рябовым горнозаводской промышленности Урала и Сибири, результаты которого вылились в формат данного капитального печатного труда, в поле его внимания оказались такие темы, как энергетика, гидротехника, пушечное и меднопосудное дело, железодельное производство, проволочные фабрики, пильные и полировальные мельницы, золотодобыча, паровые машины, паровозы и пароходы, златоустовское оружие, часовой механизм Невьянской наклонной башни, чугунное художественное литье, инженерная графика.

Огромное внимание автор книги уделил Екатеринбургскому заводу, рассмотрев не только в целом весь заводской комплекс в процессе его формирования, но и в частности, особо глубоко исследовав технический аспект его гидросиловых сооружений, работы монетного двора, меднопосудной и казенной механической фабрик. При этом Б.Г. Рябов стремился определить персональный вклад того или иного творца техники в развитие горнозаводской промышленности региона.

Поясняя, почему именно период с начала XVIII до середины XIX в. представляется ему «наиболее интересным», Б.Г. Рябов отмечает: «Именно тогда Урал вывел Россию на передовые позиции по выплавке чугуна и меди. К началу XIX в. на Урале производилось две трети российского железа и 90% меди» [1, с. 9].

Вспоминая расхожее определение Урала — «опорный край российской державы», исследователь задается вопросом: «А что конкретно известно о технических преобразованиях, произошедших на Урале в XVIII – XIX столетиях?» [1, с. 9]. И тут же формулирует

задачу, которую видел перед собой, занимаясь подготовкой данного издания — «используя, в основном, архивные первоисточники», рассказать «о людях — подлинных преобразователях далекого края, выдающихся технических достижениях, уникальных машинах и технологиях многоотраслевого горнозаводского хозяйства» [1, с. 9].

В своей книге Б.Г. Рябов немало страниц посвящает Екатеринбургскому заводу, столице горнозаводского края. Начиная с Н.К. Чупина, автора труда «Полуторастолетие Екатеринбурга», историю города пристально изучали многие исследователи, открывая все новые и новые ее страницы [2]. Но, пожалуй, такой глубины в понимании того, что собой представлял Екатеринбургский завод с технической стороны, какое место занимал в контексте мирового научно-технического прогресса — до Б.Г. Рябова еще никто не продемонстрировал. Изучая техническое оснащение завода, исследователь рассматривает его в контексте развития мировой промышленности. Он делает, например, такие выводы: «Суммарная мощность Екатеринбургского промышленного комплекса <...> составляла 250–350 л.с. ...Мощность известного в то время в Европе комплекса на реке Сене в Марли достигала только 150 л.с. Не случайно Екатеринбургский промышленный комплекс на протяжении столетия служил эталоном при строительстве вододействующих металлургических мануфактур Урала и Сибири и, по сути, определял высокий уровень горнозаводской техники, технологии и организации устроенного здесь производства» [1, с. 33].

До тонкости понимая те процессы, которые происходили в недрах екатеринбургских фабрик, в его отдельных механизмах и во всей его живой системе, автор данной книги определяет значение и место Екатеринбургского завода во всей системе горнозаводской промышленности Урало-Сибирского региона: «Именно здесь, в Екатеринбурге, крепко и ковалось могущество Петровской эпохи, на этом гигантском горнометаллургическом комплексе, ставшем образцовым для всех казенных и партикулярных металлургических и перерабатывающих железодельных мануфактур Урала и Сибири. Этим вододействующим комплексом восхищались и в Европе, аналога ему не было нигде» [1, с. 132]. И тут же исследователь высказывает свое горькое сожаление о безвозвратной утрате этого комплекса: «По злой иронии судьбы от бывшего горнопромышленного великолепия мало что осталось в наследство потомкам — изуродованная плотина без рабочих прорезов, гладь пруда да закатанное в асфальт полупустое про-

странство сквера. Время унесло все свидетельства славной российской истории...» [1, с. 132].

Решая вопрос, кому нужно отдать пальму первенства в появлении этого «гигантского горнометаллургического комплекса, ставшего образцовым для всех казенных и партикулярных металлургических и перерабатывающих железодельных мануфактур Урала и Сибири», Б.Г. Рябов, не умаляя заслуг В.Н. Татищева как одного из основателей Екатеринбурга, все же указал на фигуру В.И. де Геннина. Он называет его «выдающимся инженером, ученым и организатором металлургической промышленности России» [1, с. 33]. Исследователь доказывает это на многочисленных примерах, анализирует и искренне восхищается техническими изобретениями главного командира уральских заводов и проведенными им усовершенствованиями механизмов. Вот, например, Б.Г. Рябов описывает изобретенную В.И. де Генниным и внедренную на Екатеринбургском и других уральских заводах технику и технологии по изготовлению чугунных пушек: «Другой тип трансмиссионной передачи был применен «в инвенции» В. Геннина в машине по обработке пушек. На стане выполнялись одновременно операции рассверливания канала ствола, абразивная обработка пушки сверху и обрезание «прибыли». Благодаря применению цевочных зацеплений, зубчатых колес, храповых колес и коленчатого вала удалось создать компактную конструкцию многопозиционного полуавтомата с механизированной подачей обрезающих пил и заготовки на сверло при сверлении канала ствола пушки. <...> Схема «горизонтального сверления» при рассверливании глубоких отверстий оказалась удачной настолько, что использовалась при проектировании и строительстве не только пушечно-сверлильных станков в XVIII, XIX столетиях, но и дожила до наших дней...» [1, с. 65]. Исследователь делает такие выводы по поводу этого механизма: «Приведенный и описанный в «Абрисах» рисунок сверлильной «машины» является прототипом современного многооперационного станка-полуавтомата. И это начало XVIII столетия, и это на Урале, и это в Екатеринбурге!» [1, с. 67].

«Абрисы» В.И. де Геннина вызывали у Б.Г. Рябова особое восхищение. Он пишет о них следующее: «Вильгельм де Геннин был человеком не только выдающимся, но и мудрым. Он оставил для грядущих поколений бесценный рукописный труд «Абрисы», в котором с удивительной тщательностью и точностью и в текстах описаний,

и в своеобразной графике, выполненной в жанре акварельных рисунков, создал энциклопедию — справочник лучших инженерных, организационных и экономических достижений нового для России многоотраслевого горнозаводского промышленного производства Сибири, построенного на самых передовых достижениях Европы и центральных областей России. В «Абрисах» он показал, как лучшие специалисты европейских стран и развитых промышленных районов России за какие-нибудь 12 лет создали экономически целесообразную казенную горнозаводскую промышленную зону на огромных просторах Урала и Сибири. <...> Историческое культурное значение «Абрисов» ни тогда, в век Анны Иоанновны, ни теперь, в наше непростое время, до конца не поняты и не оценены» [1, с. 62, 63]. Современные исследователи, благодаря изданию в 2015 г. приложения к этой рукописи де Геннина в виде чертежей и планов уральских и сибирских заводов XVIII века, получили в настоящее время возможность «до конца понять и оценить» его труд [3].

Б.Г. Рябов, изучая описания, приведенные в «Абрисах» де Геннина, с восхищением пишет о той технологии, которая внедрялась благодаря главному командиру уральских заводов на кричных фабриках Урала: «Регламент» В. Геннина на технологию кричного передела железа из чугуна, устройство кричной фабрики оставался неизменным на протяжении XVIII столетия <...> в тексте «наставлений» В. Геннина речь идет о применении проходных и непроходных калибров при изготовлении сортовой полосы. Применение «указанных мер» или, в современной терминологии, проходных и непроходных калибров для контроля геометрических параметров изделия, в начале XVIII столетия на уральских заводах можно расценить не иначе как сенсационным. Их применение строго регламентировало размеры прокованной полосы в пределах допустимых — а это не иначе как начало стандартизации, унификации, взаимозаменяемости — терминов, получивших широкую известность и практическую пользу при изготовлении серийной и массовой продукции в XX столетии. <...> Вот и получается, что Вильгельм Геннин описал практическое применение стандарта из XX столетия в начале XVIII столетия. Да не где-нибудь, а на уральских заводах!» [1, с. 87].

Рассматривая рисунок из Абрисов «Плющильный стан», Б.Г. Рябов удивляется этому изобретению: «Как следует из рисунка, описания вододействующего плющильного и железорезного прокатного станом

и чертежа разрезных валков, ширина полосы изменялась простым подбором переходных колец между разрезными дисками, то есть стан был универсальным. На нем после простой подналадки можно было прокатывать полосу разной ширины!» [1, с. 91].

Б.Г. Рябов в своей книге отметил инженерные таланты не только В.И. де Геннина, но и многих других творцов техники Урала, в том числе екатеринбуржцев — Ивана Сусорова, Василия Рожкова, Петра Тета. Приведенные им характеристики и описания Екатеринбургской механической фабрики, построенной по проекту П.Э. Тета, англичанина на русской службе, позволяют гордиться за Екатеринбург перед мировым научно-техническим сообществом.

Б.Г. Рябов отмечал по поводу нее следующее: «Анализируя оборудование фабрики, выпускаемую продукцию и численный состав мастеровых, мы видим, что уже к 1854 г. фабрика вышла на уровень лучших в техническом отношении европейских образцов <...> была оснащена уникальной системой централизованного гидравлического и парового привода, современного для того уровня оборудования и станочного парка» [1, с. 356]. На основании чертежей исследователь попытался описать технические устройства фабрики: «Сложной, разветвленной системой трансмиссионных валов с параллельными и пересекающимися осями, шкивами с цилиндрическими и коническими зубчатыми зацеплениями была оснащена механическая Екатеринбургская фабрика. <...> Уникальные сдвоенные среднебойные девятиметровые металлические колеса через повышающую зубчатую передачу приводили в действие металлорежущие станки токарного отделения. <...> Екатеринбургская механическая фабрика — первое крупное казенное машиностроительное предприятие Урала — просуществовала до 1874 г., стала первым крупным казенным машиностроительным предприятием на Урале, сыграла исключительную роль в развитии горнозаводской техники и воспитании промышленных кадров» [1, с. 357–362].

В своей книге Борис Георгиевич предстает не просто серьезным, глубоким исследователем, историком уральской горнозаводской техники, но человеком неравнодушным, глубоко сожалеющим о навсегда утраченных историко-культурных ценностях. Он пишет с горечью: «Тихо несет река Исеть свои воды после водосброса на плотине по бетонному каналу, пролегающему по дну огромной впадины, называемой в наше время почему-то историческим скве-

ром. Пошумев и поворчав немного на водосбросе, вода засыпает через 30 метров, так ничего и не совершив. И непонятно, для чего все это было создано — и плотина с ее подпорной стенкой, и пруд, и сам водосброс, и откуда пустое пространство за плотиной? И только человеку, интересующемуся историей, понятна глубина трагедии, грандиозного шоу человека и природы, разыгранная здесь на протяжении трех веков» [1, с. 131].

Нельзя не согласиться с общей оценкой книги Б.Г. Рябова, сделанной профессором А.А. Барабановым: «Обилие представленных в книге исторических фактов и технических сведений делают ее своеобразным энциклопедическим справочником по горнозаводской промышленности Урала и по выдающимся его мастерам и инженерам-изобретателям» [1, с. 8].

Исследования Б.Г. Рябова позволяют по-новому посмотреть на роль и место Екатеринбургского завода в мировом научно-техническом прогрессе.

Библиографический список

1. **Рябов Б.Г.** Уникальные «машины» горнозаводского Урала и Сибири (XVIII – середина XIX веков) = *The unique machines of mining and metallurgical production in the Urals and Siberia (18-th – to the 19-th centuries)* / Б.Г. Рябов. — Екатеринбург : Демидовский ин-т, 2016. — 416 с.
2. **Чупин Н.К.** Полустолетие Екатеринбурга (1723–1873 гг.) / Н.К. Чупин // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842–1881 гг. Вып. 1. — Пермь: Типогр. губерн. правл., 1882. — С. 1–37.
3. **Абрисы В. де Геннина: чертежи и планы уральских и сибирских заводов XVIII века.** — Екатеринбург: Артефакт, 2015. — 240 стр.

L.I. Zorina

Assessment of the Ekaterinburg Plant Activity in the Context of Global Scientific and Technological Progress in the Research of B.G. Ryabov

Abstract. The work reveals the conclusions of B.G. Ryabov regarding the place and role of the Ekaterinburg plant in world scientific and technological progress, made by him based on the study of numerous sources, mainly drawings and plans of the 18th – 19th centuries. and given in his major work « The Unique Machines

of Mining and Metallurgical Production in the Urals and Siberia (18th – to the Middle of the 19th Centuries)».

Keywords: Ekaterinburg plant, Ural mining industry, history of Ekaterinburg, Ekaterinburg Mechanical Factory.

Zorina Lyudmila Ivanovna, Candidate of Historical Sciences, Ural Regional Institute of Museum Projects LLC, Deputy General Director;
e-mail: ural.zorina@yandex.ru.

УДК 908

В.Г. КАРЕЛИН¹, Б.А. ГИЖЕВСКИЙ²

ПУБЛИКАЦИИ «АБРИСОВ ...» Г. В. де ГЕННИНА³

Аннотация. Рассмотрены публикации Абрисов. Обсуждаются вопросы авторства текстов и планов уральских заводов, представленных в Абрисах.

Ключевые слова: Геннин, Абрисы, публикации, автор.

В начале XVIII в. на Урале было создано крупномасштабное горнозаводское производство черной и цветной металлургии, определившее направленность развития всего Уральского региона вплоть до наших дней. В 20–30-е годы XVIII в. были построено 9 новых заводов и реконструированы 3 старых завода. Этими работами руководил Георг Вильгельм Геннин. Результаты его деятельности на Урале были оформлены в рукописи «Генерал-лейтенантом от артиллерии и кавалером ордена Святого Александра Георгом Вильгельмом де Генниным собранная натуралии и минералии камер в сибирских горных и заводских дистриктах также чрез его о вновь строенных и старых исправленных горных и заводских строениях и прочих курьезных вещах абрисы» (далее — Абрисы).

¹ Карелин Владислав Георгиевич, кандидат технических наук; ОАО «Научно-исследовательский институт металлургической теплотехники» (ОАО «ВНИИМТ», Екатеринбург), ведущий научный сотрудник; e-mail: karelin@lab62.vniimt.ru.

² Гижевский Борис Александрович, канд. физ.-мат. наук, ФГБУН Институт физики металлов имени М. Н. Михеева УрО РАН (Екатеринбург, Россия), старший научный сотрудник; e-mail: gizhevskii@imp.uran.ru.

³ Работа поддержана в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 122021000036-3.

В настоящее время известны семь экземпляров рукописи Абрисов: пять рукописей находится в Санкт-Петербурге (три в архиве Института истории Российской академии наук, одна в Русской Национальной библиотеке и одна в библиотеке Горной академии). Одна рукопись находится в Москве (в Государственном историческом музее) и одна — в Нью-Йорке (США). Известны семь публикаций, в которых в той или иной степени приведены материалы Абрисов. Впервые большая часть текстов Абрисов была опубликована В. Берхом в 1828 г. в нескольких номерах Горного журнала [1]. В этой публикации отсутствуют иллюстрации. В.Ф. Злотников в 1937 г. опубликовал Абрисы отдельной книгой [2] по рукописи, хранящейся в Русской Национальной библиотеке. В этой публикации дополнительно к тексту Абрисов приведены планы заводов, археографическая справка и выполненный анализ текстов Абрисов [3]. В 1922 г. в Вашингтоне (США) был опубликован на английском языке [4] перевод русского издания Абрисов от 1937 г. [2]. В последние годы материалы Абрисов опубликованы в Екатеринбурге. Эти публикации ниже рассмотрены более подробно.

В 2020 и 2022 гг. были напечатаны два издания книги «Вильгельм де Геннин. О горных и заводских строениях» (составитель В.Ю. Грачев) [5; 17]. Книга является изложением выбранной части Абрисов, связанной в основном с архитектурным аспектом и строительством фабрик и заводов. Источником текстов в книге служит публикация Абрисов, осуществленная в 1937 г. Злотниковым. Большим достоинством этих публикаций является изображение планов заводов в двух вариантах: малоразмерный план непосредственно в тексте и крупный план этого же завода на отдельном листе. В целом материалы книги изложены логично в соответствии с названием книги. Во втором издании весьма полезны приложения с текстом статей М.Ф. Злотникова и Н.В. Бакланова.

В 2015 г. в Екатеринбурге была издана книга «Абрисы В. де Геннина. Чертежи и планы уральских и сибирских заводов XVIII века». Тексты в книге написал и составил Н. Корепанов [6]. В целом это прекрасно изданный дорогой подарочный фолиант, трудно доступный рядовому читателю-краеведу. Идея книги, на наш взгляд, несколько некорректна уже в самом названии. Абрисы Геннина четко ограничены по времени окончательным отъездом его с Урала в 1734 г. А материалы, представленные в книге, расширяют временные рамки на весь XVIII в. и, следовательно, не имеют отношения к Абрисам. Таким образом, в опу-

бликованном варианте книга вызывает логический диссонанс. В отношении текста книги следует прежде всего отметить, что конкретные тексты Абрисов приведены либо в вольном пересказе Н. Корепанова, либо в оригинальном тексте Абрисов, но в удивительно мизерном количестве строк оригинала Абрисов. В результате теряется колорит письменного оригинала Абрисов. В книге весьма неудобно размещены постраничные ссылки: в тексте указаны ссылки на одной странице, а их расшифровка помещена на последующих страницах, иногда через 2–3 страницы. На большом количестве иллюстраций (планов заводов) отсутствуют информационные данные (год составления, автор, архивные ссылки и т.д.). Большое количество планов не привязаны к конкретным текстам. На с. 26 Н. Корепанов утверждает, что, вероятно, информационной основой рукописи Абрисов послужила «итоговая ведомость», составленная Томиловым в 1731 г. Однако архивные документы сообщают иную информацию. Первую ведомость об Уральских заводах Геннин отправил в столицу 2 января 1726 г. Вторая ведомость была составлена Томиловым в 1731 г. Предвидя свой окончательный отъезд с Урала, Геннин 5 апреля 1734 г. издал указ: «...понеже, хотя коллежским советником господином Томиловым ведомости <...> и учены, но только по 1731 год <...> того ради вновь учинить о всех казенных заводах о каждом порознь обстоятельные ведомости» [8]. И уже 30 июля 1734 г. ведомости казенных заводов были составлены [9, л. 59–59 об.]. На с. 26 книги Корепанов пишет о том, что Геннин покинул Екатеринбург «лишь в первых числа декабря» Но архивные документы «говорят» о другой дате [10]. Только 14 декабря 1734 г. Татищев и Геннин поставили подписи под списками сдачи-приемки уральских заводов, о чем Татищев в письме от 15 декабря 1734 г. к С.А. Салтыкову записал: «...принимал заводы и вчера, окончив оную опись, расписали» [11]. А подорожная до Санкт-Петербурга была выдана Геннину 31 декабря 1734 г. [12; 13]. Поэтому скорее всего Геннин навсегда уехал из Екатеринбурга в первых числах января 1735 г.

В составе Абрисов находятся планы заводов. Первенцем среди уральских заводов был Каменский завод, первый реальный план которого был составлен С. Ремезовым в 1703 г. Известны планы Каменского завода, составленные М. Кутузовым в 1726 и 1730 гг. Выполняя требования Сената Геннин приказал «велеть немедленно ундерших-мейстерам Кутузову и Горчакову всем заводам учинить планы и проспекты» [14]. Кутузов и Горчаков исправно трудились и в декабре

1730 г. представили в обербергамт чертежи казенных заводов: Кутузов — 8 планов [15, л. 152–152 об.], Горчаков — 3 плана [15, л. 154]. Некоторые из этих планов вошли в состав Абрисов. А краткие ведомости и планы уральских партикулярных заводов были составлены в 1734 г. В начале сентября 1734 г. Геннин поехал на Невьянские заводы «для учинения тамо заводов Демидова приличного к гистории и его заводов абрисов» [9, л. 82–82 об.]. Он взял с собой чертежников. А в октябре он переслал в обербергамт чертежи 11 партикулярных заводов [18, л. 175], которые числятся в «Описи имеющимся в Сибирском обербергамте чертежам...», составленной при передаче заводов от Геннина Татищеву в 1734 г. [19]. На части планов однотипно указано — сочинено сентября месяца 1734 г.

В 2020 г. Н. Корепанов издал книгу «Фабричные постройки уральских заводов XVIII века» [20]. Достоинством книги является публикация большого количества архивных документов, касающихся постройки уральских заводов. В Абрисах находятся 12 планов партикулярных заводов. Все они были составлены по указу Геннина во время его поездки в сентябре–октябре 1734 г. на демидовские заводы (см. выше). На части этих планов имеется однотипная запись: «Сочинен в октябре месяце 1734 году при Ектеринбурхе». Н. Корепанов считает, что большинство этих планов составил М. Кутузов. Однако такое его мнение ошибочно. На всех планах партикулярных заводов имеется вышеприведенная запись о дате составления планов. На этих планах отсутствует подпись М. Кутузова, который в принципе не мог поставить свою подпись, так как он в период с 1731 г. по май 1735 г. находился в далекой Сибири на поисках серебряных и свинцовых руд. Поэтому авторы планов партикулярных заводов, представленных в Абрисах, пока остаются неизвестными. В ГАСО ныне хранятся планы партикулярных заводов, сравнение которых с планами, находящимися в Абрисах, показало следующее. Планы в ГАСО — оригиналы, а планы в Абрисах — копии. На подавляющем количестве копий отсутствуют даты изготовления, а на всех оригиналах имеется запись о сочинении их в сентябре 1734 г. На ряде оригиналов показаны номера объектов с их пояснениями, а в копиях эти данные отсутствуют. В копиях иногда упрощено конкретное изображение или оно вообще отсутствует. В оригиналах названия заводов помещены в виньетки в виде изогнутых лент, а в копиях названия заводов записаны прописью в строку. При этом, по нашему мнению, почерк этих строчных

записей одинаков с почерком на планах некоторых казенных заводов, изготовленных канцеляристом И. Ушаковым, который «всегда был у дела и копирования разных горных и заводских дел» в походной канцелярии Геннина [18, л. 52–52 об.].

Традиционно единоличным автором рукописи абрисов считают Геннина. Н. Корепанов уточнил: «Несомненно книга явилась плодом коллективного творчества, но несомненно также, что у книги был автор...» [6, с. 26, 30]. Наш анализ «авторской» проблемы Абрисов показал следующее. На странице с посвящением императрице записано: «Генерал-лейтенантом <...> де Генниным СОБРАННАЯ натуралии и минералии камер <...> абрисы [1], т.е. Геннин «собрал» различные материалы в книгу. Ведомости казенных заводов составляли: А. Уваров, адъютант Геннина, и подканцелярист И. Мелентьев (заводы: Екатеринбургский, Верхисетский, Уктусский, Вехнеуктусский, Сысертский, Полевской и Каменский), а также пробирщик Я. Овцын и И. Мелентьев (заводы: Алапаевский, Синячихинский, Лялинский и Ягошихинский) [22]. В описаниях заводов, составленных ими, многократно Геннин упоминается в третьем лице, например: «он генерал-лейтенант сам свидетель» [2, с. 73]; «от него генерал-лейтенанта наименован завод цесаревны Анны» [2, с. 440]; «по определению ево, генерал-лейтенанта» [2, с. 527] и многие другие. Указанные факты свидетельствуют о том, что в описании заводских ведомостей Геннин практически не участвовал. В описаниях партикулярных заводов Геннин вообще ни разу не упоминается. Но в одном случае при описании Томского и Кузнецкого дистриктов записано: «При том же означено принадлежащее описание к гистории, сколько я мог известия получить» [2, с. 623]. Можно предположить, что очень краткие описания партикулярных заводов составили неизвестные пока лица. А в данном конкретном случае Геннин в первом лице выступил в роли редактора. Геннин несомненно участвовал в написании раздела Абрисов «О плотинном деле» [2, с. 117–138]: обширную информацию, включая рисунки плотин Германии и Швеции, мог изложить только Геннин. Раздел Абрисов «О сибирском обербергамте» [2, с. 82–101] состоит практически из списка штатов обербергамта, в свое время составленного Генниным. Все технические разделы Абрисов представляют собой подробную информацию о том, как изготовить ту или иную фабрику и как ее надежно эксплуатировать. Реально это были собранные в одном месте инструкции, написанные собственноручно Генниным в разное время.

Подтверждением авторства технических разделов Абрисов являются неоднократные использования выражений от первого лица, например: «как уже наперед меня показано» [2, с. 301]; «при отбытии моем отсюда» [2, с. 366]; «без бытности моей от обербергамта» [2, с. 367] и др. Н. Корепанов считает, что «...он (Геннин) построил уральские заводы и НАПИСАЛ (выделено нами. — В.К., Б.Г.) о них книгу» [6, с. 30]. По нашему мнению, учитывая вышеизложенное, редактором и автором некоторых частей несомненно был Геннин. А материалы с общим описанием заводов написали А. Уваров, Я. Овцын, И. Мелентьев. Кроме того, многочисленные таблицы составил Д. Столов. Авторство некоторых планов заводов принадлежит М. Кутузову и Горчакову, а также некоторым пока неизвестным лицам [21].

Из изложенного выше однозначно следует, что Геннин весьма плодотворно и с большим прилежанием выполнял свои обязанности Главного начальника уральских заводов. Тем не менее длительное пребывание на Урале ему не очень нравилось. И он все время стремился побыстрее покинуть Урал. Об этом свидетельствуют его письма в столицу, в которых он многократно просил освободить его от занимаемой должности. Он писал: «Я здесь не желаю более быть» [16, с. 275–276]; «...прошу дабы указом <...> повелено было отсель учинить свободно» [16, с. 363–364]; «...дабы я уволен был отсюда <...> и то я ныне паки прошу» [16, с. 372–374]; «...и прошу покорно чтоб я здешнего места был свободен» [16, с. 398–400]; «Я слезно вас прошу <...> выручи нас отсюда» [16, с. 405–406] и др.

В завершение отметим, что в геннинских Абрисах сохранился и при чтении воссоздается цельный облик всего уральского заводского дела с конкретными фабриками, конструкциями металлургических агрегатов, используемых инструментов и даже образы работников, выполняющих те или иные рабочие операции. Укажем также, что в этой многостраничной рукописи рассматриваются и некоторые экономические вопросы металлургического производства того времени. В целом Абрисы Г.В. де Геннина являются энциклопедией горнозаводского дела XVIII века и первым в России фундаментальным трудом такого рода. Остается сожалеть, что, несмотря на востребованность в период бурного развития горнозаводского дела в России, это произведение не было опубликовано в свое время. Возможно, после отъезда Г.В. де Геннина из России не нашлось деятеля, который решился бы взяться за публикацию этого труда, а власти не проявили должной

дальновидности. Ряд публикаций, которые рассматривались выше, свидетельствуют о внимании современных исследователей и широкой публики к обширной теме истории создания промышленного потенциала России.

Библиографический список

1. Берх В. Генерал Лейтенантом от артиллерии и кавалером ордена Св. Александра Георгием Вильгельмом де Геннином собранная, натуралии и минералии камер в сибирских горных и заводских Дистриктах, также чрез его о вновь строенных, и старых исправленных горных и заводских строениях и прочих курьезных вещах абрисы / В. Берх // Горный журнал. — 1828. — № 7. — С. 107–112.
2. Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735 / Вильгельм Де-Геннин; Предисл: акад. М. А. Павлова. — М.: История заводов, 1937. — 656 с.
3. Злотников М.Ф. Первое описание уральских и сибирских заводов / М.Ф. Злотников // Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735 / Вильгельм Де-Геннин. — М.: История заводов, 1937. — С. 11–64.
4. Hennin G.W. Description of Ural and Sibirian Factories in 1735 / G.W. Hennin. Technical editor Battison E. — Washington, 1992. — 766 p.
5. Вильгельм де Геннин. О горных и завоцких строениях / Вильгельм де Геннин; сост. Грачев В.Ю. — Екатеринбург: Грачев и партнеры, 2020. — 373 с.
6. Корепанов Н.С. Абрисы В. де Геннина: Чертежи и описание уральских и сибирских заводов XVIII века / Н. Корепанов. — Екатеринбург: Артефакт, 2015. — 240 с.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 38. Л. 86.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 478. Л. 644.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 511.
10. Карелин В.Г. Последний отъезд Геннина с Урала / В.Г. Карелин // Третьи Чупинские краеведческие чтения: мат-лы конф., Екатеринбург, 16–17 февраля 2006 г. — Екатеринбург: Свердловская обл. науч. б-ка им. В.Г. Белинского, 2006. — С. 67–72.
11. Татищев В.Н. Записки. Письма, 1717–1750 гг. / Василий Никитич Татищев. — М.: Наука, 1990. — С. 172.
12. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 502. Л. 344.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 921.
14. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 222. Л. 1–2.

15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 220.

16. **Геннин В.И.** Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / В.И. Геннин; авт. вступ. ст. и коммент. М.О. Акишин. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. — 467 с.

17. **Вильгельм де Геннин.** О горных и заводских строениях / Вильгельм де Геннин; сост. Грачев В.Ю. — изд. 2., доп. — Екатеринбург: Грачев и партнеры, 2020. — 496 с.

18. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. 497.

19. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 166–172 об.

20. **Корепанов Н.С.** Фабричные постройки уральских заводов XVIII в. / Н.С. Корепанов. — Екатеринбург: Грачев и партнеры, 2020. — 154 с.

21. **Карелин В.Г.** К истории рукописи «Описания уральских и сибирских заводов. 1734» / В.Г. Карелин // Четвертые Чупинские краеведческие чтения: мат-лы конф., Екатеринбург, 14–15 февраля 2008 г. — Екатеринбург: Б-ка им. В. Г. Беллинского, 2008. — С. 40–47.

22. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 500. Л. 235–236 об.

V.G. Karelin, B.A. Gizhevskii

Publications of G.W. de Gennin “Abrises...”

Abstract. The publications of the Abrises are considered. The issues of authorship of the texts and plans of the Ural plants presented in Abrises the are discussed.

Keywords: Gennin, Abrises, publications, author.

Karelin Vladislav Georg, Candidate of Sciences in Technology, leading researcher, Research Institute of metallurgical heat engineering, Ekaterinburg; e-mail: karelin@lab62.vniimt.ru.

Gizhevskii Boris Alexandrovich, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, M.N. Mikheev Institute of Metal Physics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia), Senior Researcher; e-mail: gizhevskii@imp.uran.ru.

УДК 908

В.В. ЛИТОВСКИЙ¹

О НЕОБХОДИМОСТИ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ПАМЯТИ И УСТАНОВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ВЫДАЮЩИМСЯ УЧЕНЫМ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Аннотация. В контексте сохранения и позиционирования историко-культурного наследия Екатеринбурга за его 300-летнюю историю поднимается проблема увековечивания памяти ученых, внесших вклад в развитие города и региона, установления им памятников.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, Урал, Екатеринбург, памятники ученым.

В Екатеринбурге памятники ученым единичны. Даже, если к такой категории отнести памятник основателям города В.Н. Татищеву и В.Г. де Геннину, а также дворовую скульптуру религиозному мыслителю Ивану Александровичу Ильину, установленную инициативно в 2012 г. при храме во имя Казанской иконы Божией Матери (ул. Шейкмана, 57), то из других можно назвать, пожалуй, лишь памятник изобретателю радио Александру Степановичу Попову, установленный в 1975 г., да установленный по инициативе Общества уральских краеведов в мае 2015 г. бюст Онисима Егоровича Клера — основателя краеведческого музея и Уральского общества любителей естествознания в нашем городе.

Для города, считающего себя научной столицей Урала, это явно недостаточно. Ведь здесь находится Уральское отделение Российской академии наук, а город давно стал одним из ведущих научных центров страны — ключевым научным форпостом, с которого началось изучение не только Урала, но и всей азиатской части России, причем не только отечественным, но и мировым научным сообществом.

Через город в Сибирь, на Дальний Восток, в Китай, к берегам Русской Америки (Аляски) переваливали многие экспедиции, включая и Великие Камчатские во главе со знаменитыми капитан-командорами В. Берингом и А. Чириковым. Их именами, а также именами

¹ Литовский Владимир Васильевич, доктор географических наук, ФГБУН Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Россия), ведущий научный сотрудник Центра развития и размещения производительных сил; e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru.

ученых академических экспедиций город мог бы и вполне гордиться для показа всему миру своего статуса в открытии ойкумены, научных достижений и становления опорного края державы. Тем не менее этот важный ресурс ныне не используется для позиционирования истории города, вместо этого город насыщается скульптурой, отвлеченной от нее. В этой связи представляется правильным в историческом центре Екатеринбурга размещать не праздные скульптуры и их группы на забаву публике, а памятники творцам науки и техники для воспитания у молодежи присущего уральцам духа искателей и первопроходцев, духа Мастера, причем не только в постижении ремесел, но и тайн природы, увлекательного мира науки и техники! Соответственно этому, в сквере у гимназии №9 предлагается установить памятник Великим Путешественникам и Первопроходцам, прошедшим через Екатеринбург и создавшим здесь первые научные форпосты. В частности, на общем постаменте в сквере следовало бы разместить памятники капитан-командорам Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. — В.Берингу и А.Чирикову, а на медном обруче постамента выгравировать имена выдающихся участников ее академического отряда: астрономов-геодезистов — Луи Делиля де ла Кройера и Андрея Красильникова; естествоиспытателя Иоганна Георга Гмелина, историков Герарда Миллера и Иоганна Фишера. Благодаря им Екатеринбург обрел точные географические координаты, вошедшие в первый академический «Атлас Российской» (1745 г.). При Обербергамте была создана первая в городе и азиатской части России Метеорологическая станция, где с 1734 по 1746 г. для уяснения климата Евразии начались системные наблюдения для Санкт-Петербургской академии наук. В 1747–1769 гг. И.Гмелиным была подготовлена многотомная первая в мире по региону естественнонаучная монография «Флора Сибири» (*Flora Sibirica sive historia plantarum Sibiriae*), а в 1751–1752 гг. несколько томов «Путешествия по Сибири» (*Reisen durch Sibirien von 1733–1743*), где оказались и материалы по Уралу, включая Екатеринбург, открывшие город миру. Классикой по истории, а отчасти и по торговле, в азиатской России, включая Урал, стали также «История Сибири» Г.Ф. Миллера и «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» И.Э. Фишера.

Безусловно, что образованию Екатеринбурга также предшествовала поисково-научная проработка распределения в его районе наиболее интересных ресурсов и локаций для горнопромышленного освое-

ния территории, размещения здесь заводов и обустройства необходимых транспортных коммуникаций. В этом отношении на Уктусе следовало бы увековечить память и установить памятники: основателю Уктусского завода А.А. Виниусу (1641–1717) и знаменитому тобольскому картографу С.У. Ремезову (1642–после 1721), впервые положившему это место на карту.

С первым связано системное переосмысление коммуникаций XVII века в связи с потребностями совершенствования транспортно-почтовой логистики и индустриализации края, а также инициация составления «Чертежной книги Сибири» в сочетании со сбором сведений о рудах. Со вторым — составление этой книги с представлением карт и планов дорог, городов, описанием обследованных маршрутов, пригодных для движения почты и продукции горнозаводских центров. Именно благодаря Ремезову с сыновьями на чертежных картах Сибири впервые были нанесены многие уральские поселения и дороги, в том числе и в зоне будущего Екатеринбурга с его окрестностями, что нашло отражение в «Хорографической книге Сибири» (1697–1711) и «Чертежной книге Сибири» (1699–1701) — первом отечественном атласе, представляющем и Урал.

На территории бывшего Нижне-Исетского завода следовало бы разместить памятники его административным и научным кураторам — А.С. Ярцову (1797–1802) и академику И.Ф. Герману (1802–1813). Про Аникиту Сергеевича Ярцова (1736–1819) достаточно сказать, что это не только видный деятель организации горнозаводского дела (главный начальник Канцелярии Главного заводов правления в 1797–1802 гг. в Екатеринбурге и директор высшего Петербургского горного училища), но и выдающийся ученый того времени — автор «Начертания горных уральских заводов (1802), «Опытного рассуждения о вредных и полезных расположениях горнозаводских в Урале» (1804), «Записки о землетрясениях на Среднем Урале в XVIII в.», наконец многотомной «Российской горной истории» (1819) с несколькими томами об Урале.

Член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук Иван Филиппович Герман (Бенедикт Иоганн Франц фон Герман, нем. *Benedict Franz Johann von Herrmann*; 1755–1815), призванный на Урал как крупный специалист по сталелитейному делу и организатор инновационных производств, известен не только созданием Пышминского сталелитейного завода и нового Нижнеисетского завода, но и своими

научными трудами по Уралу и Сибири («Сочинение о сибирских рудниках и заводах»; СПб., 1797–1801), «Описание заводов, под ведением Екатеринбургского горного начальства состоящих» (Екатеринбург, 1809); «Историческое начертание горного производства в Российской империи» (Екатеринбург, 1810), тем, что впервые на Урале инициировал открытие первой в Екатеринбурге типографии и организовал прививки населения против оспы.

Для позиционирования в Екатеринбурге научного наследия XIX в., прежде всего следовало бы обратиться к локации Обсерваторской горки, где с 1836 г. по инициативе академика Адольфа Яковлевича Купфера (1799–1865) — организатора российской системы гео-мониторинга, а также великого Александра фон Гумбольдта и Карла Фридриха Гаусса, был создан ключевой пункт мирового мониторинга окружающей среды на границе Евразии — Екатеринбургская магнитно-метеорологическая обсерватория (ЕММО), ставшая первым центром большой (академической) науки на Урале.

С нею связаны имена целого ряда выдающихся исследователей Урала, Азии и Америки до Пекина и Ситки (Аляска), которым здесь также было бы уместно установить мемориальные доски, а академику Купферу — памятник, макет которого в ходе «Татищевских чтений» на секции краеведов был представлен профессором кафедры композиционно-художественной подготовки УрГАХУ, заслуженным художником Российской Федерации и членом Союза художников России Валентиной Степановной Соколовой, а также Ириной Сергеевной Купфер, связанной с именем академика семейной родословной.

К большому стыду уральцев, фундаментальный труд по уралистике академика Купфера «Путешествие на Урал, предпринятое в 1828 г.» с не менее замечательным «Атласом», изданным в Париже при содействии А. фон Гумбольдта на французском языке («*Voyage dans l'Oural entrepris en 1828*»), на русском языке до сих пор не опубликован. В результате о первых комплексных геофизических исследованиях в городе и на Урале мы по-прежнему узнаем из вторичных, а не оригинальных источников. Мало мы знаем и о том, что данные нашей Обсерватории использовались К. Гауссом для построения его знаменитой общей теории земного магнетизма и написания одноименного фундаментального труда (1838 г.), а сам он А.Я. Купферу направлял приборы его конструкции, оказавшиеся и в ЕММО. Из наиболее известных и знаковых для Екатеринбурга научных деятелей,

связанных с ЕММО, хотелось бы упомянуть основателя Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) Онисима Егоровича Клера, возглавлявшего ЕММО в 1876–1885 гг., и Германа Федоровича Абельса — директора ЕММО (1885–1925), развернувшего не только обсерваторские, но и полевые геомагнитные исследования на Урале, что позволило обнаруживать здесь ранее неизвестные залежи железных руд, а в 1899 г. привело на Урал и в ЕММО, в частности, Д.И. Менделеева, написавшего по результатам его экспедиции фундаментальный труд «Уральская железная промышленность в 1899 г.» (1900 г.). Всем им, конечно, за это следовало бы установить на Обсерваторской горке памятники либо в минимальном варианте — мемориальные доски на постаменте памятника А.Я. Купферу.

Из выдающихся деятелей Уральского общества любителей естествознания у здания бывшего Горного училища (ныне Уральского колледжа им. И.И. Ползунова) памятник установить следовало бы его директору (1862–1882) — первому историку Екатеринбурга — Наркизу Константиновичу Чупину (1824–1882), самому знаменитому знатоку края, автору капитального труда «Географический и Статистический словарь Пермской губернии» (1873).

Из выдающихся ученых XX в., связанных с локацией Обсерваторской горки, следовало бы прежде всего упомянуть первого сейсмолога-женщину на Урале Зинаиду Григорьевну Вейс-Ксенофонову — заведующую при ЕММО сейсмостанцией; она составила здесь каталог землетрясений Урала на инструментальной основе. Здесь же на западном склоне Обсерваторской горки следовало бы установить памятники, а еще лучше Астромузей с мемориальными залами, основателю уральской астрономической школы, а также Русского общества любителей мироведения — Муратову Сергею Владимировичу (1883–1949) и его ученице, продолжившей его дело — Клавдии Александровне Бархатовой (1917–1990). В 1931 г. С.В.Муратов как «мироед» был выслан на Урал, где стал первым заведующим кафедрой астрономо-геодезии и гравиметрии и создал при Обсерваторской горке учебную обсерваторию УрГУ. Второй мемориальный зал в Астромузее следовало бы посвятить профессору, завкафедрой астрономии и геодезии УрГУ, создательнице Коуровской астрономической обсерватории Клавдии Александровне Бархатовой.

В целом вместе с парком — бывшим ботаническим садом УрО РАН, а также территорией учебной обсерватории УрГУ (УрФУ)

и планируемым Астромузеем, Метеогорку следовало бы превратить в Мемориальный комплекс естествоиспытателей Урала и придать ему статус объекта научного наследия мирового значения! Для этого основание сгоревшего здания ЕММО было бы уместно использовать для возведения комплексного мемориала ученым-естествоиспытателям окружающей среды с ареопагом великих ученых, восседающих на постаменте вокруг Глобуса (Купфера, Гумбольдта, Гаусса, Араго, Мурчисона, де Вернейля, Менделеева), а на кольце, охватывающем Глобус или постамент, выгравировать имена всех знаковых деятелей ЕММО: от поручика Рейнке, Клера и Абельсов до современников. Все тропинки в парке следовало бы сделать именными, а сам парк «умным» с целебным, в том числе эстетическим и ароматерапевтическим действием. Не исключено, что со временем эту локацию в городе следовало бы сделать Музеем науки и техники!

Из ученых, заложивших фундаментальные научные школы в Екатеринбурге при Горном институте, при главном корпусе УГГУ (ул. Куйбышева, 30) следовало бы установить памятник Петру Константиновичу Соболевскому (1868–1949) — основоположнику уральской геофизической школы и фундаментальной теории «геометрии недр». С этим местом ученый связан и тем, что по его рекомендации над исходным двухэтажным корпусом для организованной им Службы времени был надстроен третий этаж, где он не только работал, но и жил.

В другой локации комплекса зданий Уральского горного университета: при 4-м корпусе в скверике на ул. Народной Воли, напротив бывшего дома с номером 26 (ныне столовая «Агат») — следовало бы установить памятник выдающемуся уральскому гидрогеологу, разработчику научного обоснования городского водообеспечения и канализации, профессору Модесту Онисимовичу Клеру (1879–1966), знаменитому «дедушке Мо», благодаря геологическим экскурсиям которого для школьников многие из них избрали профессию геолога.

Наконец, из выдающихся ученых геологического профиля памятник в городе следовало бы установить «поэту уральского камня» — первому президенту Уральского филиала Академии наук СССР (1932–1937), всемирно известному геохимику и минералогу — академику Александру Евгеньевичу Ферсману (1883–1945). Локацию памятника ему было бы целесообразным связать с Президиумом УрО РАН или Горно-геологическим институтом (с 1966 г. — Институтом геологии и геохимии) УФАН СССР.

Из ученых-металлургов XX в. в Екатеринбурге прежде всего следовало бы установить памятник Николаю Николаевичу Барабошкину (1880–1935) — автору метода очистки (аффинажа) сырой платины, получившего его имя, руководителю строительства и первому директору Екатеринбургского аффинажного завода (1915–1919), в советское время возглавившему также профильную его тематику кафедру в Уральском госуниверситете (позже Уральском индустриальном институте), а также Научно-исследовательский институт цветных металлов, где впервые в СССР он создал технологии по извлечению из медеэлектролитных шламов редких металлов и в итоге — сделал Екатеринбург столицей аффинажа драгметаллов в России. Памятник ему было бы правильным разместить напротив старого здания завода по обработке цветных металлов (по ул. Шейкмана – Ленина, 6), где располагался и его дом.

Конечно же, Екатеринбург заслуживает и памятника главному металлургу СССР и мобилизационному академику Урала, председателю УФАНа с 1937 по 1953 г. — Ивану Павловичу Бардину (1883–1960). При его деятельном участии в Комиссии при Президиуме АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны в 1942–1943 годах было организовано размещение более двухсот эвакуированных промышленных предприятий, разработан план неотложных мероприятий по черной и цветной металлургии, строительным материалам, лесохимии, электроэнергетике, железнодорожному транспорту и сельскому хозяйству Урала для мобилизации уральской промышленности на нужды фронта, налажена в эвакуации деятельность Академии наук, а после войны на базе отдельных лабораторий в Уральском филиале АН СССР созданы новые институты и отделы, сформированы крупные научные школы. Его труд «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны» актуален и сегодня. Вместе с А.Е. Ферсманом памятник ему следовало бы установить у парадного входа в Президиум УрО РАН.

Памятник еще одному выдающемуся мобилизационному ученому — Николаю Николаевичу Колосовскому (1891–1954) — основателю уральской экономико-географической академической школы, теоретику формирования крупных территориально-производственных комплексов и энергопроизводственных циклов социалистического хозяйства, идеологу проекта Урало-Кузнецкого комбината, связавшего Урал и Сибирь, сделавшего Свердловск городом-комбина-

том — центром уральской индустрии, а в эвакуации здесь — руководителю группы экономических исследований при УФАН, в 1941–1942 гг. решившему сложнейшую проблему по налаживанию оптимального транспортного сообщения между тылом и фронтом, следовало бы установить во дворике перед центральным входом в Институт экономики УрО РАН (ул. Московская, 29)¹.

Безусловно, памятников в городе заслуживают и уральские ученые, превращавшие Екатеринбург–Свердловск в город-сад! Среди них прежде всего следовало бы назвать профессора Уральского университета, а затем политехнического института, декана лесопромышленного факультета, заведующего ботаническим кабинетом и ботаническим опытным участком — Казанского Александра Сергеевича (1885–?) — организатора и научного куратора первого Ботанического сада УрГУ (1921–1932), а затем (с 1936 г.) и первой площадки Ботсада УФАН. Памятник ему было бы правильно установить на месте первого Ботсада УрГУ на аллее, ведущей от ул. 8 Марта к современному Дворцу Спорта.

Еще один памятник такого рода было бы правильно установить создателю первого «умного» целительного сада в России и на Урале при УЛТИ (ныне УЛТУ) — Леониду Ивановичу Вигорову (1913–1976). Разместить его следовало бы в его саду (Уральском саду лечебных культур им. профессора Леонида Ивановича Вигорова), созданном им в 1950-е гг. с целью выявления биологически активных веществ в плодовых культурах. Из выдающихся ученых-зоологов, сделавших очень много для города, следовало бы назвать Владимира Онисимовича Клера (1878–1958), который под идею разведения и охраны в неволе ценного пушного зверя смог «пробить» давнюю мечту горожан — зоопарк и стал его первым научным руководителем. Памятник следовало бы установить в Зоопарке (ул. Мамина-Сибиряка, 189).

Из ученых атомной эры в Екатеринбурге у центрального входа корпуса физико-технического факультета УПИ (ныне Физико-технологического института УрФУ) было бы уместно установить памятник одному из основоположников отечественной радиохимии и основателю уральской научной радиохимической школы, доктору химических наук, профессору Сергею Александровичу Вознесенскому (1892–1958).

¹ Исследование выполнено по плану НИРА Института экономики УрО РАН на 2024 г.: тема №0327-2024-0004

Возле дома по адресу: ул. Малышева, 129, следовало бы также установить памятник другому знаковому ученому ядерной эпохи — Николаю Владимировичу Тимофееву-Ресовскому (1900–1981) — знаменитому «Зубру», в 1955–1964 гг. возглавлявшему отдел биофизики в Институте биологии УФ АН СССР и ставшему одним из грандов мировой науки XX века, основоположником радиобиологии, радиационной генетики и теории микроэволюции, поставившему в ядерный век перед миром глобальную проблему — «Биосфера и Человечество».

В центре Дендропарка при УрО РАН (ул. С.Ковалевской) стоило бы поставить бюсты легендарным советским академиком города: Сергею Васильевичу Вонсовскому (1910–1998), Николаю Николаевичу Красовскому (1924–2012), Виссариону Дмитриевичу Садовскому (1908–1991) и Исааку Яковлевичу Постовскому (1898–1980).

Из выдающихся архитекторов Екатеринбурга в городе обязательно следовало бы установить памятники Михаилу Павловичу Малахову (1781–1842) и Сигизмунду Владиславовичу Домбровскому (1883–1953). Увы, в городе, для которого они столько сделали, не сохранены даже их могилы! Первому из них памятник было бы уместно установить возле его «загородной дачи» (ныне ул. Луначарского, 173А), второму — у входа или в центральной части ЦПКиО им Маяковского, который, кстати, по причине инициации создания и планировки Домбровским, следовало бы назвать его именем.

Было бы правильным подумать и о памятнике Городу, собирающему ученых «унесенных ветром», ведь многие из них, где бы они ни оказались, остались навсегда с городом в сердце! Пришло время собирать, а не терять камни!

Наконец, было бы правильным установить памятник и УРАЛЬСКИМ КРАЕВЕДАМ, без которых знания о крае и Екатеринбурге были и будут всегда неполными!

V.V. Litovskiy

On The Need to Perpetuate the Memory and the Construction of the Monuments to Outstanding Scientists In Ekaterinburg

Abstract. In the context of preserving and positioning the historical and cultural heritage of Ekaterinburg over its 300-year history, the problem

of establishing to scientists who had a significant impact on the development of the city and the region.

Keywords: historical and cultural heritage, monuments, The Urals, Ekaterinburg, monuments to scientists.

Litovskiy Vladimir Vasilievich, Doctor of Geographical Sciences, Leading Researcher, Center for Development and Distribution of Productive Forces, Institute of Economics, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (Ekaterinburg, Russia); e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru.

УДК 008:94(47).084

О.А. ТИТОВА¹

АРХИВНЫЙ ФОНД ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ ЕКАТЕРИНБУРГА

Аннотация. Автор делится опытом применения технологии обработки архивных документов фонда Екатеринбургской городской управы при создании справочника по делам фонда с краткими описаниями дел, фамильным и адресным указателями.

Ключевые слова: историческая застройка, справочник, Екатеринбургская городская управа, фамильный указатель, адресный указатель, краткое описание дела, многоэтапная технология, документы по домовладениям.

Шестьдесят второй фонд ГАСО «Екатеринбургская городская управа» включает в себя комплекс из 82 дел (единиц хранения), с 746-го по 813-е, озаглавленных «Заявления купцов, крестьян, мещан, и других лиц о разрешении строительства, ремонте торговых и жилых помещений» [1]. Документы, сосредоточенные в данных архивных делах, а их более трех с половиной тысяч, содержат много уникальной информации о том, как была устроена жизнь города Екатеринбурга в 1875–1911 гг.: о городских постройках, о жителях города, о взаимоотношениях горожан. Документы в архивном фонде собраны в дела

¹ Титова Ольга Алексеевна, ведущий программист ЗАО «Фармопт» (Екатеринбург, Россия); e-mail: ttkk@list.ru.

по принципу хронологии. Фамильный или адресный указатели отсутствуют. По этой причине найти в этом комплексе документов сведения о конкретном человеке или строении всегда являлось трудоемкой и затратной по времени задачей.

В 2020 году вышел справочник «Екатеринбург и его жители 1875–1911 гг.» [2], который частично помогает эти задачи упростить. Основной целью справочника являлось создание фамильного и адресного указателей к упомянутым делам.

Для того чтобы справиться этой целью в обозримый срок, была разработана многоэтапная технология, базовым элементом которой послужило создание кратких описаний каждого дела в виде таблиц; они содержат шесть колонок: № листа в деле; автор, заявитель; предмет документа (прошения) — это очень кратко, о чем речь в документе; лица, упоминаемые в документе; дата исходящая; адрес или местоположение. Названия колонок в некоторых случаях условны.

Существенную трудность для создания единой структуры таких описаний представлял разноплановый характер документов, сосредоточенных в делах. Большая часть документов, находящихся в данных делах, и представляет собой прошения (объявления) горожан о разрешении постройки домов, надворных строений или различного вида ремонтов; о выделении земли под строительство или о разделе усадебного места для продажи. Однако имеются и документы другого характера. Это жалобы жителей на «неправильные» постройки соседей, донесения квартальных, предписания об осмотре строений, отрывочные фрагменты делопроизводства городской управы, планы строений, переписка между ведомствами и многое другое. По этим причинам названия колонок в некоторых случаях условны, однако этого достаточно, чтобы просто сориентировать человека — о чем документ, когда он создан, кто упоминается и о каком месте в городе идет речь. Далее необходимо было превратить краткие описания дел в указатели. В 2019 г. на Савёловских чтениях в Москве я подробно рассказывала об этих методах, что вызвало большой интерес у исследователей, которые работают с большими фондами по различной тематике [3]. В результате были созданы фамильный и адресный указатели к делам фонда, а также раздел кратких описаний дел, который изначально был задуман как вспомогательный инструмент.

Фамильный указатель представляет собой две колонки. В левой колонке — фамилия, имя, отчество и статус (если все эти сведения

указаны в документах), в правой — номера дел и листов, где эта персона упоминается. Учитывались не только авторы прошений, заявлений, но и люди, упоминающиеся в документах. Написание фамилий принято «как в документе». Если в документах фамилия одного и того же человека несколько раз написана по-разному, то и в указателе она будет фигурировать несколько раз в разном написании в разных местах фамильного указателя. Всего фамильный указатель содержит более 6900 фамилий екатеринбуржцев.

Адресный указатель. Местоположение усадеб и домов описывалось в документах в разные годы по-разному. Понятие адреса в современном виде: «Улица, номер дома» сформировалось не сразу. Особенно это касается более ранних дел (серии 740-х и 750-х). Примеры: «по Успенской, 1 часть, 2 участок», «2 Набережная у заводского пруда»; «рядом с Обсерваторской»; «в квартале между Архиерейской и Спаской», и т.п.

Несмотря на имеющиеся недостатки, справочник востребован краеведами и музейщиками, историками архитектуры с точки зрения изучения исторической застройки города. После выхода справочника, по отзывам сотрудников архива ГАСО, дела по домовладениям фонда городской управы стали использоваться гораздо активнее.

Хотя наиболее объемный массив документов по домовладениям в государственном архиве Свердловской области и вошел в справочник, но хорошо известно, что подобные документы имеются также в 8-м и 25-м фондах ГАСО. И еще есть дела 74-го фонда ГАСО (т. н. Коротковского). Количество документов подобного плана в этих фондах существенно меньше, чем в 62-м фонде. Вышедшая книга-справочник не идеальна, но ее создание дало бесценный опыт и технологию. Если найдется заинтересованный исследователь, который возьмется за подобную работу по оставшимся делам, я готова поделиться технологией. Я призываю историков и краеведов ликвидировать этот пробел!

Библиографический список

1. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 746–814
2. **Титова О.А.** Екатеринбург и его жители 1875–1911 : справочник / авт.-сост. О.А. Титова. — Екатеринбург, 2020. — 697 с.
3. **Титова О.А.** Об опыте создания справочника «Екатеринбург и его жители 1875–1911» по фонду городской управы ГАСО / О.А. Титова // Генералогический вестник. — 2020. — Вып. 62. — С. 85–91.

О.А. Titova

The Ekaterinburg City Council Archival Fund as a Source on the History of Residential Development in Ekaterinburg

Abstract. *The author shares his experience of using the technology for processing the archived document collection of the Ekaterinburg City Government Foundation when creating a directory of foundation affairs with brief descriptions of cases, family and address indexes.*

Keywords: *historical buildings, directory, Ekaterinburg city government, Family Index, Address Index, brief description of the case, multi-stage technology, documents on households.*

Titova Olga Alekseevna, *lead programmer, ZAO "Pharmopt" (Ekaterinburg, Russia); e-mail: ttkk@list.ru.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авт. — автор
 альм. — альманах
 Архив КМО — Архив Кунгурского муниципального округа
 б. и. — без издателя
 б-ка — библиотека
 Вестн. — вестник
 ВОО — всероссийская общественная организация
 Вып. — выпуск
 газ. — газета
 ГАПК — Государственный архив Пермского края
 ГАСО — Государственный архив Свердловской области
 ГАУК — государственное автономное учреждение культуры
 гос. — государственный
 ГПБ — Государственная публичная библиотека
 Д. — дело
 док. — документы
 доп. — дополнения, дополненный
 Е. И. В. — Его Императорского Величества
 ЕГРОКН — Единый государственный реестр объектов культурного наследия
 (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации
 ЕМЖТ — Екатеринбургский музей железнодорожного транспорта
 избр. — избранный
 изд. — издатель, издание
 изд-во — издательство
 ИИиА — Институт истории и археологии
 им. — имени
 ин-т — институт
 кн. — книга, книжный
 конф. — конференция
 Л. — Ленинград
 Л., л. — лист (перед числом)
 М. — Москва
 мат-лы — материалы
 МАУК — муниципальное автономное учреждение культуры
 МБУК — муниципальное бюджетное учреждение культуры
 м-во — министерство
 моногр. — монография
 НАРК — Национальный архив Республики Карелия
 науч. — научный
 нач. — начало
 НИИ — научно-исследовательский институт
 об. — оборот
 общ. — общий
 обществ. — общественный
 Оп. — опись

отв. — ответственный
 перераб. — переработанное
 РАН — Российская академия наук
 РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
 РГИА — Российский государственный исторический архив
 РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
 ред. — редактор
 ред. — редактор, редакция
 репрод. — репродукция
 С., с. — страница
 сб. — сборник
 Сер. — серия
 СО — Свердловская область
 собр. — Собрание
 СОКМ — Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера
 сост. — составитель
 СПб. — Санкт-Петербург
 справ. — справочник
 Сред.-Ур. — Средне-Уральское
 ст. — статья
 Т., т. — том
 тип. — типография
 ун-т — университет
 УрГАХУ — Уральский государственный архитектурно-художественный
 университет
 УрО — Уральское отделение
 УРФУ — Уральский федеральный университет им. первого Президента России
 Б.Н. Ельцина
 Ф. — фонд
 фак. — факультет
 ФГАОУ ВО — федеральное государственное автономное образовательное
 учреждение высшего образования
 ФГБУК — федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
 ФГБУН — федеральное государственное бюджетное учреждение науки
 ФЗ — Федеральный закон
 ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив
 Санкт-Петербурга
 ЦГИАМ — Центральный Исторический архив Москвы
 ЦДОСО — Центр документации общественных организаций
 Свердловской области
 Ч., ч. — часть
 электрон. — электронный
 энцикл. — энциклопедия
 ЮНЕСКО — специализированное учреждение Организации Объединенных Наций
 по вопросам образования, науки и культуры

Научное издание

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЕ ТАТИЩЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Всероссийская научно-практическая конференция

(Екатеринбург, 16–18 ноября 2023 года)

Материалы

Часть 2

Главный редактор издательства Е.Ф. Тамплон

Технический редактор Е.В. Кузьмина

Верстка И.С. Ленский

Корректор Л.И. Сушкова

Подписано в печать 01.07.2024. Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Бумага ВХИ. Гарнитура Minion.

Печать офсет. Усл. печ. л. 21,59. Уч.-изд. л. 17,2. Тираж 300. Заказ 739.

ООО «Издательство КВАДРАТ»

620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 21/3 - 83

тел.: (343)219-07-67, e-mail: aquapress@mail.ru

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: sales@uralprint.ru